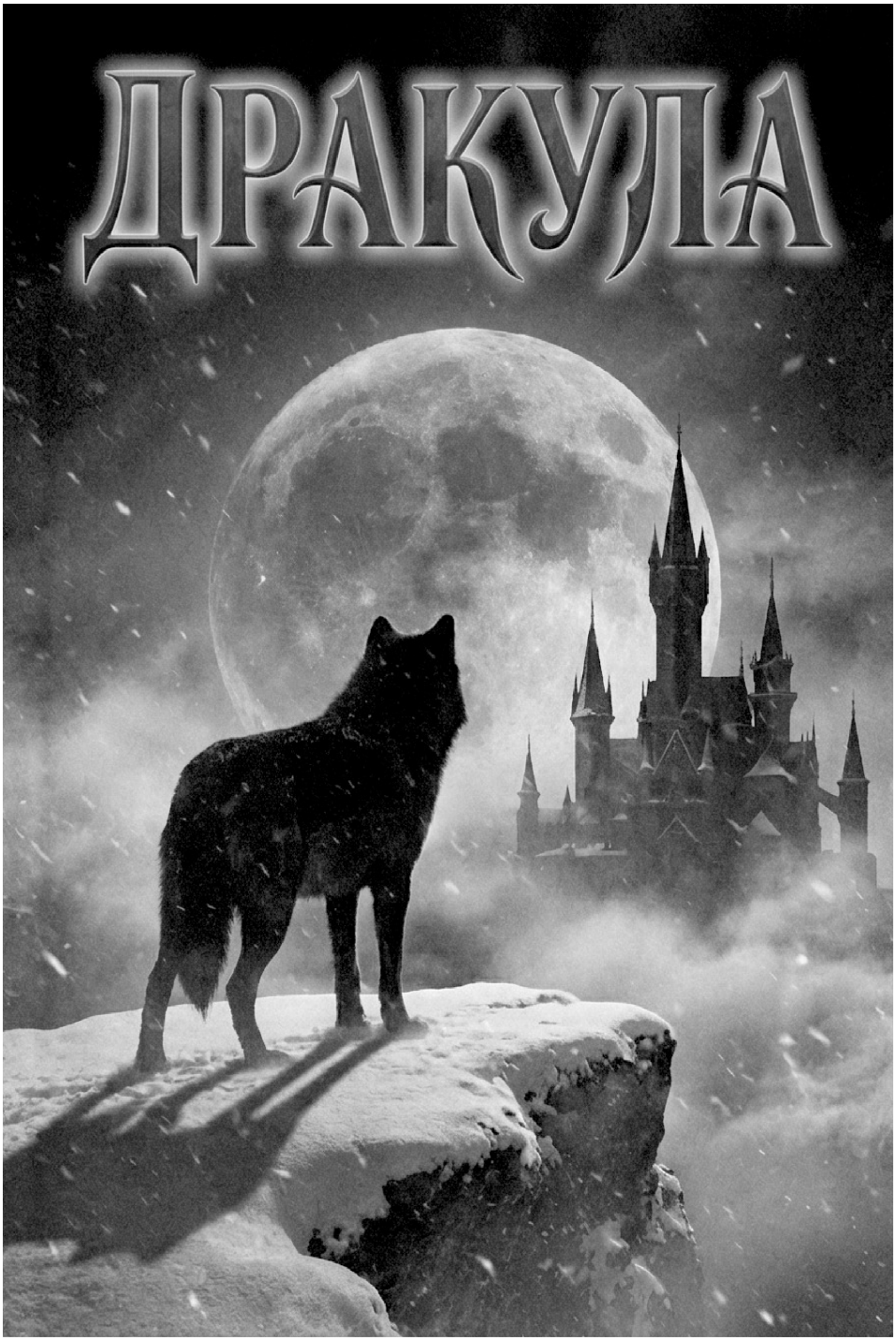

ДРАКУЛА

Об иллюстрациях:

Иллюстрации в этом издании созданы с помощью искусственного интеллекта. Каждая картинка уникальна и сгенерирована специально для этой книги на основе текста произведения.

Изображения, созданные ИИ, могут содержать небольшие неточности — это особенность технологии. Мы надеемся, что это не испортит ваши впечатления от чтения. Мы постоянно работаем над улучшением качества иллюстраций.

—

Полезные ссылки:

taplink.cc/chitai

По ссылке выше вы найдёте ресурсы, где мы выкладываем подобные работы бесплатно и способы поддержать проект если вам понравилось и вы хотите больше подобных книг.

—

Мы искренне желаем вам насладиться данным произведением и надеемся, что наши иллюстрации помогут вам погрузиться в его мир.

Брэм Стокер

Дракула

Bram Stoker DRACULA
Предисловие, комментарии и перевод с английского Т. Красавченко
Оформление серии Степана Костецкого
Рисунок на переплете: JJs / Alamy / Legion Media.

Серия «Яркие страницы»
© Красавченко Т., перевод, предисловие, комментарии, 2021
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

* * *

Брэм Стокер и его романы: «Дракула»[1] и «Сокровище семи звезд»

Вместе с романом Брэма Стокера «Дракула», опубликованным в 1897 году, в западную культуру вошел образ необычайной символической силы, органично вписавшийся в мифологию XX столетия. С начала XX века не прекращаются переиздания романа, ставшего бестселлером. Он переведен на многие языки мира. После 1922 года, когда немецкий режиссер Ф. Мурнау поставил по роману первый фильм ужасов, начинается кинематографическая «эпидемия» «Дракулы». Создано уже более ста киноверсий приключений графа и его двойников (среди них фильмы известных режиссеров – Романа Полански, Вернера Херцога, Фрэнсиса Форда Копполы[2]).

Дракула сошел со страниц романа и начал самостоятельную жизнь в массовом сознании, возник один из самых популярных мифов XX века – миф о вампиризме. Все это несколько затмило первоисточник – роман Брэма Стокера.

Тем не менее это произведение английской литературной классики, возможно, – самый значительный «роман ужасов» на английском, да и не только на английском языке.

Но если персонаж – Дракула затмил роман, то в еще большей тени оказался его создатель. В сущности, Стокер, как справедливо заметил один из его биографов, наименее известный автор одной из самых знаменитых книг.

* * *

О Брэме (полное имя Абрахам) Стокере действительно известно немного. Родился он 8 ноября 1847 года в Клонтарфе, к северу от Дублина, в многодетной семье (он был третьим из семи детей) скромного, нечестолюбивого ирландского чиновника. До семи лет Брэм был прикован к постели – не мог ходить, почему – так и не удалось установить, но, судя по его полному выздоровлению в дальнейшем, спортивным успехам в школе и особенно в университете,

вероятно, причина болезни была скорее психическая, чем физическая. В дальнейшем Стокеру, как и многим людям, пережившим в детстве тяжелую болезнь, свойственна невероятная жажда жизни, деятельности, желание быть в центре событий.

Выходец из протестантской семьи (в Ирландии, тогда входившей целиком в Великобританию, преобладал католицизм), он учился в Дублине в протестантском Тринити-колледже, который окончил с отличием по курсу математики. Необходимость помочь родителям, испытывавшим материальные затруднения, заставила его пойти по стопам отца – стать чиновником, а также давать уроки. Едва ли это было подходящее приложение сил для энергичного Брэма. Он получил степень магистра искусств, возглавил историческое общество в своем колледже, начал писать рассказы (первый из них был опубликован в 1872 г.), стал театральным рецензентом дублинской газеты «Ивнинг Мейл».

Еще студентом в Королевском театре Дублина он впервые увидел приехавшего на гастроли актера Генри Ирвинга (для англичан в XIX веке этот актер был тем же, кем Лоуренс Оливье – в XX веке). Десять лет спустя Ирвинг вновь выступил в Дублине в «Гамлете». Стокер опубликовал в «Ивнинг Мейл» восторженную рецензию и был приглашен Ирвингом за кулисы. Началась их многолетняя дружба, определившая ход дальнейшей жизни Стокера. В декабре 1878 года Стокер принял предложение Ирвинга стать директором-распорядителем его театра «Лицей» и с радостью оставил чиновничью службу. Он женился на девятнадцатилетней дублинской красавице Флоренс Балкомб (среди ее отвергнутых поклонников был Оскар Уайльд), молодая чета переехала в Лондон, где поселилась в модном районе Челси. А через год у них появился единственный сын Ноэл.

Театральная жизнь захватила Стокера. Помимо управления повседневным бытом театра, он организовывал гастроли в провинцию, несколько раз в Америку и Канаду. Он целыми днями пропадал в театре, что позволило позднее одному из критиков пошутить: дескать, Стокер больше женат на Ирвинге, чем на Флоренс. Он не мог сосредоточиться на своих литературных произведениях, отработать их, порой в них видны следы рассеянности, небрежности, встречаются несообразности, которые, тем не менее, не влияют на впечатление в целом, но порой у внимательного читателя могут вызвать недоумение.

Очевидно, что на протяжении всей жизни Стокеру было свойственно почти мальчишеское восхищение сильными и знаменитыми, что явно проступает в его мемуарах. По воспоминаниям

сына Ирвинга, Лоуренса, общение со знаменитостями не просто льстило Стокеру, оно придавало ему уверенность в себе, служило источником вдохновения, энергии. Будучи физически сильным человеком, он, однако, не обладал сильным характером, его жизнь определяли другие, более сильные люди – сначала мать, затем Ирвинг. После его внезапной смерти в 1905 году Стокер растерялся – на 58-м году жизни он оказался без постоянного дохода. Попробовал вести коммерческие дела американской певицы, но из этого ничего не вышло; тогда он стал зарабатывать пером.

Он продолжал участвовать в светской жизни, присутствовал на свадьбе Уинстона Черчилля, но состояние его здоровья ухудшалось. После смерти Ирвинга с ним случился удар, стало слабеть зрение. 20 апреля 1912 года Брэм Стокер умер в Лондоне в возрасте 64 лет. Его смерть осталась почти незамеченной на фоне трагических известий о гибели «Титаника». Некролог напечатала лишь газета «Таймс». О Стокере говорилось в основном в связи с Ирвингом, в тени которого он жил и умер, и лишь вскользь – как о мастере «страшной, бросающей в дрожь прозы».

Из его восемнадцати книг лишь три, наряду с «Дракулой», были «романами ужасов»: «Сокровище семи звезд» (1903), «Леди в саване» (1909), «Логово белого ящера» (в других переводах «Логово белого червя», 1911). В основном он писал сентиментальные романы, а известность получил как автор двухтомника «Личные воспоминания о Генри Ирвинге» (1906) и книги «Знаменитые обманщики» (1910), куда, помимо рассказов о самозванцах, мошенниках, колдунах, ведьмах, вошли рассказы об австрийском враче Ф. Месмере, разработавшем учение о «животном магнетизме», излечивающем болезни. В 1914 году вдова Стокера опубликовала книгу «“Гость Дракулы” и другие странные рассказы», где были представлены и главы, не вошедшие в роман.

* * *

Стокер – чиновник, театральный критик и администратор, юрист, писатель – был человеком своего времени, викторианским джентльменом, для которого хорошие манеры, соблюдение норм поведения, рыцарское отношение к женщине были основополагающими. Естественно возникает вопрос: как объяснить, что такой образцовый, благородный джентльмен был столь склонен к созданию «романов ужасов» и «страшных рассказов»? Но, видимо, не зря современники сравнивали «Дракулу» с «Удольфскими тайнами»

королевы английского готического романа Анны Радклиф. Как ни парадоксально, но именно в благопристойной и добропорядочной Англии расцвел в XVIII–XIX веках жанр «романа ужасов». Пожалуй, он и ныне живет там: ведь, скажем, детективы Агаты Кристи – это тоже его разновидности. Разве страшные тайны, кошмарные убийства не таятся за фасадами элегантных британских особняков и милых, уютных домиков, вдруг открываясь читателю?

Принято считать, что «готический роман» возник в XVIII веке как отклик на «политическую травму» кровавой Французской революции. В ужасе перед тем, что происходит у соседей и вполне может перекинуться на Британию (тем более прецедент уже был – первая европейская буржуазная революция XVII века в Англии подала Европе пример цареубийства), англичане начали усиленно культивировать этику самоконтроля, самодисциплины, кодекс «леди» и «джентльмена», особый вид цивилизованности в противовес хаосу, вульгарности, разгулу человеческих страстей. И преуспели в этом. Но как быть с естественными, страстными проявлениями человеческой природы? Подавляемые, загоняемые вглубь как нечто неподобающее, непристойное, пагубное, они накапливались исподволь и все равно неизбежно прорывались, в частности в литературе – в романах ужасов, в макабрическом мироощущении их авторов, обостренно чувствовавших противостояние светлых и темных начал человеческой природы, добра и зла в жизни.

Стокер хорошо знал готико-романтическую литературу, в частности Ч. Мэтьюрина, в романе которого «Мельмот-скиталец» (1820) герой подписал договор с дьяволом и осужден на вечную жизнь, «Ленору» Бюргера, «Старуху из Беркли» Р. Саути – о призраках, о ведьмах, пожирающих людей. Несомненно, была известна Стокеру и «вампирская линия» готической прозы – «Вампир» Джона Полидори, «Варни-вампир, или Празднество крови» Дж. М. Раймера (Т. П. Преста), хотя едва ли они заслуживают особого внимания. От обычной «вампирской» прозы «Дракула» отличается прежде всего фольклорной и подлинной исторической основой.

Очевидно, сыграла свою роль восприимчивость Стокера к фольклору с детства, когда мать рассказывала ему ирландские легенды и мифы. Среди его дублинских знакомых были сэр и леди Уайльд, родители Оскара Уайльда, – знатоки и издатели ирландского фольклора. Среди источников романа Стокера – антология индийского фольклора о вампирах «Викрам и вампир», переведенная на английский его другом – востоковедом Ричардом Фрэнсисом

Бёртоном, и «Золотая ветвь» (1890) Джорджа Фрейзера. Со своим старым другом Холлом Кейном, знатоком фольклора острова Мэн, интересовавшимся оккультными явлениями (ему посвящен «Дракула»), Стокер скоротал не одну ночь, обсуждая проблемы потустороннего мира.

В 1893 году Стокер отдыхал в Шотландии, в местечке Круден-Бей, на берегу Северного моря, где на краю обрыва стоял замок и открывался один из самых «готических» пейзажей в Британии. Местные жители, с которыми Стокер любил поговорить, были крайне суеверны. У них сохранялся обычай оставлять часть земли под паром, чтобы духи, посещавшие живых в определенное время года, могли воспользоваться диким овсом. Стараясь отвадить их от дома, им выставляли еду, козье молоко, зажигали огни. Боязнь «живых мертвецов» заставляла жителей запирать кошек и кур перед похоронами на случай, если среди них окажутся злые духи. Чтобы покойный не возвращался домой, его везли на кладбище окольными путями, а часть еды, заготовленной на поминки, откладывалась, чтобы поддержать отошедшую душу на ее пути в мир иной. На глаза клали медяки, на грудь – соль в мешочке, зеркала завешивали. После посещения Круден-Бей тема возвращения мертвых, тревожащих живых, стала постоянной в творчестве Стокера.

Воздействовала на Стокера и реальность. Среди его лондонских соседей был известный поэт и художник Данте Габриэль Россетти, жена которого Элизабет Сиддел умерла в 1862 году, приняв слишком большую дозу настойки опия. Ее похоронили на Хайгейтском кладбище вместе с рукописным томиком стихов, посвященным ей мужем и завернутым в ее золотистые волосы. Семь лет спустя он захотел вернуть стихи, и осенним вечером 1869 года друзья раскопали могилу при свете фонарей. Труп почти не изменился, золотистые волосы заполняли гроб. Этот эпизод произвел сильное впечатление на Стокера и наложил отпечаток на кладбищенские сцены в «Дракуле».

А осенью 1888 года Лондон, напуганный кровавыми преступлениями Джека-потрошителя, был охвачен паникой: лондонцы почувствовали запах крови, в газетах замелькали сравнения с вампирами.

* * *

Предполагается, что писатель был членом магического Ордена – «Золотая Заря», оккультной организации (или, по крайней мере, близок к его окружению), существовавшей в Великобритании во

второй половине XIX – начале XX века, практиковавшей теургию, магию, алхимию. Возможно, что в «Дракуле» Стокер видел не «роман ужасов», а произведение, содержащее сложную систему оккультных символов, воплощающих сокровенный смысл истории о вампире.

* * *

Стокер побывал во всех описанных в «Дракуле» местах, пожалуй, кроме Трансильвании. В августе 1890 года он был в Уитби. Надписи на могильных плитах в романе подлинные, фамилию старика – бывшего моряка писатель позаимствовал с одного из надгробий. Он говорил с местными жителями, слушал рассказы старых моряков о морских трагедиях, кораблекрушениях, просматривал метеорологические сводки, вахтенные журналы. В Уитби 24 октября 1885 года действительно произошло кораблекрушение русской шхуны «Димитрий». В библиотеке Уитби Стокер обнаружил «Описание провинций Валахия и Молдова» (1820) британского консула в Бухаресте Уильяма Уилкинсона, где говорилось и о валашском воеводе Дракуле. Писатель хорошо знал работы Эмилии Лазовской-Джерард (книгу «Страна за лесами» и статью «Трансильванские суеверия» – об истории, народных обычаях и повседневной жизни в Трансильвании в 1880-е годы) и использовал их в первых главах романа.

Как и его герой Джонатан Харкер, Стокер работал в библиотеке Британского музея, собирая материалы о Трансильвании и Дракуле. Еще раньше, в апреле 1890 года, он познакомился с профессором Будапештского университета Арминием Вамбери, видным историком и востоковедом, ориентировавшим его на Трансильванию и Дракулу. Сама история Трансильвании, особенно времен Дракулы, превосходит все «романы ужасов», вымысел бледнеет перед реальностью.

При жизни Дракула был широко известен в Европе, но потом забыт. Когда Стокер написал свой роман, мало кто из его читателей знал, что существовал реальный Дракула. Историки довольно долго не могли осознать, что Дракула-злодей и Дракула, героически боровшийся с турками, – это одно и то же лицо.

Подлинный Дракула, Влад Цепеш, воевода Валахии в XV веке, послуживший прототипом героя романа Стокера, не был вампиром в буквальном смысле этого понятия, но в метафорическом – несомненно (слово «вампир» уже в XVIII веке использовалось в английском языке метафорически, как прозвище тирана, сосущего жизнь из людей): он был кровавейшим из европейских тиранов, позаимствовавшим у турок

свой излюбленный вид пыток – сажание на кол. На его счету – около ста тысяч жертв, пятая часть населения Валахии того времени. Масштабам его злодеяний уступает даже Иван Грозный, с которым у него много общего.

Примечательно, что среди подлинных документов, сохранившихся с конца XV века, есть и русская история Дракулы, которую Н. М. Карамзин назвал «сказкой», являющейся, по сути, одним из ранних отечественных романов. Записал ее монах Ефросин из Кирилло-Белозерского монастыря в 1490 году, скопировавший ее, по его словам, с другой рукописи. Автором ее был Федор Курицын, русский дипломат при венгерском дворе в 1480-е годы. Монах пишет, что более ранний автор видел одного из сыновей Дракулы. Но кто бы ни был более ранний автор, на него явно бóльшее впечатление произвело вероотступничество Дракулы, переход его из православия в католицизм, чем его злодеяния. В рукописи Дракула представлен как «жестокий, но справедливый деспот», он жесток по критериям среднего, обычного человека, но все, совершенное им, необходимо для пользы государства. Рукопись была явно ориентирована на оправдание русского самодержца той поры – Ивана III. Так из глубины веков доносятся до нас столь знакомые аргументы.

* * *

Несмотря на то что Стокер не был в Трансильвании, он очень точно описал ее – и Бистрица, и ущелье Борго действительно существуют. Многие его поклонники повторяли путь одного из основных персонажей, Джонатана Гаркера, – из Клужа в Бистрицу, из Бистрицы в ущелье Борго – и пытались найти замок Дракулы, но безуспешно.

Американские историки Реймонд Макнелли и Раду Флореску, авторы нескольких книг о Дракуле, установили, что более всего описанию замка Дракулы в романе соответствует замок в Хунедоаре – Яноша Хуньяди, его старшего современника, знаменитого воеводы Трансильвании, регента Венгерского королевства, в 40–50-е годы XV века возглавившего борьбу с турецким игом в Юго-Восточной Европе. В этом замке, построенном в 1260 году и ныне восстановленном, Хуньяди принимал Дракулу как союзника и друга в 1452 году и как врага – в 1462-м. Со своими маленькими башенками, массивными стенами и поднимающимся мостом он кажется идеальным местом обитания Дракулы и вампиров.

Замок же самого Дракулы, точнее, его руины, Р. Макнелли и

Р. Флореску нашли высоко над берегом реки Арджеш. В одной из старинных валашских хроник описано, как Дракула строил его: на Пасху, когда все жители его столицы Тырговиште – бояре, купцы, ремесленники – веселились, пировали, молодежь плясала, Дракула отдал распоряжение окружить бояр; всех стариков посадили на кол, а тех, кто помоложе – человек триста, – вместе с женами и детьми в праздничных одеждах погнали к реке Арджеш и заставили строить замок. Это были соотечественники Дракулы – валахи. Так Дракула убил сразу двух зайцев – разделался с политическими противниками и использовал даровой труд – исторические параллели напрашиваются сами собой. В 1462 году, после бегства Дракулы в Трансильванию, замок частично разрушили турки, а завершили разрушение землетрясения в 1913 и 1940 годах.

Дракула использовал и другие приемы политического террора, хотя Макнелли и Флореску приводят румынские предания о том, что иногда таким образом Дракула пытался внедрить в княжестве общественную мораль: порядок, дисциплину, честность.

Конечно, Дракула производит впечатление патологической личности. Но следует помнить, что он провел в тюрьме больше времени, чем на троне. Он попал в плен к туркам, когда ему было лет пятнадцать. Отца его убили. Брата похоронили заживо. Кузен, его друг, предал его. Он хорошо постиг науку унижений, предательств, рано понял, что человеческая жизнь стоит дешево. Его преследовали турки, венгры, немцы. Все это не оправдывает его, но помогает понять, что кровь рождает кровь, смерть – смерть.

Стокер позволил себе отклонение от исторической истины, сделав Дракулу выходцем не из Валахии, румынского княжества, а из Трансильвании, венгерской провинции. «Продвижение» Стокером Дракулы к северу – в Трансильванию – было, видимо, намеренным: у Трансильвании была репутация «земли вампиров», венгерский фольклор о вампирах был богаче румынского. Стокер читал также «Книгу об оборотнях» Сабина Бэринг-Гулда, содержавшую описание жизни венгерской «кровавой графини» Елизаветы Батори (1560–1614), знаменитой массовыми убийствами молодых девушек: она считала, что их кровь может вернуть ей молодость. Вероятно, одна из причин, по которым Стокер выбрал Трансильванию местом действия романа, состояла в том, что для большинства западных европейцев, особенно англичан, это буквально и символически неведомая «земля за лесами» (таков перевод слова «Трансильвания»), где может быть все, что угодно, в том числе и вампиры.

Фольклор о вампирах известен не только в Трансильвании, но и в Тибете, Индии, Северной Африке, на Борнео, в Японии, Северной и Южной Америке, Полинезии, Австралии, Непале… Легенды о мертвых, пьющих кровь живых и тем самым поддерживающих свою жизнь, присутствуют почти в каждой культуре. Понятие о вампиризме основано на вере в жизнь после смерти и в магическую силу крови как эликсира жизни. Самые древние источники о вампирах – на Востоке. Этимологически слово «вампир» связано с сербским «вампир», в России – «упырь» (именно таково название известной повести А. К. Толстого о вампире). В Центральной Европе, особенно в Трансильвании, которая несколько веков была полем борьбы между турками и христианами, языческое содержание легенды о вампире приобрело христианскую оболочку, что и привлекло Стокера, использовавшего это в своем романе.

Привлекла его и многозначность слова «Дракула», означавшего по-валашски не только дракона, но и дьявола. В пограничных румыно-немецких районах вампиров часто представляют как драконов-змеев. Совмещение образов дьявола и дракона в христианской мифологии, а этимологии «вампира» и «дьявола» в разных языках привело Стокера к отождествлению Дракулы с вампиром.

Кроме того, у Стокера были свои основания считать Влада Цепеша вампиром: ему отрубили голову, обычно так убивали вампиров; его могила в монастыре в Снагове оказалась пустой; возможно, он сам покинул ее. Стокеру было известно и предание о том, что Цепеш реально не умирал. Очень плохие люди (как писал еще Платон в трактате «Федон») обычно после смерти превращались в вампиров, а одержимость Цепеша кровопролитием, естественно, наводила на мысль о вампиризме.

* * *

Одна из причин, по которым «Дракула» стал классическим в жанре романа ужасов, – это мастерство изображения самого Дракулы. Остальные персонажи романа – смертные – рядом с ним выглядят бледновато. Никто из них ему неровня, лишь все вместе они сильны и могут противостоять ему.

Дракула – орудие, ученик дьявола или сам дьявол, антихрист: Христос – скромный плотник, Дракула – тщеславный аристократ, Христос – источник света и надежды, он воскрес на рассвете, Дракула воскресает на заходе солнца, его стихия – тьма. Смерть распятого Христа стала началом его возрождения; для вампира быть

пронзенным, «распятым» колом означает окончательную смерть и забвение. Христос отдал свою жизнь за других, Дракула забирает жизнь других, чтобы жить самому. Противостояние Христа и Дракулы очевидно: граф отшатывается от распятий, святых даров и других символов христианства. Возможно, одна из целей романа – утвердить существование Бога в век, когда ослабление христианской веры вызвало споры, что же ждет человека после смерти. Поиск бессмертия – в центре и другого знаменитого романа той поры – «Портрет Дориана Грея» (1891) Оскара Уайльда.

В подтексте романа Стокера – полемика с дарвинистами, сторонниками теории эволюции (прежде всего Т. Г. Гексли), проповедовавшими материализм, убежденными в том, что все сводимо к материи: нет Бога, нет и души, духовная деятельность эквивалентна деятельности мозга. Материализм противостоял самой сущности христианства, основанной на представлении о дуализме человека: физическая его оболочка смертна, душа бессмертна. Дракула – активный материалист, он предлагает человечеству бессмертие не души, а тела. Как и все вампиры, он лишен души, его занимает только физическое бытие. Один из персонажей романа – «ученик» Дракулы Ренфилд – подражает ему и сосредоточен на бессмертии тела. В программе, предлагаемой Дракулой человечеству – превращении всех в вампиров, – представлен эволюционистский апокалипсис.

Девяностые годы XIX века, когда Стокер работал над «Дракулой», – время расцвета психоанализа, Фрейд начал свои исследования. Ныне критики настойчиво предлагают фрейдистские толкования романа, предварившего, по их мнению, попытки психоанализа раскрыть душу человека, проникнуть в ее тайны. Роман выводит на поверхность глубинные, темные страхи и желания человека, подтверждает важнейшее положение теории Фрейда: не следует пренебрегать эротическим началом как одним из источников психической энергии человека. Эротичны взаимоотношения героев с вампирами и сами вампиры, а отношения между людьми – Миной и ее мужем, Люси и тремя ее поклонниками – «одухотворены» до предела. В линии с вампирами проступает то, что англичане-викторианцы загоняли вглубь, подавляли. Вампиризм ассоциируется не только со смертью и бессмертием, но и с сексуальной стороной жизни человека, эротизмом.

То, что действие романа частично происходит в психиатрической лечебнице, а среди персонажей – практически два врача-психиатра, свидетельствует об интересе Стокера к подсознанию человека,

пограничным и запредельным его состояниям. Как и другие персонажи готических романов, Дракула – воплощение зла, безумия, мучений, таящихся в самом человеке. Возможности и пределы человеческой психики, сумасшествие – эти темы занимают существенное место в романе. Один из его персонажей, ученый, доктор Авраам Ван Хелсинг (его порой считают подлинным героем романа, тем более что его имя совпадает с именем автора: Брэм – сокращение от Абрахэм), сочетающий научные занятия и ватиканские контакты, то есть основные начала западноевропейской цивилизации, замечает: «Все люди безумны в той или иной форме». Причину популярности Дракулы иногда видят именно в том, что люди опознают в нем скрытые глубины самих себя.

Обращают на себя внимание значащие имена в романе: например, «Мина», прочитанное наоборот, близко к латинскому «анима» – «душа», лорд Годалминг можно расшифровать как «Бог всемогущий» или «милостивый».

* * *

Часто ли история подтверждает оценку, данную матерью сыну? Но вот что писала Шарлотта Стокер своему сыну Брэму после выхода «Дракулы» в свет: «Мой дорогой, «Дракула» великолепен, он оставил на тысячи миль позади все, что ты написал прежде, и я чувствую, ты займешь высокое положение среди современных писателей… Ни одна книга после «Франкенштейна» миссис Шелли даже не приближалась к твоему роману по оригинальности или ужасу…»

Миссис Стокер была права: ее сын написал уникальную книгу.

Дракула, а вместе с ним и сам роман обретают предупреждающе-пророческое звучание в преддверии XX века с его ярко выраженными некрофильскими устремлениями, то есть тягой к смерти, разрушению, подавлению живого.

Более того, несмотря на победу Ван Хелсинга и его «команды», Брэм Стокер по-своему развенчивает XIX век (тут можно подставить XX, XXI век), о котором Осип Мандельштам в эссе «Девятнадцатый век» (1922) писал, цитируя Шарля Бодлера: «Шатром гигантских крыл он пригвожден к земле», имея в виду познавательные силы как гигантские крылья XIX века. Джонатан Гаркер, находясь в замке Дракулы в Трансильвании, в ужасе от того, что наблюдает, восклицает изумленно: «На дворе девятнадцатый век – век науки и прогресса!» Нечто подобное испытывают и его друзья, и великий ученый Ван Хелсинг, ибо, в сущности, в романе, помимо всего прочего,

происходит столкновение ограниченного рацио человека, бесконечно стремящегося к познанию, с таинственным, мистическим, паранормальным, с Природой; роман напоминает о том, что так и остается неразгаданной главная загадка – смерть и то, что после нее.

* * *

В 1900-х годах роман Стокера неоднократно переводили в России. Александр Блок, прочитавший один из этих ранних переводов (возможно, 1902 г.), писал своему близкому другу, поэту Евгению Иванову 3 сентября 1908 года: «Во-первых, прочел я “Вампира – графа Дракула”. Читал две ночи и боялся отчаянно. Потом понял еще и глубину этого, независимо от литературности и т. д. Написал в “Руно” юбилейную статью о Толстом под влиянием этой повести. Это – вещь замечательная и неисчерпаемая, благодарю тебя за то, что ты заставил, наконец, меня прочесть ее»[3].

В сентябре 1908 года Блок в эссе «Солнце над Россией», опубликованном в московском символистском журнале «Золотое руно» к восьмидесятилетию Льва Толстого, писал о вампирических силах, таящихся в прошлом и настоящем России и подстерегающих ее лучших людей. От этого кошмара ее заслонял Лев Толстой как высшее воплощение жизненных сил, но и он был в опасности. Один из сквозных мотивов эссе – мотив упыря. Победоносцев, много навредивший Толстому, ухвативший «кормило государственного корабля на четверть века», стяжал себе, как пишет Блок, «своей страшной практической деятельностью и несокрушимым, гробовым холодом своих теорий – имя старого “упыря”», теперь «старый упырь в могиле», но его чудовищная тень – по-прежнему нависает над Россией… Чья мертвая рука управляла пистолетами Дантеса и Мартынова? Кто пришел сосать кровь умирающего Гоголя?», и далее Блок пишет о Толстом, «величайшем и единственном гении современной Европы», «писателе великой чистоты и святости», и замечает, что за ним следит неусыпное око: министр ли, ведающий русской словесностью, сыщик или урядник…», и далее едва ли не прямая ссылка на Дракулу Стокера: «их глазами глядит мертвое и зоркое око, подземный глаз упыря»[4].

По мнению философа, филолога, историка, политолога Вадима Цымбурского (1957–2009), автора талантливой статьи «Граф Дракула, философия истории и Зигмунд Фрейд» (1990), впечатления от прочтения романа Стокера Блоком отразились в его цикле стихов «Чёрная кровь» (1909–1914).

И одним из источников стихотворения Блока «Было то в темных Карпатах» (окт. 1913 г.) считают роман «Дракула» Брэма Стокера, а известного стихотворного цикла Михаила Кузмина «Форель разбивает лед» – кинофильм Ф. Мурнау «Носферату. Симфония ужаса»[5].

* * *

В 1912–1913 годах в Санкт-Петербурге в приложении к популярному еженедельнику «Синий журнал» «Дракула» Стокера вышел в переводе Нины Сандровой (псевд. Надежды Яковлевны Гольдберг), но то ли помешали изъяны перевода, обилие по разным причинам купюр (например, исключение важного для романа монолога на йоркширском диалекте бывшего моряка в Уитби), то ли он был не ко времени, однако у широкого круга читателей такого успеха, как на Западе, он не имел.

В советский период роман не только не издавали, его игнорировали даже в университетских курсах и академических историях английской литературы. Это можно объяснить по-разному. Вполне вероятно, и потому, что в государстве, тиражировавшем дракул на разных уровнях, символический образ «живого мертвеца» вызвал бы прямые ассоциации. Ну и, разумеется, сыграло свою охранительную роль официальное советское литературоведение с его филистерством и снобизмом, считавшее «Дракулу» не настоящей, «высокой», а массовой литературой, хотя, заметим, и Диккенса в свое время питала массовая культура.

В 1990 году «Дракула» Стокера в переводе Н. Сандровой (с дополнениями) был издан в Кишиневе с упомянутым послесловием В. Цымбурского, а в 1993 году новый перевод романа (автора этих строк) вышел в Москве в издательстве «Старт» тиражом 50 тысяч экземпляров; разошелся он мгновенно; можно было бы сказать, что он остался незамеченным – слишком политически бурным было время в России, но, судя по тому, как он неоднократно переиздавался и быстро исчезал с прилавков магазинов, читателя он явно обворожил – и было за что.

В довольно многочисленной «дракулиане» привлекают особое внимание упомянутое послесловие Вадима Цымбурского и своеобразный отклик на нее искусствоведа, теоретика кино и телевидения, философа Олега Аронсона.

По мнению В. Цымбурского, мифы о вампирах примиряли людей со смертью, психологически оправдывали смерть. Оппозиции «жизнь – смерть» противополагалась оппозиция «смерть – не-смерть», то есть

боязнь смерти уступала ужасу перед бессмертным, вечным существованием вампира. Мифологическая фигура вампира объясняет человеку, почему он должен умереть, «внушается страх перед соблазнительной “вечной жизнью”»[6].

Вместе с тем для Цымбурского как увлеченного геополитика в графе Дракуле, то есть его прототипе Владе Цепеше, актуализируются исторические мифы, в которых на первом плане оказывается не вампиризм, а мотивы возникновения Европы, противостоящей Османской империи, мифы политические, мифы государства и его границ, когда государство, оказавшись на границе с врагами, становится источником террора, воплощенного в фигуре Влада Цепеша. Стокер соединил графа Дракулу и его исторического прототипа Влада Цепеша, а Цымбурский уловил «политический след» будущего. Геополитика как вражда земель, вражда Запада и Востока находит в фигуре Дракулы иного, появляющегося из «зоны разлома цивилизации и культуры[7].

Согласно О. Аронсону, в романе Стокера описано возникновение нового способа восприятия. Роман создан в те же годы, что и «Толкование сновидений» Зигмунда Фрейда и «Материя и память» Анри Бергсона, ощущавших переориентацию мышления от «знаков культуры» к мышлению кинематографическими образами, опережая сам кинематограф. Таким образом, по мнению О. Аронсона, «Дракула» Стокера – феномен кинематографа до кинематографа. Но кинематограф как феномен искусства, более близкого массовой культуре, чем роман Стокера, гораздо больше подвержен увяданию, старению под воздействием времени.

* * *

«Сокровище семи звезд» – это также роман о «встрече» двух миров: Запада, то есть викторианской Англии, и Востока – Древнего Египта, о глубинном иррациональном притяжении, которое испытывает западный человек, представитель рациональной культуры, к мистической культуре Востока.

Стокер был не первым, кто обратился к тайнам Древнего Египта и теме мумий. Возможно, ему был знаком рассказ знаменитого французского поэта и прозаика – романтика Теофиля Готье «Стопа мумии» (1840), герой которого в антикварной лавке покупает мумифицированную стопу древнеегипетской царевны, приносит ее домой, а вскоре за своей стопой к нему в дом является сама царевна. Тут явно перекличка Готье и Стокера, в романе которого есть эпизод

об украденной кисти мумии царицы Теры и о мистическом ее возвращении.

Трагическая концовка романа «Сокровище семи звезд», опубликованного в Лондоне в 1903 году, вызвала острую критику и при переиздании романа в Лондоне в 1912 году, по просьбе издателя, писатель изменил концовку на вполне возможный, хотя и не очень убедительный, happy end.

В первом, несколько туманном (но жанр это допускал) варианте концовки все персонажи, кроме повествователя – адвоката Малькольма Росса, погибли, результат «великого эксперимента» по воскресению древнеегипетской царицы Теры был неясен: герою показалось, что в полной темноте проскользнуло что-то белое – возможно, воскресшая царица; остальных участников эксперимента он нашел на тех местах, которые они заняли в начале ритуала: они сидели или лежали на полу и с невыразимым ужасом смотрели куда-то вверх. Надеясь, что они в коме и очнутся, Росс открыл все ставни в пещере, и в нее ворвались свет и воздух, но это не помогло. Завершается роман пронзительной фразой: «Некое милосердие крылось в том, что я был избавлен от боли напрасной надежды».

Но и при первой, и при второй концовке итог, как и в «Дракуле», по сути, один и тот же: попытка человека с его ограниченным разумом познать мистические, таинственные, паранормальные формы бытия и его главную загадку – тайну смерти и возможного бессмертия – заканчивается поражением.

* * *

Оба романа Брэма Стокера – произведения, имеющие глубокие традиции в английской готической литературе, и не только в ней, не увядают со временем. Это захватывающее чтение, впечатляющее неожиданными, нетривиальными поворотами сюжета, эротическими подтекстами, изображением кошмаров и чудес, зыбкостью границ между жизнью и смертью, реальным и фантастическим, а в конце концов – обнажением прикрытой повседневной суетой первооснов бытия.

Татьяна Красавченко

Дракула

Моему дорогому другу Хомми-Бегу[8]

Прочитав книгу, вы поймете, как она складывалась. В ее основе – записи о непосредственно происходивших событиях, излагаемых с точки зрения и в пределах понимания их участников. Все изложено именно так, как было, хотя ныне кажется невероятным.

Глава I

ДНЕВНИК ДЖОНАТАНА ХАРКЕРА

(сохранившийся в стенографической записи)

3 мая. Бистрица. Выехал из Мюнхена в 8.35 вечера, ранним утром следующего дня был в Вене; поезд вместо 6.46 пришел на час позже. Поэтому в Будапеште время стоянки сильно сократили, и я боялся отойти далеко от вокзала; из окна же вагона и после небольшой прогулки по улицам город показался мне очень красивым. Такое чувство, будто покидаешь Запад и встречаешься с Востоком; самый западный из великолепных мостов[9] через необычайно широкий и глубокий в этом месте Дунай перенес нас в мир, еще сохраняющий следы турецкого владычества.

Из Будапешта мы выехали почти по расписанию и с наступлением темноты прибыли в Клаузенбург[10], где я остановился в гостинице «Ройал»[11]. На обед, или, вернее, на ужин, подали цыпленка, оригинально приготовленного с красным перцем, очень вкусного, но после него хотелось пить. (Не забыть взять рецепт для Мины.) Официант сказал, что это национальное блюдо, «паприка хендл», и в Карпатах его подают везде. Мое скромное знание немецкого здесь очень пригодилось; просто не знаю, как бы я без него обходился.

В последний раз в Лондоне у меня осталось немного свободного времени, и я побывал в библиотеке Британского музея – полистал книги по Трансильвании, посмотрел ее географические карты, понимая, что некоторые познания об этой области будут нелишними в моем общении с трансильванским аристократом Дракулой, к которому мне надлежало вскоре выехать по делам. Я выяснил, что он живет на самом востоке страны, на границе трех областей – Трансильвании, Молдавии и Буковины, в глубине Карпат – в одном из самых

труднодоступных и малоизвестных мест Европы. Однако ни по картам, ни по другим источникам не удалось установить, где именно расположен замок Дракулы, – до сих пор нет подробных карт этой области, сравнимых с картами нашего британского Государственного картографического управления. Но я узнал, что упомянутая графом Дракулой Бистрица, почтовый городок, – место довольно известное. Хотел бы кое-что пояснить – потом, когда буду рассказывать Мине о своем путешествии, эти заметки помогут мне лучше все вспомнить.

В Трансильвании живут в основном четыре народа: на юге – саксонцы вперемешку с потомками даков – валахами; на западе – мадьяры; на востоке и севере – секлеры. Я нахожусь среди секлеров, считающих себя потомками Аттилы и гуннов. Возможно, так оно и есть: когда мадьяры в XI веке завоевали эту область, она была заселена гуннами. Я читал, что все существующие на свете суеверия сосредоточились в подкове Карпатских гор, как будто эта местность – эпицентр некоего водоворота фантазии. Если это действительно так, то мне здесь будет интересно. (Не забыть поподробнее расспросить об этом графа.)

Я спал плохо, и, хотя постель была довольно удобной, сны мне снились какие-то странные. Может быть, оттого, что всю ночь под окном выла собака, или же из-за острой пищи: выпил целый графин воды и все равно хотел пить. Под утро я заснул, и, видимо, крепко, потому что проснулся от настойчивого стука в дверь – наверно, долго не могли добудиться. На завтрак вновь заказал паприку, мамалыгу – что-то вроде каши из кукурузной муки – и баклажаны, начиненные мясным фаршем, – замечательное блюдо, называется «имплетата». (Надо взять и его рецепт.) С завтраком пришлось поторопиться: поезд отправлялся около восьми; вернее, должен был отправиться в это время. Примчавшись на станцию в половине восьмого, я больше часа просидел в вагоне, прежде чем состав тронулся с места. Мне кажется, чем дальше удаляешься на Восток, тем менее точны поезда. Интересно, а как в Китае?

Весь следующий день мы бездельничали, любуясь из окна вагона прекрасными пейзажами. Мимо проносились городки и похожие на гравюры в старинных молитвенниках замки; судя по широким каменным берегам, окаймляющим реки и ручьи, тут бывали большие паводки – только мощные потоки воды могут так очертить берега. На каждой станции толпились пестро одетые люди. Некоторые из них, совсем как крестьяне на моей родине или во Франции и Германии, были в коротких куртках, круглых шляпах и домотканых штанах,

другие смотрелись живописнее. Издали женщины казались красивыми, вблизи же выглядели бесформенными и неловкими в нарядах с пышными белыми рукавами разных фасонов, на многих были пояса с обилием оборок, колышущихся наподобие балетных пачек, и, конечно, на всех – нижние юбки. Но самое странное впечатление своим нецивилизованным видом производили словаки в больших ковбойских шляпах, мешковатых грязно-белых штанах, заправленных в высокие сапоги, белых холщовых рубахах и чудовищных размеров, почти в фут шириной, кожаных поясах, густо усеянных медными заклепками. Длинноволосые, с густыми темными усами, словаки, несомненно, живописны, но к себе не располагают. На сцене их можно было бы показывать как шайку восточных разбойников из давнего прошлого, однако мне говорили, они совершенно безобидны, и этот их вид, вероятно, естественная форма самоутверждения.

К вечеру мы добрались до Бистрицы, оказавшейся очень интересным старинным городком. Расположен он буквально на границе (ущелье Борго ведет прямо в Буковину) и в прошлом жил бурной жизнью, следы которой, пожалуй, видны и ныне. Пятьдесят лет назад в городе было много пожаров, в пяти случаях просто опустошивших его. В самом начале XVII века городок выдержал трехнедельную осаду и потерял тринадцать тысяч человек – убитыми и умершими от голода и болезней.

Граф Дракула в своих письмах рекомендовал мне гостиницу «Золотая крона», которая оказалась достаточно старомодной, что не могло не порадовать меня, ведь мне, конечно же, хотелось узнать как можно больше об обычаях и укладе жизни этого края. Видимо, моего приезда ждали: в дверях меня встретила приветливая, уже не молодая женщина в традиционном крестьянском платье – белой юбке с кокетливо обтягивающим ее двойным длинным передником из цветной ткани. Она поклонилась и спросила:

– Господин англичанин?

– Да, – ответил я, – Джонатан Харкер.

Женщина приветливо улыбнулась и что-то сказала стоявшему за ней пожилому человеку в белом жилете, который тут же вышел, а когда мгновение спустя вернулся, в руке его было письмо…

«Мой друг, добро пожаловать в Карпаты. С нетерпением жду Вас. Сегодня хорошо выспитесь. Завтра в три дилижанс отправится в Буковину; в нем Вам заказано место. На перевале Борго будет ждать мой экипаж, он и доставит Вас ко мне. Надеюсь, Ваша поездка протекает благополучно и пребывание в моем прекрасном крае

окажется для Вас приятным.

Ваш Дракула».

4 мая. Хозяин гостиницы, сообщив мне, что получил письмо от графа с просьбой заказать для меня лучшее место в дилижансе, на мои расспросы не отвечал, делая вид, что не понимает моего немецкого. Какое лукавство – до этого он прекрасно понимал, по крайней мере отвечал на все мои вопросы. Теперь же он и его жена, та пожилая женщина, что встретила меня, испуганно переглядывались. Он промямлил, что с письмом получил деньги и это все, что ему известно. На вопрос, встречал ли он графа Дракулу и не может ли рассказать мне что-нибудь о его замке, он и его жена лишь перекрестились и от дальнейшего разговора постарались уклониться. Приближался час моего отъезда, и я уже не успевал расспросить еще кого-нибудь, а все выглядело загадочно и тревожило меня.

Перед самым отъездом ко мне в комнату вошла жена хозяина и с волнением спросила:

– Вам обязательно нужно ехать? О сударь, неужели это так необходимо?

Она была в таком возбуждении, что, изрядно растеряв свой и без того небольшой запас немецких слов, смешивала их со словами другого, незнакомого мне языка. Я понял ее лишь потому, что сам задавал вопросы. Когда я сказал, что должен ехать немедленно – у меня важное дело, она спросила:

– Да знаете ли вы, какой сегодня день?

Я ответил:

– Четвертое мая.

Она покачала головой:

– Да это-то ясно! Но знаете ли вы, что это за день? – И, заметив мое недоумение, пояснила: – Канун святого Георгия. Неужели вам неизвестно, что сегодня, когда часы пробьют полночь, вся нечисть этого мира получит власть на земле? Вы хоть знаете, куда вы едете и что вас ждет?

Видно было, что она очень расстроена, и все мои попытки успокоить ее оказались безуспешными. В конце концов она упала передо мной на колени и умоляла не ехать или хотя бы отложить поездку на день-другой. Все это выглядело довольно нелепо, и тем не менее мне стало не по себе. Но дело есть дело, ничто не могло остановить меня. Я бросился к ней, чтобы помочь подняться, и, поблагодарив за заботу, как можно решительнее сказал, что должен

ехать – это мой долг. Она встала, вытерла глаза и, сняв с себя крест, попросила меня надеть его. Я не знал, как мне быть: я принадлежал к англиканской церкви и привык относиться к таким проявлениям веры как к идолопоклонству, но мне не хотелось обижать отказом пожилую женщину, исполненную самых благих намерений. Видимо, почувствовав мои колебания, она сама надела крест мне на шею и, сказав: «Носите его ради вашей матери», вышла из комнаты.

Веду дневник в ожидании дилижанса, который, конечно же, опаздывает; крест так и остался у меня на шее. То ли мне передался страх хозяйки гостиницы, то ли вспомнились рассказы о привидениях в этих краях, а может быть, крест тому виной – не знаю, но на душе у меня неспокойно. Если этот дневник попадет к Мине раньше, чем мы увидимся, пусть он станет залогом нашей скорой встречи. А вот и дилижанс.

5 мая. Замок. Пасмурное утро сменилось ярким солнцем высоко над горизонтом, который выглядит зубчатым из-за деревьев или холмов – издалека не различишь. Спать не хочется, и, поскольку будить меня не станут, намерен писать, пока не усну. Произошло много странного, и чтобы читатель дневника не подумал, что я слишком плотно поужинал в Бистрице и поэтому у меня галлюцинации, подробно опишу свой ужин. Мне подали блюдо под названием «разбойничье жаркое»: куски бекона и мяса с луком, приправленные красным перцем, нанизывают на прутья и жарят прямо на огне, совсем как конину в Лондоне! Я пил вино «Золотой медиаш». Оно необычно пощипывает язык, но приятное. Выпил лишь пару бокалов, и все.

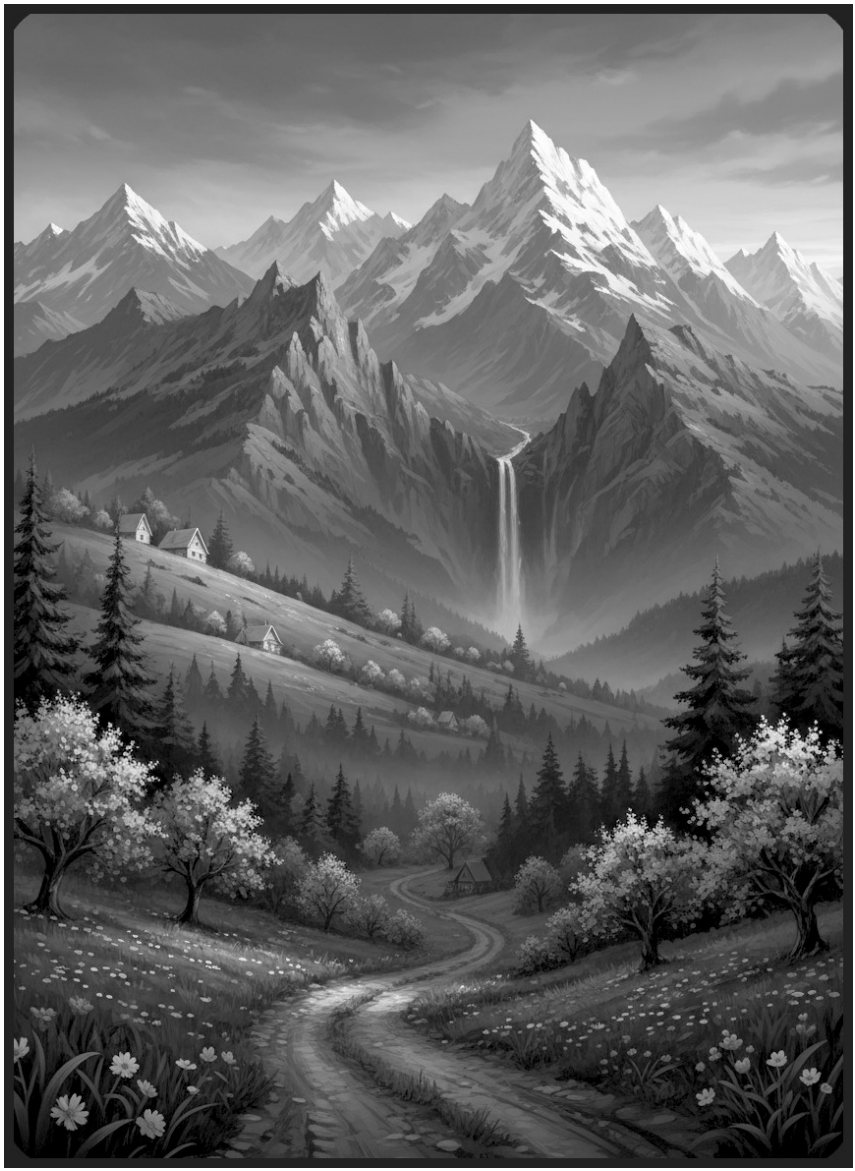
Когда я сел в дилижанс, кучера еще не было. Он разговаривал с хозяйкой гостиницы – наверное, обо мне: оба то и дело на меня поглядывали; несколько человек, сидевших у двери на скамейке (ее здесь называют «сплетницей»), подошли к ним, прислушались и стали тоже посматривать в мою сторону, в основном сочувственно. В толпе были люди разных национальностей – до меня доносилось множество повторяющихся, странно звучащих слов; я потихоньку достал из сумки свой «Полиглот» и нашел там некоторые слова. Не могу сказать, что они меня порадовали: среди них были *ordog* – дьявол, *pokol* – ад, *stregoica* – ведьма, *vrolok* и *vlkoslak,* означающие что-то вроде оборотня или вампира. (Нужно будет расспросить графа об этих суевериях.)

Дилижанс тронулся, все столпившиеся у входа в гостиницу – а к этому моменту народу собралось довольно много – перекрестились и указали двумя пальцами в мою сторону. С трудом я добился от одного из попутчиков, что это значит; сначала он не хотел отвечать, но, узнав, что я англичанин, объяснил: это особый жест защиты от дурного глаза. И хотя мне стало не по себе, ведь ехал я в незнакомое место к незнакомому человеку, однако доброжелательность, искреннее сочувствие этих людей меня тронули. Никогда не забуду картину: гостиничный двор, у широких ворот под аркой живописная толпа, все крестятся, а в глубине видны густые заросли олеандра и апельсиновые деревья в кадках. Потом наш кучер, заполонивший своими широкими холщовыми штанами, называемыми здесь «готца», все сиденье на козлах, щелкнул длинным кнутом над четырьмя маленькими лошадками, и те дружно взяли с места.

Вскоре, любуясь красотами природы, я совершенно забыл о своих смутных опасениях; возможно, если б мне был известен язык или,

вернее, языки, на которых говорили мои попутчики, я не смог бы так отвлечься. Перед нами расстилалась зеленая, покрытая рощами и густыми лесами местность, вдали вздымались высокие холмы, увенчанные островками деревьев или фермами, белые остроконечные фронтоны которых были видны с дороги. Поражало изобилие цветущих фруктовых деревьев – яблонь, слив, груш, вишен; видно было, что трава под деревьями усыпана лепестками. Дорога, изгибаясь, теряясь в зелени, появляясь на опушках сосновых лесов, сбегавших по склонам холмов, как языки пламени, пролегала меж зеленых холмов Mittelland[12], как здесь ее называют. Дорога была неровная, но мы мчались по ней с лихорадочной быстротой. Тогда я не понимал причины этой гонки, но кучер явно спешил и хотел добраться до ущелья Борго как можно скорее. Очевидно, дорогу еще не успели привести в порядок после зимы, так как мне говорили, что летом она в отличном состоянии и существенно отличается от других карпатских дорог, о которых по старой традиции не слишком-то заботятся. Раньше господари[13] предпочитали не чинить дороги, опасаясь, как бы турки не заподозрили их в намерении облегчить доступ войскам своих союзников, – это могло привести к развязыванию войны, на грани которой они постоянно находились.

За зелеными крутыми холмами Mittelland величественно возвышались Карпаты, покрытые могучими лесами. Они вздымались по обе стороны дороги, и заходящее солнце ярко освещало все великолепие красок этой прекрасной горной цепи: синие и пурпурные вершины, зеленую и коричневую траву на скалах и бесконечную вереницу зубчатых скал и острых утесов, терявшихся вдали, где царственно высились снежные вершины. Кое-где виднелись громадные расселины, и в лучах заходящего солнца серебрились струи водопадов. Один из спутников тронул меня за руку, когда мы обогнули подножие холма и после гонки по серпантинной дороге открылся вид на величественную снежную горную вершину, возникшую как бы прямо перед нами:



– Посмотрите! Isten szek! Обитель Бога!

И он благоговейно перекрестился.

Мы продолжали наше, казалось, нескончаемое путешествие по извивающейся дороге, а солнце позади нас опускалось все ниже и ниже; начали сгущаться сумерки. Они особенно ощущались по контрасту с еще освещенной заходящим солнцем снежной вершиной, окрашенной нежным розовым цветом. Время от времени мы встречали

местных жителей – чехов и словаков – в живописных одеждах. Я заметил, что многие из них страдают зобом. Вдоль дороги было много крестов, и при виде их мои спутники часто крестились. Порой перед распятиями стояли на коленях крестьянин или крестьянка, так глубоко погруженные в молитву, что не реагировали на наше приближение, – казалось, они не замечали ничего вокруг. Многое здесь было мне в новинку: например, скирды сена на деревьях, дивные островки плакучих берез, их белые стволы мерцали серебром сквозь нежную зелень листвы. Нам встречались Leiterwagen – примитивные, рассчитанные на ухабы крестьянские арбы. На них размещалось довольно много крестьян: чехов – в белых и словаков – в крашеных тулупах; словаки держали, как копья, свои топорики с длиннющими топорищами.

Темнело, становилось холодно, сгущавшиеся сумерки окутывали непроглядной пеленой купы деревьев – дубов, буков, сосен, хотя в долинах, пролегавших меж отрогов холмов на нашем пути вверх по ущелью, темные ели четко вырисовывались на фоне залежавшегося снега. Иногда дорога проходила через сосновый бор, и в темноте казалось, что могучие ветви смыкаются над нами; тогда непроглядный мрак производил особенно таинственное и зловещее впечатление, вновь невольно вызывавшее жуткие мысли и фантазии, уже приходившие на ум раньше, когда в лучах заходящего солнца возникали похожие на призраки облака, бесконечной чередой несущиеся над долинами.

Холмы местами были такими крутыми, что, несмотря на все старания кучера, лошади могли двигаться только шагом. Я хотел сойти и, как это принято у меня на родине, взять их под уздцы и повести, но кучер об этом и слышать не хотел.

– Нет-нет, – возразил он, – вам не следует здесь ходить, тут полно свирепых собак. – И, обернувшись к остальным пассажирам, добавил, явно рассчитывая на одобрение своей мрачной шутки: – Сдается мне, вас ждет еще немало сюрпризов, прежде чем вы ляжете спать.

Остановился он лишь однажды – чтобы зажечь фонари.

Когда стемнело, пассажиры заволновались и один за другим стали просить кучера ехать быстрее. Безжалостными ударами длинного кнута и дикими криками он погнал лошадей, они помчались во весь опор. Потом в темноте я увидел впереди полосу серого света – будто холмы расступились. Волнение среди пассажиров возрастало; шаткая коляска подпрыгивала на высоких рессорах и раскачивалась во все стороны, как лодка в бурном море. Мне пришлось крепко держаться.

Затем дорога выровнялась, мы словно летели по ней. Горы обступили нас вплотную и, казалось, излучали неприязнь; мы въехали в ущелье Борго.

Несколько пассажиров предложили мне подарки, да так настойчиво, что отказаться было невозможно; подарки эти, необычные и разнообразные, преподносились искренне и сопровождались добрым словом и жестами, которые я уже наблюдал в гостинице в Бистрице, – дарители крестились и отмахивались от дурного глаза. Мы мчались дальше, кучер подался всем телом вперед, а пассажиры, высунувшись из дилижанса, всматривались в темноту. Впереди происходило или ожидалось что-то необычайное, но, как я ни расспрашивал попутчиков, никто мне ничего не объяснил. Всеобщее волнение нарастало до тех пор, пока мы наконец не увидели перевал, открывавший дорогу на восточную сторону. Клубившиеся над головой тучи и духота предвещали грозу. Казалось, горная цепь была границей, за которой мы попали в грозовую атмосферу.

Я вглядывался в дорогу в ожидании экипажа, который должен был отвезти меня к графу, каждую минуту надеясь увидеть свет фонарей, но вокруг было темно. Единственным источником света оставались наши собственные фонари, раскачивавшиеся из стороны в сторону, в их неверных лучах белым облаком подымался пар от загнанных лошадей. Перед нами светлела песчаная дорога – и никаких признаков экипажа на ней. Пассажиры откинулись на сиденья со вздохом явного облегчения, словно в насмешку над моим разочарованием. Я уж было призадумался, что предпринять, как вдруг кучер, посмотрев на часы и обращаясь к другим пассажирам, тихо проговорил что-то; я не расслышал, что именно; кажется, это было: «На час раньше времени». Потом повернулся ко мне и сказал на плохом немецком:

– Нет никакой кареты. Похоже, господина не встречают. Ему лучше поехать с нами на Буковину, а вернуться завтра или послезавтра; лучше послезавтра.

Пока кучер говорил, лошади начали ржать, фыркать, вставать на дыбы – он изо всех сил удерживал их. Вдруг под крики то и дело крестившихся пассажиров нас догнала коляска, запряженная четверкой лошадей и, поравнявшись с нами, остановилась вплотную к дилижансу. Свет наших фонарей упал на коляску, и я увидел великолепных, породистых вороных. На козлах сидел высокий человек с длинной бородой, в широкой черной шляпе, скрывавшей его лицо. Он повернулся к нам – я заметил лишь блеск его глаз, показавшихся мне красными в свете фонарей, – и сказал кучеру:

– Что-то ты сегодня рано, мой друг.

Кучер, запинаясь, ответил:

– Господин англичанин очень торопил.

На что незнакомец возразил:

– Поэтому ты, наверное, и советовал ему ехать на Буковину. Меня не обманешь, друг мой, слишком многое ведомо мне, да и лошади у меня быстрые.

Говоря это, он улыбался, и фонари освещали его жестко очерченный рот, ярко-красные губы и острые зубы, белые, как слоновая кость. Один из моих попутчиков прошептал соседу строку из «Леноры» Бюргера:

– Еще бы, «мертвые скачут быстро»!

Странный возница явно расслышал эти слова и взглянул на говорившего с торжествующей улыбкой. Пассажир отвернулся, осенил себя крестным знамением и оттопырил два пальца.

– Подай мне багаж господина, – бросил возница кучеру, и мои вещи с чрезмерным рвением были перенесены из дилижанса в коляску.

Она стояла бок о бок с дилижансом, и возница помог мне перебраться в нее, подхватив меня под руку стальной хваткой; должно быть, он обладал необычайной силой. Не говоря ни слова, он тряхнул поводьями, лошади повернули, и мы помчались в темноту ущелья. Оглянувшись, я увидел поднимавшийся над лошадьми пар и на этом фоне моих недавних попутчиков – они крестились. Потом наш кучер щелкнул кнутом, прикрикнул на лошадей, и они стремглав понеслись по дороге на Буковину.

Когда дилижанс канул в темноте, я ощутил легкий озноб и приступ одиночества; но на мои плечи тут же был накинут плащ, на колени – плед, а возница обратился ко мне на прекрасном немецком языке:

– Ночь холодна, сударь, а мой хозяин, граф, просил как можно лучше позаботиться о вас. Под сиденьем – фляжка со сливовицей, нашей национальной водкой, на случай если вы захотите согреться.

Я не стал пить ее, но было приятно сознавать, что живительная влага под рукой. Мне было не по себе – думаю, будь у меня хоть какой-то выбор, я бы теперь, конечно, воспользовался им и отказался от этого чреватого неизвестностью ночного путешествия.

Коляска неумолимо неслась вперед, потом мы круто развернулись и вновь помчались, никуда не сворачивая, по прямой дороге. Казалось, мы попросту кружим на месте; приметив один ориентир, я убедился, что прав. Хотел было спросить кучера, что это значит, но побоялся: в моем положении любой протест оказался бы бесполезен, если все это

делалось умышленно. Вскоре я решил узнать, который час, зажег спичку и взглянул на часы – до полуночи оставалось несколько минут. Это весьма неприятно подействовало на меня; свойственный людям суеверный страх перед полночью лишь усилился после недавних впечатлений. Меня охватило неприятное предчувствие.

Где-то вдали, на ферме, завыла собака – долгий протяжный вой, будто от страха. Ее поддержала другая, затем еще одна и еще, пока их завывания, подхваченные поднявшимся в ущелье ветром, не слились в один дикий вой – казалось, выла вся огромная округа, насколько можно было представить ее себе во мраке ночи. Лошади, едва раздался вой, натянули поводья и встали на дыбы, но возница ласково заговорил с ними, и они успокоились, хотя покрылись испариной и продолжали дрожать. Потом далеко в горах по обе стороны от нас раздался еще более громкий и пронзительный вой – волчий, он подействовал и на лошадей, и на меня: я готов был выпрыгнуть из коляски и бежать куда глаза глядят, а лошади взвились на дыбы и, как обезумевшие, рванулись вперед – вознице пришлось пустить в ход всю свою недюжинную силу, чтобы сдержать их.

Однако через несколько минут вой уже не казался таким пугающим, да и лошади настолько успокоились, что возница смог сойти с коляски и встать перед ними. Он оглаживал их, успокаивал, шептал им что-то на ухо, как, я слышал, обычно поступают объездчики лошадей; эффект был поразительный – обласканные им лошади присмирели, хотя и продолжали дрожать. Возница вернулся на козлы, тронул поводья, и мы помчались вперед. На этот раз, заехав глубоко в ущелье, он вдруг свернул на узкую дорогу, которая вела резко вправо.

Вскоре мы въехали в чащу деревьев, которые нависали над дорогой, образуя арки, – мы оказались в своеобразном туннеле; а затем с двух сторон нас обступили хмурые утесы. Хотя мы были как в укрытии, до нас доносился шум разгулявшегося ветра, со стоном и свистом проносившегося по утесам, ломавшего ветви деревьев. Становилось все холоднее; наконец пошел мелкий, словно крупа, снег, покрывший нас и все вокруг белым одеялом. Сильный ветер доносил до нас вой собак, по мере нашего удаления становившийся все слабее. Зато волки выли все ближе; казалось, они нас окружали. Мне стало страшно, и лошади разделяли мой испуг. Возница же не выказывал никакой тревоги – знай себе поглядывал по сторонам, а я ничего не различал в темноте.

Вдруг слева мне привиделся слабый мерцающий голубой огонек. В

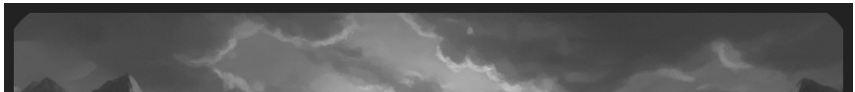
тот же миг заметил его и возница; он сразу остановил лошадей и, спрыгнув на землю, исчез в темноте. Я не знал, что делать, тем более что вой волков приблизился; но, пока я недоумевал, мой провожатый вернулся и, не говоря ни слова, сел на свое место, и мы поехали дальше.

Я, должно быть, задремал, и мне все время снился этот эпизод: он повторялся много раз. И теперь, когда я вспоминаю нашу поездку, она мне кажется чудовищным кошмаром. Как-то раз голубой огонь возник так близко к дороге, что я смог в кромешной тьме, окутывавшей нас, разглядеть, что делал возница. Он быстро подошел к месту, где появился голубой огонь, видимо очень слабый, потому что почти не освещал ничего вокруг, и, собрав несколько камней, что-то соорудил из них. Другой раз наблюдался странный оптический эффект: возница, оказавшись между мной и огнем, не загородил его собой, я все так же, как бы сквозь него, видел призрачный голубой свет. Удивлению моему не было предела, но длилось это мгновение, и я решил, что тут какой-то обман зрения, вызванный напряженным всматриванием в темноту. Потом голубые огни на время исчезли, мы быстро ехали сквозь тьму под аккомпанемент воя волков, которые, казалось, преследовали нас.

Однажды кучер довольно далеко отошел от коляски, и в его отсутствие лошади начали дрожать сильнее прежнего, фыркать и тревожно ржать. Я не мог понять причины – волчий вой совсем прекратился; вдруг при свете луны, которая появилась из-за темных облаков над зубчатым гребнем поросшего соснами холма, я увидел вокруг нас кольцо волков с белыми клыками, свисающими красными языками, длинными мускулистыми лапами и грубой шерстью. В своем зловещем молчании они были во сто крат страшнее, нежели когда выли. Страх парализовал меня. Лишь испытав такой ужас сам, человек способен понять, что это такое.

Вдруг волки опять завыли – будто лунный свет как-то особенно действовал на них. Лошади брыкались, вставали на дыбы, беспомощно косились по сторонам выкатившимися из орбит глазами – на них было больно смотреть; живое кольцо ужаса окружало их со всех сторон, и вырваться они не могли. Я стал звать возницу, понимая, что единственный шанс спастись – с его помощью прорваться сквозь кольцо. Я кричал, стучал по коляске, надеясь шумом напугать волков и помочь моему провожатому пробраться к нам. Откуда он появился – не знаю: я услышал его голос, прозвучавший повелительно, потом увидел на дороге и его самого. Он простер руки вперед, как бы отстраняя невидимое препятствие, и волки начали медленно отступать.

Но тут большое облако заволокло луну, и мы опять оказались в темноте.



Когда луна выглянула, я увидел возницу, взбиравшегося на сиденье; волков и след простыл. Все было так странно и жутко, что меня охватил безумный страх, я боялся говорить или двигаться. Мы мчались по дороге, теперь уже в кромешной тьме – клубящиеся облака совсем закрыли луну; казалось, конца этому не будет. Потом мы стали подниматься в гору, лишь изредка попадались спуски, но в основном дорога шла вверх. Вдруг я понял, что возница останавливает лошадей

во дворе громадного полуразрушенного замка, его высокие окна были темны, а разбитые зубчатые стены неровной линией вырисовывались на фоне залитого лунным светом неба.

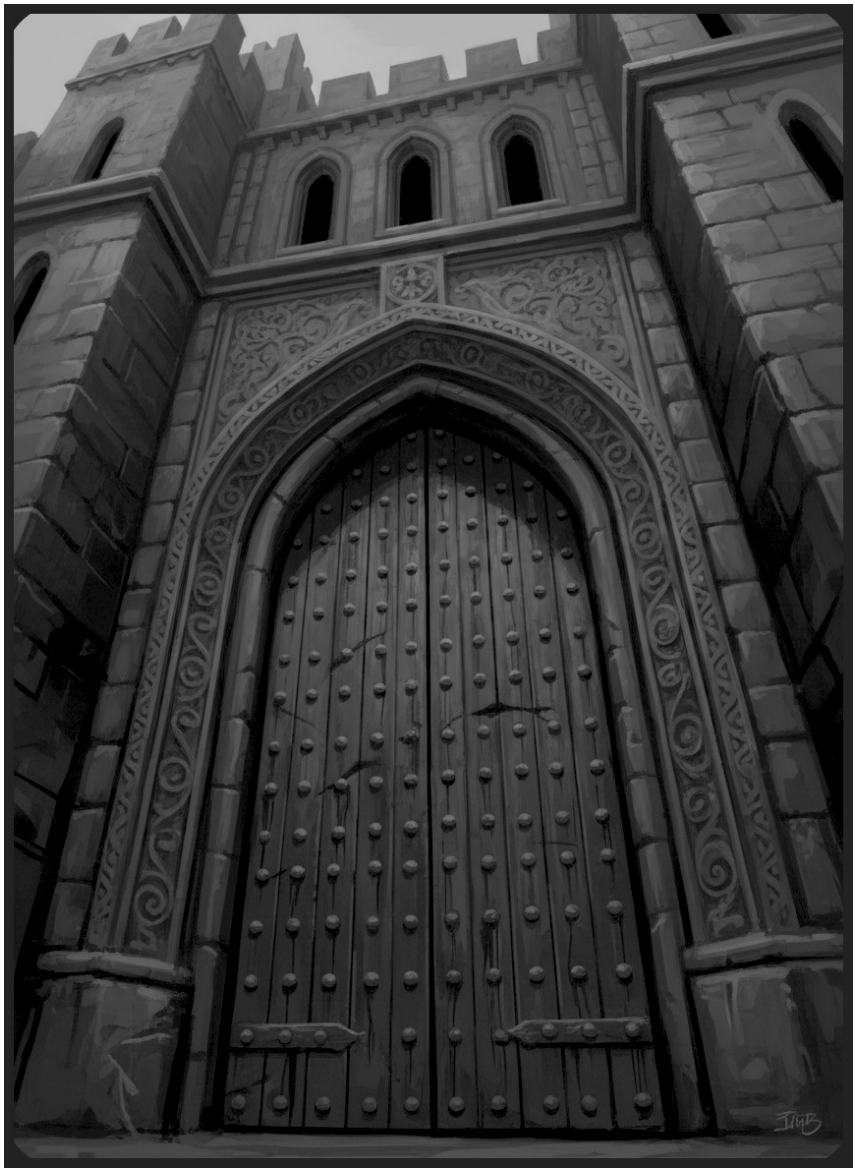
Глава II

ДНЕВНИК ДЖОНАТАНА ХАРКЕРА

(продолжение)

5 мая. Я, должно быть, задремал, иначе наверняка не пропустил бы момент приближения к столь примечательному месту. Ночью двор выглядел обширным, несколько темных дорожек вели к просторным круглым аркам, возможно, поэтому он показался мне больше, чем на самом деле. Пока не знаю, как он выглядит при дневном свете.

Коляска остановилась, возница спрыгнул на землю и помог мне сойти. Я снова обратил внимание на его необычайную силу: не рука – настоящие стальные тиски; при желании он мог запросто раздавить мою. Вещи он поставил подле меня. Я стоял у громадной старой двери, обитой железными гвоздями и встроенной в дверной проем, сделанный в добротной каменной кладке. Даже при тусклом освещении был виден резной орнамент вокруг двери, полустершийся от времени и непогоды. Меж тем возница взобрался на козлы, дернул поводья, лошади тронулись, и экипаж скрылся под одним из темных сводов.



Я не знал, что делать. На двери не было никаких признаков звонка или дверного молотка; едва ли мой голос смог бы проникнуть сквозь эти угрюмые стены и темные оконные проемы. Мне казалось, я провел там целую вечность, сомнения и страхи одолевали меня. Куда я попал? К каким людям? В какую странную историю впутался? Что это? Обычное приключение в жизни помощника стряпчего[14], отправленного к иностранцу для разъяснения правил приобретения

дома в Лондоне? Помощник стряпчего! Мине это не понравилось бы. Впрочем, ведь уже и не помощник: перед самым отъездом из Лондона я узнал, что успешно выдержал экзамены и стал полноценным стряпчим!

Я потер глаза, ущипнул себя и убедился, что не сплю. Все пережитое показалось мне чудовищным ночным кошмаром, и я надеялся, что вдруг проснусь у себя дома на рассвете усталым, разбитым, как бывало после дня напряженной работы. Но я щипал себя наяву, и глаза мои меня не обманывали: я находился все-таки в Карпатах. Оставалось лишь запастись терпением и ждать наступления утра.

Только я пришел к этому выводу, как услышал тяжелые шаги за дверью и увидел сквозь щели мерцание света. Затем раздался звук гремящих цепей, заскрежетали массивные засовы, с резким скрипом повернулся в замочной скважине ключ – им явно давно не пользовались, – и громадная дверь медленно отворилась…

На пороге стоял высокий бледный старик с длинными седыми усами, с головы до ног в черном. В руке он держал старинную серебряную лампу, пламя в ней не было прикрыто стеклом или абажуром и отбрасывало длинные дрожащие тени, колеблясь от сквозняка. Изысканным жестом руки старик пригласил меня войти и сказал на прекрасном английском языке со странной интонацией:

– Добро пожаловать в мой дом! Входите смело, по своей воле![15]

Он не вышел мне навстречу, а замер, как статуя, будто жест приветствия парализовал его. Но едва я переступил порог, как он тотчас бросился ко мне и сжал мою руку с такой силой, что я содрогнулся; рука его была холодна как лед и напоминала скорее руку мертвеца, чем живого человека.

Старик повторил:

– Добро пожаловать в мой дом! Входите смело и поделитесь с нами хоть малой толикой своего счастья!

Его рука была столь же сильной, как и у возницы, лица которого мне так и не удалось разглядеть, и потому меня вновь охватили сомнения: не с тем же ли самым человеком разговариваю. Чтобы рассеять подозрения, я спросил:

– Граф Дракула?

Он учтиво поклонился:

– Я – Дракула. Приветствую вас, мистер Харкер, в моем доме. Заходите – ночь холодная, вам нужно поесть и отдохнуть.

С этими словами старик повесил лампу на крючок в стене, шагнул за порог, взял мой багаж и внес его в дом, прежде чем я успел воспрепятствовать ему. Я все же попытался протестовать, но он твердо сказал:

– Нет, сударь, вы – мой гость. Уже поздно, слуги спят. Позвольте мне самому позаботиться о вас.

Старик понес мои вещи по коридору, а затем наверх по большой винтовой лестнице и вновь по длинному коридору, на каменном полу которого гулко отдавались наши шаги. В конце коридора он распахнул тяжелую дверь, и я обрадовался, увидев ярко освещенную комнату, в которой стоял стол, накрытый к ужину, а в большом камине ярко горели и потрескивали поленья.

Граф поставил мои вещи, закрыл за нами дверь и, пройдя через комнату, открыл другую дверь – в маленькое восьмиугольное помещение, освещенное единственной лампой и, по-видимому, лишенное окон. Миновав его, он открыл третью дверь и пригласил меня войти в следующую комнату. Она мне очень понравилась. Это была просторная спальня, прекрасно освещенная и отапливаемая камином, в котором пылал огонь, разведенный, судя по всему, недавно; из дымохода доносился монотонный гул.

Граф внес мой багаж и вышел; закрывая дверь, он сказал:

– После дороги вы, конечно, захотите освежиться, переодеться. Надеюсь, вы найдете здесь все необходимое; когда будете готовы, приходите в соседнюю комнату ужинать.

Свет, тепло и любезность графа рассеяли мои сомнения и страхи. Обретя душевное равновесие, я вдруг понял, что очень голоден, и, быстро переодевшись, поспешил в соседнюю комнату.

Ужин был уже на столе. Хозяин стоял у края камина, облокотившись на его каменный выступ; жестом пригласив меня к столу, он сказал:

– Прошу вас, садитесь, поужинайте в свое удовольствие. Надеюсь, вы извините меня – я не составлю вам компанию: я обедал и обычно не ужинаю.

Я вручил ему письмо, которое дал мне мистер Хокинс. Граф вскрыл его, внимательно прочитал и с любезной улыбкой передал мне. Одно место в нем было мне особенно приятно: «Очень сожалею, что приступ подагры, которой я давно страдаю, исключает для меня возможность любых путешествий в ближайшем будущем. Но я рад, что могу послать достойного заместителя, которому совершенно доверяю. Это энергичный, способный и надежный молодой человек. Несмотря на молодость, он осмотрителен и сдержан, работает у меня давно и хорошо знает дело. Во время своего пребывания у вас он будет всемерно помогать вам в ведении ваших дел и выполнит все ваши поручения».

Граф подошел к столу, снял крышку с блюда, и я немедленно принялся за прекрасно зажаренного цыпленка. К нему добавились сыр, салат и бутылка старого токайского вина – я выпил пару бокалов; таков был мой ужин. Пока я ел, граф расспрашивал меня о путешествии, и постепенно я рассказал ему все, что пережил. Закончив ужин, я по приглашению графа придвинул свой стул к огню и закурил предложенную сигару, сам же хозяин дома извинился, что не курит. Теперь мне представился удобный случай рассмотреть его. Внешность графа, несомненно, заслуживала внимания.

Выразительный орлиный профиль, тонкий нос с горбинкой и особым изгибом ноздрей, высокий выпуклый лоб и густые волосы, лишь немного редеющие на висках, нависшие, кустистые брови, почти сросшиеся на переносице. В рисунке рта, насколько я мог разглядеть под большими усами, таилось что-то жестокое, в столь странном впечатлении были повинны и зубы – очень острые белые, они не полностью прикрывались губами, ярко-красный цвет которых свидетельствовал о незаурядной жизненной силе, необычной для человека его возраста. Я заметил, что у графа характерные, заостренные кверху уши, широкий и энергичный подбородок, щеки впалые, но не дряблые. Основное впечатление – поразительная бледность лица.

Издали при свете огня его руки, лежавшие на коленях, выглядели белыми и изящными, а вблизи оказались грубыми – широкими, с короткими толстыми пальцами. Странно, на его ладонях росли волосы! Ногти – тонкие, длинные, заостренные. Когда граф наклонился и дотронулся до меня рукой, я невольно содрогнулся,

почувствовав – не знаю отчего – сильное отвращение, и, как ни старался, не мог его скрыть. Граф, очевидно заметив это, отодвинулся и с угрюмой улыбкой, еще более обнажившей зубы, сел на прежнее место у камина.

Некоторое время мы оба молчали. Я посмотрел в окно и увидел первый, еще смутный проблеск наступающего рассвета. Повсюду царила необычайная тишина, но, прислушавшись, я различил где-то, кажется внизу в долине, вой волков. Глаза графа блеснули, и он сказал:

– Послушайте их, детей ночи. Какая музыка! – Заметив, наверное, недоумение на моем лице, он добавил: – Ах, сударь, вам, горожанам, не понять чувств охотника, живущего в глуши. – Потом встал. – Вы, должно быть, устали. Ваша спальня готова, и завтра можете спать, сколько хотите. Меня не будет до полудня. Спокойной ночи, приятных снов!

С учтивым поклоном он сам открыл дверь в восьмиугольную комнату, и я пошел спать…

Что за странное состояние: меня одолевают сомнения, страхи, подозрения, в которых я не решаюсь сам себе признаться. Господи, храни меня, хотя бы ради тех, кто мне дорог!

7 мая. Опять раннее утро, целые сутки я провел в полном комфорте. Спал почти до вечера и проснулся сам. Одевшись, я прошел в комнату, где накануне ужинал, там меня ждал холодный завтрак и горячий кофе; кофейник стоял на камине. На столе лежала записка: «Я должен ненадолго отлучиться. Не ждите меня. Д.».

Я приступил к завтраку и поел от души. Потом хотел позвонить прислуге – дать знать, что можно убрать, но звонка нигде не было – довольно странный недостаток для дома с таким роскошным убранством. Столовый сервиз – из золота и такой прекрасной работы, что ему, наверное, цены нет. Шторы, обивка стульев, кушеток и драпировка в моей спальне – из роскошных, изысканных тканей, должно быть баснословно дорогих уже и в те времена, когда их покупали; несмотря на свою древность, они хорошо сохранились. Подобные ткани я видел в Хэмптон-Корте[16], но там они были потертые, обтрепанные, изъеденные молью. Удивительно, ни в одной комнате нет зеркала. Даже на моем туалетном столике. Чтобы побриться и причесаться, пришлось воспользоваться зеркальцем из моего несессера. Слуг не видно и не слышно; не слышно вообще никаких звуков, кроме воя волков.

После завтрака, или, скорее, обеда (не знаю, как назвать, поскольку было это между пятью и шестью часами вечера), я решил что-нибудь

почитать – без графа не хотел осматривать замок. Но в столовой не оказалось ни книг, ни газет, ни письменных принадлежностей. Я открыл другую дверь и обнаружил библиотеку. Толкнулся еще в одну дверь, но она была заперта.

В библиотеке, к своей великой радости, я нашел много английских книг – целые полки были уставлены ими и годовыми комплектами журналов и газет. Стол посреди комнаты тоже завален старыми английскими журналами и газетами. Книги же – самые разные: по истории, географии, политике, политэкономии, ботанике, геологии, юриспруденции – все об Англии, ее жизни, обычаях и нравах. Там были даже справочники – Лондонская адресная книга, «Красная книга»[17] и «Синяя книга», альманах Уитакера[18], Армейский и Флотский реестры, но особенно порадовал мою душу «Свод законов».

Я просматривал книги, когда дверь вдруг отворилась и вошел граф. Он сердечно приветствовал меня, выразил надежду, что я хорошо спал этой ночью, а потом сказал:

– Рад, что вы пришли сюда, тут много интересного для вас. Эти книги, – он положил руку на стопку книг, – мои верные друзья уже несколько лет, с тех пор, как у меня возникло намерение поехать в Лондон, они доставили мне много приятных часов. Благодаря им я узнал вашу великую Англию, а узнать ее – значит полюбить. Я так хочу пройтись по оживленным улицам громадного Лондона, попасть в самый центр людского водоворота и суеты, окунуться в городскую жизнь с ее радостями, несчастьями, смертями – словом, во все, что делает этот город тем, что он есть. Но увы! Пока я изучал ваш язык только по книгам. Надеюсь, мой друг, благодаря вам я научусь хорошо говорить по-английски.

– Помилуйте, граф, вы в совершенстве владеете английским!

Он степенно поклонился:

– Благодарю вас, мой друг, за ваше лестное мнение обо мне, но боюсь, что я всего лишь в начале пути. Конечно, я знаю грамматику и слова, но еще не умею толком пользоваться ими.

– Поверьте мне, – заверил я, – вы прекрасно говорите.

– Это не так, – настаивал он. – Уверен, если бы я переехал в Лондон, при разговоре во мне бы узнавали иностранца, а мне бы этого не хотелось. Здесь я знатен, я – граф, народ меня знает, я – господин. А пришелец в чужой земле[19] – никто; люди его не знают и, следовательно, равнодушны к нему. Я бы хотел не отличаться от других, чтобы на меня не обращали особого внимания, а услышав, не говорили бы: «Ха! Да это же иностранец!» Я привык быть господином

и хотел бы им остаться, или, по крайней мере, надо мной уже не может быть никакого господина. Вы для меня – не просто доверенное лицо моего друга Питера Хокинса из Эксетера, и приехали вы не только для того, чтобы разъяснить мне все о моем новом владении в Лондоне. Надеюсь, вы побудете со мной здесь некоторое время – в беседах с вами я усовершенствуюсь в английском. Прошу вас, исправляйте малейшие ошибки в моем произношении. Жаль, что мне пришлось так надолго отлучиться сегодня, но вы, полагаю, простите столь занятого человека, как я.

Конечно, я заверил его, что готов во всем помочь ему, и попросил разрешения пользоваться библиотекой.

– Разумеется, – ответил он и добавил: – Вы можете свободно ходить по замку, кроме тех комнат, которые заперты, да у вас, наверное, и не возникнет желания заходить туда. Так уж здесь повелось – на то свои резоны, и если бы вы могли увидеть мир моими глазами и обрести мои познания, вы бы поняли все гораздо лучше.

Я заметил, что не сомневаюсь в этом, а он продолжал:

– Мы в Трансильвании, а Трансильвания – это не Англия. Наш уклад жизни отличается от вашего, многое здесь покажется вам странным. И судя по тому, что вы мне рассказали о своих приключениях, вы уже имеете некоторое представление о своеобразии нашего края.

Это было только началом нашего долгого разговора. Моему хозяину явно хотелось поговорить, вполне вероятно, лишь ради разговорной практики, а я воспользовался возможностью расспросить его о том, что я наблюдал своими глазами. В нескольких случаях он уходил от ответа, делал вид, что не понимает, но в основном отвечал очень искренно. Постепенно я настолько осмелел, что спросил его о странных событиях прошлой ночи, например, зачем возница ходил туда, где замечал голубые огни. Граф объяснил мне, что существует поверье: в ночь беспредельной власти духов зла, которая бывает только раз в году – именно вчера и была такая ночь, – там, где спрятаны клады, появляются голубые огоньки.

– Нет сомнений, в той местности, по которой вы проезжали прошлой ночью, погребены сокровища; несколько веков в этом краю шла борьба между валахами, саксонцами и турками. Каждая пядь земли полита здесь человеческой кровью. Раньше сюда являлись полчища австрийцев и венгров, и патриоты – мужчины, женщины, старики и дети – выходили им навстречу, подстерегали их на перевалах или в узких ущельях и обрушивали на голову врага

искусственные лавины. Если захватчики и одерживали победу, им мало что доставалось: все, что можно, было надежно упрятано в землю.

– Но почему же клады так долго остаются погребенными, если существуют безошибочные ориентиры и людям надо лишь взять на себя труд приметить их? – спросил я.

Граф улыбнулся, обнажив при этом десны и крупные, острые, волчьи зубы:

– Потому что крестьянин в душе – трус и дурак. Эти огоньки появляются лишь в одну-единственную ночь, но в эту ночь ни один здешний житель носа не высунет из дома. А если бы, сударь, он и осмелился выйти, то все равно бы не знал, что делать. Думаю, даже вы не смогли бы найти эти места!

– Тут уж вы совершенно правы, – вздохнул я. – Даже где их искать, мне известно не больше, чем покойникам.

Затем беседа перешла в иное русло.

– Послушайте, – сказал граф, – расскажите мне наконец о Лондоне и о доме, который вы приобрели для меня.

Извинившись за свою рассеянность, я пошел к себе за бумагами. Собирая их, я слышал позвякивание посуды и приборов в соседней комнате; когда же я вернулся, стол был убран, лампа зажжена – к этому времени уже совсем стемнело. Свет горел и в библиотеке, я увидел, что граф прилег на кушетку и читает – из всех возможных книг он выбрал английский справочник «Брэдшо»[20]! Когда я вошел, он убрал книги и бумаги со стола, и мы углубились в разного рода планы, акты и цифры. Его интересовало все, он задал множество вопросов о доме и его окрестностях. Граф явно успел уже изучить все это – и в конце концов выяснилось, что он знал гораздо больше меня. Когда я отметил это, он сказал:

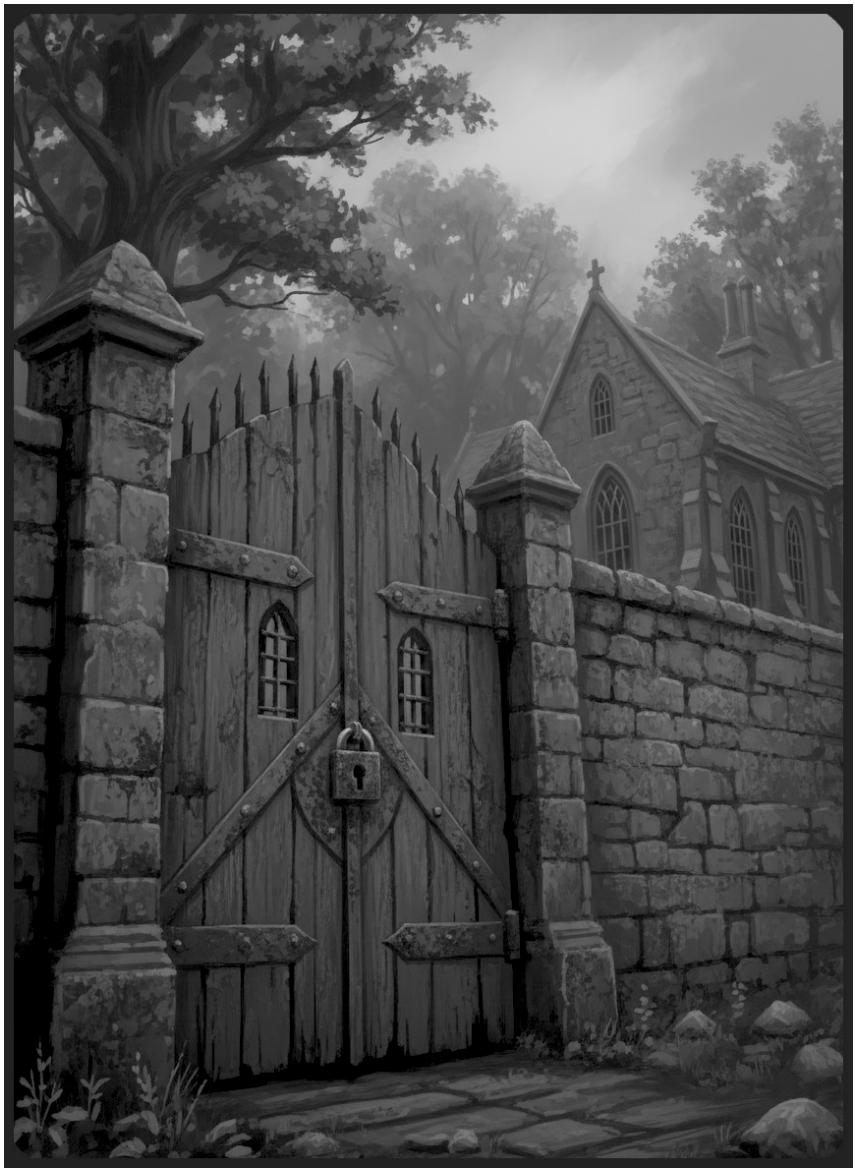
– Но, мой друг, разве в этом нет необходимости? Я буду совершенно один, а моего друга Харкера Джонатана – нет, извините, это обычай моей страны называть сначала фамилию – моего друга Джонатана Харкера не будет рядом со мной, чтобы направлять меня, помогать мне. Он будет далеко в Эксетере – работать над юридическими документами с другим моим другом, Питером Хокинсом. Вот так!

Мы стали досконально вникать в детали покупки дома в Перфлите. Я изложил своему странному клиенту все обстоятельства, он поставил подпись на нужных документах и написал к ним сопроводительное письмо для мистера Хокинса. После этого граф стал расспрашивать,

как мне удалось найти такую подходящую усадьбу. Я прочитал ему заметки, сделанные мною в то время, привожу их здесь.

«В Перфлите, милях в двадцати к востоку от центра Лондона, на северном берегу Темзы, в стороне от шоссе, в тихом месте я набрел, кажется, именно на то, что нужно. Там висело обтрепанное объявление о продаже дома. Он окружен высокой, старинной кладки стеной из больших, тяжелых камней и долгие годы не ремонтировался. Ворота из старого дуба и изъеденного ржавчиной железа заперты.

Усадьба называется «Карфакс», – несомненно, искаженное старое французское название «Катр Фас» («Четыре лица»): все четыре стены дома расположены по основным направлениям компаса. Участок занимает акров двадцать, огороженных уже упомянутой глухой каменной стеной. Там много деревьев, отчего местами в усадьбе мрачновато; есть глубокий темный пруд, или, точнее, озерцо, питающееся, наверное, подземными источниками, – вода в нем прозрачная, и из него вытекает речка. Дом очень большой, и в его архитектуре преобладает печать Средневековья: одна из стен сделана из очень толстого камня, в ней – лишь несколько высоко расположенных окон с железными решетками. Дом напоминает замок и примыкает к старой часовне. У меня не было ключа от двери, ведущей из дома в часовню, поэтому я не зашел внутрь, но сделал несколько ее снимков своим «кодаком». В разные времена дом частично и довольно беспорядочно достраивался, поэтому я не смог точно определить его общую площадь, но она, должно быть, очень велика. Поблизости домов немного, один из них – довольно большой – построен недавно, это частная психиатрическая лечебница. Но из усадьбы ее не видно».



Когда я кончил, граф сказал:

– Хорошо, что дом старинный. Я сам из древнего рода, жизнь в новом доме была бы для меня мучительна. Конечно, за день дом не сделаешь жилым; но, в сущности, не так уж много дней составляют столетие. Меня радует и то, что там есть старая часовня. Нам, господарям Трансильвании, не хотелось бы, чтобы наши кости покоились рядом с простыми смертными. Я не ищу ни веселья, ни

радости, ни упоения солнечными лучами и искрящимися водами, столь любимыми юными и жизнерадостными людьми. Я уже не молод, и мое сердце, измученное годами скорби по умершим, не склонно к веселью. Да и стены моего замка разрушаются; внутри сумрачно, холодный ветер дует сквозь проломы в стенах и разбитые окна. Я люблю тень и полумрак и хотел бы жить уединенно, насколько это возможно.

Почему-то его слова не соответствовали его облику. Возможно, сами черты лица этого человека придавали зловещий оттенок его улыбке.

Вскоре он извинился и вышел, попросив меня собрать мои бумаги. В его отсутствие я начал рассматривать книги. Среди них был атлас, открытый, конечно же, на карте Англии; было видно, что ею много пользовались. Я заметил, что некоторые пункты обведены кружками, один из них – близ Лондона, как раз там, где расположена новая усадьба графа; два другие – Эксетер и Уитби – на йоркширском побережье.

Приблизительно через час граф вернулся.

– А, вы все еще за книгами? – заметил он. – Хорошо! Но вы не должны так много работать. Пойдемте, мне сказали, ваш ужин готов.

Он взял меня под руку, и мы прошли в соседнюю комнату, где меня ждал великолепный ужин. Граф вновь отказался от него, сославшись на то, что обедал вне дома. Но, как и накануне, пока я ужинал, он сидел со мной, непринужденно болтая. Потом я закурил сигару, как и в прошлый вечер. И так за разговором – граф задавал вопросы на самые разные темы – проходил час за часом.

Я чувствовал, что время очень позднее, но ничего не говорил, так как считал своей обязанностью идти навстречу желаниям хозяина. Спать мне не хотелось, вчерашний продолжительный сон подкрепил меня. Но тем не менее я почувствовал озноб, как это обычно бывает на рассвете, который своим переходом от ночи к дню подобен смене приливов и отливов на море. Говорят, что люди чаще всего и умирают в предрассветные часы или же при смене прилива и отлива; любой, кто работал целую ночь и, устав, испытал на себе этот переход из одного времени суток в другое, поймет меня.

Вдруг мы услышали необыкновенно пронзительный крик петуха, словно прорезавший прозрачный утренний воздух.

Граф Дракула тут же вскочил:

– Ну вот, снова утро! Непростительно было с моей стороны продержать вас тут всю ночь. Но этот ваш захватывающий рассказ о

моей новой родине – дорогой Англии так увлек меня, что я потерял счет времени.

И, церемонно поклонившись, он вышел.

У себя в комнате я раздвинул гардины, но не увидел ничего интересного; окно выходило во двор, мне была видна лишь легкая дымка на светлеющем небе. Поэтому я задернул занавеси и описал прошедший день.

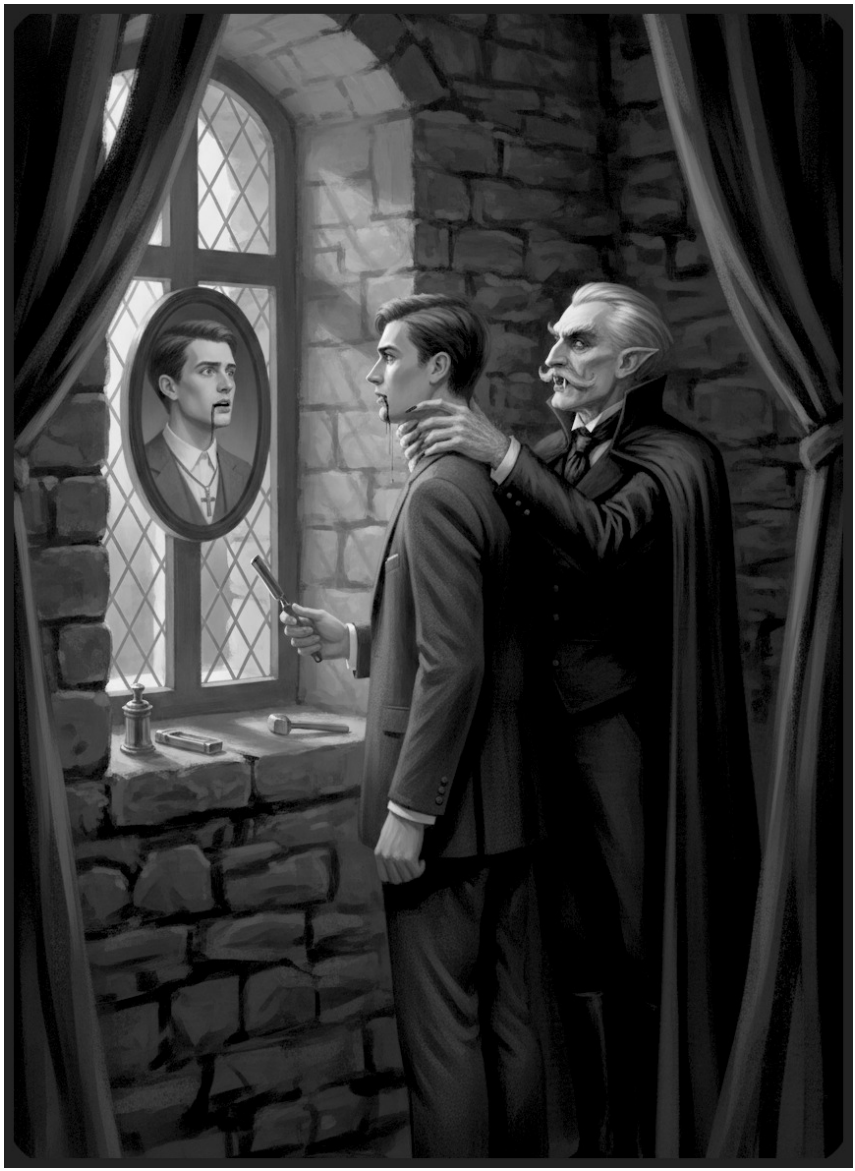
8 мая. Прежде меня смущало это обилие подробностей в моих записях, но теперь я рад этому: в замке что-то неладно, я чувствую себя не в своей тарелке. Как бы мне хотелось целым и невредимым выбраться отсюда или вообще не приезжать сюда. Возможно, на меня действуют эти странные ночные бдения, но если б дело было только в них! Будь здесь еще хоть кто-нибудь, с кем можно было бы перемолвиться словом, мне было бы легче, но никого нет. Только граф, а он… Боюсь, я здесь единственная живая душа. Пожалуй, лучше попросту изложить факты – это поможет мне сохранить здравый смысл и не дать волю воображению. Иначе я погиб. Рассказываю все, как было.

Спал я всего несколько часов и, почувствовав, что больше не засну, встал. Подвесив зеркало для бритья у окна, начал бриться. Вдруг почувствовал руку на плече и услышал голос графа:

– С добрым утром!

Вздрогнув от неожиданности, я слегка порезался, но в тот момент не обратил на это внимания, куда больше меня удивило то, что я не увидел графа в зеркале, хотя в нем отражалась вся комната. Ответив на приветствие, я вновь повернулся к зеркалу, чтобы проверить, не померещилось ли мне. На этот раз не было никакого сомнения: граф стоял почти вплотную ко мне, я видел его через плечо, но в зеркале его не было! Вся комната отражалась в зеркале, а в ней – никого, кроме меня. Поразительно! Эта странность усилила смутное чувство тревоги, возникавшее у меня всякий раз в присутствии графа.

В ту же минуту я заметил, что моя ранка слегка кровоточит и кровь тонкой струйкой сбегает по подбородку. Я отложил бритву, повернувшись при этом вполоборота в поисках пластыря. Граф увидел мое лицо, глаза его вспыхнули каким-то неистовым демоническим огнем, и он вдруг схватил меня за горло. Я отпрянул, и его рука коснулась шнурка, на котором висел крест. Это вызвало в нем резкую перемену – приступ бешенства прошел мгновенно, будто его и не было.

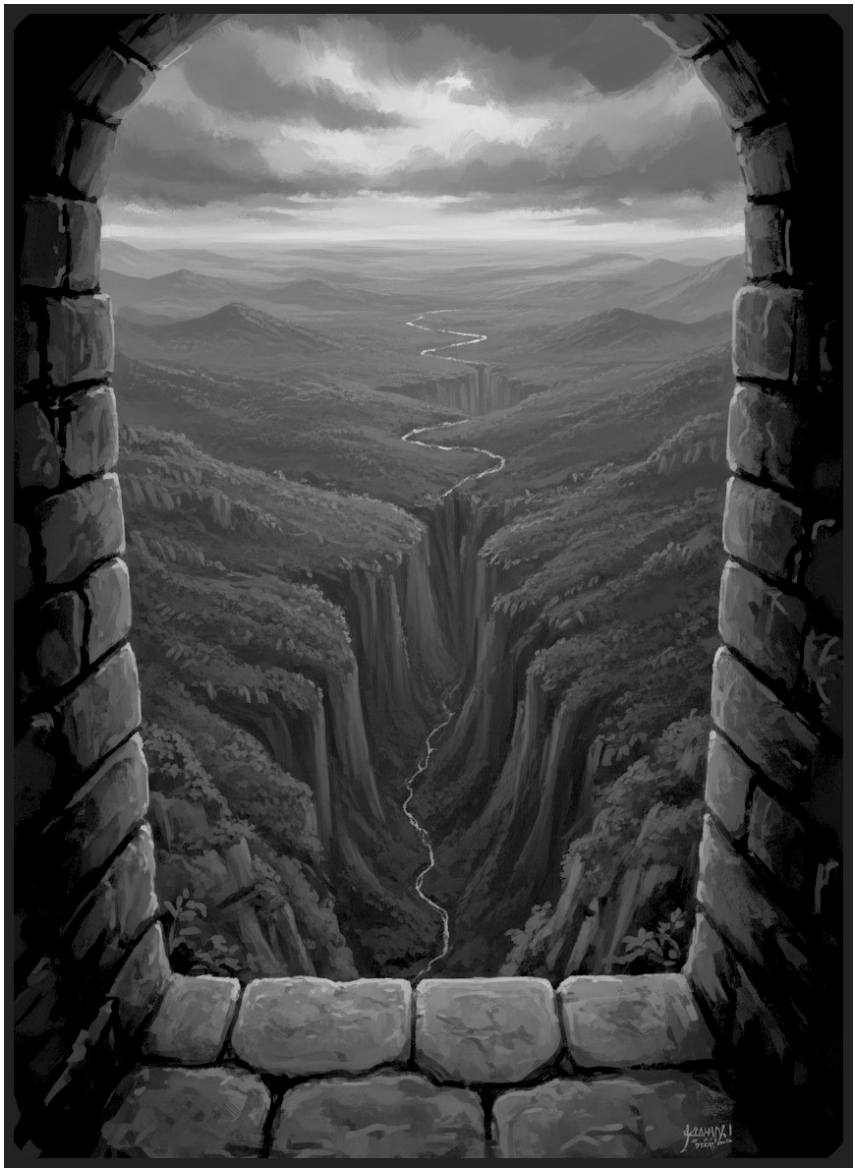


– Будьте осторожны, – прошептал он, – когда порежетесь. В этом краю это опаснее, чем вы думаете. – Потом, схватив зеркальце для бритья, добавил: – А все натворила эта никудышная вещь – мерзкая игрушка человеческого тщеславия. Выбросите ее!

Открыв массивное окно, он швырнул в него зеркало, разбившееся вдребезги о камни, которыми выложен двор. Затем, не говоря ни слова, вышел. Это все крайне неприятно. Не представляю себе, как я теперь

буду бриться, разве что перед корпусом моих часов или днищем бритвенного прибора, к счастью, сделанного из металла.

Когда я вышел в столовую, завтрак уже стоял на столе, но графа не было. Так что завтракал я в одиночестве. Странно, я до сих пор не видел графа за едой или питьем. Вероятно, он очень своеобразный человек! После завтрака я вышел на лестницу и обнаружил комнату, выходящую на юг. Передо мной открылась великолепная панорама. Замок расположен на самом краю пропасти. Камень, брошенный из окна, пролетел бы, наверное, тысячу футов, прежде чем коснуться земли! Куда ни посмотришь, везде зеленое море деревьев, а кое-где – глубокие впадины, видимо, там, где пропасти или ущелья. Местами – серебряные нити: это речки вьются в узких ущельях.



Но у меня нет настроения описывать красоты природы; я обследовал замок дальше: двери, двери, повсюду двери, и все – на замках и засовах. Нет никакой возможности выбраться из замка, разве что через окна.

Этот замок – настоящая тюрьма, а я – узник!

Глава III

ДНЕВНИК ДЖОНАТАНА ХАРКЕРА

(продолжение)

Когда до меня дошло, что я в плену, я впал в бешенство. Бегал вверх и вниз по лестницам, пробуя каждую дверь и выглядывая из окон; но вскоре сознание беспомощности заглушило все остальные чувства. Теперь, спустя несколько часов, припоминаю свое тогдашнее состояние, и мне кажется, что я на время сошел с ума и вел себя как крыса, попавшая в ловушку. Однако, убедившись, что положение мое безнадежно, я спокойно и хладнокровно, как никогда в жизни, стал обдумывать, что же мне предпринять. И теперь еще думаю об этом, но пока не пришел к какому-то окончательному решению. Только в одном я уверен: не стоит посвящать графа в мои раздумья и намерения. Этот человек прекрасно знает, что я в ловушке, и, поскольку он все это и устроил, видимо, у него какой-то свой умысел. Он лишь обманет меня, если я буду с ним откровенен. У меня один путь – скрывать свои страхи, делать вид, что я ни о чем не догадываюсь, и зорко следить за всем. Думаю, либо я сам, как дитя, поддался собственным страхам, либо действительно попал в чертовски трудное положение; если так, мне потребуется весь мой разум, чтобы найти спасительный выход.

Едва я пришел к этому выводу, как услышал хлопнувшую внизу входную дверь и понял: граф вернулся. Он не пришел сразу в библиотеку, поэтому я тихонько направился к себе в комнату и застал его там – он убирал мою постель. Странно, но это лишь подтверждает мои предположения: слуг в доме нет. Когда позднее сквозь щели в дверях столовой я увидел, что граф накрывает на стол, я уже не сомневался в этом (раз он сам исполняет обязанности слуг, значит, больше это делать некому). А если в замке, кроме нас, никого нет,

тогда граф был и возницей коляски, которая привезла меня сюда…

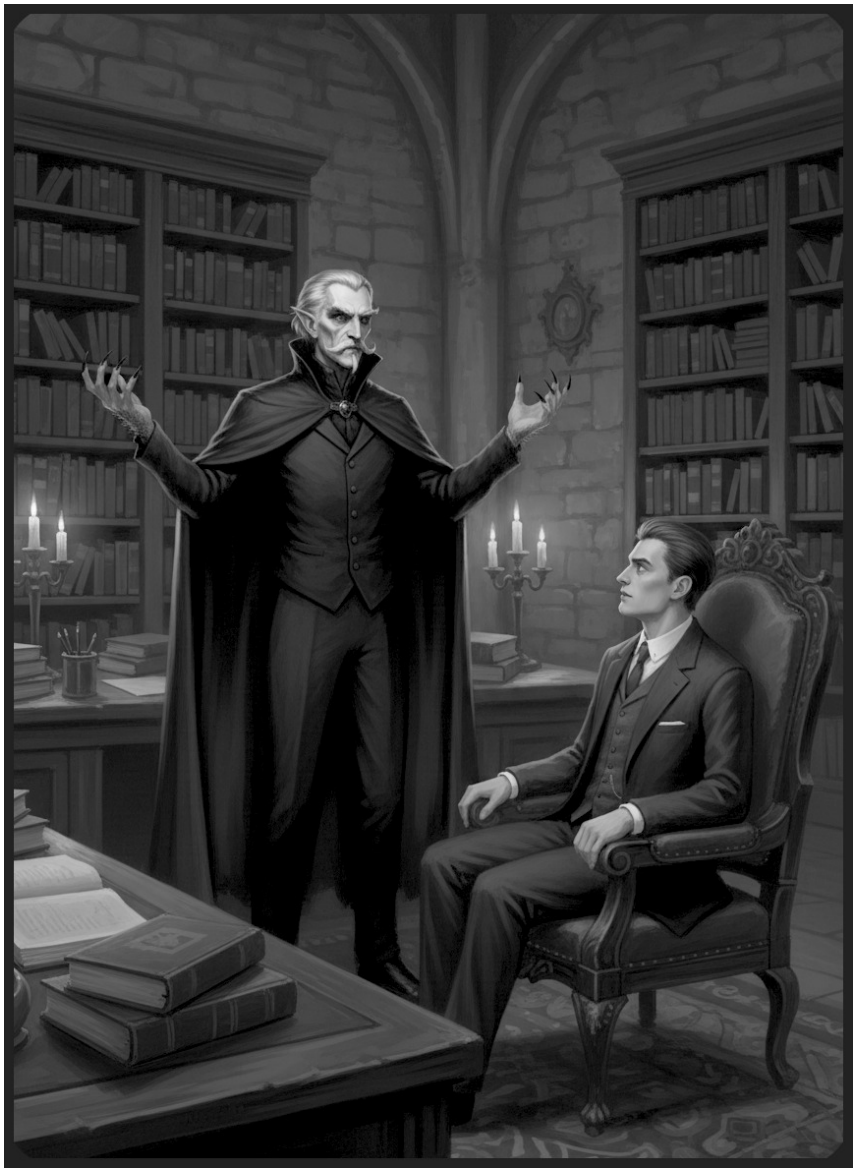
Мне стало не по себе: выходит, это он усмирял волков мановением руки. Почему люди в Бистрице и в дилижансе так боялись за меня? Зачем они дали мне распятие, чеснок, шиповник, рябину? Да благословит Господь ту добрую, милую женщину, которая повесила распятие мне на шею! Каждый раз, когда я дотрагиваюсь до него, оно придает мне сил и спокойствия. Как странно, что именно то, к чему меня приучили относиться враждебно, как к идолопоклонству, теперь, когда я оказался в беде и совершенно одинок, поддерживает меня.

Кроется ли что-то сакральное в самой сущности этих вещей, или они служат своеобразным средством передачи сочувствия и утешения – и именно это оказывает реальную помощь? Когда-нибудь, если все обойдется, я обязательно исследую и выясню этот вопрос для себя. А пока нужно как можно больше узнать о графе Дракуле – это поможет мне понять происходящее. Сегодня же вечером постараюсь заставить его рассказать о себе. Но нужно быть очень осторожным – не вызвать у него подозрений.

Полночь. Долго беседовал с графом, расспрашивал его об истории Трансильвании, и он очень живо и вдохновенно рассказывал о людях и событиях, особенно о битвах, как будто сам в них участвовал. Позднее он объяснил это тем, что для боярина честь его рода и фамилии – его честь, их слава – его слава, их судьба – его судьба. Всякий раз, упоминая свой род, он говорил «мы», почти всегда во множественном числе, как король. Жаль, у меня не было возможности дословно записать его рассказы об истории этого края – я слушал их, затаив дыхание. А он волновался, ходил по комнате, теребя седые усы, хватая все, что попадало под руку, будто жаждал все сокрушить. Один его рассказ – об истории его рода – постараюсь привести подробнее:

– Мы, секлеры, по праву гордимся своим родом – в наших жилах течет кровь многих храбрых поколений, которые дрались за власть, как львы. Здесь, в водовороте европейских племен, угры унаследовали от исландцев воинственный дух Тора и Одина[21], а берсерки[22] вели себя на морском побережье Европы, Азии, да и Африки так жестоко, что люди принимали их за оборотней. Придя сюда, они столкнулись с гуннами, в воинственном пылу прошедшими по этой земле, подобно огненному смерчу, и погубленный ими народ решил, что в их жилах течет кровь старых ведьм, изгнанных из Скифии и совокупившихся с бесами пустыни. Глупцы, глупцы! Какие бес или ведьма могли сравниться с великим Аттилой, кровь которого течет в моих жилах? – И он воздел руки. – Удивительно ли, что мы – племя победителей? Что

мы горделивы? А когда мадьяры, лангобарды, авары[23], болгары и турки хлынули на наши границы, разве не мы оттеснили их с нашей земли? Стоило ли удивляться тому, что Арпад[24] и его легионы, пройдя через всю Венгрию и достигнув границы, споткнулись о нас и здесь был положен конец Хонфоглалашу[25]? А когда мадьяры хлынули на восток, то они, победители, признали свое родство с секлерами и много веков доверяли нам охрану границ с Турцией. А это нелегкое дело – бесконечные заботы по охране границы; как говорят турки, «даже вода спит, а враг никогда не дремлет». Кто отважнее нас во времена «четырех наций»[26] бросался в бой с численно превосходящим противником или по боевому зову быстрее собирался под знамена короля? Когда был искуплен наш великий позор – позор Косова[27], где знамена валахов и мадьяр склонились перед мусульманским полумесяцем?



Кто же, как не один из моих предков – воевода, – переправился через Дунай и разбил турок на их земле? Это был истинный Дракула! К несчастью, после крушения доблестного воеводы его недостойный родной брат продал своих людей туркам[28] и навлек на них позор рабства! Не пример ли Дракулы, героя, вдохновил позднее одного из его потомков вновь и вновь переправляться через великую реку в Турцию? И, несмотря на цепь поражений, снова и снова возвращаться

туда? И хотя с кровавого поля боя, где гибли его полки, он приходил домой один, но все равно был неизменно уверен, что в конце концов одержит победу! Его обвиняли в непомерной гордыне. Чушь! Что могут крестьяне без предводителя? Во что превращается война, если ее вести без ума и сердца? И опять же, когда после Мохачской битвы было сброшено венгерское иго[29], вожаками были мы – Дракулы, наш дух не мог смириться с несвободой. Эх, юноша, секлеры (а Дракулы – их сердце, мозг и меч) могут похвалиться древностью своего рода, недоступной этим новоиспеченным династиям Габсбургов и Романовых. Дни войны миновали. Кровь в эти дни позорного мира слишком драгоценна, а слава великих народов – не более чем старые байки.

Тут наступил рассвет, и мы разошлись спать. (Занятно: этот дневник напоминает сказки «Тысячи и одной ночи» или историю тени отца Гамлета – все прерывается при первом крике петуха.)

12 мая. Начну с фактов, неумолимых, несомненных, подтвержденных книгами и цифрами. Не нужно путать их с моими непосредственными впечатлениями. Вчера вечером граф засыпал меня вопросами – правовыми и о разных практических делах. Целый день я корпел над книгами, освежая в памяти то, что некогда изучал в «Линкольнз-инн»[30]. Граф наводил справки, руководствуясь какой-то своей системой; приведу его вопросы – эти сведения могут рано или поздно мне пригодиться.

Прежде всего он спросил меня, можно ли в Англии иметь двух стряпчих. Я объяснил ему: при желании можно иметь хоть дюжину, но лучше, когда дело ведет один стряпчий и отвечает за него, смена же стряпчих лишь вредит интересам клиента. Казалось, граф понял меня, однако продолжал свою линию: возможно ли, спросил он, сделать так, чтобы один поверенный вел, скажем, его банковские дела, а другой следил за погрузкой корабля совсем в другой местности, расположенной далеко от местожительства первого стряпчего. Чтобы не ввести своего странного клиента в заблуждение, я попросил его объясниться конкретнее.

– Приведу пример, – начал граф. – Наш общий друг, мистер Питер Хокинс, живущий под сенью прекрасного собора в Эксетере[31] вдали от Лондона, покупает для меня с вашей помощью дом в Лондоне. Прекрасно! Позвольте быть с вами откровенным, дабы вы не сочли странным, что я прибегнул к услугам человека, живущего далеко от Лондона, а не к стряпчему-лондонцу: мне хотелось, чтобы при выборе он руководствовался только моими, а не какими-либо иными

интересами; у лондонца могут быть и свои цели, интересы друзей, поэтому я постарался найти поверенного, который будет блюсти только мои интересы. Теперь, допустим, я, человек очень занятой, хотел бы отправить товар, скажем, в Ньюкасл, Дарем, Харидж или Дувр, так не проще ли мне обратиться по этому поводу к кому-нибудь на месте?

Я согласился, но добавил, что у стряпчих везде свои представители, готовые выполнить любое поручение на месте, поэтому клиенту достаточно доверить свои дела одному стряпчему, а уж дальше его распоряжения будут исполняться без всяких для него хлопот.

– Но ведь я и сам, – заметил граф, – мог бы свободно распоряжаться своими делами. Не так ли?

– Конечно. Это принято среди деловых людей, которые не хотят, чтобы кто-то был в курсе их дел.

– Превосходно! – сказал он и принялся выяснять способы оформления поручительств, их виды и разные затруднения, которых можно избежать, если предусмотреть их заранее. Я объяснил ему все, что знал по этим вопросам. В конце концов у меня сложилось впечатление, что мой клиент мог бы сам быть великолепным стряпчим, настолько хорошо он предвидел и оговаривал всевозможные ситуации. Для человека, который никогда не был в стране и далек от профессии стряпчего, его познания и проницательность были просто поразительны.

Получив все интересующие его объяснения и сведения, достоверность которых я тут же проверил по справочникам, граф встал и спросил:

– Писали ли вы мистеру Питеру Хокинсу или кому-нибудь еще после вашего первого письма?

С горечью я ответил, что у меня вообще отсутствует возможность какой бы то ни было переписки.

– Ну так пишите, мой дорогой друг! – воскликнул он, положив свою тяжелую руку мне на плечо. – Пишите немедленно нашему общему другу и всем, кому хотите, только не забудьте сообщить, что пробудете у меня еще около месяца, считая с сегодняшнего дня, если, конечно, вы не против.

– Вы хотите, чтобы я остался так надолго? – растерянно пробормотал я, и от одной мысли об этом у меня похолодело сердце.

– Я бы этого очень хотел. Более того, отказа не приму. Когда ваш патрон, хозяин или как угодно, сообщил мне, что пришлет своего

заместителя, мы с ним условились, что во внимание будут приниматься только мои интересы. Сроков я не ограничивал. Разве не так?

Что же мне оставалось делать, как не кивнуть в знак согласия? Ведь речь шла об интересах мистера Хокинса, а не моих, я должен был думать о нем, а не о себе. Кроме того, в глазах графа, в том, как он держался, было нечто, сразу внушавшее мне, что я – пленник и, даже если попытаюсь возражать, выбора у меня нет. Граф воспринял мой утвердительный кивок как свою победу, а тревогу, невольно выразившуюся на моем лице, – как свидетельство своей власти надо мною и немедленно воспользовался этим, сказав очень любезным, но не допускающим возражений тоном:

– Очень прошу вас, мой дорогой юный друг, в своих письмах писать только о делах. Несомненно, вашим друзьям будет приятно узнать, что вы здоровы и с нетерпением ждете встречи с ними. Разве не так?

Он протянул мне три листка бумаги и три конверта. Посмотрев на этот тончайший, почти прозрачный почтовый набор, а затем на графа с его спокойной улыбкой и острыми, клыкообразными зубами над красной нижней губой, я понял столь же ясно, как если бы он прямо сказал мне об этом: нужно быть осторожным в письмах – он может прочитать их. И я решил написать сугубо официальные письма, а потом тайком, подробно, мистеру Хокинсу и Мине – в посланиях к ней я прибегну к стенографии, что поставит графа в затруднительное положение, если он попробует перлюстрировать мою корреспонденцию.

Написав два письма, я спокойно начал читать книгу, а граф делал какие-то заметки, периодически заглядывая в лежащие на столе справочники. Потом он взял мои послания, положил их вместе со своими около письменного прибора и вышел из комнаты. Я тут же воспользовался возможностью взглянуть на эти письма, лежавшие на столе адресами вниз. И не испытал никаких угрызений совести: в нынешних обстоятельствах я вынужден использовать любые возможности для спасения.

Одно из писем было адресовано Сэмюэлю Ф. Биллингтону, Уитби, Кресент, 7; другое – господину Лойтнеру, Варна; третье – Кутсу и К°, Лондон; четвертое – господам Клопштоку и Билройту, банкирам в Будапеште. Второе и четвертое были не запечатаны. Только я собрался прочесть их, как заметил движение дверной ручки. Я едва успел положить письма в прежнем порядке, бросился в кресло и углубился в

книгу, как в комнату вошел граф еще с одним письмом в руке. Он взял письма, аккуратно наклеил на них марки и сказал мне:

– Думаю, вы извините меня, но сегодня вечером я должен поработать в уединении – очень много дел. Надеюсь, вам будет удобно и вы хорошо отдохнете. – В дверях он остановился и после минутной паузы добавил: – Позвольте посоветовать вам, мой дорогой юный друг, вернее, самым серьезным образом предупредить: если вы выйдете прогуляться по замку, ни в коем случае не вздумайте прилечь поспать где-нибудь, кроме своих комнат. Замок древний, хранит в своих стенах много воспоминаний, и плохо приходится тем, кто выбирает случайное место для отдыха. Будьте осторожны! Как только захочется спать, спешите в свою спальню или в одну из этих комнат, здесь ничто не потревожит ваш сон. Но если будете неосторожны, тогда…

И со зловещим видом он показал, что умывает руки. Я принял его слова к сведению, но усомнился в возможности существования чего-то более ужасного, чем та неестественная, чудовищная и таинственная западня, в которую меня угораздило попасть.

Позднее. Убедился в справедливости своего последнего наблюдения; теперь уже нет никаких сомнений. Нигде не побоюсь спать, лишь бы подальше от этого человека. Я положил распятие в изголовье моей кровати – наверное, так буду спать спокойней, пусть оно там и лежит.

Когда граф ушел, я, побыв немного в своей комнате и не слыша ни звука, решил выйти – поднялся по лестнице наверх, откуда открывался вид на южную сторону. После гнетущего сумрака замкового двора от обширных, хоть и недоступных, пространств на меня повеяло свободой. Глядя на эти просторы, я особенно остро ощутил, что нахожусь в тюрьме, мне хотелось глотнуть свежего воздуха, хотя была ночь. Я почувствовал, что ночной образ жизни начинает сказываться на моих нервах: меня пугала собственная тень, мне чудились кошмарные видения. Но, видит бог, для моих жутких страхов в этом проклятом месте есть основания!

Я любовался прекрасным видом, озаренным мягким лунным сиянием, было светло почти как днем. Очертания далеких холмов смягчились, тени в долинах и бархатный мрак ущелий как будто подтаяли. Первозданная красота природы ободрила меня; с каждым глотком воздуха я, казалось, вбирал в себя спокойствие и надежду. Высунувшись из окна, я заметил какое-то движение этажом ниже, чуть левее, где, по моим расчетам, находились окна комнаты графа.

Высокое окно, у которого я стоял, было заключено в амбразуру, пострадавшую от времени, но тем не менее уцелевшую, впрочем, рама, судя по всему, уже давным-давно отсутствовала. Я спрятался за каменную кладку и осторожно выглянул.

Из окна высунулась голова графа. Лица я не видел, но узнал его по затылку и движению плеч и рук. Во всяком случае, уж руки-то его я не мог не узнать – столько раз я их внимательно разглядывал. Сначала мне было любопытно и даже несколько забавно – удивительно, как мало нужно, чтобы заинтересовать и позабавить человека, находящегося в плену. Но мое любопытство быстро перешло в чувство отвращения и страха – я увидел, как он медленно вылез из окна и пополз по стене над ужасной пропастью, его плащ развевался, подобно огромным крылам.

Я не поверил своим глазам, подумал было, может, это игра лунного света или причудливое отражение теней, вгляделся внимательнее – и сомнения исчезли. Я ясно видел, как его пальцы и носки ботинок нащупывали зазоры между камнями, из которых с течением времени выветрилась штукатурка; карабкаясь по выступам и неровностям, граф, как ящерица, быстро спускался по стене.

Что это за человек или, точнее, существо в обличье человека? Чувствую, что царящий здесь ужас подавляет меня; мне страшно – очень страшно, не вижу выхода; я настолько охвачен страхом, что даже подумать не смею о…

15 мая. Опять видел графа ползущим ящерицей по стене. Он спустился наискось футов на сто и исчез в какой-то дыре или окне слева. Я высунулся и попытался проследить его дальнейший путь, но безуспешно – расстояние было слишком велико, он был вне поля моего зрения. Но я знал: в замке его уже нет, и решил воспользоваться случаем – осмотреть то, чего не видел прежде.

Вернулся в комнату, взял лампу и стал дергать все двери подряд. Разумеется, они оказались заперты, замки на них были сравнительно новыми. Тогда я спустился по каменной лестнице в зал, через который впервые попал в замок. Засовы, как выяснилось, довольно легко отодвигаются, а большие цепи нетрудно снять с крюков, но дверь была заперта, а ключ, похоже, находился в комнате графа… Надо дождаться случая, когда дверь будет открыта, взять там ключ и бежать.

Я продолжал обследовать лестницы, коридоры и пробовать двери. Одна или две маленькие комнаты близ зала оказались открыты, но в них не было ничего интересного, кроме старинной мебели, покрытой многолетней пылью и изъеденной молью. В конце концов, поднявшись

по одной из лестниц на самый верх, я нашел дверь, которая хотя и была как будто заперта, однако при толчке поддалась. Толкнув сильнее, я почувствовал: она не заперта, а не открывается потому, что сошла с петель и, будучи очень массивной, просто стоит на полу. Второй раз такой возможности могло и не представиться, поэтому я напрягся изо всех сил и отодвинул ее настолько, чтобы протиснуться в образовавшуюся щель.

Я был в правом крыле замка, этажом ниже моих покоев. По расположению окон я понял: это анфилада комнат на южной стороне, а окна последней выходят на запад и юг. С обеих сторон зияла пропасть. Замок стоял на краю большого утеса, неприступного с трех сторон, и именно в этой его части, неуязвимой для пращи, лука или кулеврины[32], располагались большие окна, источник света и покоя, невозможные в менее защищенных местах. На западе виднелась большая долина, за ней, вершина за вершиной, уходили в небо огромные зубчатые горные твердыни; крутые склоны поросли рябиной и терновником, корни которых цеплялись за трещины и расщелины в камне.

По-видимому, в этой части замка когда-то находилась женская половина: обстановка здесь уютнее, чем в остальных его пределах. Занавесок не было, и золотистый лунный свет, свободно струившийся сквозь окна, позволял различить спокойные тона и скрадывал толстый слой пыли, скрывавшей разрушительное действие времени и моли. Моя лампа мало помогала при ярком лунном свете, но я был рад, что захватил ее, – ужасное чувство одиночества холодило сердце и натягивало нервы как струны. И все же здесь дышалось явно легче, чем в тех комнатах, которые я возненавидел из-за посещений графа. Я постарался взять себя в руки, спокойствие снизошло на меня.

И вот сижу за дубовым столиком – возможно, в былые времена к нему присаживалась прекрасная дама, чтобы, обдумывая каждое слово и краснея, написать любовное письмо с орфографическими ошибками, а теперь я стенографирую в своем дневнике все, что произошло со мной с тех пор, как мне довелось его последний раз открывать. На дворе девятнадцатый век – век науки и прогресса. И все же, если мои чувства не обманывают меня, прошедшие века имели и имеют власть

над нами, которую не может уничтожить никакой «прогресс».

16 мая. Утро. Да хранит Господь мой рассудок – я в этом очень нуждаюсь. Безопасность, или хотя бы уверенность в безопасности, уже в прошлом. Сейчас у меня только одно желание – не сойти с ума, если, конечно, это уже не произошло. Если же я еще в своем уме, то, как ни досадно, следует признать, что из всех кошмаров, подстерегающих меня в этом ненавистном месте, наименее опасен для меня граф: я могу надеяться только на его помощь – по крайней мере, пока он во мне нуждается. Боже всемогущий! Боже милосердный! Помоги мне сохранить хладнокровие, иначе я сойду с ума. Кое-что прояснилось в том, что раньше озадачивало меня. До сих пор я никогда не понимал до конца, что имел в виду Шекспир, говоря устами Гамлета:

Где памятная книжка? Запишем
В ней, что можно улыбаться
И в то же время быть злодеем!..[33]

Теперь же, чувствуя, что разум мой помутился или пережил потрясение, которое должно найти разрядку, обращаюсь к дневнику, чтобы обрести душевное равновесие. Может быть, эта привычка регулярно вести дневник поможет мне успокоиться.

В свое время таинственное предостережение графа напугало меня; теперь же оно тем более страшит меня – боюсь, его власть надо мной в будущем станет и вовсе непомерной. Скоро мне будет страшно даже сомневаться в его словах!

Кончив писать и спрятав в карман дневник и ручку, я почувствовал, что мне очень хочется спать. Я помнил предупреждение графа, но мне доставило удовольствие ослушаться его. Сон одолевал меня все сильнее, но я противился ему, так часто бывает: чем сильнее хочешь спать, тем упорнее стараешься не заснуть. Мягкий лунный свет умиротворял, а бескрайний простор за окном пробуждал чувство свободы, которое будоражило меня и придавало сил.

Я решил не возвращаться в свои мрачные комнаты этой ночью, а провести ее здесь, где в старину сиживали дамы, пели, грустили, когда мужья покидали их, погружаясь в кровавую пучину беспощадных войн. Вытащил большую кушетку из угла и, не обращая внимания на пыль, поставил ее так, чтобы наслаждаться прекрасным видом из окон, выходящих на восток и юг; вскоре веки мои смежились. Вероятно, я заснул; надеюсь, заснул, однако все последовавшее было настолько реально, что даже теперь, когда я сижу здесь средь бела дня и в окна ярко светит солнце, никак не могу поверить, что все это мне

приснилось…

Я был не один. Комната нисколько не изменилась с тех пор, как я вошел в нее. В лунном свете я различал собственные следы на густом слое пыли на полу. Напротив меня стояли три молодые женщины – леди, судя по их одежде и манерам. Я подумал, они мне снятся, потому что лунный свет падал на них сзади, но на полу не было тени.

Они подошли ко мне близко, некоторое время смотрели на меня, потом начали шептаться. Две из них – брюнетки с тонкими орлиными носами, как у графа, и большими темными пронзительными глазами, почти красными на фоне бледно-желтого света луны. Третья была белокурой – ослепительная блондинка с густыми, вьющимися, золотистыми волосами и бледно-сапфировыми глазами. Ее лицо показалось мне знакомым, как будто я видел его в каком-то страшном сне, но не мог вспомнить, где и когда. У всех трех прекрасные белые зубы, сверкающие, как жемчужины, меж алых сладострастных губ. Глядя на этих нимф, я испытал двойственное чувство – вожделение и одновременно смертельный страх. У меня возникло порочное страстное желание, чтобы они поцеловали меня своими алыми губами. Нехорошо писать об этом – я могу причинить боль Мине, если записи попадутся ей на глаза, но это правда.

Дамы пошептались и рассмеялись серебристым, музыкальным и в то же время каким-то неестественно резким смехом – едва ли такой звук могли издавать мягкие человеческие губы. Он напоминал невыносимый скрип, который извлекает умелая рука, водя по краю наполненного водой стакана.

Блондинка кокетливо покачивала головой, брюнетки уговаривали ее. Одна из них сказала:

– Ну, давай! Ты – первая, а мы – за тобой. Это твое право – начать.

Другая добавила:

– Он молод и здоров; поцелуев хватит на всех.

Я лежал ни жив ни мертв и, прикрыв глаза, сквозь ресницы наблюдал за происходящим, весь в предвкушении наслаждения. Белокурая дама подошла и наклонилась надо мной – я почувствовал ее дыхание. Оно было сладким, словно мед, и так же будоражило нервы, как и ее голос, но к этой сладости примешивалась некая горечь, неприятная горечь, присущая запаху крови.

Я боялся открыть глаза, но все прекрасно видел сквозь ресницы. Блондинка встала на колени и наклонилась ко мне в вожделении. Ее ленивое сладострастие было одновременно волнующим и отталкивающим. Наклоняясь, она облизывала губы, подобно

животному: при свете луны я заметил влажный блеск ее алых губ и красного языка. Она склонялась все ниже и ниже, губы ее скользнули по моему рту и замерли где-то у горла. Я слышал причмокивающий звук ее языка, облизывающего зубы и губы, чувствовал на шее горячее дыхание. Потом ощутил легкое щекотание на горле, нежное, едва уловимое касание губ, а когда два острых зуба осторожно царапнули мою кожу, я закрыл глаза в томном восторге и ждал – ждал, весь трепеща…

Но в ту же секунду меня пронзило другое, мгновенное, словно вспышка молнии, ощущение: граф здесь, и он – в бешенстве. Я невольно открыл глаза и увидел, как своей мощной рукой он схватил блондинку за тонкую шею и с силой оттащил от меня. Ее глаза сверкнули гневом, зубы заскрежетали, щеки вспыхнули. Но что было с графом! Я и представить себе не мог такой ярости и неистовства даже у бесов преисподней. Его глаза метали молнии. Красный отсвет сделался еще ярче, будто в них и вправду вспыхнуло адское пламя.

Резким взмахом руки он отшвырнул женщину и сделал знак другим, как бы отгоняя их; это был тот же повелительно-властный жест, который я наблюдал при укрощении волков. Тихо, почти шепотом, но так, что голос его, казалось, резал воздух, заполняя собой всю комнату, он сказал:

– Как вы смеете его трогать, вы?! Или даже смотреть в его сторону, раз я запретил вам? Назад, сказано вам! Этот человек принадлежит

мне! Попробуйте только тронуть его – и будете иметь дело со мной.

Блондинка с каким-то вульгарным кокетством усмехнулась:

– Ты никого никогда не любил и не любишь!

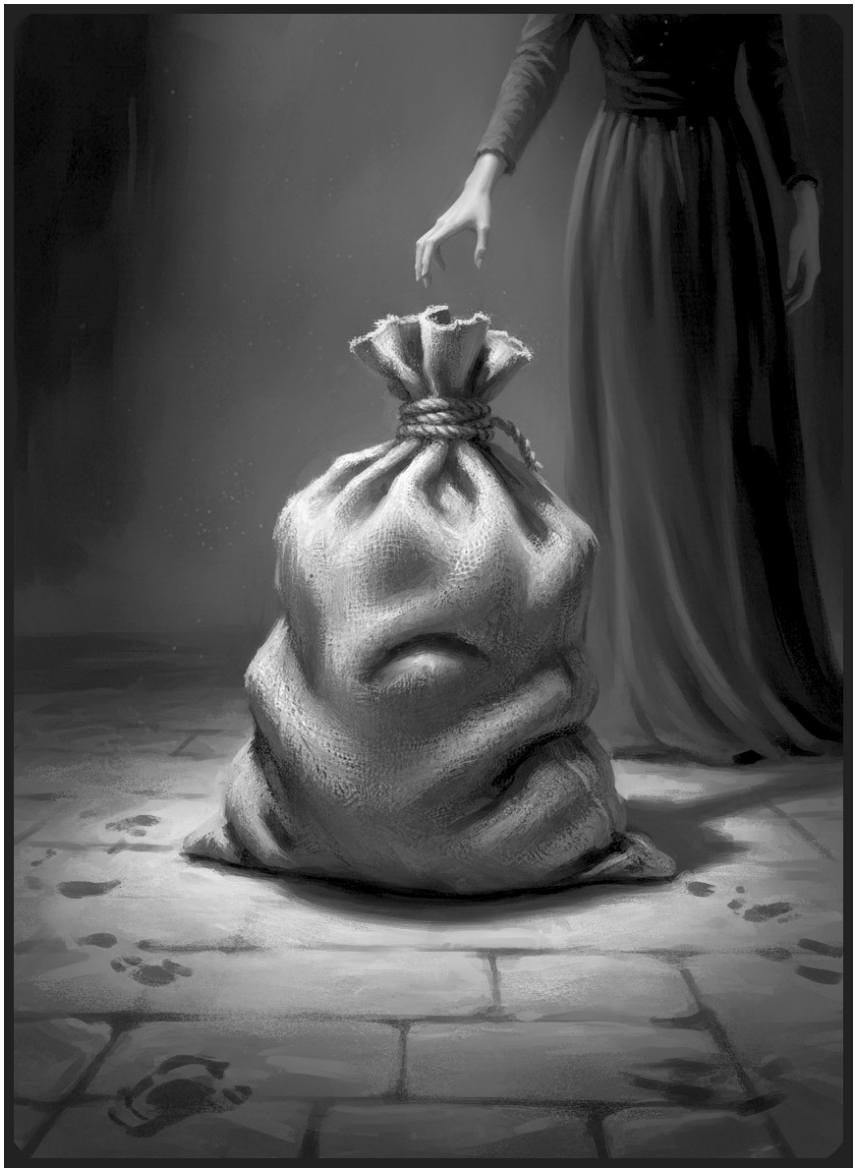
При этих словах две другие женщины тоже засмеялись, и от их безрадостного, резкого, бездушного смеха я чуть не потерял сознание – казалось, веселятся ведьмы.

Граф повернулся ко мне и, пристально глядя на меня, ласково прошептал:

– Нет, я тоже могу любить; вы в прошлом и сами могли убедиться в этом. Разве не так? Ладно, обещаю, как только покончу с ним, можете сколько угодно целовать его. А теперь уходите! Прочь! Я должен разбудить его – есть дело!

– А что же, мы сегодня ночью ничего не получим? – спросила блондинка с наглым смешком, указывая на брошенный им на пол мешок, который шевелился, как будто в нем было что-то живое.

Граф кивнул. Одна из женщин тут же бросилась к мешку и открыла его. Если слух не обманул меня, оттуда раздались вздохи и тихий плач полузадушенного ребенка…



Женщины обступили мешок. Я был в ужасе. И вдруг они исчезли вместе с этим ужасным мешком, хотя я не отрывал от них глаз. Другой двери в комнате не было; чтобы выйти, им пришлось бы пройти мимо меня. Казалось, они просто растворились в лучах лунного света и исчезли в окне: какое-то мгновение я еще наблюдал их смутные, призрачные очертания, прежде чем они совершенно исчезли.

Меня охватил такой ужас, что я потерял сознание.

Глава IV

ДНЕВНИК ДЖОНАТАНА ХАРКЕРА

(продолжение)

Проснулся я в своей спальне. Если мое ночное приключение мне не приснилось, то, наверно, граф и перенес меня сюда. Многие мелочи это подтверждают – например, моя одежда сложена не так, как обычно. Часы стоят, а я всегда завожу их на ночь… Но все это, конечно, не доказательство, а, возможно, лишь косвенное подтверждение того, что я не в себе. Нужно найти настоящее доказательство. Одно меня порадовало: если меня сюда принес и раздел граф, то он, похоже, очень спешил – карманы не тронуты. Я уверен, что дневник был бы для него загадкой, и он, конечно, забрал бы его или уничтожил. Теперь моя комната, раньше столь неприятная для меня, – мое убежище; нет ничего отвратительнее тех ужасных женщин, ждущих случая высосать мою кровь.

18 мая. При свете дня вновь пошел в ту комнату – я просто должен установить истину, проверить себя. Дверь на верхней площадке лестницы оказалась заперта. Ее захлопнули с такой силой, что дерево местами расщепилось. Мне удалось разглядеть, что дверь заперта не снаружи, а изнутри. Боюсь, то был не сон, я должен действовать.

19 мая. Несомненно, я в западне. Прошлой ночью граф очень любезно попросил меня написать три письма: в первом сообщить, что моя работа близится к завершению и через несколько дней я выеду домой; во втором – что я выезжаю на следующий день после даты письма; в третьем – что я уже покинул замок и приехал в Бистрицу. Мне хотелось воспротивиться, но в моем положении открыто ссориться с графом – это безумие, пока что я совершенно в его власти; отказ возбудил бы его подозрения и разозлил. Он бы понял, что я слишком многое узнал и не должен оставаться в живых – чересчур

опасен; мой единственный шанс спастись – тянуть время и искать выход. Возможно, подвернется случай бежать.

В его глазах я снова заметил вспышку гнева, напомнившего мне сцену с той блондинкой. Граф стал объяснять мне, что почта бывает здесь редко и нерегулярно, письма же успокоят моих друзей, заблаговременно известив их о моем приезде, а если по каким-то причинам я пробуду в замке еще некоторое время, он может задержать два моих последних письма в Бистрице. Любые мои возражения лишь привели бы к новым подозрениям. Я сделал вид, что согласен, спросил лишь, какие даты проставить в письмах. Он подумал минуту и ответил:

– Первое пометьте двенадцатым, второе – девятнадцатым, а третье – двадцать девятым июня.

Теперь я знаю, сколько дней жизни мне отпущено. Господи, помоги мне!

28 мая. Появилась возможность бежать или, по крайней мере, послать домой весточку. Цыганский табор пришел в замок и расположился во дворе; я уже писал о них в своем дневнике. Они родственны цыганам всего мира, но имеют и свои особенности. Цыгане живут в Венгрии и Трансильвании фактически вне закона. Как правило, они пристраиваются в имении какого-нибудь крупного аристократа и называют себя его именем. Они бесстрашны, чужды какой-либо религии, но суеверны и говорят на разных наречиях цыганского языка.

Напишу домой несколько писем и уговорю цыган отвезти их на почту. Я уже завязал с ними знакомство через окно. Они почтительно поклонились мне, сняв шляпы, и делали какие-то знаки, столь же непонятные, как и их язык…

Я написал Мине – стенографически, а мистера Хокинса попросил связаться с нею. Мине я объяснил свою ситуацию, умолчав об ужасах, в которых еще сам не совсем разобрался. Выложи я ей все откровенно, она бы перепугалась до смерти. А если письма попадут к графу, он все равно не узнает моих тайн, точнее, насколько я проник в его тайны…

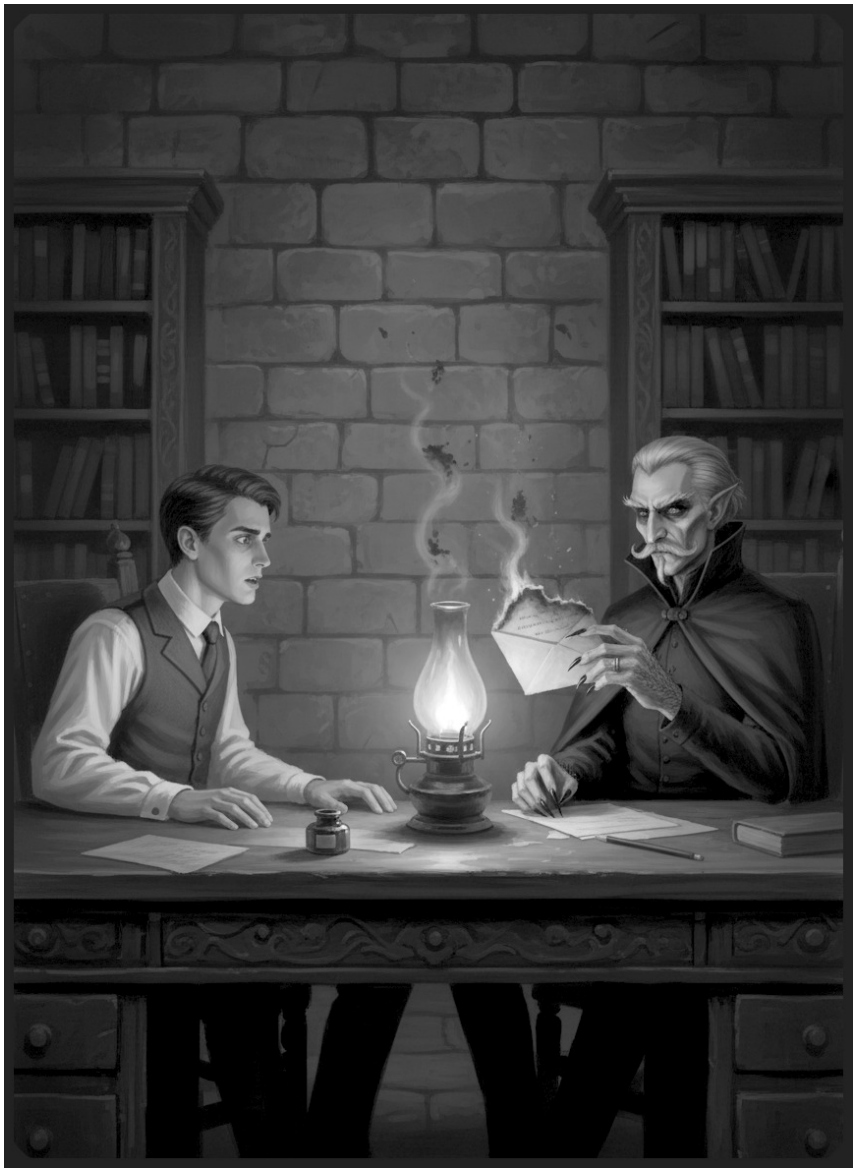
Я пропихнул письма вместе с золотой монетой сквозь решетку на моем окне и, как мог, знаками показал, что их нужно опустить в почтовый ящик. Один из цыган подобрал их, прижал к сердцу, поклонился и вложил в свою шляпу. Больше я ничего не мог предпринять. Проскользнув в кабинет, я стал читать. Граф все не появлялся, тогда я занялся дневником…

Но вот он пришел и, сев рядом со мной, вкрадчивым голосом

сказал, показывая письма:

– Цыгане передали мне эти письма; хотя не знаю, откуда они взялись, я о них, конечно, позабочусь. Взгляните! Одно от вас моему другу Питеру Хокинсу; другое… – Тут, открыв конверт, он увидел странные знаки, лицо его омрачилось, глаза злобно сверкнули. – Другое – о низость, грубое попрание законов дружбы и гостеприимства! – не подписано! В таком случае оно не представляет для нас никакой ценности.

Граф спокойно поднес письмо и конверт к пламени лампы, быстро превратившему их в пепел. Потом продолжил:



– Письмо Хокинсу я, конечно же, отправлю, раз оно от вас. Ваши письма для меня неприкосновенны. Простите, мой друг, что в неведении я распечатал его. Не запечатаете ли вы его снова?

Он протянул мне письмо и – с почтительным поклоном – чистый конверт. Мне не оставалось ничего иного, как написать адрес и молча вернуть письмо. Когда он вышел, я слышал, как мягко повернулся ключ в замке. Выждав минуту, я подошел к двери – она была заперта.

Час или два спустя граф тихо вошел в комнату и разбудил меня – я прилег на диване и заснул. Он был очень любезен и оживлен:

– Вы устали, мой друг? Ложитесь в постель. Это лучший отдых. К сожалению, не могу составить вам компанию сегодня вечером – очень занят, зато, надеюсь, вы выспитесь.

Я пошел к себе, лег и, как ни странно, спал прекрасно. И в отчаянии бывают свои минуты покоя.

31 мая. Проснувшись утром, решил запастись бумагой и конвертами из своего чемодана и держать их в кармане на случай, если подвернется возможность послать письмо, но меня ждал очередной удар! Исчезли все мои бумаги, в том числе железнодорожные расписания и прочие справочники, необходимые в моем путешествии, аккредитив, то есть все то, без чего за пределами замка делать нечего. Подумав немного, я решил поискать их на вешалке и в платяном шкафу, куда повесил свою одежду.

Мой дорожный костюм, а также пальто и плед пропали; несмотря на все мои поиски, их как не бывало. Очередная злодейская затея…

17 июня. Сегодня утром, сидя на краю постели и ломая голову, как быть, вдруг услышал во дворе щелканье кнутов и цокот лошадиных копыт по каменистой дороге, ведущей в замок. Обрадовавшись, бросился к окну и увидел: во двор въехали два больших фургона, запряженные каждый восьмеркой сильных лошадей. Их сопровождали словаки в больших шляпах, широких поясах с множеством металлических заклепок, в грязных тулупах и высоких сапогах, с длинными палками в руках. Я метнулся к двери, хотел спуститься вниз в надежде выйти к ним через главный вход – может быть, его откроют для них. И вновь неудача: дверь заперта снаружи.

Тогда я подбежал к окну и окликнул их. Они с недоумением посмотрели наверх и стали показывать на меня. Подошел цыганский вожак и сказал им что-то – они рассмеялись. После этого все мои усилия – жалобные крики, отчаянные уговоры – были напрасны: они даже не глядели в мою сторону. Я для них не существовал. В фургонах привезли большие прямоугольные ящики с толстыми веревочными ручками – явно пустые, судя по легкости, с которой их сгружали. Сложив ящики в углу двора, словаки получили от цыгана деньги и, поплевав на них на счастье, вразвалку направились к лошадям. Вскоре я услышал затихающее вдали щелканье их кнутов.

24 июня, на рассвете. Вчера вечером граф рано ушел от меня и закрылся у себя в комнате. Я собрался с духом, быстро поднялся по винтовой лестнице и выглянул из окна, выходящего на юг, надеясь выследить графа, – явно что-то готовилось. Цыгане по-прежнему размещаются в замке и заняты чем-то странным: время от времени до меня доносится далекий глухой звук мотыги или заступа. Это, наверное, последний этап какого-то жуткого преступления.

Пробыв у окна около получаса, я заметил какое-то движение в окне графа. Слегка отпрянув, я стал следить и наконец увидел хозяина замка. На этот раз меня потрясло, что на нем был мой дорожный костюм, а через плечо перекинут тот самый ужасный мешок, который, помнится, унесли с собой те кошмарные женщины. Ясно, на какой промысел он отправлялся, и к тому же в моей одежде! Вот, значит, каков новый злодейский замысел графа: его примут за меня, тем самым он убьет сразу двух зайцев – в городке будут знать, что я сам отсылал свои письма, а любое совершенное им злодеяние местные жители припишут мне.

Меня охватила ярость, ведь это действительно может случиться, я же заперт здесь, как самый настоящий заключенный, хотя и лишен защиты закона – элементарного права, которым пользуется любой преступник.

Я решил дождаться возвращения графа и довольно долго сидел у окна. Потом в лучах лунного света я заметил странные мелькающие крупинки вроде микроскопических пылинок. Кружась, они собирались в легкие облачка. Наблюдая за ними, я постепенно успокоился и даже постарался устроиться в оконном проеме удобнее, чтобы любоваться этой игрой природы.

Жалобный вой собак где-то далеко внизу в долине, скрытой от моего взора, заставил меня вздрогнуть. Он становился все громче, а витающие в воздухе пылинки принимали новые формы, танцуя в лунном свете под эти звуки. Меня неодолимо потянуло откликнуться на этот смутный зов, в моей душе пробуждались какие-то неясные, полузабытые чувства… Гипноз! Все быстрее кружились пылинки. Лунный свет, казалось, ускорял их движение; проносясь мимо меня, они исчезали во мраке. Постепенно сгущаясь, они приняли форму человеческих фигур.

Я встряхнулся, вскочил и опрометью бросился вон: в призраках, проступивших в лунном свете, я узнал тех трех женщин, в жертву которым был предназначен. И только в своей комнате, где не было лунного света и ярко горела лампа, почувствовал себя в безопасности.

Часа через два я услышал какую-то возню в комнате графа, резкий, мгновенно прерванный вопль. Затем наступило молчание, глубокое и ужасное. Я похолодел, сердце заколотилось. Кинулся к двери – заперта! Я – в тюрьме, скован по рукам и ногам. Нервы мои не выдержали – в отчаянии я заплакал.

И тут во дворе раздался душераздирающий женский крик. Открыв окно, я увидел сквозь решетку женщину с растрепанными волосами.

Она прислонилась к калитке, прижала руки к сердцу – после быстрого бега. Заметив меня, она бросилась вперед и пронзительно закричала:

– Изверг, отдай моего ребенка!

Упав на колени, простирая руки, несчастная продолжала выкрикивать одни и те же слова, терзая мое сердце. Она рвала на себе волосы, била себя в грудь, все более предаваясь отчаянию. Потом кинулась вперед – я перестал ее видеть, но слышал, как она колотила кулаками во входную дверь.

Откуда-то сверху, вероятно с башни, послышался резкий, повелительный голос графа. Издалека, с разных сторон, ему ответил вой волков. Через несколько минут волчья стая, точно вода, прорвавшая плотину, затопила двор. Женщина замолчала, стих и вой волков. Вскоре они, облизываясь, удалились поодиночке…

Я не жалел о смерти женщины, поняв, какая участь постигла ее ребенка; смерть для нее – лучший исход.

Что же мне делать? Что? Как бежать из этого кошмара?

25 июня, утро. Лишь тот, кто познал ужас ночи, может понять сладость наступления утра. Солнце сегодня утром поднялось так высоко, что осветило верхнюю часть больших ворот напротив моего окна. Светлое пятно на самой их верхушке показалось мне похожим на

голубку из ковчега. Страх прошел, будто окутывавшая меня пелена рассеялась от тепла. Нужно что-то предпринять – сейчас, немедленно, при свете дня, пока мужество не покинуло меня. Вчера вечером отправлено одно из моих писем с заранее проставленной датой, первое из того рокового ряда, с завершением которого исчезнут даже следы моего пребывания на земле.

Только не думать об этом. Действовать!

Именно по ночам меня терзают страхи, и я ощущаю опасность. Я до сих пор не видел графа при дневном свете. Неужели он спит днем, когда люди обычно заняты делом, и бодрствует по ночам, когда принято спать? Если бы мне удалось пробраться в его комнату! Но это невозможно. Дверь заперта, путь отрезан.

Конечно, если хватит смелости, попасть туда можно.

Почему бы не воспользоваться его же способом? Я своими глазами видел, как он, выбравшись из окна, полз по стене. Почему бы мне не последовать его примеру и не пробраться к нему через окно? Шансов на успех, конечно, мало, но положение у меня отчаянное. Рискну! В худшем случае меня ждет смерть – но достойная человека, а не безропотная смерть теленка. Возможно, тогда предо мной откроются врата загробной жизни.

Господи, помоги мне! Прощай, Мина, если меня постигнет неудача; прощай, мой верный друг и второй отец; прощайте все! Еще раз прощай, Мина!

Тот же день, позднее. Я рискнул и, благодаря Создателю, благополучно вернулся в свою комнату. Изложу все по порядку.

Полный решимости, я выбрался из окна, выходящего на юг, на узкий каменный карниз, опоясывающий эту сторону замка. Стена сложена из больших, грубо отесанных камней, известка между ними со временем выветрилась. Сняв ботинки, я начал отчаянный спуск. Один-единственный раз взглянул вниз – хотел убедиться, что высота не пугает меня, потом все же старался не смотреть в бездну. Направление и расстояние до окна графа я знал хорошо. Карабкался, цепляясь за что мог. Голова не кружилась; думаю, я был слишком взволнован.

Казалось, прошло совсем мало времени, когда я очутился на подоконнике и поднял оконную раму. Дрожа от нервного возбуждения, проскользнул в окно: к моему удивлению и радости, в комнате никого не оказалось! Мебель примерно в том же стиле, что и в южных комнатах, – несколько разрозненных, покрытых слоем пыли предметов, которыми будто никогда не пользовались. Ключа в замке не оказалось. Его вообще нигде не было, зато у стены я нашел кучу

золота – римские, британские, австрийские, венгерские, греческие, турецкие монеты; судя по всему, они пролежали в земле не менее трехсот лет. Там были и украшения, даже с бриллиантами, но все потускневшие от времени, испачканные землей.

В углу комнаты я обнаружил еще какую-то дверь, оказавшуюся незапертой, хотя и довольно тяжелой, – она вела в каменный коридор, который заканчивался крутой винтовой лестницей. Осторожно ступая – темную лестницу освещали лишь бойницы в каменной стене, – я спустился вниз и попал в туннель, откуда шел тошнотворный запах перегнившей, только что вскопанной земли. Чем дальше по туннелю, тем сильнее становился этот смрад.

Наконец я распахнул тяжелую полуоткрытую дверь, передо мной оказались руины старой часовни, очевидно служившей фамильной усыпальницей. Ветхая крыша давно обвалилась, в двух местах ступени вели вниз – в склепы, земля там была разрыта и насыпана в большие деревянные ящики, вероятно привезенные словаками. Вокруг – ни души. Я начал искать еще какой-нибудь выход, но не находил. Тогда решил на всякий случай обследовать каждый дюйм этой зловещей часовни. Спускался, хотя и дрожал от страха, даже в склепы, куда с трудом проникал тусклый свет. В двух из них не нашел ничего, кроме обломков старых гробов и кучи пыли; но в третьем меня ждало открытие…

Там, в одном из пятидесяти больших ящиков, на куче свежевырытой земли лежал граф! Мертвый или спящий – я не мог определить: открытые и неподвижные глаза, но без той остекленелости, которая появляется после смерти; несмотря на бледность, на щеках угадывалось тепло жизни, да и губы были, как всегда, красные. Но лежал он неподвижно – без пульса, без дыхания, без биения сердца. Я наклонился к нему, тщетно пытаясь обнаружить

хоть какой-то признак жизни. По-видимому, он лежал там недолго – земля была вырыта совсем недавно.

Около ящика стояла крышка с просверленными в ней отверстиями. Подумав, что ключи могут быть у графа, я начал было искать их, но тут увидел в его глазах такую лютую ненависть, хотя едва ли он мог сознавать мое присутствие, что нервы мои не выдержали – я бросился вон и, выбравшись через окно его комнаты, вскарабкался по стене замка к себе. Запыхавшись, бросился на постель и попытался собраться с мыслями…

29 июня. Сегодня срок моего последнего письма, и граф вновь предпринял шаги, чтобы доказать его подлинность, ибо опять я видел, как он в моей одежде, подобно ящерице, спускался по стене. Я просто сходил с ума оттого, что у меня нет ружья или другого оружия, чтобы убить его; но, боюсь, любое оружие, сделанное рукой человека, бессильно против него. Я не стал ждать его возвращения, опасаясь вновь увидеть сестриц-колдуний. Вернувшись в библиотеку, читал, пока не заснул.

Меня разбудил граф. Мрачно глядя на меня, он сказал:

– Завтра, мой друг, мы расстаемся. Вы возвращаетесь в свою прекрасную Англию, я – к делу, результаты которого могут исключить возможность нашей новой встречи. Ваше письмо домой отправлено; завтра меня здесь не будет, но все готово к вашему отъезду. Утром придут цыгане – они здесь кое-что делают – и несколько словаков. После их ухода за вами приедет коляска и отвезет вас в ущелье Борго, где вы пересядете в дилижанс, идущий из Буковины в Бистрицу. Надеюсь, что еще увижу вас в замке Дракулы.

Я не поверил ему и решил испытать его искренность.

Искренность! Сочетать с таким чудовищем это слово – значит осквернить его. Я спросил прямо:

– А почему бы мне не поехать сегодня вечером?

– Потому, мой дорогой, что кучер и лошади отправлены по делу.

– Но я с удовольствием пойду пешком. Готов уйти немедленно.

Граф улыбнулся – так мягко, так вкрадчиво, так демонически, что я сразу понял: он что-то замышляет.

– А как же ваш багаж? – спросил он.

– Ничего страшного, я могу прислать за ним позднее.

Граф встал и сказал с такой любезностью, что я не поверил своим ушам, столь искренне это прозвучало:

– У вас, англичан, есть одна поговорка, которая мне близка: «Сердечно приветствуй гостя приходящего и не задерживай

уходящего». Пойдемте со мною, мой друг. Я и часу лишнего не продержу вас здесь против вашей воли, хотя мне очень грустно и расставаться с вами, и видеть, как вы этого хотите. Идемте!

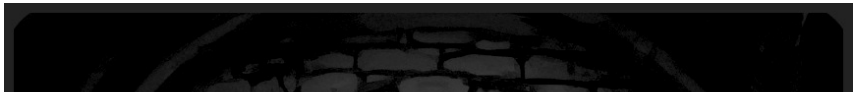
Величественной поступью граф начал спускаться по лестнице, любезно освещая мне путь лампой. Вдруг он остановился:

– Слушайте!

Невдалеке послышался вой волков, казалось, возникший по мановению его руки, как возникает музыка большого оркестра, повинуясь дирижерской палочке. После минутной паузы он величаво проследовал дальше, к выходу – отодвинул засовы, снял цепи и начал открывать дверь.

К моему величайшему изумлению, она была не заперта, я не заметил даже намека на ключ.

Дверь приоткрылась – вой усиливался и свирепел: волки сгрудились у порога, в дверном проеме были видны их красные пасти с щелкающими зубами, когтистые лапы просовывались в щель. Стало ясно, что в этой ситуации спорить с графом бессмысленно. С такими противниками, к тому же послушными ему, я ничего не мог поделать.



А дверь продолжала медленно открываться, граф стоял на пороге. Мелькнула мысль: именно сейчас решится моя участь – он бросит меня волкам, да я сам и подвигнул его к этому. Такой дьявольский поворот был вполне в духе графа.

Не видя иного выхода, я закричал:

– Заприте дверь, я подожду до утра! – и закрыл лицо руками, чтобы скрыть слезы горечи.

Взмахом могучей руки граф захлопнул дверь и со скрежетом задвинул засовы…

Мы молча вернулись в библиотеку, пару минут спустя я уже был у себя в комнате. Когда я выходил из библиотеки, граф послал мне воздушный поцелуй; в глазах у него горел красный огонек триумфа, а на губах играла улыбка, которой мог бы гордиться Иуда в аду.

Я собирался уже лечь, но мне вдруг послышался шепот у двери спальни. Я тихо подошел к ней, прислушался и различил голос графа:

– Назад, на место! Ваше время еще не наступило. Ждите! Имейте терпение! Завтрашняя ночь будет ваша!

В ответ раздался тихий серебристый смех. Вне себя я распахнул дверь и увидел этих трех ужасных женщин, облизывающих губы; при виде меня они с отвратительным хохотом убежали…

Я вернулся в комнату и бросился на колени. Неужели близок конец? Завтра! Завтра! Господи, помоги мне и тем, кому я дорог!

30 июня, утром. Возможно, последний раз пишу свой дневник. Проснулся перед рассветом. И вновь опустился на колени – помолиться и собраться с духом перед смертью.

По едва ощутимой перемене в атмосфере я почувствовал, что наступило утро. Раздался долгожданный крик петухов, опасность миновала. Я радостно поспешил вниз: своими глазами видел, что входная дверь не заперта – значит, можно бежать. Трясущимися от нетерпения руками снял цепи, отодвинул тяжелые засовы. Но дверь не подалась. Меня охватило отчаяние. Вновь и вновь я пытался открыть дверь и так дергал ее, что она дребезжала, несмотря на свою массивность. Замок был заперт. Видимо, уже после того, как я расстался с графом.

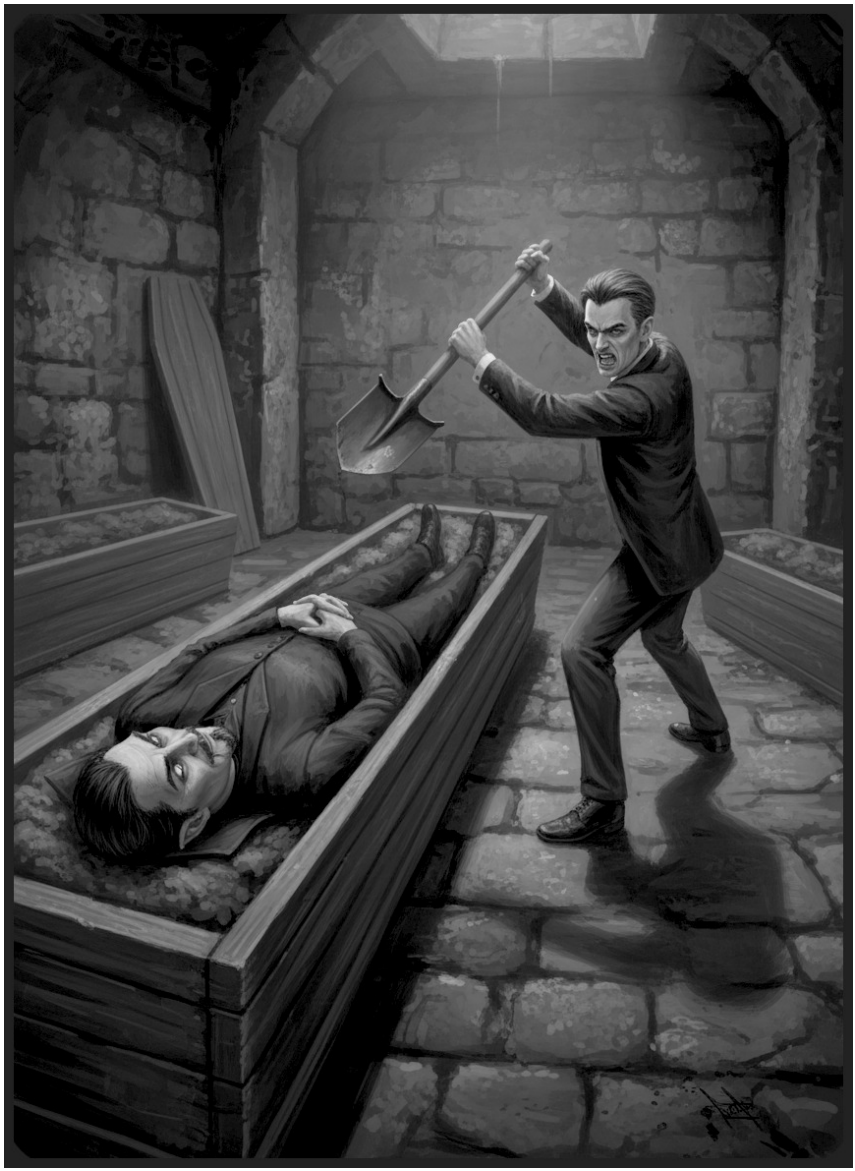
Безумное желание любой ценой раздобыть ключ овладело мною, я решил вновь карабкаться по стене и проникнуть в комнату графа. Он мог убить меня, но теперь смерть казалась мне лучшим исходом. Не медля, я бросился к восточному окну и, цепляясь за каменные выступы, прополз по стене. Как я и ожидал, в комнате графа никого не было. Но не было там и ключа, лишь по-прежнему тускло мерцала груда золота. Через дверь в углу комнаты я спустился по винтовой лестнице, по темному коридору прошел в старую часовню. Теперь я знал, где искать это чудовище.

Большой ящик стоял на том же месте у стены, но был накрыт крышкой – с приготовленными гвоздями, оставалось только вколотить их. Я снял крышку и поставил ее к стене. И тут я увидел нечто, наполнившее меня ужасом до глубины души, – наполовину

помолодевшего графа: его седые волосы и усы потемнели, щеки округлились, под кожей просвечивал румянец, губы стали ярче прежнего, на них еще сохранились капли свежей крови, стекавшей по подбородку. Даже его пылающие глаза, казалось, ушли в глубь вздувшегося лица, ибо веки и мешки под глазами набрякли. Такое впечатление, будто это чудовище просто лопалось от крови. Он был как отвратительная пресытившаяся пиявка.

Дрожь и отвращение охватили меня, когда я наклонился к нему в поисках ключа – другого выхода у меня не было: передо мной маячила реальная возможность грядущей ночью стать жертвой пиршества трех кошмарных ведьм. Я обыскал тело, но ключа не нашел. Прекратив поиски, еще раз взглянул на графа. На его раздувшемся лице играла насмешливая улыбка, она просто вывела меня из себя. И этому монстру я помогал перебраться в густонаселенный Лондон, где, возможно, в течение веков он будет упиваться чужой кровью и расширять круг вампиров!

От этой мысли в голове у меня помутилось. Мне безумно захотелось избавить мир от этого чудовища. Под рукой у меня была только лопата, которой пользовались рабочие, насыпая в ящик землю. Я размахнулся и нацелил ее острый край прямо в ненавистное лицо. В этот момент граф повернул голову и посмотрел в мою сторону взглядом василиска[34], который буквально парализовал меня. Зато лопата вдруг словно ожила и, пытаясь уклониться от своей цели, едва не выпрыгнула у меня из рук – однако, хоть и вскользь, она задела графа и, оставив глубокую метину на его лбу, бессильно упала поперек простертого тела; схватив ее, я задел крышку, которая рухнула на ящик и скрыла от меня чудовище. В последний миг передо мной мелькнуло вздутое, окровавленное, злорадное лицо, место которому на дне преисподней.



Я ломал голову, что же мне делать дальше, мозг мой просто плавился от напряжения, отчаяние нарастало. Через некоторое время я услышал сначала вдалеке, а потом все ближе веселую песню, поскрипывание тяжелых колес и звонкие щелчки кнутов – это были цыгане и словаки, о которых говорил граф. Взглянув последний раз на ящик с мерзким телом, я побежал в комнату графа, рассчитывая улучить момент, когда откроют входную дверь, и выбраться на волю.

Напряженно вслушиваясь, я наконец различил скрежет ключа – открылась тяжелая дверь. Какой-то другой вход, и у кого-то был от него ключ. Затем прозвучал и затих отозвавшийся эхом топот ног. Я решил бежать вниз в часовню: похоже, именно там находится еще один вход, но в это мгновение от сильного сквозняка дверь на винтовую лестницу так хлопнула, что в комнате поднялась пыль. Я бросился к двери, но не смог ее открыть. Вновь я пленник, петля судьбы стягивается вокруг меня.

Пишу, а внизу слышен топот ног и грохот бросаемых на пол тяжестей, должно быть груженных землею ящиков. Застучал молоток – ящики забивали гвоздями. Потом – тяжелые шаги по направлению к выходу. Хлопнула дверь, звякнули цепи, проскрежетал ключ в замке; слышно, как ключ вытащили, открылась и закрылась другая дверь, громыхнул засов, скрипнул замок…

По двору и каменистой дороге покатились тяжелые колеса, защелкали кнуты, зазвучала и стала удаляться цыганская песня.

Я один в замке с этими ужасными женщинами. Типун мне на язык! Какие же это женщины? Вот Мина – женщина, у нее с этими кровопийцами ничего общего. Это же бесы преисподней! Попытаюсь еще ниже спуститься по стене замка. Возьму с собой немного золота на всякий случай, вдруг выберусь из этого ужасного места. А там – домой! Ближайшим и самым скорым поездом! Прочь от этого кошмара, от этой проклятой страны, где обитает дьявол со всем своим отродьем!

Предамся Божьей милости, лишь бы не попасть в руки этих монстров. Конечно, пропасть глубока, но, по крайней мере, на дне ее человек может упокоиться как человек. Прощайте все! Мина!

Глава V

ПИСЬМО МИСС МИНЫ МЕРРЕЙ К МИСС ЛЮСИ ВЕСТЕНРА

9 мая

Моя дорогая Люси!

Прости, что долго не писала – была просто завалена работой. Жизнь учительницы порой очень утомительна. Скучаю по тебе и морю, на берегу которого так легко откровенничать и строить воздушные замки. Последнее время усиленно занимаюсь стенографией. Когда мы с Джонатаном поженимся, хочу ему помогать, он сможет диктовать мне, а я потом буду перепечатывать записи на машинке – я и этим сейчас много занимаюсь. Мы с ним иногда пишем друг другу письма стенографией, даже свой дневник поездки за границу он ведет стенографически. Вернувшись, я собираюсь тоже вести дневник; конечно, не занудные записи по принципу «хочешь не хочешь, а два раза в неделю пиши и уж в воскресенье непременно хоть что-то да высоси из пальца». Я буду вести его по настроению. Не думаю, что он будет интересен другим, разве что Джонатану, и то не всегда, но это хорошее упражнение. Попробую, как журналистки, записывать разговоры на интересующие меня темы. Меня уверяли, что после небольшой практики человек может в мельчайших деталях воспроизвести все, что происходило за день. Впрочем, поживем – увидим. О своих планах расскажу при встрече. Только что получила несколько торопливых строчек от Джонатана из Трансильвании. Он здоров и вернется через неделю. Умираю от нетерпения услышать его рассказы. Как интересно видеть другие страны! Удастся ли когда-нибудь нам – Джонатану и мне – вместе побывать в них! Часы бьют десять. До свидания! Любящая тебя Мина.

P. S. Пиши мне обо всех новостях. Ты уже давно мне ничего не

пишешь. До меня доходят слухи о тебе и каком-то высоком красивом кудрявом молодом человеке???

ПИСЬМО ЛЮСИ ВЕСТЕНРА К МИНЕ МЕРРЕЙ

Чэтем-стрит, 17, среда

Дорогая моя Мина!

Ты очень несправедлива ко мне: я дважды писала тебе с тех пор, как мы расстались, а твое последнее письмо было лишь вторым. Кроме того, мне нечего сообщить тебе. Поверь мне, ничего такого, что могло бы тебя заинтересовать. В городе сейчас очень приятно. Мы часто посещаем картинные галереи, ходим на прогулки, катаемся верхом в парке. Что касается высокого кудрявого молодого человека, наверное, это тот, кто был со мною на последнем концерте. Судя по всему, кому-то захотелось посплетничать. Этот молодой человек – мистер Холмвуд. Он часто бывает у нас, подружился с мамой, они очень любят поговорить друг с другом. А недавно мы познакомились с человеком, который, по-моему, ну просто создан для тебя, если бы ты не была помолвлена с Джонатаном. Он – прекрасная партия, хорош собой, богат, из достойной семьи. По профессии он доктор и на редкость умен. И представь себе! Ему всего двадцать девять лет, а в его ведении находится большая психиатрическая больница. Познакомил нас мистер Холмвуд, и теперь его друг часто бывает у нас. Мне кажется, он очень решительный человек, с огромным самообладанием. Он производит впечатление абсолютно невозмутимого человека. Легко представить себе, какое благотворное воздействие он оказывает на своих пациентов. У него довольно необычная манера смотреть человеку прямо в глаза, как будто он старается прочитать чужие мысли. Довольно часто он проделывает это со мной, и я льщу себя надеждой, что ему попался крепкий орешек. Меня убедило в этом мое зеркало. Пробовала ли ты когда-нибудь посмотреть на себя со стороны? Я попробовала и должна сказать, что результат неплохой. По словам доктора, я представляю собой интересный психологический тип, и, при всей своей скромности, думаю, что он прав. Как ты знаешь, меня не очень интересуют наряды, поэтому ничего не могу сообщить тебе о новых модах. Наряжаться – это такая скучища. Ну вот, опять «словечко» – не обращай внимания, Артур все время так говорит. Да… пожалуй, скрывать бесполезно. Мина, мы с детства поверяли друг другу все свои секреты, вместе спали, ели, смеялись и плакали, а теперь, раз уж я проговорилась, хочу сказать тебе все до конца. Мина, ты уже догадалась? Да, да, я люблю

его. Краснею, когда пишу тебе это: думаю, что и он любит меня, хотя еще мне этого прямо не говорил. Но, Мина, я-то люблю его! Люблю! Я люблю его!

Ну вот, мне стало легче. Дорогая моя, как бы мне хотелось быть с тобой, сидеть по-домашнему у камина, совсем как прежде, и тогда я попыталась бы объяснить тебе, что чувствую. Не понимаю, как я смогла написать об этом, даже тебе. Боюсь перечитывать письмо, а то еще чего доброго порву – нет, перечитывать не буду, не хочу останавливаться, очень хочется сказать тебе все. Отвечай мне не медля и откровенно. Спокойной ночи, Мина. Помолись за меня, за мое счастье.

Люси

P. S. Думаю, не нужно предупреждать тебя, что это тайна. Еще раз спокойной ночи.

ПИСЬМО ЛЮСИ ВЕСТЕНРА К МИНЕ МЕРРЕЙ

24 мая

Дорогая моя Мина!

Спасибо, спасибо, еще и еще раз спасибо за твое теплое письмо. Так приятно все рассказать тебе и получить такой сердечный отклик.

Дорогая моя, то пусто – то густо. Как верны старые пословицы! В сентябре мне будет двадцать лет, и до сегодняшнего дня мне ни разу не делали предложения, а сегодня – сразу три. Подумай только, три предложения в один день! И мне жаль, искренне жаль двух бедняжек. Мина, я так счастлива, что нахожусь в некоторой растерянности. И – три предложения! Но ради бога, не рассказывай никому из своих учениц – у них могут возникнуть всякие романтические идеи, и они почувствуют себя обделенными, если в первый же день их возвращения домой им не сделают, по крайней мере, шесть предложений. Девушки порой так тщеславны! Но мы-то с тобой, дорогая Мина, помолвлены и в скором времени собираемся стать здравомыслящими замужними женщинами, нам чужды тщеславие и суетность. Пожалуй, я должна рассказать тебе об этих трех предложениях, но, дорогая, сохрани это в тайне от всех, разумеется, кроме Джонатана. Ему ты, наверно, расскажешь; будь я на твоем месте, конечно, рассказала бы Артуру. Женщина должна рассказывать своему мужу все – ты согласна со мной, дорогая? Мужчинам нравится, когда женщины, и прежде всего их жены, так же честны, как они сами, хотя, боюсь, в жизни не всегда так бывает. Итак, дорогая моя,

слушай…

Первый пришел перед обедом. Я писала тебе о нем – это доктор Джон Сьюворд, психиатр. У него такой сильный подбородок и замечательный лоб. Выглядел доктор как обычно, но я заметила, что он нервничает: чуть было не сел на свой цилиндр, хотя рассеянным его не назовешь, а в спокойном состоянии такое обычно не случается; потом, желая показать, что ничуть не смущен, он начал так играть откуда-то взявшимся у него ланцетом, что напугал меня. Он сказал мне все прямо и открыто: как, несмотря на недолгое знакомство, я стала ему дорога, какую радость и поддержку он находит во мне, как будет несчастлив, если я не отвечу на его чувства. Увидев мои слезы, доктор расстроился, назвал себя грубым, жестоким человеком, просил извинить его – он ни в коем случае не хотел меня огорчить. Потом, помолчав, спросил: смогу ли я полюбить его со временем; я отрицательно покачала головой – у него задрожали руки. Люблю ли я кого-то другого? – спросил он после некоторого колебания, пояснив, что задает этот вопрос не из любопытства и ни в коем случае не злоупотребит моим доверием, но просто чтобы знать, есть ли надежда. Мина, я решила сказать ему правду. Выслушав меня, он встал и очень серьезно, взяв обе мои руки в свои, пожелал мне счастья и добавил, что, если мне когда-нибудь понадобится друг, я всегда могу рассчитывать на него. О Мина, дорогая, ты должна простить мне эти пятна на бумаге – следы слез, я не могу удержаться. Конечно, приятно выслушивать предложения, но совсем не приятно видеть человека, признавшегося тебе в любви, несчастным, – и вот он уходит от тебя с разбитым сердцем, и ты знаешь: что бы он ни говорил в этот момент, тебя в его жизни уже не будет. Дорогая моя, я должна сделать паузу – мне что-то очень нехорошо, хотя я так счастлива.

Вечером. Только что был Артур, и теперь у меня настроение лучше, чем утром, когда я прервала письмо. Расскажу, что же было дальше.

Итак, дорогая моя, номер Второй пришел после обеда. Это очень славный человек, мистер Квинси П. Моррис, американец из Техаса, он выглядит так молодо, что трудно поверить его рассказам о пережитых им приключениях и путешествиях по разным странам. Я хорошо

понимаю бедную Дездемону, не устоявшую перед головокружительным потоком рассказов, пусть даже из уст мавра. Мне кажется, мы, женщины, – жуткие трусихи и выходим замуж, надеясь на то, что мужчина оградит нас от опасностей и страхов. Теперь знаю, что бы я делала, если б была мужчиной и хотела, чтобы девушка полюбила меня. Хотя нет, мистер Моррис рассказывал много интересных историй, а Артур – ни одной, и все же… Впрочем, дорогая моя, я несколько забегаю вперед. Мистер Моррис застал меня одну. Звучит как банальность. Кажется, будто джентльмен всегда застает девушку одну. Хотя это не так: Артур пытался поговорить со мной наедине, но, даже несмотря на мои старания – теперь я не стыжусь признаться в этом, – ничего не вышло. Сразу предупреждаю тебя: мистер Моррис очень хорошо воспитан и образован, однако увидев, что меня забавляет его американский жаргон, всякий раз, когда нет посторонних, которых мог бы шокировать, развлекает меня им. Мне кажется, дорогая, он сам придумывает эти свои смешные выражения: они так и слетают с его губ, о чем бы он ни рассказывал. Не уверена, смогу ли я сама говорить на таком жаргоне; не знаю, как к нему относится Артур – ни разу не слышала, чтобы он говорил на сленге. Итак, слушай дальше: мистер Моррис сел подле меня и держался, как всегда, весельчаком, хотя мне показалось, что он слегка не в своей тарелке. Он взял мою руку и очень нежно сказал:

– Мисс Люси, я знаю, что не достоин завязывать шнурки на ваших башмачках, но подозреваю, если вы будете ждать достойного вас мужа, то уподобитесь семи евангельским девам со светильниками[35]. Так не взяться ли нам за руки и побрести по длинной дороге в одной упряжке, соединившись брачными узами?

Мистер Моррис выглядел таким добродушным и веселым, мне было гораздо легче отказать ему, чем бедному доктору Сьюворду. Я постаралась ответить ему с юмором, заметив, что совершенно не объезжена и потому пока не гожусь для упряжки. Тогда он очень серьезно сказал, что выразился слишком легкомысленно для такого важного дела и надеется получить прощение, если совершил ошибку. Я тоже невольно посерьезнела. Мина, ты сочтешь меня ужасной кокеткой, но, конечно, я была польщена этим, уже вторым за один день, предложением. Потом не успела я и рта открыть, как он разразился целым потоком любовных признаний, сложив к моим ногам сердце и душу. Он был столь серьезен, что я никогда больше не буду думать, что веселые острословы всегда только беспечны и не способны на глубокое чувство.

Похоже, он что-то заметил в выражении моего лица, так как вдруг замолчал, а потом заговорил как настоящий мужчина, с таким чувством, что я, наверное, полюбила бы его, если б мое сердце было свободно:

– Люси, знаю, вы девушка с чистым сердцем. Я не сидел бы здесь и не говорил бы с вами о том, о чем говорю сейчас, если б не был уверен, что вы смелая и до глубины души правдивая девушка. Скажите мне откровенно, как другу: есть ли у вас кто-то в сердце, кого вы любите? И если есть, я никогда вас больше не потревожу и останусь, если позволите, вашим верным другом.

Дорогая Мина, почему мужчины столь благородны, хотя мы, женщины, далеко не во всем достойны их? Ведь я только что едва ли не высмеяла этого великодушного, истинного джентльмена. Я заплакала… Боюсь, дорогая, это очень сентиментальное письмо, но у меня действительно тяжело на сердце. Ну почему девушка не может выйти замуж сразу за троих мужчин или за всех, что хотят на ней жениться, тогда не будет всех этих мучений! Но это ересь, мне не следует так говорить. Я рада, что хоть и заплакала, но все-таки сумела посмотреть прямо в глаза мистеру Моррису и откровенно сказать ему:

– Да, я люблю другого, хотя он сам еще не открыл мне своего сердца.

Я поступила правильно, искренне ответив ему, он как-то весь просветлел, взял меня за руки – кажется, я сама протянула ему их – и сердечно сказал:

– Вы – чудная девушка. Лучше опоздать сделать предложение вам, чем вовремя завоевать сердце любой другой девушки. Не плачьте, дорогая! Если вы расстраиваетесь из-за меня, то не волнуйтесь: я крепкий орешек и стойко перенесу неудачу. Но если тот малый, не подозревающий о своем счастье, еще долго будет недогадлив, ему придется иметь дело со мной. Милая девочка, ваша искренность и смелость сделали меня вашим другом, а друг, пожалуй, встречается еще реже, чем возлюбленный, и, по крайней мере, менее эгоистичен. Дорогая моя, мне предстоит довольно грустная прогулка в одиночестве, прежде чем я перейду в лучший мир. Прошу вас – один поцелуй! Воспоминание о нем будет озарять мою жизнь в самые мрачные мгновения. Вы можете позволить себе это, если, конечно, захотите, ведь тот, другой – а он, должно быть, замечательный человек, иначе вы бы его не полюбили, – еще не сделал вам предложения.

Этим мистер Моррис окончательно покорил меня, Мина, ведь это

действительно очень мужественно, тонко и благородно для соперника, не правда ли? И притом он был такой грустный… Я наклонилась и поцеловала его. Он поднялся, держа мои руки в своих, посмотрел мне прямо в глаза – боюсь, я покраснела – и сказал:

– Милая девочка, вот ваша рука – в моей, вы поцеловали меня – какие еще могут быть залоги настоящей дружбы? Благодарю вас за вашу трогательную искренность, честность по отношению ко мне и… до свидания.

Мистер Моррис пожал мне руку, взял шляпу и вышел, не оглянувшись, без сантиментов и колебаний. Господи, ну почему такой человек должен быть несчастлив, когда вокруг столько девушек,

способных оценить его и боготворить саму землю, по которой он ступает?! Я бы так и делала, если бы была свободна, но мне не хочется быть свободной. Дорогая моя, я так взволнована, что не могу писать тебе сейчас о своем счастье.

Всегда любящая тебя Люси

P. S. Номер Третий – нужно ли писать о нем? Кроме того, все произошло так сумбурно; по-моему, не успел он войти в комнату, как сразу обнял и поцеловал меня. Я очень, очень счастлива и просто не знаю, чем заслужила это счастье. Мне остается лишь своей дальнейшей жизнью доказать, как я благодарна Богу за Его доброту, за то, что Он послал мне такого возлюбленного, мужа и друга. До свидания.

ДНЕВНИК ДОКТОРА СЬЮВОРДА

(сохранилась фонографическая запись[36])

25 мая. Аппетита нет. Не могу есть, не могу расслабиться, не могу отдыхать, вместо этого – дневник. После вчерашнего отказа чувствую какую-то пустоту в душе. Кажется, на свете нет ничего важного, ради чего стоило бы пошевелить хоть пальцем… Но я знаю, единственное лекарство – работа, поэтому отправился к больным. Долго провозился с одним необычным пациентом, его случай очень интересует меня, я хотел бы разобраться в нем. Сегодня мне удалось подойти ближе, чем когда-либо, к пониманию его тайны. Я замучил пациента вопросами, пытаясь раскрыть причины его галлюцинаций. Теперь сознаю, что вел себя довольно жестоко. Я как будто намеренно все время наводил бедолагу на разговор о его состоянии, стараясь выявить источник странного безумия, хотя мое правило – как адских врат, избегать этого с пациентами.

(Примечание: а как в моей профессии избежать этих самых врат?) *Omnia Roma venalia sunt*[37]. И ад имеет свою цену! Verb. sap[38]. Если за состоянием моего пациента кроется что-то экстраординарное, имеет смысл тщательно наблюдать за ним. Начну не откладывая.

P. M. Ренфилд, 59 лет. Сангвинического темперамента, физически очень сильный, болезненно возбудимый, страдает периодическими приступами депрессии, завершающимися навязчивой идеей, которую я не могу определить. Полагаю, сангвинический темперамент в сочетании с некими выводящими из душевного равновесия воздействиями приводит к умственному расстройству; потенциально опасен; порой поступает вопреки своим интересам. Эгоисты

осторожны. Полагаю, если больной поглощен собой, сконцентрирован на себе, он менее опасен: центростремительная сила уравновешивается центробежной; хуже, когда его представление о долге, великой миссии становится навязчивой идеей, тогда равновесие нарушается в сторону центробежных сил, и восстановить его может лишь случай или удачное стечение обстоятельств.

ПИСЬМО КВИНСИ МОРРИСА – ДОСТОПОЧТЕННОМУ[39] АРТУРУ ХОЛМВУДУ

25 мая

Дорогой мой Арт!

Мы рассказывали байки у бивачных костров в прериях, перевязывали друг другу раны после попытки высадиться на Маркизских островах, пили за здоровье друг друга на берегах Титикаки[40]. У нас найдется еще немало о чем порассказать друг другу, отыщутся новые раны для врачевания, и есть за чье здоровье выпить. Так не соизволишь ли прибыть завтра к моему бивачному костру? Зову тебя без колебаний – мне известно, что некая леди приглашена завтра в гости, стало быть, ты будешь свободен. Нам составит компанию старый друг, с которым мы были в Корее, – Джек Сьюворд. Мы с ним вдвоем смешаем наши слезы с вином и от души выпьем за здоровье счастливейшего из смертных, который любим благороднейшим из сердец. Обещаем тебе сердечный прием и искренний праздник. Клянемся доставить тебя домой, если ты слишком увлечешься, когда будешь пить за известные тебе глаза. Жду тебя!

Неизменно твой Квинси Моррис

ТЕЛЕГРАММА КВИНСИ П. МОРРИСУ ОТ АРТУРА ХОЛМВУДА

26 мая. Обязательно буду. Есть новости, от них у вас зазвенит в ушах. Арт.

Глава VI

ДНЕВНИК МИНЫ МЕРРЕЙ

24 июля. Уитби[41]. Люси, встретившая меня на вокзале, выглядела еще лучше и красивее, чем обычно; мы поехали в дом на Кресент, где они остановились. Городок живописный. Речка Эск протекает по глубокой долине, расширяющейся вблизи гавани. Долину пересекает виадук, сквозь его высокие арки открываются виды, кажущиеся более удаленными, чем в реальности. Долина утопает в зелени. Склоны ее столь круты, что с одной стороны видишь лишь противоположную, а чтобы заглянуть вниз, надо встать на самый край обрыва. Дома в старом городе – чуть в стороне от нас – крыты красными крышами и громоздятся друг над другом, как на видах Нюрнберга. На холме над городом виднеются руины аббатства Уитби, некогда разоренного датчанами[42], оно описано в поэме «Мармион», в той ее части, где девушку замуровывают в стену[43]. Руины величественные, монументальные и романтичные. Существует легенда, что в одном из окон порой наблюдают женщину в белом одеянии[44]. Между аббатством и городом находится приходская церковь, при ней большое кладбище с множеством памятников. По-моему, это живописнейшее место в Уитби: оно расположено над самым городом, и оттуда открывается прекрасный вид на гавань и бухту до мыса Кетленесс, уходящего далеко в море. Спуск в гавань отсюда так крут, что часть берега обвалилась, и некоторые могилы разрушились. В одном месте обломки памятников сползли с могил на песчаную дорожку. Во дворе церкви стоят скамьи, многие горожане проводят здесь целые дни, любуясь прекрасным видом и наслаждаясь морским воздухом. Я сама буду часто приходить сюда и заниматься. Вот и сейчас пишу, пристроив тетрадь на коленях и прислушиваясь к разговору трех стариков, сидящих на моей скамейке. Они, кажется, дни напролет

просиживают здесь.

Гавань расположена прямо подо мной; дальняя ее сторона представляет собою длинную гранитную стену, выступающую в море и загибающуюся к концу, где находится маяк. Выступ этот защищен капитальной дамбой. На ближней стороне гавани дамба резко поворачивает в противоположную сторону, и на ее конце тоже стоит маяк. Между двумя молами узкий проход в гавань, которая потом резко расширяется.

Во время прилива панорама особенно живописна, когда же вода спадает, остается только речушка Эск меж песчаных берегов да скалы, которые здесь повсюду. За гаванью виднеется большой утес, растянувшийся на полмили, его острая верхушка выступает из-за южного маяка. У подножия утеса стоит бакен с колоколом, заунывные звуки которого разносятся ветром в плохую погоду. Местная легенда гласит: если корабль сбивается с курса, то в море слышится колокольный звон. Спрошу-ка об этом старика, идущего сюда…

Настоящий морской волк, все лицо испещрено морщинами, по его словам, ему почти сто лет, он был матросом в рыболовном флоте в Гренландии еще во время битвы при Ватерлоо. Думаю, большой скептик: когда я спросила его о колоколах в море и женщине в белом, старик ответил мне очень резко:

– Не стану грешить против истины, мисс. Все это дребедень. Не скажу, чтобы ничего такого и вовсе не было, но уж только не в мое время. Эти бредни хороши лишь для тех, кому делать нечего; вот они и мотаются сюда из Йорка и Лидса, чтобы лакомиться здесь копченой селедкой да чаем надуваться, а на уме – как бы по дешевке перехватить вещицу из гагата[45]. Но вам, такой молодой и славной леди, это ни к чему. Диву даюсь, кому только охота сочинять такую чепуху, даже газеты такого не напишут, хотя там полно разных глупостей.

Думаю, старик знает немало интересного, и я попросила его рассказать что-нибудь о ловле китов в былые времена. Только он сел поудобнее, чтобы начать рассказ, как часы пробили шесть. Не без труда поднявшись, старик сказал:

– Пора возвращаться, мисс. Моя внучка не любит ждать, когда чай остывает, а ведь мне нужно время, чтобы доковылять по этим чертовым ступеням до дома, – их так много! – а поесть я люблю вовремя, мисс.

И поспешно, насколько ему позволяли силы, мой старый морской волк засеменил, прихрамывая, по ступенькам. Ступеньки – характерная особенность местного пейзажа. Их много – сотни, они ведут из города вверх к церкви плавными поворотами – и так полого, что даже лошадь может легко подняться и спуститься по ним. Наверное, когда-то они вели к аббатству.

Пожалуй, и я пойду домой. Люси с матерью делают визиты, и, поскольку это визиты вежливости, я с ними не пошла. Но они, должно быть, уже дома.

1 августа. Я снова здесь, с Люси. У нас состоялся очень

интересный разговор с моим старым знакомым и его приятелями. Он явно признанный оракул среди них и, думаю, в свое время был очень властным человеком. Никаких авторитетов этот человек не признает и всех ставит на место. Если он не может доказать им свою правоту, то грубо поносит, а потом принимает их молчание как согласие.

Люси выглядит милой в белом батистовом платье; она здесь похорошела, у нее чудный цвет лица. Я заметила, что старички не упускают случая и тут же подсаживаются к ней, как только мы приходим на церковный двор. Она любезна с пожилыми людьми и сразу покоряет их. Даже мой старый морской волк не устоял и не перечил ей, зато мне попало вдвойне – я завела разговор о легендах, и он разразился гневной тирадой. Постараюсь вспомнить ее и изложить:

– Какая глупость, чушь, и больше ничего. Призраки, привидения, тьфу! Духи, домовые… Чего только не напридумают, чтобы пугать детей и женщин. Пустое это! Выдумки попов все эти знаки да знамения! Крючкотворы сварливые! Шарлатаны бродячие! На месте им не сидится, только и знают, что ребятишек пугать да склонять людей ко всякой пакости. Как подумаю про это, так весь захожусь! И ведь мало им вранья в газетах, с амвона врут так, что уши вянут, а на могилах, погляди-ка, что пишут. Вон сколько памятников, и как они только не падают от вранья, которое высечено на них. Вот, пожалуйста: «Здесь покоится тело такого-то» и «Вечная память такому-то», но едва ли не половина могил пуста, а память эта самая не дороже понюшки табаку. Все это ложь, сплошная ложь – хошь про то, хошь про это! Свят! Свят! Это что же будет в день Страшного суда, как все подымутся со дна морского в саванах да потащут за собой памятники, дескать, вот мы какие; а ручонки-то у них от волнения дрожат, небось ослабли вовсе, столько в море-то лежать. Тут-то они плиточки свои и побросают…

Старик был так доволен и так лукаво поглядывал на своих закадычных дружков в расчете на одобрение, что я поняла: он «играет на публику» – и решила слегка подзадорить его:

– О мистер Свейлз, это, наверное, неправда. Не может быть, чтобы половина могил была пуста!

– Как это неправда! Может, кое-какие и в порядке, а есть и такие, из которых выкапывали покойников, чтобы приукрасить – ведь некоторые считают, что бальзамирование сохраняет, как море. Но по большей-то части все это показуха, пшик… Вот вы, человек приезжий, сюда приходите и видите это кладбище… – Я кивнула, решив, что лучше согласиться, хотя не совсем понимала его сбивчивую речь.

Поняла лишь – старик говорит что-то про церковь. А он продолжал: – Неужто вы и впрямь думаете, что под всеми этими каменьями лежат покойнички, обряженные по всем правилам? – Я снова кивнула. – Ничуть не бывало! Пустые могилки, как табакерка старого Дана в пятницу вечером. – Он слегка подтолкнул локтем в бок одного из своих приятелей, и все рассмеялись. – О господи! Да как же иначе? Взгляните вон на ту, самую дальнюю – в том конце, прочтите надпись!

Я пошла туда и прочитала:

«Эдвард Спенслаф, убит пиратами у берегов Андреса в апреле 1854 г. в возрасте 30 лет».

Когда я вернулась, мистер Свейлз продолжал:

– Скажите на милость, кому это надо волочь мертвяка сюда? С Багамских-то островов! Как же, ищите его здесь, под этим камнем! Да я вам дюжину таких назову, чьи кости остались в морях Гренландии, во-он там. – И он показал на север. – Бог весть куда их занесло течением. А вон памятники к вам поближе. Своими молодыми глазками вы прочтете на них ложь, вон – мелкими буковками. Этот Брейтувейт Лоури – я знал его отца – погиб на «Живом» около Гренландии в двадцатом году; или Эндрю Вудхаус – утонул в тех же морях в тысяча семьсот семьдесят седьмом году, а Джон Пэкстон – у мыса Фарвеля годом позже; старый Джон Ролингс, чей дед плавал со мной, утонул в Финском заливе в пятидесятом. А ну как все они рванут в Уитби под звуки трубного гласа? Представляю себе, что за давка здесь будет, в точности как Ледовые побоища в старые добрые времена, когда мы дрались весь день до темноты и наши раны врачевало северное сияние.

Очевидно, это была какая-то местная шутка, потому что старик расхохотался после сказанного, а его дружки с удовольствием к нему присоединились.

– Но вы не совсем правы, – возразила я ему. – Вы исходите из того, что все эти несчастные или их души должны иметь с собой свои надгробные плиты в день Страшного суда. Вы считаете это обязательным?

– А на что еще нужны эти камни? Ответьте-ка мне, мисс!

– Для родственников, я думаю.

– Для родственников, вы думаете! – повторил он с презрением. – Какое же им удовольствие от того, что они знают: на плитах – вранье? Да вам любой местный подтвердит, что все эти надписи лгут. – И указал на каменную плиту у самых наших ног, рядом со скамейкой. – Прочтите вранье на этом камне.

Я со своего места не могла разобрать надпись – буквы были вверх ногами, – но Люси сидела поближе, она наклонилась и прочла: «Дорогой памяти Джорджа Кэнона. Умер, исполненный надежды на чудесное воскресение, 29 июля 1873 г. Упал со скалы в районе Кетленесса. Горячо любимому сыну от его скорбящей матери. Он был единственным ее сыном, а она – вдовой».

– Мистер Свейлз, пожалуй, я не вижу ничего забавного в этом! – прокомментировала Люси очень серьезно и даже несколько строго.

– Вы не видите ничего забавного! Ха-ха! Да вы просто не знаете, что «скорбящая мать» – настоящая мегера, она его ненавидела, потому что он был калекой – сильно хромал, а он ненавидел ее и поэтому покончил с собой, чтобы она не получила страховку за него. Он снес себе полголовы выстрелом из старого мушкета, которым они распугивали ворон, однако на сей раз мушкет сработал наоборот – он привлек ворон, да еще мух. Вот так «любимый сын упал со скалы». А что касается надежд на «чудесное воскресение», то я сам часто слышал, как он говорил о своей надежде попасть в ад, поскольку его мать так набожна, что наверняка попадет в рай, а ему бы не хотелось оказаться с ней в одном месте. Так что вы теперь скажете про эту плиту? – Он постучал своей палкой. – Это не ложь! Вот потеха будет Гавриилу, когда Джорди, запыхавшись, выберется на поверхность земли с надгробной плитой на горбу и предложит ее как свидетельство своей благопристойной кончины!

Я не знала, что и сказать на это, но Люси, встав с места, на свой лад повернула разговор:

– Ох, ну зачем вы все это рассказали нам? Это было мое любимое место, мне бы хотелось и впредь приходить сюда, теперь же оказалось – я сижу на могиле самоубийцы.

– Вам это никак не повредит, моя милая; а бедного Джорди, пожалуй, лишь порадует, что такая нарядная девушка сидит подле

него. Вам никакого ущерба. Я ведь здесь почти двадцать лет, и ничего. Да пусть вас не беспокоит, лежит ли там кто-то или нет! Наступит Судный день – сами увидите, как потащут надгробные плиты да памятники, и местность обнажится, как жнивье. Часы бьют, я должен идти. Мое почтение, леди.

И старик заковылял прочь. А мы с Люси еще немного посидели; перед нами открывался такой прекрасный вид, что мы даже взялись за руки. Она еще раз рассказала мне все об Артуре и приближающейся свадьбе. У меня защемило сердце – от Джонатана уже месяц не было вестей.

Позднее. Я снова пришла на церковный двор, уже одна, очень расстроенная. Писем все нет и нет. Надеюсь, с Джонатаном ничего не случилось.

Часы пробили девять. Передо мной город, освещенный рядами огней, вытянувшихся вдоль реки Эск и ее излучины. Иногда мелькают отдельные огоньки. Слева все закрывает черная крыша соседнего с аббатством старого дома. Позади слышится блеяние овец на полях, а снизу раздается топот ослиных копыт. Оркестр на пирсе наяривает быстрый вальс, а позади него на набережной собралась Армия спасения[46].

Оркестранты друг друга не слышат, но я вижу и слышу и тех и других. Но где же Джонатан и помнит ли он обо мне? Как бы я хотела, чтобы он был здесь!

ДНЕВНИК ДОКТОРА СЬЮВОРДА

5 июня. Чем больше вникаю в болезнь Ренфилда, тем любопытнее она мне кажется. У него особенно развиты такие черты характера, как эгоизм, скрытность, целенаправленность… – хотел бы я понять ее суть. Такое впечатление, будто у него есть какой-то четкий план, а вот какой – не знаю. Трогает его любовь к животным и насекомым, хотя порой она проявляется весьма курьезно, и тогда мне кажется, что он аномально жесток. Наклонности у него довольно странные. Например, теперь его любимое занятие – ловить мух. У него их сейчас столько, что я был вынужден сделать ему замечание и велел убрать их. К моему удивлению, это не привело его в ярость, как я ожидал, он воспринял замечание просто и серьезно. Подумав минуту, сказал:

– Вы можете дать мне три дня? Тогда я их уберу.

Конечно, я согласился. Но за ним нужен глаз да глаз.

18 июня. Теперь он занялся пауками. У него в коробке несколько больших пауков. Ренфилд кормит их мухами, количество которых

заметно поубавилось, несмотря на то, что своей едой он специально приманивает мух со двора.

1 июля. Пауки стали такой же напастью, как и мухи, сегодня я предложил ему расстаться хотя бы с частью из них. Он с легкостью согласился, и я дал ему на это тот же срок. Ренфилд вызывает у меня сильное отвращение – во время нашего разговора в палату влетела жирная мясная муха, он поймал ее, несколько секунд рассматривал, а потом, прежде чем я сообразил, что он собирается делать, бросил ее в рот и проглотил. Я стал бранить его, но он спокойно возразил, что это очень вкусно, полезно и для него – источник жизненной силы. Это навело меня на мысль, точнее, дало импульс – проследить, как он будет избавляться от пауков. Очевидно, у него на уме что-то серьезное – он не расстается с маленькой записной книжкой и часто делает в ней пометки. Страницы ее сплошь испещрены цифрами, в основном однозначными, которые Ренфилд складывает столбиком, полученные же результаты снова складывает, как будто, по выражению финансовых ревизоров, «подводит баланс».

8 июля. В его безумии есть некая закономерность, и у меня возникли кое-какие догадки. Возможно, они скоро оформятся в некую общую, еще смутную мысль, а уж затем… ох уж это мне мыслящее подсознание! Когда же наконец оно уступит дорогу своему брату – осознанному размышлению?

Уже несколько дней не виделся со своим «приятелем», так что при встрече сразу заметил перемены, которые за это время с ним произошли. В общем, перемены не бог весть какие, ну разве то, что он почти избавился от своих прежних любимцев и завел нового: умудрился поймать воробья и уже отчасти приручил его, прибегнув к своему испытанному и предельно простому способу. В итоге поголовье пауков значительно сократилось. Оставшиеся же особи хорошо откормлены – Ренфилд все еще добывает мух, приманивая их едой.

19 июля. Мы прогрессируем. У моего «приятеля» теперь целое семейство воробьев, от мух и пауков и следа почти не осталось. Когда я вошел в палату, Ренфилд бросился ко мне и стал просить меня о большом одолжении – об очень, очень большом одолжении! – при этом ластился ко мне, как собака. Я спросил его, что ему нужно, и он ответил с каким-то упоением:

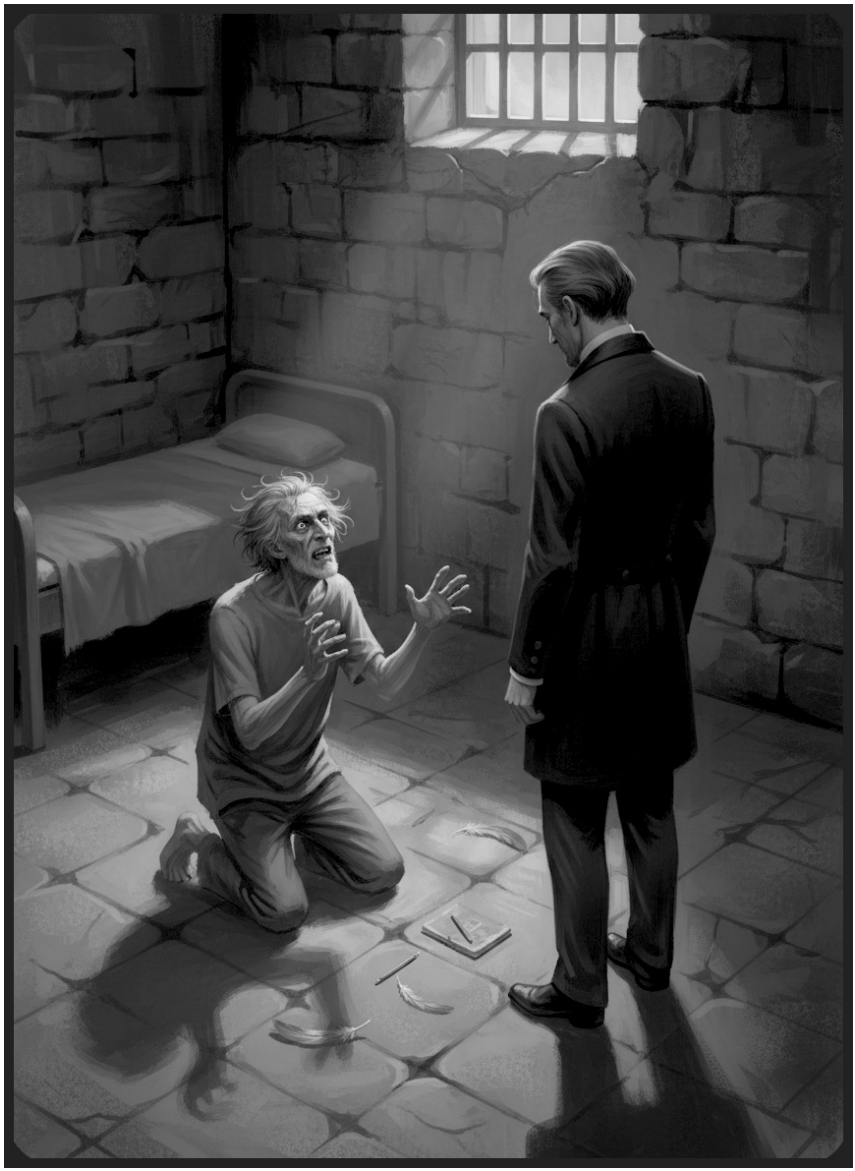
– Котеночка, такого маленького, хорошенького, гладкого, игривого котеночка, я буду с ним играть, учить его и кормить – кормить, кормить и кормить!

Его просьба не застала меня врасплох – я заметил: его любимцы быстро прогрессируют в размерах. Но я не хотел, чтобы чудное семейство ручных воробьев было уничтожено, подобно мухам и паукам. Поэтому я обещал ему подумать и спросил, не подойдет ли ему лучше кошка. Пыл, с которым он ответил, выдал его:

– О да, мне бы хотелось кошку! Я попросил котенка, боясь, что вы откажете мне в кошке. Но в котенке-то мне не откажут?

Я покачал головой, заметив, что сейчас, пожалуй, это невозможно, но обещал ему подумать. Лицо у него помрачнело, а в глазах вспыхнул сигнал опасности – неожиданно злобный взгляд искоса, таивший в себе жажду крови. У этого человека – потенциальная мания убийства. Попробую удовлетворить это его страстное желание завести кошку и понаблюдаю за результатом. Возможно, тогда ситуация прояснится.

10 часов вечера. Я вновь зашел к нему. Он сидел в углу в раздумье. Увидев меня, бросился на колени, умоляя разрешить ему завести котенка, и уверял, что от этого зависит его выздоровление. Однако я был непреклонен; тогда он молча вернулся в угол, сел и стал грызть ногти. Зайду посмотреть на него с утра пораньше.



20 июля. Навестил Ренфилда рано утром, до обхода служителя. Он уже встал, мурлыкал какую-то мелодию и сыпал на подоконник сахар, который сберег, чтобы ловить мух; он делал это весело, с удовольствием. Я огляделся и, не увидев его птиц, спросил, где они. Не оборачиваясь, он ответил, что улетели. В комнате валялось несколько перьев, а на подушке я заметил пятнышко крови. Я ничего не сказал, но, уходя, поручил служителю сообщить мне, если в течение

дня с Ренфилдом произойдет что-то необычное.

11 часов утра. Только что ко мне зашел служитель, который сообщил, что Ренфилду было очень плохо, его рвало перьями.

– По-моему, доктор, – сказал служитель, – он съел своих птиц – просто брал и глотал их живьем!

11 часов вечера. Дал Ренфилду сильную дозу снотворного, он заснул, а я решил заглянуть в его записную книжку. Брезжившая в моем мозгу догадка окончательно оформилась, гипотеза подтвердилась: я имею дело с маньяком – убийцей особого рода. Мне придется ввести новую классификацию для него – маньяк-зоофаг (пожирающий все живое); мой пациент одержим желанием поглотить как можно больше жизней – по восходящей: пауков он кормил мухами, птиц – пауками, птицы же были предназначены на прокорм кошки. Каковы были бы его следующие шаги? Возможно, эксперимент стоит продолжать. Однако пойти на такой риск можно, только имея достаточно оснований. Опыты на животных осуждают, но посмотрите сегодня на результаты! А как развивать самую сложную область науки – познание мозга? Знай я тайну церебрального механизма, подбери я ключ к фантазиям хотя бы одного сумасшедшего, и мне бы удалось поднять эту область науки на такой уровень, по сравнению с которым физиология Бердон-Сандерсона[47] или учение о мозге Феррьера[48] оказались бы просто пустым звуком. Лишь бы это было оправданно! Но не стоит много думать об этом, а то искушение слишком велико и, пожалуй, перетянет чашу весов, ведь, возможно, у меня самого мозг устроен как-то особо?

Как складно рассуждал Ренфилд! Ненормальные люди всегда кажутся вполне логичными в определенных пределах. Интересно, во сколько жизней он оценивает жизнь человека? Итог он подвел точно – закрыл счет, а сегодня начал все заново. Многие ли из нас способны каждый день открывать новый счет?

Еще вчера мне казалось, что рухнули все надежды и жизнь кончилась, но я все-таки открыл новый счет. И буду вести его до тех пор, пока Великий Судия, суммировав все и подведя баланс прибылей и потерь, не закроет счет в моем гроссбухе. О, Люси, Люси, я не могу сердиться на вас и своего друга, чье счастье стало вашим; я должен жить дальше, утратив всякую надежду, и работать. Работать! Работать!

Будь у меня стимул, такой же мощный, как у моего бедного безумца, – подлинный, бескорыстный источник, заставляющий работать, – это было бы воистину счастьем.

ДНЕВНИК МИНЫ МЕРРЕЙ

26 июля. Очень беспокоюсь, и единственное, что на меня действует успокаивающе, – это возможность высказаться в дневнике; мне кажется, я нашептываю кому-то что-то по секрету и одновременно внимаю своему шепоту. И конечно, стенографическая запись существенно отличается от обычных записей.

Меня тревожат Люси и Джонатан. Некоторое время Джонатан вообще ничего мне не писал – я сильно волновалась. Но вчера милый, добрый мистер Хокинс переслал мне письмо от него. Несколько дней тому, не выдержав неизвестности, я написала мистеру Хокинсу в надежде выяснить, нет ли вестей из Трансильвании, а он, оказывается, только что получил письмо Джонатана, в которое была вложена записка для меня. В ней лишь одна написанная в замке Дракулы строчка – он выезжает домой.

Что-то не похоже на Джонатана, не понимаю, в чем дело, но мне как-то не по себе. А тут еще Люси, хотя выглядит и чувствует себя хорошо, вернулась к своей привычке бродить во сне. Мы с ее матерью, обсудив это, решили запирать на ночь дверь нашей спальни. Миссис Вестенра вбила себе в голову, что лунатики непременно разгуливают по карнизам домов или по краю обрыва, а когда внезапно пробуждаются, то падают вниз с душераздирающим криком, который разносится по всей округе. Бедняжка, она боится за Люси, даже призналась мне, что это у нее наследственное – от отца, который часто вставал по ночам, одевался и выходил, если его не остановить.

Осенью у Люси свадьба, и она уже обдумывает, как все устроит в своем будущем доме. Я хорошо ее понимаю, сама мечтаю о том же, только нам с Джонатаном придется начать новую жизнь скромнее – нам будет трудно сводить концы с концами. Мистер Холмвуд, точнее, достопочтенный сэр Артур Холмвуд, единственный сын лорда Годалминга, приедет сюда, как только сможет оставить Лондон: его отец нездоров. Милая Люси, наверное, считает часы до его приезда. Она хочет показать ему нашу скамейку на кладбищенском утесе и живописную панораму Уитби. Возможно, именно это ожидание и выбивает ее из колеи, но она поправится, как только приедет ее жених.

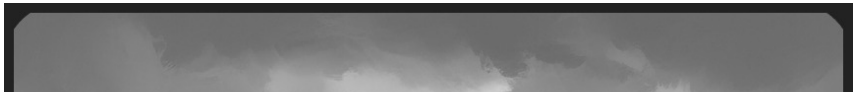
27 июля. Никаких вестей от Джонатана. Очень беспокоюсь за него, хотя не знаю почему. Ну хоть бы еще одну строчку от него! Лунатизм Люси прогрессирует, каждую ночь просыпаюсь оттого, что она ходит по комнате. К счастью, сейчас тепло – бедняжка не простудится, но постоянная тревога и вынужденная бессонница начали сказываться на мне. Я стала нервной, плохо сплю. Слава богу, хоть в остальном Люси здорова.

Мистера Холмвуда неожиданно вызвали в Ринг, их семейную усадьбу, – к отцу, который разболелся не на шутку. Встреча откладывается, и Люси переживает, но на ее внешнем виде это не сказывается. Она немного поправилась, на щеках появился нежный румянец, прежняя бледность прошла. Молюсь, чтоб все у нее было хорошо.

3 августа. Прошла еще неделя – никаких вестей от Джонатана, даже у мистера Хокинса. Надеюсь, он здоров, иначе наверняка бы написал. Перечитываю его последнее письмо, и сомнения одолевают меня. Письмо как-то непохоже на Джонатана, хотя, несомненно, почерк его. Люси на этой неделе спала довольно хорошо, гуляла по ночам мало, но с ней происходит что-то странное, совсем непонятное мне. Она как будто следит за мной даже во сне, пытается открыть дверь и, обнаружив, что она заперта, ищет ключи по всей комнате.

6 августа. Прошло еще три дня, никаких известий. Неопределенность пугает меня. Если б знать, куда писать или ехать, было бы легче. Но никто ничего не знает о Джонатане после его последнего письма. Дай бог терпения. Люси еще более возбуждена, чем прежде, но в остальном вполне здорова. Вчера ночью погода испортилась, рыбаки говорили, что будет шторм. Очень хочется увидеть разбушевавшуюся стихию и научиться угадывать погоду по разным признакам.

Сегодня серый день. Пока я пишу, солнце скрылось за большими тучами где-то высоко над Кетленессом. Все стало серым, кроме зеленой, как изумруд, травы, – серый землистый утес, сквозь серые облака из-за дальней кромки лишь слегка просвечивает солнце, серое море, к которому тянутся песчаные отмели, как серые пальцы. Море окутано надвигающимся туманом, волны с ревом накатываются на отмели. Вокруг безбрежье, горизонт тонет в сером тумане, тучи громоздятся, словно исполинские скалы, а над морем предвестием неотвратимого рока навис зловещей гул. На берегу сквозь пелену тумана виднеются фигурки людей, «проходящих, как деревья»[49]. Рыбачьи лодки спешат домой, в гавань, и то появляются, то исчезают в волнах прибоя. Вот идет мистер Свейлз. Старик направляется прямо ко мне, и по тому, как он здоровается, приподнимая шляпу, вижу – ему необходимо поговорить со мной… Меня тронула перемена в нем. Сев подле меня, он заговорил очень мягко:



– Мне хочется кое-что сказать вам, мисс.

Ему было явно неловко, поэтому я взяла его старческую морщинистую руку и попросила не смущаться и говорить откровенно; не отнимая руки, он сказал:

– Боюсь, дорогая моя, я напугал вас на прошлой неделе ужасами о мертвецах. Это не входило в мои намерения, и мне хотелось, чтобы вы узнали об этом, пока я еще жив. Мы, старики, глупые – уже одной

ногой в могиле, а все стараемся не думать об этом, но и грех на себя брать не желаем; вот и решил я с вами объясниться, душу облегчить. Но, видит бог, мисс, я не боюсь смерти, совсем не боюсь, просто неохота умирать, но ничего не поделаешь. Мой конец уже близок, я стар, сто лет – мало кто на такое рассчитывает. Знаю, старуха уже точит свою косу. Видите, никак не могу избавиться от дурной привычки сетовать, все ропщу и ропщу. Скоро уж ангел смерти вострубит надо мною. Но не нужно горевать, милая! – воскликнул старик, заметив, что я плачу. – Если даже сегодня ночью он придет ко мне, я готов откликнуться на его зов. Жизнь-то ведь наша и есть только ожидание чего-то большего, чем наша суета, а смерть – она неминуема, она-то не обманет. А я и рад, уважаемая, что она приближается, вот-вот нагрянет. Сидим мы тут и любуемся, а она уж на подступах. Может, этот ветер с моря несет с собой погибель, и горе, и печаль. Правда, правда! – вдруг закричал он. – Смертью пахнуло. Я чувствую ее приближение. Дай бог мне силы стойко встретить ее!

Старый моряк благоговейно простер руки к небу и снял шляпу. Губы его шевелились, будто в молитве. Помолчал несколько минут, потом встал, пожал мне руку и благословил. Попрощавшись, он, прихрамывая, пошел домой. Я была растрогана и огорчена.

Появился охранник береговой службы с подзорной трубой под мышкой, я обрадовалась, увидев его. Он, как обычно, остановился поговорить со мной, но при этом глаз не сводил с какого-то странного корабля.

– Не могу понять, что за судно, – заметил он. – По виду – русское. Как-то чудно́ его бросает из стороны в сторону. Похоже, капитан не может решить, как быть; видит – надвигается шторм, но не знает, то ли идти на север, в открытое море, то ли войти в бухту. Вот опять, смотрите! Шхуна как будто вовсе не слушается руля – с каждым порывом ветра меняет направление. И дня не пройдет, как мы еще услышим о ней…

Глава VII

СТАТЬЯ ИЗ ГАЗЕТЫ «ДЕЙЛИГРАФ»

ОТ 8 АВГУСТА

(приложенная к дневнику Мины Меррей)

От собственного корреспондента
Уитби

Неожиданно разразившийся шторм имел необычные, уникальные в своем роде последствия. Жара в тот день была вполне обычной для августа. В субботу вечером стояла прекрасная погода, в живописных окрестностях Уитби – Малгрей-Вудс, бухте Робин Гуда, Риг-Милл, Рансвик, Стейтес – было много отдыхающих. Пароходики «Эмма» и «Скарборо» сновали вдоль побережья, перевозя многочисленных пассажиров. День был чудесный до обеда, потом завсегдатаи Восточного утеса у кладбища, откуда открывается широкий обзор моря на север и восток, обратили внимание на появившиеся высоко в небе на северо-западе перистые облака, предвещающие дождь. Дул слабый юго-западный ветерок, обозначаемый на барометре «№ 2: легкий бриз». Охранник береговой службы немедленно сообщил об этом, а один старый рыбак, более полувека наблюдавший с Восточного утеса за переменами погоды, предсказал – и очень взволнованно – внезапный шторм.

Закат был так великолепен среди величественных нагромождений облаков и туч разной окраски, что целая толпа собралась на утесе у кладбища, чтобы полюбоваться их красотой. Заходящее солнце начало клониться за темную линию Кетленесса, четко вырисовывавшегося на фоне неба, и окрасило облака в самые разнообразные цвета – огненный, багряный, розовый, зеленый, лиловый, все оттенки золота; кое-где виднелись небольшие, разной и

четкой формы островки абсолютной черноты. Это зрелище не могло оставить равнодушными художников, и, несомненно, в следующем мае на выставке в Королевской академии искусств появятся зарисовки «Перед штормом».

Многие капитаны тогда решили не покидать гавань, пока не пройдет шторм. Вечером ветер совсем стих, к полуночи воцарились штиль, духота и гнетущее предгрозовое напряжение. На море было мало огней – несколько береговых судов, рыбачьи лодки да иностранная шхуна, под всеми парусами двигавшаяся на запад. Безрассудная отвага или полное невежество капитана и его помощников стали темой для пересудов. Пока она находилась в поле зрения, пытались подать им сигнал, чтобы они спустили паруса ввиду приближающейся опасности. До самого наступления темноты ее видели мягко покачивающейся на волнах с бессмысленно развевающимися парусами.

«Корабль наш спит, как в нарисованной воде, рисованный стоит»[50]*. К десяти часам тишина стала совершенно невыносимой, любые звуки – блеяние овец в долине, лай собаки в городе или легкомысленные мелодии оркестра на молу – вносили диссонанс в великую гармонию умолкшей природы. Вскоре после полуночи с моря донесся странный звук, сменившийся потом зловещим глухим гулом.*

Буря разразилась внезапно. С немыслимой быстротой преобразился весь пейзаж. Ярость вздымающихся, перекрывающих друг друга волн нарастала. Море, только что гладкое, словно зеркало, за несколько минут превратилось в ревущее, всепоглощающее чудовище. Волны белыми гребнями бешено бились о песчаные берега и скалы, взметались на молы и своей пеной омывали фонари маяков, стоящих в конце гавани Уитби. Ветер ревел – он дул с такой мощью, что даже сильный человек с трудом удерживался на ногах, да и то если удавалось уцепиться за железные стояки. Пришлось очистить пристань от толпы зрителей, иначе жертвы этой ночи возросли бы во много раз. В довершение всех бед с моря на берег пополз туман – белый, влажный, напоминающий привидения. Он был такой холодный и промозглый, что не требовалось особой фантазии представить себе, будто это духи погибших в море прикасались к своим живым собратьям ледяными руками смерти; многие содрогались, когда мертвенная пелена окутывала их. Временами туман рассеивался и просматривалось море в сверкании непрерывной череды молний, сопровождавшихся внезапными раскатами грома, сотрясавшими, казалось, все небо.

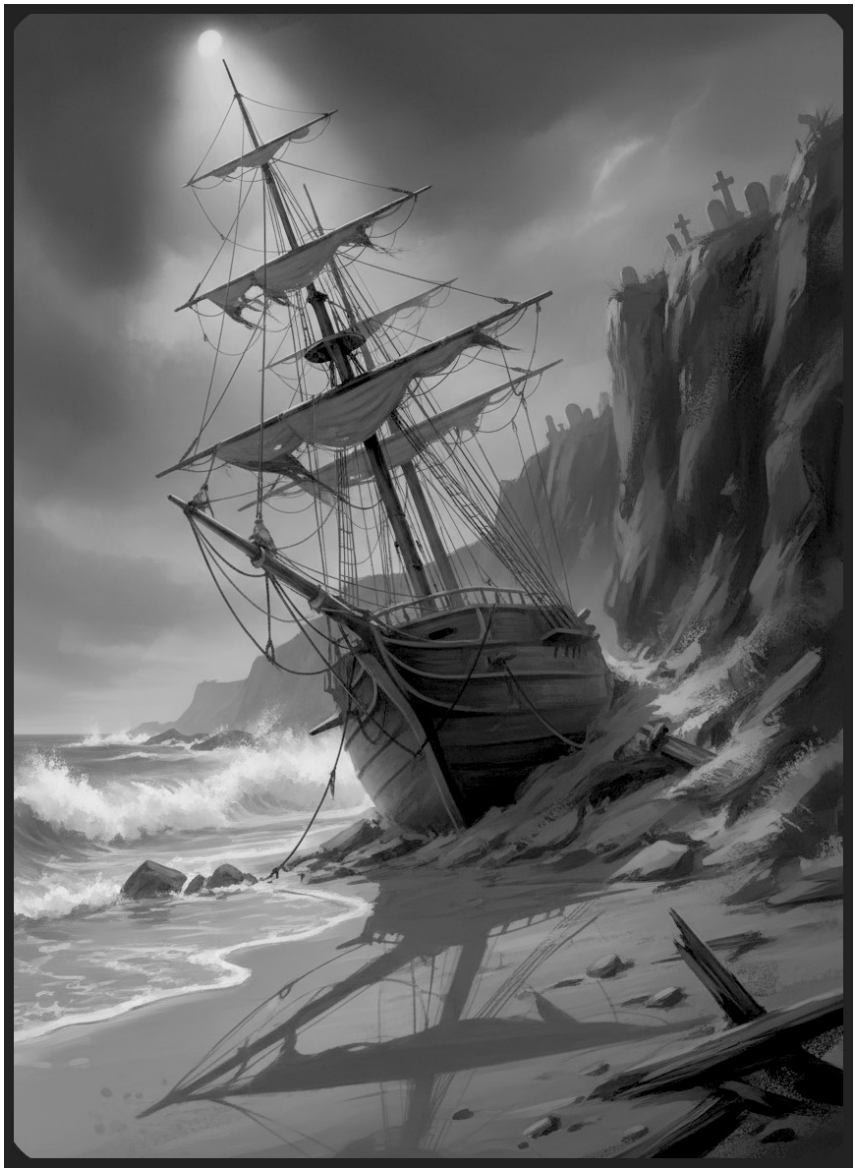
Открылись поразительно величественные виды – оторваться от них было невозможно: море вздымалось, подобно горам, швыряя в небо с каждым новым валом клочья белоснежной пены, которые буря подхватывала и уносила в бесконечность пространства. Время от времени, с лохмотьями на мачте вместо паруса, стремительно проносились рыбачьи лодки в поисках укрытия. Мелькали белые крылья попавшей в шторм чайки. На вершине Восточного утеса впервые включили недавно установленный там прожектор и освещали, насколько это возможно, поверхность моря. Пару раз это действительно очень помогло: например, одна полузатопленная рыбачья лодка, проскочив в гавань, благодаря его свету избежала крушения – не разбилась о мол. Всякий раз, как очередная рыбачья лодка оказывалась в безопасности, толпа на берегу бурно ликовала, радостные крики на мгновение прорезали бурю и затем уносились, подхваченные ее новым порывом.

Вскоре прожектор обнаружил вдали шхуну под всеми парусами, очевидно, ту самую, что была замечена раньше вечером. За это время ветер повернул к востоку; зрителей на утесе охватил ужас, когда они поняли, в какой опасности оказалась теперь шхуна. От гавани ее отделял большой плоский риф, из-за него в прошлом пострадало много судов; и при ветре, дувшем в этом направлении, шхуна не могла войти в гавань. Приближался час прилива, но волны были так высоки, что

вздымались, казалось, с самого дна, у их оснований просматривались прибрежные отмели, а шхуна на всех парусах неслась с такой скоростью, что, по выражению одного морского волка, «она мчалась прямо в ад». Затем снова надвинулся туман, плотнее прежнего, – влажная серая пелена, оставившая людям единственную возможность – слышать: рев бури, раскаты грома, шум могучих волн, доносившиеся сквозь влажную завесу, стали как будто еще громче и резче.

Лучи прожектора были теперь направлены на вход в гавань через Восточный мол, у которого ожидалось крушение. Люди затаили дыхание, но ветер вдруг подул к северо-востоку и рассеял остатки тумана. И тогда – о чудо! – взлетая на волнах, на головокружительной скорости странная шхуна, возникнув между молами, на всех парусах вошла в безопасную гавань. Прожектор ярко осветил ее, и все невольно вздрогнули: к рулю был привязан труп, голова которого безвольно моталась из стороны в сторону при движении корабля. И больше на палубе ни души. Люди были потрясены: никем не управляемый – разве что мертвецом – корабль чудом вошел в гавань! Впрочем, все произошло гораздо быстрее, чем пишутся эти строки: шхуна в мгновение ока пересекла гавань и врезалась в большую кучу песка и гравия, намытую многими приливами и штормами в юго-восточном углу Тейт-Хилл-пирса, под Восточным утесом.

Корабль, разумеется, врезался в песочную кучу на полном ходу, так что все крепления, опоры и веревки напряглись до предела, а верхняя часть мачт рухнула, но самое странное: лишь только шхуна коснулась берега, на палубу выскочила громадная собака, пробежала на нос, спрыгнула на песок и, устремившись к крутому утесу, на котором расположено кладбище, исчезла во мраке.



Никого не было на Тейт-Хилл-пирсе: жители домов, расположенных по соседству, уже спали или же находились наверху. Первым поднялся на борт охранник береговой службы, дежуривший на восточной стороне гавани. Человек, управляющий прожектором, осветил вход в гавань и, ничего не заметив там, направил луч на шхуну. Пройдя на корму к штурвалу, охранник наклонился, присматриваясь к мертвому телу, и сразу отпрянул, чем-то

потрясенный. Это вызвало всеобщее любопытство, и многие устремились к месту катастрофы. От Западного утеса через Дробридж на Тейт-Хилл-пирс путь не близок, но ваш корреспондент – довольно хороший бегун и намного опередил остальных. Тем не менее на пирсе я увидел уже целую толпу, но охранник и полиция никого не пускали на корабль. Мне же, как вашему корреспонденту, разрешили подняться на палубу, таким образом я оказался в числе тех немногих, кто видел мертвого моряка еще привязанным к штурвалу.

Нет ничего удивительного в том, что охранник сильно испугался – такое не каждый день увидишь. Мертвец был привязан за руки – одна поверх другой – к штурвалу, причем между той рукой, что внизу, и деревянным ободом обнаружили вложенный в ладонь крест; прикрепленные к нему четки были обмотаны вокруг запястий и рулевым колесом, а все это вместе крепко-накрепко перетянуто веревками. Видимо, раньше бедняга находился в сидячем положении,

но из-за свирепой бортовой качки, которой неубранные паруса только способствовали, мертвое тело с такой силой швыряло из стороны в сторону, что веревки врезались в мясо до кости.

Был составлен подробный отчет об увиденном, а доктор – военно-морской врач Дж. М. Кэффин, проживающий на Ист-Элли-от-Плейс, 33 и пришедший вслед за мной, – после осмотра заявил, что этот человек умер по крайней мере два дня назад. В кармане мертвеца нашли тщательно закупоренную бутылку с вложенным в нее маленьким бумажным свитком, оказавшимся дополнением к судовому журналу. По мнению охранника береговой службы, этот моряк сам связал себе руки, затянув узлы зубами. То, что первым на борт шхуны поднялся представитель береговой службы, предупреждает возможные осложнения с адмиралтейством, ибо береговая охрана, в отличие от гражданских лиц, не может претендовать на вознаграждение за спасенное имущество покинутых судов.

Юридическая сторона вопроса сразу стала предметом обсуждения, и один молодой правовед-студент громко утверждал, что судовладелец уже потерял свои права на шхуну по закону о «мортмейне»[51]*, поскольку штурвал находился в мертвой руке – это служит символом, если не доказательством, передачи владения. Погибший моряк с большим почтением был вынесен с места своей последней вахты – стойкость его сравнима с верностью долгу юного Касабьянки*[52] *– и помещен в морг до начала расследования.*

Внезапно налетевший шторм начинает стихать, люди расходятся по домам, небо над йоркширскими полями постепенно розовеет. В следующем номере ждите дальнейших подробностей о покинутой шхуне, чудом нашедшей путь в гавань.

Уитби

9 августа. Обстоятельства, открывшиеся после вчерашнего странного прибытия шхуны во время шторма, оказались еще более загадочными, чем сам факт присутствия на палубе мертвого тела. Выяснилось, что это русская шхуна «Димитрий», пришедшая из Варны. Весь ее груз состоял всего из нескольких больших ящиков с черноземом да серебристого песка[53], который мы использовали как балласт. Груз адресован стряпчему из Уитби – мистеру С. Ф. Биллингтону, проживающему по адресу: Кресент, 7. Сегодня утром он приехал в порт и принял груз. Русский консул по долгу службы взял шхуну под свое попечительство и заплатил портовые сборы.

Все только и говорят о странном происшествии. Чиновники из министерства торговли следят за точным исполнением всех формальностей, чтобы потом не было никаких жалоб. Большой интерес вызвала собака, выскочившая на сушу, едва корабль врезался в берег. Многие члены Общества защиты животных, популярного в Уитби, готовы приютить ее. Но, к общему сожалению, собаку нигде не могут найти – она как сквозь землю провалилась. Возможно, так напугалась, что сбежала на болота и теперь прячется там. Некоторым это очень не нравится – чревато неприятностями, ведь, судя по всему, это настоящий хищник: сегодня рано утром нашли мертвой большую собаку, нечистопородного мастифа, принадлежащего торговцу углем, что живет рядом с Тейт-Хилл-пирсом. Пес лежал на дороге напротив двора хозяина. Очевидно, подрался с каким-то лютым зверем – у него разорвано горло, вспорото брюхо – похоже, острыми когтями.

Позднее. Благодаря любезности инспектора министерства торговли мне разрешили ознакомиться с судовым журналом «Димитрия»; он велся исправно на протяжении всего плавания, за исключением последних трех дней, но в нем не оказалось ничего примечательного, кроме упоминания о пропаже людей. Гораздо интереснее бумаги, найденные в бутылке. Прочел то и другое, но, видимо, не мне суждено разгадать эту тайну. Поскольку скрывать вроде бы нечего, мне разрешили публикацию в газете, что я и делаю, опуская лишь некоторые морские и коммерческие профессиональные детали. Такое впечатление, будто у капитана перед выходом в море возникла какая-то мания, развившаяся во время плавания. Хотя, конечно, это предположение следует принимать с известной осторожностью, поскольку я пишу под диктовку секретаря русского консула, любезно согласившегося сделать для меня перевод с русского.

СУДОВОЙ ЖУРНАЛ «ДИМИТРИЯ»

Варна – Уитби

18 июля. Происходят такие странные явления, что отныне я буду вести подробные записи до прибытия на место.

6 июля. Закончили принимать груз – серебристый песок и ящики с землей. В полдень отплыли. Ветер восточный, свежо. Экипаж – пять матросов, два помощника, повар и я (капитан).

11 июля. На рассвете вошли в Босфор. На борт поднялись турецкие таможенники. Бакшиш[54] решил все проблемы. Вышли в четыре часа дня.

12 июля. Проходим Дарданеллы. Снова таможенники и

пограничники. Опять бакшиш. Таможенники работают тщательно, но быстро. Хотят, чтобы мы поскорее убрались. Затемно вышли в Эгейское море.

13 июля. Прошли мыс Матапан. Экипаж чем-то недоволен. Выглядят напуганными, но не говорят, в чем дело.

14 июля. Что-то неладное с матросами. Все они надежные, проверенные люди, плававшие со мной и раньше. Помощник никак не может понять, что случилось: ему сказали только – на судне творится что-то неладное – и перекрестились. Он рассердился на одного из матросов в тот день и ударил его, я ожидал конфликта, но ничего не последовало.

16 июля. Помощник сообщил, что пропал матрос Петровский. Непонятно, что произошло. Встал на вахту по левому борту прошлой ночью после восьми склянок[55], Абрамов сменил его, но в кубрик Петровский не вернулся. Люди крайне подавлены. Говорят, что ждали этого, но ничего не объясняют, твердят лишь – на корабле что-то не то. Помощник злится на них и ждет неприятностей.

17 июля. Один из матросов, Олгарен, пришел ко мне в каюту очень напуганный и сообщил, что, по его мнению, на корабле находится посторонний. Во время своей вахты Олгарен укрылся от сильного дождя за рубку и вдруг увидел, как высокий худой человек, явно не из команды, прошел по палубе и исчез. Олгарен прошел следом до самого носа корабля, но никого не нашел, а все люки оказались задраены. Его охватил панический суеверный страх – боюсь, как бы паника не распространилась. Чтобы предотвратить ее, велю сегодня тщательно обыскать весь корабль.

Немного позже я собрал команду и сказал: поскольку команда подозревает, что на корабле посторонний, мы тщательно обыщем судно от носа до кормы. Первый помощник рассердился, назвал это глупостью, которая лишь дезорганизует людей, и вызвался успокоить их другими способами. Но я приказал ему встать к штурвалу. Остальные же, стараясь держаться вместе, при свете фонарей начали тщательный обыск. Мы осмотрели все. В трюме был только груз – деревянные ящики, никаких подозрительных закоулков, где бы мог спрятаться человек. После обыска люди успокоились и, повеселев, вернулись к работе. Первый помощник хмурился, но молчал.

22 июля. Три дня штормит, вся команда возится с парусами – бояться некогда. Кажется, все забыли про свои страхи. Помощник повеселел, отношения наладились. Я похвалил людей за хорошую работу в непогоду. Прошли Гибралтар и вышли через пролив в океан.

Все хорошо.

24 июля. Злой рок преследует шхуну. Уже потеряли одного матроса, впереди в Бискайском заливе ужасная погода, а тут вчера исчез еще один. Как и первый, закончил вахту – и больше его не видели. Люди в панике; они боятся нести вахту в одиночку, поэтому я предложил дежурить по двое. Помощник рассвирепел. Боюсь беды – либо он, либо команда могут перейти грань.

28 июля. Четыре дня в аду; попали в какой-то водоворот, буря не стихает. Совсем не спим. Все выбились из сил. Не знаю даже, кого поставить на вахту. Второй помощник вызвался встать на вахту – у команды появилась возможность поспать несколько часов. Ветер слабеет. Волны еще велики, но море уже спокойнее и корабль не так бросает.

29 июля. Новая трагедия. Сегодня ночью команда слишком устала, и на вахте стоял всего один человек – второй помощник. Когда утром матрос пришел сменить его, то никого не нашел, кроме рулевого. Он поднял шум, все выбежали на палубу. Провели тщательный обыск – никого. Теперь я без второго помощника, а команда – в панике. Мы с первым помощником решили носить при себе пистолеты.

30 июля. Вчера вечером мы радовались – Англия уже близко. Погода чудная, идем под всеми парусами. От усталости я просто свалился и крепко заснул. Меня разбудил первый помощник и сообщил, что исчезли оба вахтенных и рулевой. На шхуне остались только помощник, два матроса и я.

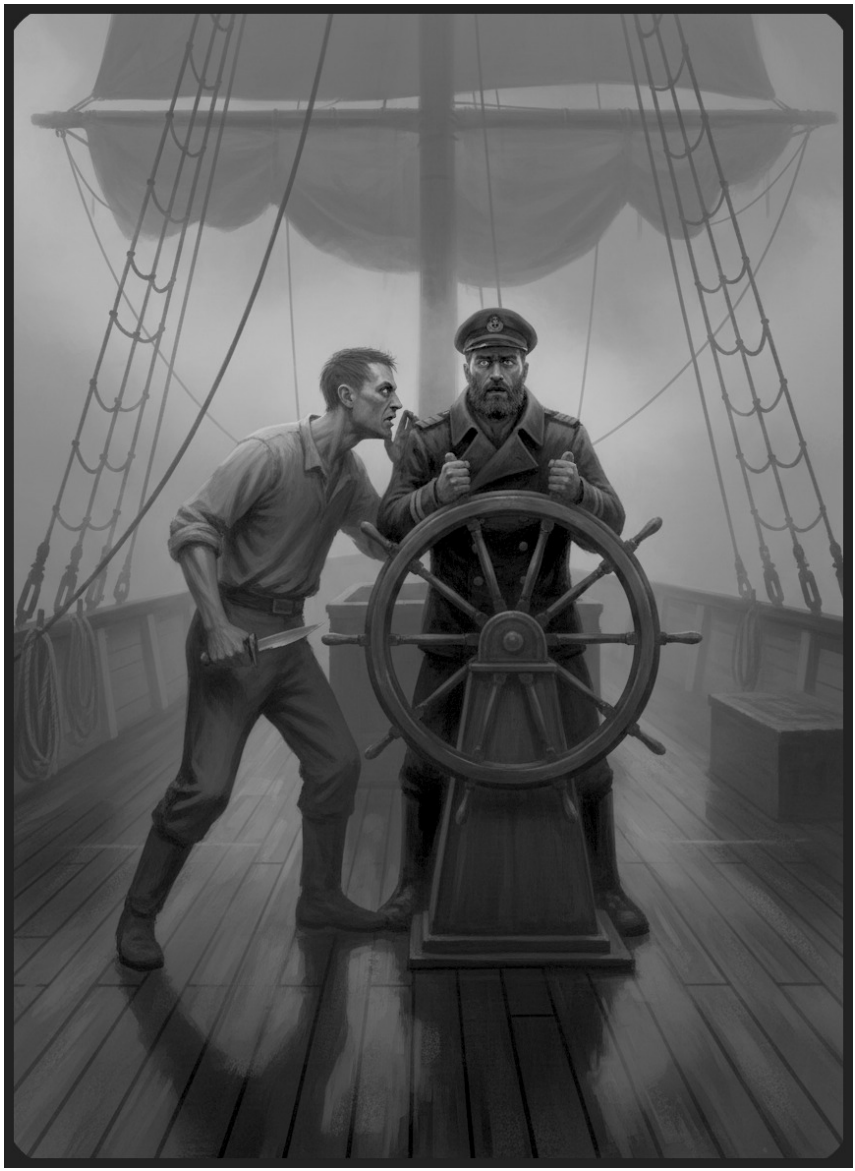
1 августа. Два дня туман, на горизонте – ни одного паруса. Надеялся, что в Английском канале смогу подать сигнал о помощи или зайти куда-нибудь. Но мы вынуждены идти по ветру: нет сил управлять парусами. Не решаемся и спустить их, потому что не сможем вновь поднять. Судьба нас несет к какому-то ужасному концу. Теперь и первый помощник пал духом. Его сильный характер как бы исподволь сработал против него. Матросы уже за пределами страха, работают бесстрастно и терпеливо, готовые к худшему. Они – русские, он – румын.

2 августа, полночь. Задремал на несколько минут и проснулся от крика у моих дверей. В тумане ничего не вижу. Бросился на палубу и столкнулся с помощником. Он тоже прибежал на крик – вахтенного на месте не оказалось. Еще один исчез. Господи, помоги нам! Помощник говорит, что мы уже прошли Дуврский пролив: крик матроса раздался как раз в тот миг, когда туман рассеялся и стал виден Северный мыс. Если так, то мы уже в Северном море, но только Бог может провести

нас сквозь туман, который будто преследует нас. Но Бог, кажется, нас покинул.

3 августа. В полночь я пошел сменить рулевого, но не нашел его. Ветер был сильный, и шхуну несло прямо по ветру. Я не решился оставить штурвал и покричал помощнику. Он выскочил на палубу в нижнем белье. Выглядел изможденно, глаза безумные, опасаюсь за его рассудок. Подбежав, он сипло зашептал мне на ухо, будто боясь, что сам воздух его подслушает:

– *Оно* здесь, теперь я знаю. Вчера ночью, стоя на вахте, я видел *Это* – похоже на высокого, худого человека, мертвенно-бледное. *Оно* было на носу и осматривалось. Я подкрался к нему и ударил ножом, но клинок прошел сквозь него, как сквозь воздух. – Он вытащил нож и с яростью взмахнул им. – Но *Оно* здесь, и я найду его. *Оно* в трюме, возможно, в одном из ящиков. Открою их и посмотрю. А вы управляйте шхуной.



И с угрожающим видом, приложив палец к губам, помощник направился вниз. Поднялся порывистый ветер, я не мог оставить штурвал. Он вновь появился с ящичком для инструментов, фонарем и стал спускаться в ближний люк. Этот сильный человек, похоже, совсем сошел с ума, у него галлюцинации, останавливать его бесполезно. Впрочем, содержимому ящиков он повредить не может, в накладной указано «чернозем», ничего с ним не случится.

Я остался у руля и веду эти записи. Полагаюсь только на Бога и жду, когда рассеется туман. Тогда, если не смогу по ветру загнать шхуну в какую-нибудь гавань, обрублю паруса и дам сигнал бедствия.

Теперь почти все уже кончено. Я надеялся, что помощник наконец успокоится, – слышал стук его молотка из трюма и думал, работа пойдет ему на пользу, – вдруг раздался страшный крик, от которого кровь в моих жилах застыла, и он с блуждающим взглядом и искаженным от страха лицом пулей выскочил из трюма.

– Спасите! Спасите меня! – кричал безумец, озираясь. Ужас его сменился отчаянием, и уже спокойнее он сказал: – Уйдем вместе, капитан, пока еще не поздно. *Оно* там. Теперь я понял, в чем секрет. Море спасет меня от *Него,* это единственный выход!

И прежде чем я успел сказать хоть слово или остановить его, помощник вскочил на фальшборт и бросился в море. Мне кажется, я тоже понял, в чем секрет: этот сумасшедший уничтожил людей, одного за другим, а теперь сам последовал за ними. Да поможет мне Бог! Как я отвечу за все эти ужасы по прибытии в порт? Когда сойду наконец на сушу! Будет ли это когда-нибудь?

4 августа. По-прежнему туман, сквозь который не может пробиться рассвет. Как и всякий моряк, чувствую наступление рассвета. Не решился спуститься в трюм и оставить штурвал; так и провел всю ночь и в сумраке увидел *Это*! Прости меня, Господи, но помощник был прав, прыгнув за борт: лучше умереть достойно, в море, как подобает моряку. Но капитан не имеет права покинуть корабль, однако я все же перехитрю этого дьявола, это чудовище: когда силы начнут покидать меня, привяжу к штурвалу руки и то, к чему *Он* – или *Оно* – не посмеет прикоснуться. И тогда пусть дует любой ветер – попутный или нет, но я спасу свою душу и честь.

Слабею, а следующая ночь уже приближается. Надо быть готовым к встрече с *Ним*... Если я погибну, может быть, кто-нибудь найдет эту бутылку и поймет… если же нет… что ж, пусть никто не усомнится в том, что я был верен своему долгу. Господи, Пресвятая Дева и святые праведники, помогите бедной заблудшей душе, старавшейся исполнить свой долг…

На этом записи в судовом журнале обрываются. Конечно, вопрос о виновном остается открытым. Нет никаких доказательств, непонятно, кто же все-таки убийца. Почти все в Уитби считают капитана героем, ему устроят торжественные похороны, гроб с его телом провезут вверх по реке Эск в сопровождении целой флотилии, а затем назад – к Тейт-Хилл-пирсу, где на кладбище он и будет предан земле. Владельцы

более ста судов уже вызвались принять участие в ритуале его похорон.

Никаких следов громадной собаки; учитывая общественное мнение в настоящий момент, город, наверное, взял бы ее под свою опеку. Завтра состоятся похороны капитана. Отныне еще одной тайной моря станет больше.

ДНЕВНИК МИНЫ МЕРРЕЙ

8 августа. Люси спала сегодня очень беспокойно, я тоже не могла уснуть. Шторм был ужасный, при каждом завывании ветра в трубах я невольно вздрагивала. При наиболее резких порывах казалось, будто где-то стреляют из пушек. К моему удивлению, Люси не просыпалась, но дважды вставала и начинала одеваться. К счастью, я всякий раз вовремя просыпалась, и мне удавалось уложить ее в постель, не разбудив. Лунатизм – странное явление: при любом физическом препятствии сомнамбула отменяет свою ночную прогулку и возвращается в постель.

Рано утром мы встали и отправились в гавань. Народу гуляло мало, хотя светило солнце, а воздух был чист и свеж. Большие, мрачноватого вида волны, казавшиеся черными по контрасту с белой пеной на гребнях, врывались в узкий проход гавани, напоминая задиристого человека, протискивающегося сквозь толпу. Как бы там ни было, а я порадовалась, что Джонатан сейчас на суше. Впрочем, на суше ли? Где он? Как он? Я все больше беспокоюсь за него. Если бы только знать, что делать, я на все готова!

10 августа. Похороны бедного капитана проходили очень трогательно. Кажется, присутствовали все суда и суденышки порта, а их капитаны на собственных плечах несли гроб от Тейт-Хилл-пирса до кладбища. Мы с Люси рано пришли на нашу скамью, похоронный кортеж как раз двинулся вверх по реке к виадуку, а затем повернул обратно. Нам было видно все как на ладони. Похоронили несчастного недалеко от нашей скамьи, так что мы видели, как его гроб опускали в могилу.

Люси, бедняжка, очень расстроилась. Она вся на нервах; боюсь, сказывается ее лунатизм. Странно, что Люси не говорит мне о причине своего беспокойства, хотя, возможно, она и сама не может понять, в чем дело. Подействовала на нее и смерть бедного мистера Свейлза, которого сегодня утром со сломанной шеей нашли рядом с нашей скамьей. Очевидно, как сказал доктор, он упал со скамьи от испуга – на лице у него застыло выражение такого несказанного ужаса, что, по словам нашедших его людей, у них мурашки побежали по коже.

Славный старик! Может быть, он увидел перед собой саму Смерть!

Люси такая впечатлительная, она гораздо чувствительнее других. Только что она разволновалась из-за пустяка, которому я не придала особого значения, хотя очень люблю животных. Один человек пришел на наше место, уже не впервые, с собакой. Оба они очень спокойные: ни разу не видела, чтобы он сердился, а она лаяла. Во время панихиды собака ни за что не хотела подойти к своему хозяину, сидевшему с нами на скамье, а, остановившись в нескольких ярдах, начала лаять и выть. Хозяин говорил с ней ласково, потом строго и, наконец, сердито, но она все равно не унималась, продолжая выть как бешеная: глаза сверкали, шерсть встала дыбом. В конце концов хозяин разозлился, подбежал к ней, пнул ногой, схватил за загривок и бросил на надгробную плиту, рядом с которой стояла наша скамья. Собака тут же затихла, но начала дрожать. Она не пыталась сойти с плиты, а припала к ней, съежившись, дрожа в таком ужасе, что все мои попытки успокоить ее оказались безуспешны. Люси тоже было жаль собаку, но она даже не пыталась погладить ее, а лишь смотрела на нее в таком отчаянии, что мне стало больно. Мне кажется, она слишком чувствительна, чтобы жизнь ее сложилась гладко. Наверняка ночью ее будут преследовать кошмары: корабль, управляемый привязанным к штурвалу мертвецом с крестом и четками, душераздирающие похороны, собака, охваченная то бешенством, то страхом, – это слишком много для нее.

Я решила, что будет лучше, если Люси ляжет спать усталой физически, и поэтому повела ее пешком по утесам в бухту Робин Гуда и обратно. Надеюсь, теперь ей не захочется гулять во сне.

Глава VIII

ДНЕВНИК МИНЫ МЕРРЕЙ

Тот же день. 11 часов вечера. Ну и устала же я! Если бы не моя твердая решимость вести дневник ежедневно, сегодня вечером ни за что бы не раскрыла его. Мы совершили замечательную прогулку. Люси вскоре повеселела, наверное, благодаря чудным коровам, которые из любопытства двинулись в нашу сторону, когда мы гуляли в поле недалеко от маяка, и до смерти нас напугали. Этот испуг прогнал все прошлые впечатления, и мы начали новую жизнь. В бухте Робин Гуда напились превосходного крепкого чая в маленькой старомодной гостинице, эркер которой выходил прямо на прибрежные скалы, поросшие водорослями. Боюсь, мы шокировали бы своим аппетитом любую «современную женщину». Мужчины, слава богу, более терпимы! Потом пешком пошли домой, часто останавливаясь, так как панически боялись диких быков, которые здесь встречаются.

Люси очень устала, и мы решили, как только доберемся до дома, сразу лечь спать. Однако пришел молодой викарий, миссис Вестенра пригласила его к ужину, и нам с Люси пришлось вместе со всеми сидеть за столом, изо всех сил борясь со сном; о себе могу сказать, что я чувствовала себя героиней. По-моему, епископам надо собраться и подумать о воспитании более внимательных и деликатных священников, которые бы не навязывали своего присутствия людям, явно усталым и обессиленным.

Люси спит и дышит ровно. Щеки у нее горят, какая она красивая! Если мистер Холмвуд влюбился в нее, видя ее только в гостиной, представляю, что с ним было бы, если б он увидел ее сейчас. Вполне возможно, однажды всем этим «современным женщинам»-писательницам придет в голову, что будущим супругам нужно увидеть друг друга спящими, прежде чем делать предложение или принимать

его. Впрочем, в будущем «современная женщина», наверное, откажется от унижения «принимать предложение» и сама будет его делать. И вероятно, преуспеет в этом! Слабое утешение. Как я рада, что Люси сегодня, кажется, получше. Очень надеюсь, что кризис миновал и ее тревожные сны прекратились. Я была бы совсем счастлива, если бы только знала, что с Джонатаном… Господи, сохрани и спаси его!

11 августа, 3 часа утра. Вновь за дневником. Не спится. Слишком взволнована, чтобы заснуть. Произошло нечто кошмарное. Ночью, не успела я закрыть дневник, как сразу же провалилась в сон… Потом внезапно проснулась, охваченная ужасным чувством страха и пустоты. В комнате было темно, ничего не видно, я на ощупь пробралась к постели Люси – она оказалась пуста. Я зажгла спичку – Люси в комнате не было. Дверь закрыта, но не заперта, хотя я ее запирала. Решив не будить ее мать – последнее время она чувствовала себя неважно, – я оделась и отправилась на поиски сама. Выходя из комнаты, посмотрела, в чем Люси вышла, чтобы понять ее намерения. Если в халате – значит, она дома, в платье – где-то на улице. И то и другое оказалось на месте. Слава богу, она в ночной сорочке – значит, где-то здесь.

Спустилась вниз, в гостиной ее не обнаружила, в других комнатах – тоже. Входная дверь оказалась открыта – не настежь, а просто не задвинут засов. Странно, обычно прислуга тщательно запирает эту дверь на ночь, поэтому я заподозрила, что Люси вышла на улицу в чем была. Раздумывать было некогда, тем более что томительный страх лишил меня способности вникать в детали. Я закуталась в шаль и выбежала из дому…

Пробило час, а я все еще ходила по нашей улице – на ней не было ни души. И на Северной террасе никаких признаков фигуры в белом. Стоя на краю Западного утеса над молом, я попыталась через гавань разглядеть Восточный утес – одновременно в надежде и страхе, что Люси там, на нашей любимой скамье. Было полнолуние, но темные, бегущие по небу облака создавали удивительную игру света и тени. Сначала я ничего не могла разглядеть – церковь Святой Марии и все вокруг оказалось в глубокой тени. Но вот облако прошло, и я увидела руины аббатства; затем узкая полоска света рассекла темноту, выхватив из нее церковь и кладбище. Мои надежды оправдались: в серебряном сиянии луны я разглядела белую как снег фигуру, полулежащую на нашей любимой скамейке. Новое облако мгновенно покрыло все мраком, мне почудилась черная тень, склонившаяся над

белой фигурой. Был ли это зверь или человек, я не поняла. Не дожидаясь, пока снова прояснится, я бросилась по ступенькам вниз на мол, потом мимо рыбного базара к мосту – единственный путь к Восточному утесу.

Город как вымер – ни единой души. Тем лучше: никто не увидит Люси в таком ужасном состоянии. Время и расстояние показались мне бесконечными, колени у меня дрожали, я задыхалась, взбираясь по бесконечным ступенькам к аббатству. Наверное, я бежала быстро, хотя у меня было ощущение, будто ноги мои налиты свинцом, а суставы не гнутся. Ближе к вершине я уже различала скамью и белую фигуру, хотя было темно. Я не ошиблась: высокая черная тень склонилась над белой полулежащей фигурой. Я закричала в испуге: «Люси! Люси!» Тень подняла голову, я увидела бледное лицо и красные сверкающие глаза. Люси не отвечала, и я ринулась к воротам кладбища, влетела в них – на минуту церковь закрыла от меня мою подругу. Когда я выскочила из-за церкви, облако прошло, луна ярко осветила Люси, с откинутой на спинку скамьи головой. Около нее никого не было…

Я наклонилась над ней – она спала, полуоткрыв рот и тяжело дыша, как будто ей не хватало воздуха. Во сне она бессознательно подняла руку и потянула воротник ночной рубашки, прикрывая шею, при этом она зябко поежилась. Я накинула на нее свою теплую шаль, плотно стянув концы у шеи, чтобы она не простудилась. Я боялась разбудить Люси и, желая оставить свободными руки, чтобы поддерживать ее, закрепила ей шаль под самым подбородком

английской булавкой, но, видимо, неосторожно уколола или оцарапала ее, потому что вскоре, уже начав дышать ровнее, она прижала руку к горлу и застонала.

Хорошенько закутав спящую и надев ей на ноги свои туфли, я начала ее потихоньку будить. Сначала бедняжка не реагировала, потом сон ее стал тревожнее, она застонала. Поскольку время шло быстро, а мне хотелось поскорее отвести Люси домой, я стала энергичнее будить ее, и наконец моя подруга проснулась. Она не удивилась, увидев меня, наверное, не сразу поняла, где находится. Люси очаровательна, когда просыпается, даже если это происходит неожиданно, ночью, на кладбище. Она немного дрожала и прижималась ко мне. Я предложила ей поскорее пойти домой – ни слова не говоря, она встала и послушно, как ребенок, пошла за мною. Идти босиком по гравию было больно, я невольно морщилась. Люси, заметив это, хотела немедленно вернуть мне туфли, но я категорически отказалась. И все же, когда мы вышли с кладбища на дорогу, я обмазала ноги грязью из лужи, образовавшейся после шторма, – если мы встретим кого-нибудь, будет незаметно, что я босиком.

Нам повезло – мы дошли до дому, не встретив ни души. Лишь однажды увидели идущего впереди, кажется, не совсем трезвого мужчину и подождали, пока он не скрылся в переулке. У меня так сильно колотилось сердце, что несколько раз я чуть не теряла сознание – очень беспокоилась за Люси – не только за ее здоровье, но и репутацию, если эта история получит огласку.

Дома мы прежде всего отмыли и отогрели ноги, помолились, поблагодарив Бога за спасение, и я уложила ее спать. Прежде чем заснуть, она просила, просто умоляла, никому, даже матери, не говорить ни слова о ее приключении. Сначала я колебалась, но, вспомнив о состоянии здоровья миссис Вестенра и понимая, что такая история может быть – и наверняка будет! – ложно истолкована, если о ней прознают, решила, что разумнее согласиться с Люси. Надеюсь, я правильно рассудила. Заперев дверь, я привязала ключ к запястью. Люси крепко заснула. Наступает рассвет…

Тот же день, полдень. Все хорошо. Люси спала, пока я ее не разбудила. Ночное приключение как будто не только не повредило ей, но даже пошло на пользу: она выглядит сегодня утром лучше, чем обычно. Я расстроена лишь тем, что по неловкости задела ее булавкой, да так сильно, что проколола ей кожу на шее: там видны две малюсенькие точки, а на тесьме ее ночной сорочки – пятнышко крови. Когда я, обеспокоенная этим, извинялась перед нею, она рассмеялась и

обняла меня, сказав, что даже ничего не чувствует. К счастью, шрама не останется – такие крохотные ранки.

В тот же день, ночью. День прошел хорошо. Было ясно, солнечно, дул прохладный ветерок. Мы решили пообедать в Малгрейв-Вудс. Миссис Вестенра поехала туда в экипаже, а мы с Люси пошли пешком по тропинке, по утесам, и присоединились к ней уже на месте. Мне было немного грустно – я не могла чувствовать себя совершенно счастливой, пока Джонатан не со мной. Ну что ж, нужно набраться терпения. Вечером мы прогулялись на улицу Казино Террэйс – насладиться прекрасной музыкой Шпора и Маккензи[56] – и рано легли спать. Люси выглядит вполне спокойной, она сразу заснула. Запру дверь, а ключ спрячу, как в прошлую ночь, хотя надеюсь, что сегодня обойдется без неприятностей.

12 августа. Мои надежды не оправдались: дважды я просыпалась ночью из-за того, что Люси пыталась выйти. Даже во сне она казалась возмущенной тем, что дверь заперта, и возвращалась в постель недовольная. Я проснулась на рассвете от щебета птиц за окном. Люси тоже проснулась, и я порадовалась – она чувствует себя лучше, чем вчера утром. К ней вернулась ее прежняя беззаботность. Она уютно устроилась подле меня и рассказывала мне об Артуре. Я же поделилась с ней своими опасениями насчет Джонатана, и она старалась успокоить меня. Пожалуй, ей это удалось. Конечно, сочувствие не может изменить сложившихся обстоятельств, но все же становится немного легче их переносить.

13 августа. Снова спокойный день и сон с ключом на запястье. Я опять проснулась ночью – Люси сидела на постели и, в глубоком сне, смотрела на окно. Я тихо встала и, отодвинув штору, выглянула. Ярко светила луна; море и небо, объединенные одной великой, безмолвной тайной, невыразимо прекрасны. У самого окна кружила большая летучая мышь, освещенная лунным светом. Пару раз она подлетала совсем близко, но, видимо, испугалась, увидев меня, и полетела через гавань к аббатству. Когда я отошла от окна, Люси уже мирно спала. Больше в эту ночь она не вставала.

14 августа. Целый день – на Восточном утесе, читаю и пишу. Люси тоже полюбила это место, ее трудно увести отсюда даже для того, чтобы перекусить. Сегодня она сделала странное замечание. Возвращаясь домой к ужину, мы поднялись на самый верх лестницы, ведущей от Западного мола, и остановились, как всегда, полюбоваться видом. Багряные лучи заходящего солнца озаряли Восточный утес и старое аббатство, окутывая все прекрасным розовым светом. Вдруг

Люси тихо, как бы про себя, сказала:

– Снова эти красные глаза! Они точно такие же.

Это прозвучало очень странно, ни с того ни с сего, и встревожило меня. Я взглянула на Люси и увидела, что она в полусонном состоянии, с каким-то отсутствующим, непонятным мне выражением лица; я проследила направление ее лихорадочно блестевшего взгляда. Она смотрела на нашу скамью, на которой одиноко сидела какая-то темная фигура. Я сама немного испугалась: на мгновение показалось, будто у незнакомца большие глаза, полыхающие подобно факелам. Взглянула снова – иллюзия рассеялась: просто багряный свет погружавшегося в море солнца отражался в окнах церкви Святой Марии за нашей скамьей. Я сказала Люси об этом, она вздрогнула и пришла в себя, но была очень грустна; возможно, вспомнила о той ужасной ночи. Мы никогда не говорили о ней, я и теперь ничего не сказала, и мы пошли домой.

У Люси разболелась голова, и она рано легла. Я же решила прогуляться по холмам и, исполненная светлой печали, думала о Джонатане. Когда я возвращалась, луна светила так ярко, что почти вся улица, кроме нашей части, была хорошо видна. Я взглянула на наше окно и увидела Люси. Решив, что она высматривает меня, я помахала ей носовым платком. Она не ответила. Тут свет луны упал на окно, и я ясно увидела, что Люси облокотилась на подоконник, глаза ее закрыты, а около нее сидит что-то вроде большой птицы. Испугавшись, что она простудится, я быстро взбежала наверх, в спальню.

Люси была уже в постели; дышала она тяжело, но спала крепко, прижимая руку к горлу, словно защищала его от холода. Я не стала ее будить, лишь потеплее укрыла и заперла дверь и окно. Выглядела Люси во сне прекрасно, но бледнее обычного, и под глазами тени, которые мне не понравились. Что-то мучает ее. Как бы мне хотелось узнать, что именно.

15 августа. Встала позже обычного. Люси была вялой, утомленной и спала, пока не позвали к завтраку, за которым нас ждал приятный сюрприз: отцу Артура стало лучше, он торопит со свадьбой. Люси на седьмом небе от счастья, а ее мать не знает, то ли радоваться, то ли горевать. Позднее миссис Вестенра объяснила свое настроение. Ей грустно расстаться с Люси, но она довольна, что будет кому присмотреть за ней. Бедная, милая леди! Она поведала мне, что обречена. Люси она не говорила об этом и меня просила сохранить ее тайну: доктор сказал, что ей осталось жить несколько месяцев. Так

плохо у нее с сердцем. Любая неожиданная неприятность или потрясение могут убить ее. Да, мы поступили мудро, скрыв от нее то ночное приключение.

17 августа. Не прикасалась к дневнику целых два дня. Не хватало духу. Какая-то тень надвинулась на наше счастье. Никаких вестей от Джонатана, Люси слабеет, а дни ее матери сочтены. Не понимаю, отчего угасает Люси. У нее хороший аппетит, она прекрасно спит, много гуляет на свежем воздухе, но с каждым днем все бледнее и слабее; по ночам тяжело дышит, как будто ей не хватает воздуха. Ключ от двери комнаты каждую ночь у меня на руке. Выйти она не может, но встает, ходит по комнате, сидит у открытого окна.

Вчера ночью, проснувшись и вновь застав бедняжку у окна, я попыталась ее разбудить и не смогла, она была в обмороке. Когда я привела ее в чувство, она была очень слаба и тихо плакала, стараясь отдышаться. Я спросила, как и зачем она оказалась у окна, – Люси лишь покачала головой и отвернулась. Надеюсь, ее болезнь не вызвана этим злополучным уколом булавки.

Пока она спала, я осмотрела ее шею: эти крохотные ранки не зажили, они все еще открыты и, пожалуй, увеличились, а края их как-то странно побелели. Они напоминают маленькие белые кружки с красными точками в центре. Если они не заживут через день-два, позову доктора.

СЭМЮЭЛ Ф. БИЛЛИНГТОН И СЫН

АДВОКАТСКАЯ КОНТОРА, УИТБИ

ПИСЬМО В КОМПАНИЮ «КАРТЕР И ПАТЕРСОН», ЛОНДОН

17 августа

Милостивые государи, посылаем вам накладную на товар, отправленный по Большой Северной железной дороге. Он должен быть доставлен в усадьбу «Карфакс», близ. Перфлита, немедленно по прибытии на грузовую станцию Кинг-Кросс. В доме в настоящее время никто не живет, прилагаю ключи, все они пронумерованы.

Прошу сложить ящики (50 штук), составляющие этот груз, в разрушенной части усадьбы, отмеченной на прилагаемом плане буквой «А». Ваш агент легко найдет это место, поскольку речь идет о старой часовне при доме. Товар отправят сегодня вечером в 9 часов 30 минут, он должен прибыть на Кинг-Кросс в 4 часа 30 минут дня. Наш клиент желал бы получить груз как можно скорее, поэтому мы будем весьма

признательны, если ваши представители будут в указанное время на Кинг-Кросс и организуют немедленную доставку груза по назначению. Чтобы избежать возможных задержек из-за платежей, прилагаем чек на десять фунтов, получение которого просим подтвердить. Если расходы окажутся меньше, остаток можете вернуть, если больше, то по вашему первому требованию мы вышлем чек. По завершении дел ключи следует оставить в вестибюле дома, где владелец сможет взять их, открыв входную дверь имеющимся у него вторым ключом.

Просим не обвинять нас в нарушении правил делового этикета в связи с нашей настоятельной просьбой ускорить доставку.

Искренне ваши

Сэмюэл Ф. Биллингтон и сын

КАРТЕР, ПАТЕРСОН И К°, ЛОНДОН

БИЛЛИНГТОНУ И СЫНУ, УИТБИ

21 августа

Милостивые государи, подтверждаем получение чека на 10 фунтов и просим прислать чек на 1 фунт 17 шиллингов 9 пенсов за дополнительные расходы, счет прилагаем. Груз доставлен в точном соответствии с полученными инструкциями, связка ключей оставлена в вестибюле, как было указано.

С уважением,

за Картера, Патерсона и К°

(подпись неразборчива)

ДНЕВНИК МИНЫ МЕРРЕЙ

18 августа. Сегодня настроение у меня получше, пишу, снова сидя на нашей скамье на кладбище. Люси прошлой ночью прекрасно спала, ни разу меня не разбудила. Румянец постепенно возвращается к ней, хотя она еще очень бледна и выглядит неважно. Если бы она была анемична от природы, я бы еще поняла это, но моя подруга от природы жизнерадостная, неунывающая, открытая. Болезненная скрытность прошла, Люси только что напомнила мне (как будто я нуждалась в напоминаниях!) о той ночи, когда на этой самой скамье я нашла ее спящей. Вспоминая об этом, она весело постучала каблуком по каменной плите и сказала:

– Ну, тогда-то я пришла тихо-тихо! Бедный мистер Свейлз, наверное, сказал бы, что я не хотела будить Джорди.

Видя, что она в таком хорошем настроении, я решилась спросить,

что ей снилось в ту ночь. Она задумалась, слегка наморщив лоб, с тем особым милым выражением, которое так нравится Артуру (я вслед за ней называю его Артуром), и, явно стараясь вспомнить, продолжала:

– Это было что-то странное – не сон, не явь. Мне почему-то очень захотелось прийти сюда, почему – не знаю, я чего-то боялась, а чего – тоже не знаю. Помню, шла по улицам как во сне. Когда переходила мост, рыба выпрыгнула из воды. Я перегнулась через перила, чтобы разглядеть ее. Подымаясь по лестнице, слышала вой собак – казалось, город полон ими и все они воют. Смутно помню нечто длинное и темное, с красными глазами, как тогда на закате солнца, потом почувствовала что-то одновременно сладостное и мучительное: я словно погружалась в глубину зеленых вод, до меня доносилось какое-то пение – мне рассказывали, так бывает с утопающими; потом все стало отдаляться, душа моя как будто покинула тело и витала в воздухе. Помню, Западный маяк оказался прямо подо мной, затем – какое-то мучительное чувство уходящей из-под ног земли, такое, наверное, бывает при землетрясении. Когда я пришла в себя, то увидела, как ты будишь меня, – увидела раньше, чем почувствовала.

Люси рассмеялась, я же слушала ее, затаив дыхание, вся эта история произвела на меня тягостное впечатление, да и смех моей подруги мне совсем не понравился. Я перевела разговор на другую тему, и Люси стала прежней. На обратном пути свежий ветерок подбодрил ее, бледные щеки порозовели. Миссис Вестенра повеселела, увидев свою разрумянившуюся дочь, и мы провели чудный вечер.

19 августа. Какая радость! Радость! Радость! Хотя и не совсем. Наконец-то известие о Джонатане! Бедняжка болен, поэтому и не писал. Я уже не боюсь думать и говорить о нем – теперь мне известно, в чем дело. Мистер Хокинс переслал мне письмо и сам трогательно написал несколько строк. Утром еду к Джонатану – помочь ухаживать за ним и привезти его домой. Мистер Хокинс считает, что было бы неплохо, если б мы поженились прямо там. Я плакала над письмом сестры милосердия – оно о Джонатане – и теперь храню его поближе к сердцу, потому что он сам у меня в сердце. План моего путешествия разработан, багаж уложен. С собой беру лишь одну смену платья. Люси привезет мой дорожный сундук в Лондон и оставит у себя, пока я не пришлю за ним, вполне возможно, что… впрочем, хватит марать бумагу, теперь я все смогу рассказывать Джонатану, моему мужу. Его письмо будет мне утешением, пока мы не встретимся.

ПИСЬМО СЕСТРЫ АГАТЫ ИЗ БОЛЬНИЦЫ СВЯТОГО

ИОСИФА И СВЯТОЙ МАРИИ – МИСС ВИЛЬГЕЛЬМИНЕ МЕРРЕЙ

12 августа

Милостивая сударыня!

Пишу по просьбе мистера Джонатана Харкера, который еще недостаточно окреп, чтобы самому писать, хотя он уже выздоравливает, благодаря Господу, святому Иосифу и святой Марии. Почти шесть недель он пролежал у нас в сильнейшей горячке. Мистер Харкер просит меня успокоить его невесту и сообщить, что с этой же почтой посылает письмо мистеру Питеру Хокинсу в Эксетер, которому просит передать свое почтение и сожаление по поводу непредвиденной задержки. Все дела он закончил. В нашем санатории в горах он пробудет еще несколько недель, а затем сможет вернуться домой. Мистер Харкер просит сообщить Вам также о том, что у него с собой мало денег, а он хотел бы оплатить свое пребывание здесь, потому что найдутся другие, более нуждающиеся.

Да благословит Вас Господь.

Искренне Ваша, сестра Агата

P. S. Мой пациент заснул, и я хочу сообщить Вам еще кое-что. Он рассказал мне о Вас и о том, что скоро Вы станете его женой. Да благословит Господь ваш союз! По мнению нашего доктора, мистер Харкер пережил какое-то ужасное потрясение, во время болезни его преследовали кошмары, он бредил волками, ядом, кровью, призраками и демонами; боюсь даже сказать, чем еще. Будьте внимательны: ничто не должно его тревожить. Для выздоровления нужно время, последствия такой болезни могут еще долго сказываться. Мы бы написали уже давно, но ничего не знали о его друзьях, а никаких документов у него не было. Мистер Харкер прибыл поездом из Клаузенбурга. Начальник станции сказал проводнику, что он ворвался на станцию, требуя билет домой. Поняв, что перед ним англичанин, кассир выдал ему билет до конечной станции этой железнодорожной линии. Будьте спокойны за него – за ним хороший уход. Его здесь полюбили за воспитанность и добросердечие. Ему действительно гораздо лучше, и я не сомневаюсь, что через несколько недель он полностью придет в себя. Но, ради бога, присматривайте за ним. Я буду молиться Богу, святому Иосифу и святой Марии за ваше счастье.

ДНЕВНИК ДОКТОРА СЬЮВОРДА

19 августа. Вчера вечером в Ренфилде произошла странная и

внезапная перемена. Где-то с восьми часов он стал волноваться и принюхиваться, как собака, идущая по следу. Служитель, зная, что я им интересуюсь, постарался разговорить его. Обычно Ренфилд относится к служителю с уважением, иногда даже подобострастно, но тут держался надменно. Не снизошел даже до разговора с ним, сказав лишь:

– Не желаю говорить с вами: отныне вы для меня не существуете; теперь у меня есть Господин.

Служитель решил, что у него приступ религиозной мании.

В этом случае возможны срывы: сильный человек, одержимый одновременно манией убийства и религиозной манией, может стать опасен. Ужасное сочетание. В девять вечера я сам проведал его. Он отнесся ко мне так же, как к служителю. Был настолько преисполнен сознанием собственного величия, что не делал особого различия между мной и служителем. Это действительно похоже на религиозную манию, он может скоро возомнить себя Богом. Конечно, различия между нами, смертными, слишком мелки, незначительны для Всемогущего. Как же легко разгадать сумасшедшего! Истинному Богу воробей дорог, а боги, сотворенные человеческим тщеславием, не видят различия между орлом и воробьем. Если бы люди знали…

В течение получаса возбуждение Ренфилда возрастало. Я не подал виду, что наблюдаю за ним. Вдруг у него в глазах появилось хитрое выражение, столь характерное для сумасшедшего, когда у него возникает какая-то идея. Он вполне успокоился и покорно сел на край кровати, уставившись в пространство тусклыми глазами. Я решил узнать, реальна или притворна его апатия, и завел с ним разговор о его любимцах – животных и насекомых, эта тема всегда живо интересовала его. Сначала он не отвечал, наконец раздраженно бросил:

– Да ну их всех! Мне сейчас не до них.

– Как? – воскликнул я. – Вы хотите сказать, что вам безразличны пауки? (Именно пауки были его последней слабостью, его записная книжка быстро заполнялась длинными колонками цифр.)

На это он загадочно ответил:

– С появлением невесты подружки ее меркнут[57].

Он не захотел объяснить смысл своих слов и все время, пока я у него пробыл, безмолвно сидел на постели.

Я сегодня очень устал, и настроение неважное. Не могу не думать о Люси и о том, что все могло сложиться по-иному. Если сразу не засну, приму хлорал, этот современный Морфей, – C_2HCl_3O. H_2O! Впрочем,

нужно следить, чтобы это не вошло в привычку. Нет, пожалуй, сегодня не стану! Не буду свои мысли о Люси смешивать с этим… В крайнем случае не посплю сегодня.

Позднее. Хорошо, что принял такое решение; еще лучше, что последовал ему. Лежал, маялся, услышал, как часы пробили два, – и тут пришел ночной дежурный с сообщением, что Ренфилд сбежал. Я тотчас оделся и помчался вниз: мой пациент слишком опасен для того, чтобы шататься по округе. Служитель ждал меня. Он сказал, что за десять минут до побега видел его в дверной глазок в постели, вроде бы спящим. Потом его внимание привлек звук открываемого окна. Он бросился в палату, но увидел в окне лишь его пятки. Он сразу послал за мной. Ренфилд – в ночной рубашке и не мог уйти далеко. Служитель предпочел проследить, куда он направится, чем бежать за ним через дверь, рискуя потерять беглеца из виду. В окно служитель вылезти не мог ввиду своей внушительной комплекции, а так как я худощав, то забрался с его помощью на подоконник, спустил ноги наружу и спрыгнул вниз – окно невысоко от земли. По словам служителя, больной побежал налево, а потом прямо. Миновав парк, я увидел белую фигуру беглеца – он карабкался по стене, отделяющей территорию лечебницы от соседнего дома, в котором никто не живет.

Я вернулся и велел дежурному немедленно позвать четырех служителей – на случай, если больной в буйном состоянии. Сам же я достал лестницу, перелез через стену и, увидев, что Ренфилд поворачивает за дом, побежал за ним. Он стоял, прильнув к обитой железом дубовой двери часовни, и с кем-то разговаривал. Я боялся подойти ближе, чтобы не спугнуть его. Гоняться за пчелиным роем – ничто в сравнении с выслеживанием сумасшедшего! Вскоре, однако, я понял, что он совершенно не обращает внимания на происходящее вокруг, и подошел ближе, тем более что мои люди уже перелезли через стену и подкрались к нему с флангов. Мне стало слышно, как он говорит:

– Я здесь, мой Господин, жду ваших приказаний. Я – ваш раб, и вы вознаградите меня за верность. Я давно боготворил вас издалека. Теперь вы рядом, я ожидаю ваших приказаний и надеюсь, что вы не обойдете меня, мой дорогой Господин, при раздаче наград?

Старый жадный попрошайка! Думает о хлебе и рыбах, хотя убежден, что перед ним Бог. Поразительно сочетание маний. Когда мы попытались его задержать, Ренфилд боролся как тигр, он и в самом

деле похож на дикого зверя и невероятно силен. Никогда прежде не видел сумасшедшего в таком припадке бешенства и, надеюсь, больше не увижу. Счастье еще, что мы, зная о силе и жестокости нашего пациента, вовремя схватили его – он мог бы натворить немало бед! Теперь, по крайней мере, он безопасен. Сам Джек Шеппард[58] не смог бы сбросить смирительную рубашку, которую мы надели на Ренфилда, после чего его поместили в обитую войлоком палату, приковав цепью к стене. Временами он издает ужасные крики, но наступающая затем тишина еще более зловеща, ибо буквально насыщена черной энергией смерти. Только сейчас он произнес первые связные слова:

– Я буду терпелив, Господин мой. Это приближается… приближается… приближается…

Я был слишком возбужден, чтобы заснуть, но дневник успокоил меня, чувствую, что сегодня мне удастся наконец выспаться.

Глава IX

ПИСЬМО МИНЫ ХАРКЕР К ЛЮСИ ВЕСТЕНРА

Будапешт, 24 августа

Дорогая моя Люси!

Конечно, ты хочешь знать все, что произошло со мной с тех пор, как мы расстались на вокзале в Уитби. Итак, я благополучно доехала до Халла, затем на пароходе до Гамбурга и на поезде – сюда. Дорогу не помню – все время думала только о Джонатане… Застала его в ужасном виде – худым, бледным, очень слабым. Его глаза утратили выражение решительности, исчезло и столь характерное для него спокойное достоинство, о котором я часто говорила тебе. От него осталась лишь тень, и он не помнит, что с ним приключилось. По крайней мере, хочет, чтобы я так думала, ну а я, разумеется, не задаю вопросов. Он пережил какое-то ужасное потрясение, и, если станет вспоминать, боюсь за его рассудок. Сестра Агата, добрейшая женщина и сестра милосердия от Бога, сказала мне, что в бреду он говорил ужасные вещи. Но когда я захотела узнать, что именно, она в ответ перекрестилась и ответила, что бред больных – тайна, принадлежащая Богу, и сестра милосердия, выслушивающая его по долгу службы, не имеет права злоупотреблять доверием. Эта славная, добрая душа на следующий день, увидев, как я расстроена, вернулась к этой теме:

– Могу сказать вам лишь следующее: он сам не сделал ничего плохого и у его будущей жены нет причин для беспокойства. Он всегда помнил о вас и был вам верен. То, с чем он столкнулся, так ужасно, что ни один смертный не мог бы это вынести.

Вероятно, она подумала, что я могу ревновать: не влюбился ли мой бедняжка в какую-нибудь девушку. Ну могу ли я ревновать Джонатана! И все же по секрету признаюсь, дорогая моя, я испытала пронзительную радость, узнав, что не женщина была причиной

несчастья. Сижу у его постели и смотрю на него. Просыпается! Он попросил, чтобы ему подали куртку – хотел достать что-то из кармана. По моей просьбе сестра Агата принесла его вещи. Среди них – записная книжка. Я уж было собралась попросить у него разрешение посмотреть ее – возможно, там ключ к его несчастью, но, наверное, по моим глазам он угадал мое желание, потому что вдруг отослал меня к окну, сказав, что хотел бы минуту побыть один. Чуть погодя он позвал меня и очень серьезно сказал, положив руку на записную книжку:

– Вильгельмина! – Я поняла, что речь идет о чем-то очень серьезном: он ни разу не называл меня так после того, как сделал предложение. – Ты знаешь мой взгляд на отношения между мужем и женой: полная открытость и доверие. Я пережил сильное потрясение; когда вспоминаю о случившемся, у меня голова идет кругом, и не могу понять, случилось ли это на самом деле или я бредил. Ты знаешь, я перенес воспаление мозга и был на грани безумия. Моя тайна здесь – в этой записной книжке, но я не хочу возвращаться к этому. Хочу жить дальше, хочу, чтобы мы поженились. – (Ведь мы решили пожениться, дорогая Люси, прямо здесь, как только все формальности будут исполнены.) – Согласна ли ты, Вильгельмина, разделить мой отказ от недавнего прошлого и нести груз неведения? Возьми эту книжку и сохрани ее, прочти, если захочешь, но никогда не говори со мной об этом; если, конечно, некий высший долг не призовет меня вернуться к тем страшным часам моей жизни.

Тут он в изнеможении присел на кровать, а я сунула книжку ему под подушку и поцеловала его. Я попросила сестру Агату поговорить с настоятельницей, чтобы наша свадьба состоялась сегодня вечером. Жду ответа…

Она вернулась и сказала, что послали за священником английской миссии. Нас повенчают через час, как только Джонатан проснется…

Люси, свершилось! Я чувствую торжественность момента и очень, очень счастлива. Джонатан проснулся чуть позже намеченного часа, когда все уже было готово, и, сидя в постели, обложенный подушками, произнес свое «согласен» твердо и решительно. Я же от избытка чувств едва смогла вымолвить свое «согласна». Милые сестры были так внимательны. Бог свидетель, я никогда не забуду их и свято исполню те серьезные и дорогие моему сердцу обязанности, которые взяла на себя с этого часа. Расскажу тебе о своем свадебном подарке. Священник и сестры ушли, оставив меня наедине с моим мужем – о Люси, впервые я написала слова «мой муж»! Я достала из-под подушки злополучный дневник, завернула в белую бумагу, перевязала

ленточкой, запечатала сургучом, использовав в качестве печати свое обручальное кольцо, и сказала Джонатану, что это будет на всю жизнь залогом и символом нашего взаимного доверия, и я никогда не распечатаю его, разве что это потребуется ради спасения моего дорогого мужа или во исполнение какого-то неукоснительного долга. Джонатан взял меня за руку – впервые взял за руку свою жену! – и сказал, что я ему дороже всех на свете и, если бы потребовалось, он бы вновь перенес все испытания, чтобы получить такую награду. Бедняжка, конечно, имел в виду лишь недавние испытания, он, видимо, путается во времени, так как еще не совсем пришел в себя после пережитого.

Дорогая, ну что я могла ответить ему? Только что я – самая счастливая женщина на свете и вверяю ему все, что имею, – себя, свою жизнь, любовь и верность до конца дней своих. Он поцеловал меня и обнял еще слабыми руками – это был как бы наш обет друг другу…

Люси, дорогая, знаешь ли, почему я все это рассказываю тебе? Не только потому, что это самые сладостные минуты моей жизни, но и потому, что ты очень дорога мне. Я ценю твою дружбу как дар судьбы

и смею надеяться, что была тебе другом и советчиком, когда ты со школьной скамьи шагнула в жизнь. И теперь мне хочется, чтобы ты взглянула на мир моими глазами, глазами очень счастливой жены, и убедилась, что верность долгу ведет к счастью. И чтобы ты в своем замужестве была бы не менее счастлива, чем я. Дорогая моя, да пошлет тебе Господь Всемогущий солнечную жизнь, без бурь; не говорю: без огорчений – это невозможно, но мне хочется, чтобы ты была всегда счастлива так, как я счастлива теперь. До свиданья, дорогая. Немедленно отправлю это письмо и, вероятно, скоро напишу опять. Кончаю, Джонатан просыпается – теперь займусь своим мужем!

Неизменно любящая тебя Мина Харкер

ПИСЬМО ЛЮСИ ВЕСТЕНРА К МИНЕ ХАРКЕР

Уитби, 30 августа

Моя дорогая Мина!

Поздравления, тысячи поцелуев, желаю тебе и твоему мужу поскорее вернуться домой. Как бы я хотела, чтобы вы побыли здесь с нами. Морской воздух быстро вылечит Джонатана, как почти вылечил меня. Я теперь настоящая обжора, сплю прекрасно, радуюсь жизни. Совершенно перестала вставать по ночам, по крайней мере уже целую неделю, – тебя это, наверное, порадует. Артур говорит, что я поправилась. Кстати, забыла сказать тебе – он приехал. Мы совершаем прогулки пешком и верхом, катаемся на лодках, занимаемся греблей, играем в теннис, удим рыбу. Я люблю своего жениха больше прежнего. Артур признался мне, что совсем потерял голову от любви, но я не верю: он еще тогда, вначале, сказал мне, что невозможно любить сильнее, чем он любит меня. Но это все чепуха. А вот и он – зовет меня. Пока все.

Любящая тебя Люси

P. S. Привет от мамы. Кажется, ей, моей дорогой бедняжке, получше.

P. P. S. Наша свадьба 28 сентября.

ДНЕВНИК ДОКТОРА СЬЮВОРДА

20 августа. Болезнь протекает все любопытнее. Ренфилд успокоился, приступ мании как будто прошел. Первую неделю после припадка он был в очень буйном состоянии. Но однажды вечером, в полнолуние, вдруг успокоился и стал бормотать:

– Теперь я могу ждать… могу ждать.

Служитель доложил мне об этом, я немедленно зашел к нему. Он был все еще в смирительной рубашке и находился в обитой войлоком палате для буйных, но в глазах появилось почти прежнее просительное, я бы даже сказал, угодливое выражение. Я остался доволен его видом и распорядился, чтобы его освободили. Служители заколебались, но все-таки выполнили мое распоряжение. Удивительно, пациент настолько наблюдателен, что заметил их колебания, подошел ко мне вплотную и прошептал, поглядывая на них украдкой:

– Боятся, я вас ударю! Подумать только – чтобы я вас ударил! Глупцы!

Утешительно, конечно, сознавать, что хотя бы в глазах этого несчастного обладаешь какими-то качествами, отличающими тебя от других, но я все равно не улавливаю ход его мысли. Значит ли это, что нас с ним что-то объединяет и мы должны держаться вместе; или же он рассчитывает на столь значительную услугу с моей стороны, что мое благополучие важно для него? Поживем – увидим. Сегодня вечером он больше не пожелал разговаривать. Даже предложение котенка или кошки не соблазнило его. Он заявил:

– Меня не интересуют кошки. Теперь есть кое-что поважнее, и я могу ждать… могу ждать…

Немного погодя я ушел к себе. По словам служителя, больной был спокоен всю ночь, только перед рассветом разволновался и постепенно дошел до буйства, потом, предельно измученный, впал в полную апатию, весьма схожую с коматозным состоянием.

Три дня с ним повторяется одно и то же – буйная вспышка в течение дня, затем полнейшая прострация – от захода до восхода солнца. Понять бы мне причину этого! Как будто что-то систематически воздействует на него. Любопытная мысль! Посмотрим-ка сегодня, что стоит здоровая голова против больной. Раньше он бежал сам, теперь мы ему в этом поможем и понаблюдаем за ним…

23 августа. «Всегда случается то, чего совсем не ждешь». Как все-таки Дизраэли знал жизнь![59] Наша птичка, обнаружив, что клетка открыта, не захотела улететь, и все мои планы лопнули. Но, по крайней мере, мы убедились в одном: периоды спокойствия нашего пациента довольно продолжительны. Отныне будем ежедневно на несколько часов освобождать его от смирительной рубашки. Я дал распоряжение ночному дежурному: если Ренфилд в спокойном состоянии – просто держать его в обитой войлоком палате всю ночь, вплоть до последнего предрассветного часа. Пусть если не дух, то хоть

тело несчастного насладится покоем. Ну вот! Опять что-то стряслось! Меня зовут – Ренфилд сбежал!..

Позднее. Очередное ночное приключение. Ренфилд хитроумно выждал момент, когда дежурный входил в палату, проскользнул мимо него и помчался по коридору. Я велел служителям следить за ним. Он опять побежал к пустому соседнему дому, мы застали его на том же месте – у дверей старой часовни. Увидев меня, он пришел в бешенство и, не перехвати его служители вовремя, вполне мог бы меня убить. Тут произошло нечто странное. Сначала он боролся с нами с удвоенной силой, затем вдруг затих. Я невольно огляделся, но ничего не заметил. Тогда я проследил взгляд больного: он смотрел на освещенное луной небо, но там не было ничего особенного, лишь большая летучая мышь бесшумно, как призрак, летела на запад. Обычно летучие мыши носятся кругами или взад-вперед, эта же летела очень прямо, как будто зная, куда и зачем. Больной все более успокаивался и наконец сказал:

– Не нужно связывать меня, я не стану вырываться!

Домой мы вернулись без приключений. Что-то зловещее чудится мне в спокойствии Ренфилда… Не забуду эту ночь…

ДНЕВНИК ЛЮСИ ВЕСТЕНРА

24 августа, Хиллингем[60]. Нужно последовать примеру Мины и вести дневник. А потом мы, встретившись, все обсудим. Но когда это

будет?! Хотелось бы, чтобы она опять была со мной – мне так без нее плохо. Прошлой ночью снова снилось то же, что в Уитби. Возможно, из-за перемены климата или возвращение домой так на меня подействовало. Приснилось что-то мрачное, ужасное, но что – толком не помню. Однако мне страшно, чувствую усталость, слабость. Артур пришел к обеду и, увидев меня, огорчился, у меня же не было сил притворяться веселой. Может быть, смогу спать сегодня у мамы в комнате.

Попробую ее уговорить.

25 августа. Опять ужасная ночь. Мама не согласилась на мою просьбу. Она сама не очень хорошо себя чувствует и явно боится помешать мне спать. Я попыталась бодрствовать, но, видимо, все-таки задремала, потому что в полночь проснулась от боя часов. Что-то как будто скреблось в окно, слышалось хлопанье крыльев, я постаралась не обращать на это внимания и больше ничего не помню – наверное, заснула. Опять снились кошмары, но, к сожалению, совершенно не помню какие. Сегодня утром я совсем без сил. Лицо бледное, как у призрака. Болит шея. Видимо, что-то случилось с легкими – не хватает воздуха. Попытаюсь собраться с силами к приходу Артура, чтобы не огорчать его.

ПИСЬМО АРТУРА ХОЛМВУДА – ДОКТОРУ СЬЮВОРДУ

Отель Албемарл. 31 августа

Дорогой Джек!

Нужна твоя помощь. Заболела Люси, не могу сказать ничего определенного, но выглядит она ужасно, и с каждым днем ей все хуже. Я пытался выяснить у нее, в чем дело. С ее матерью не решаюсь говорить об этом – любые волнения опасны для ее здоровья. Миссис Вестенра призналась мне, что обречена – у нее серьезный порок сердца, Люси об этом не знает. А у меня нет сомнений, что опасность грозит здоровью моей дорогой девочки. Я в смятении, не могу без боли смотреть на нее. Сказал ей, что попрошу тебя осмотреть ее. Сначала она сопротивлялась, догадываюсь почему, но в конце концов согласилась. Понимаю, дружище, тебе нелегко, но сделай это ради нее, вот почему я без колебаний обращаюсь к тебе, а ты должен без колебаний действовать. Приезжай завтра в Хиллингем в два часа к обеду, чтобы не вызвать подозрений миссис Вестенра; после обеда вам с Люси удастся поговорить наедине. Я буду к чаю, и потом мы можем уйти вместе. Очень тревожусь и хотел бы знать твое мнение как можно скорее. Не подведи.

Артур

ТЕЛЕГРАММА АРТУРА ХОЛМВУДА – ДОКТОРУ СЬЮВОРДУ

1 сентября

Срочно вызван к отцу – ему стало хуже. Вечерней почтой пришли подробное письмо в Ринг. Если необходимо, телеграфируй.

ПИСЬМО ДОКТОРА СЬЮВОРДА – АРТУРУ ХОЛМВУДУ

2 сентября

Старина!

Спешу сообщить тебе, что у мисс Вестенра нет никакого функционального расстройства или другой известной мне болезни. В то же время я обеспокоен ее видом, она очень изменилась со времени нашей последней встречи. Конечно, сам понимаешь, мне не удалось осмотреть ее как следует: наши дружеские отношения мешают этому. Пожалуй, лучше изложу тебе все, как было, а ты сделаешь собственные выводы. Итак, слушай, что я сделал и что предлагаю.

Я застал мисс Вестенра с виду веселой и быстро понял, что она всячески старалась обмануть мать и уберечь ее от волнений. Несомненно, если она и не знает, то догадывается о необходимости этого. Обедали мы втроем и так старались веселить друг друга, что в конце концов нам действительно стало весело. После обеда миссис Вестенра пошла прилечь, а Люси осталась со мной. Она держалась очень хорошо – наверное, из-за слуг, которые сновали туда-сюда. Лишь в своей комнате она сбросила маску и в изнеможении упала в кресло, закрыв лицо руками. Увидев смену ее настроения, я поспешил приступить к обследованию. Она с грустью заметила:

– Если б вы знали, как я не люблю говорить о себе.

Я напомнил ей о врачебной тайне и сказал, что серьезно обеспокоен ее здоровьем. Она сразу поняла, что я имел в виду, и решила проблему:

– Расскажите Артуру все, что сочтете нужным. Для меня главное – он, а не я.

Так что я могу писать свободно.

Я сразу обратил внимание на то, что она несколько бледна, но обычных признаков анемии у нее нет. Совершенно случайно мне удалось взять у нее анализ крови: открывая тугое окно, она слегка порезала себе руку разбившимся стеклом. Порез пустяковый, но мне удалось собрать несколько капель. Судя по составу крови, здоровье у

нее прекрасное. Физическое состояние не вызывает никакой тревоги. Я пришел к выводу, что, возможно, причину нездоровья надо искать в психике. Люси жалуется на затрудненное дыхание, тяжелый, как бы летаргический сон с кошмарными сновидениями, которые она потом не может вспомнить. Говорит, что в детстве у нее была привычка ходить во сне, и в Уитби эта привычка к ней вернулась, а однажды ночью она вышла из дома и поднялась на Восточный утес, где ее и нашла мисс Меррей, но в последнее время это не случается.

Я в полном недоумении, поэтому лучшее, что мог сделать, – это написать своему учителю и старому другу профессору Ван Хелсингу из Амстердама; он, возможно, как никто другой, разбирается в необычных болезнях. Я попросил его приехать, а поскольку ты предупредил, что берешь все под свое начало, то счел необходимым посвятить его в твои отношения с мисс Вестенра. Сделал я это, мой друг, выполняя твою волю, ибо сам я лишь горд и счастлив сделать для нее что угодно. Не сомневаюсь, что Ван Хелсинг придет на помощь хотя бы из расположения ко мне, но каковы бы ни были его условия и пожелания, мы должны их принять. Профессор производит впечатление самоуверенного человека, но это объясняется лишь тем, что он действительно знает, о чем говорит. Он философ, метафизик и один из лучших ученых нашего времени. Необычайный ум, железная выдержка, хладнокровие, неукротимая решительность, сила воли, терпимость, доброта и искренность – вот чем он оснащен в своей благородной теоретической и практической работе на благо человечества; взгляды его широки, а сострадание и сочувствие безграничны. Сообщаю тебе все это лишь с тем, чтобы ты понял, почему я так верю в него. Я просил его приехать немедля.

Завтра вновь повидаю мисс Вестенра. Мы встретимся с нею в городе, чтобы не встревожить ее мать столь скорым повторением моего визита.

Всегда твой Джон Сьюворд

ПИСЬМО ДОКТОРА МЕДИЦИНЫ, ФИЛОСОФИИ, ЛИТЕРАТУРЫ И ПР. АБРАХАМА ВАН ХЕЛСИНГА – ДОКТОРУ СЬЮВОРДУ

2 сентября

Дорогой друг! Получил твое письмо и немедленно выезжаю. К счастью, делаю это без ущерба для своих пациентов. В противном случае я отправился бы с тяжелым сердцем, но не откликнуться на просьбу друга помочь тем, кто ему дорог, не могу. Объясни своему

приятелю, что ты, высосав яд гангрены из моей раны от нелепого удара ножом, выскользнувшим из рук нашего чересчур нервного товарища, раз и навсегда получил право на мою поддержку. Так что теперь, когда он нуждается в моих услугах, помощь твоя неизмеримо больше всего его громадного состояния. Я еду прежде всего к тебе, хотя мне и приятно быть полезным твоему другу. Закажи мне номер в Большом Восточном отеле, чтобы я находился неподалеку от больной. И пожалуйста, устрой мне встречу с молодой леди завтра пораньше – очень может быть, мне придется вечером вернуться домой. Но если будет нужно, вновь приеду через три дня и смогу пробыть подольше. А пока, друг мой Джон, – до свидания.

Ван Хелсинг

ПИСЬМО ДОКТОРА СЬЮВОРДА АРТУРУ ХОЛМВУДУ

3 сентября

Дорогой Арт! Ван Хелсинг уже уехал. Люси устроила так, что во время нашего визита в Хиллингем ее матери дома не было – она обедала в гостях. Ван Хелсинг очень внимательно осмотрел пациентку. Он пришлет мне результаты осмотра, а я отправлю их тебе – это единственное, что я могу сделать, ибо присутствовал при процедуре лишь в самом ее начале. Профессор был озабочен и не стал торопиться с выводами – говорил, что должен подумать. Когда же я рассказал ему о нашей дружбе и как ты мне доверяешь, он добавил:

– Ты должен сказать своему другу все, что думаешь по этому поводу. Можешь передать и то, что думаю я, если, конечно, догадаешься и сочтешь нужным. Нет-нет, я не шучу. Тут не до шуток, тут вопрос жизни и смерти, если не больше.

Я спросил его, что он этим хочет сказать, ведь говорил он очень серьезно. Разговор происходил уже в городе – за чашкой чая, перед его отъездом в Амстердам. Но профессор так ничего и не пояснил. Не сердись на меня, Арт, – само его молчание означает, что он сосредоточенно думает, пытаясь разобраться и помочь Люси. Можешь не сомневаться, он все разъяснит в нужный момент. Я сказал ему, что подробно опишу тебе наш визит, как если бы писал репортаж для «Дейли телеграф». Ван Хелсинг никак не отреагировал, лишь заметил, что туманы в Лондоне не такие густые, как прежде, когда он был здесь студентом. Заключение о результатах осмотра я рассчитываю получить сегодня, если он успеет его написать. В любом случае я должен получить от него письмо.

Теперь о нашем визите. Настроение, да и вид у Люси были явно

лучше, чем при моем первом визите. Уже не было такой пугающей бледности, дыхание нормализовалось. Она встретила профессора очень любезно, была с ним мила, но я видел, что это требует от нее больших усилий. Наверное, Ван Хелсинг тоже заметил это, судя по хорошо знакомому мне быстрому взгляду из-под бровей. Затем он начал непринужденно беседовать на разные темы – о чем угодно, кроме болезней, и так развлек девушку, что ее наигранная оживленность перешла в настоящую. Потом постепенно подвел разговор к цели своего приезда и сказал очень осторожно и мягко:

– Дорогая моя юная мисс, мне приятно видеть, что вас так любят. Это много значит в жизни. Мне сказали, что у вас упадок сил, настроения, вы очень бледны. – И, щелкнув пальцами в мою сторону, продолжил: – Но мы с вами докажем им, что они ошибаются. А этот, разве он понимает что-нибудь в молодых леди? – И сделал в мою сторону жест, которым некогда выгонял меня из аудитории. – Привык иметь дело со своими сумасшедшими, возвращает их к нормальной жизни, в этом он преуспел, а в молодых леди ни бельмеса не смыслит! Нет у него ни дочери, ни жены, да и откровенничать молодые склонны не со своими сверстниками, а с таким стариком, как я, познавшим причины многих несчастий. Пожалуй, моя дорогая, пошлем-ка его в сад покурить, а сами побеседуем наедине.

Я понял намек и вышел прогуляться. Вскоре профессор подошел к окну, позвал меня и очень серьезно сказал:

– Я тщательнейшим образом выслушал и осмотрел ее – никаких функциональных расстройств. Согласен с тобой, она недавно потеряла много крови. Но по природе своей эта девушка не малокровна. Я попросил ее позвать служанку, хочу задать ей несколько вопросов, чтобы ничего не упустить, хотя и так знаю, что она скажет. Но ведь есть же какая-то причина, без причины ничего не бывает. Я все хорошенько обдумаю дома. Эта болезнь – а плохое самочувствие и есть болезнь – интересует меня, как и сама эта милая, славная девушка. Она просто очаровала меня, и я непременно приеду уже ради нее.

Вот все, что он сказал. Теперь, Арт, ты знаешь все то, что мне известно. Я буду внимательно следить за ходом дела. Надеюсь, твой бедный отец поправляется. Да, старина, ты попал в тяжелое положение – плохо сразу двум дорогим тебе людям. Знаю твой взгляд на сыновний долг, ты, конечно, прав; если же понадобится твое присутствие здесь, я немедленно сообщу тебе, так что не волнуйся и жди вестей.

Всегда твой Джон Сьюворд

ДНЕВНИК ДОКТОРА СЬЮВОРДА

4 сентября. Продолжаем наблюдение за нашим пациентом-зоофагом. У него был еще один приступ – вчера, в неурочное время. Перед самым полуднем он пришел в состояние возбуждения. Служитель, уже знавший симптомы, позвал на помощь, которая, к счастью, прибыла вовремя. Когда било полдень, Ренфилд так разбушевался, что служителям пришлось напрячь все силы, чтобы удержать его. Однако через пять минут он начал постепенно успокаиваться, впал в меланхолию и до сих пор пребывает в этом состоянии. По словам служителей, во время припадка больной ужасно кричал. Мне пришлось успокаивать других пациентов, которых он напугал. Могу их понять: эти крики вывели из равновесия даже меня, хотя я был в отдалении. Сейчас в больнице час послеобеденного отдыха. Ренфилд забился в угол и размышляет о чем-то своем с недовольным и скорбным выражением лица, не очень для меня понятным.

Позднее. Новая перемена в моем больном. В пять часов заглянул к нему – он выглядел довольным и веселым, как прежде. Ловил и глотал мух, делая каждый раз отметку ногтем на двери. Увидев меня, он подошел, извинился за дурное поведение, заискивающе попросил перевести его в прежнюю палату и вернуть записную книжку. Я решил, что следует подбодрить больного; и вот он снова в своей палате с открытым окном. Сыплет сахар на подоконник и собирает урожай мух. Но теперь не ест их, а, как прежде, складывает в коробку и уже осматривает углы в поисках пауков. Я попробовал завести разговор о последних днях: любая деталь могла бы помочь мне понять ход его мыслей, но Ренфилд не откликнулся. Вдруг на лице у него появилось скорбное выражение, и он пробормотал отчужденно, обращаясь скорее к самому себе, чем ко мне:

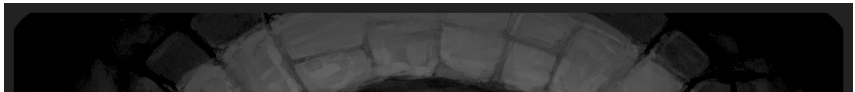
– Все кончено! Кончено! Он покинул меня. Больше не на кого надеяться, только на самого себя! – И, решительно повернувшись ко мне, сказал: – Доктор, не будете ли вы так добры распорядиться, чтобы мне дали еще сахара? Это пойдет мне на пользу.

– И мухам? – спросил я.

– Конечно! Мухи тоже любят сахар, а я люблю мух, поэтому я люблю сахар.

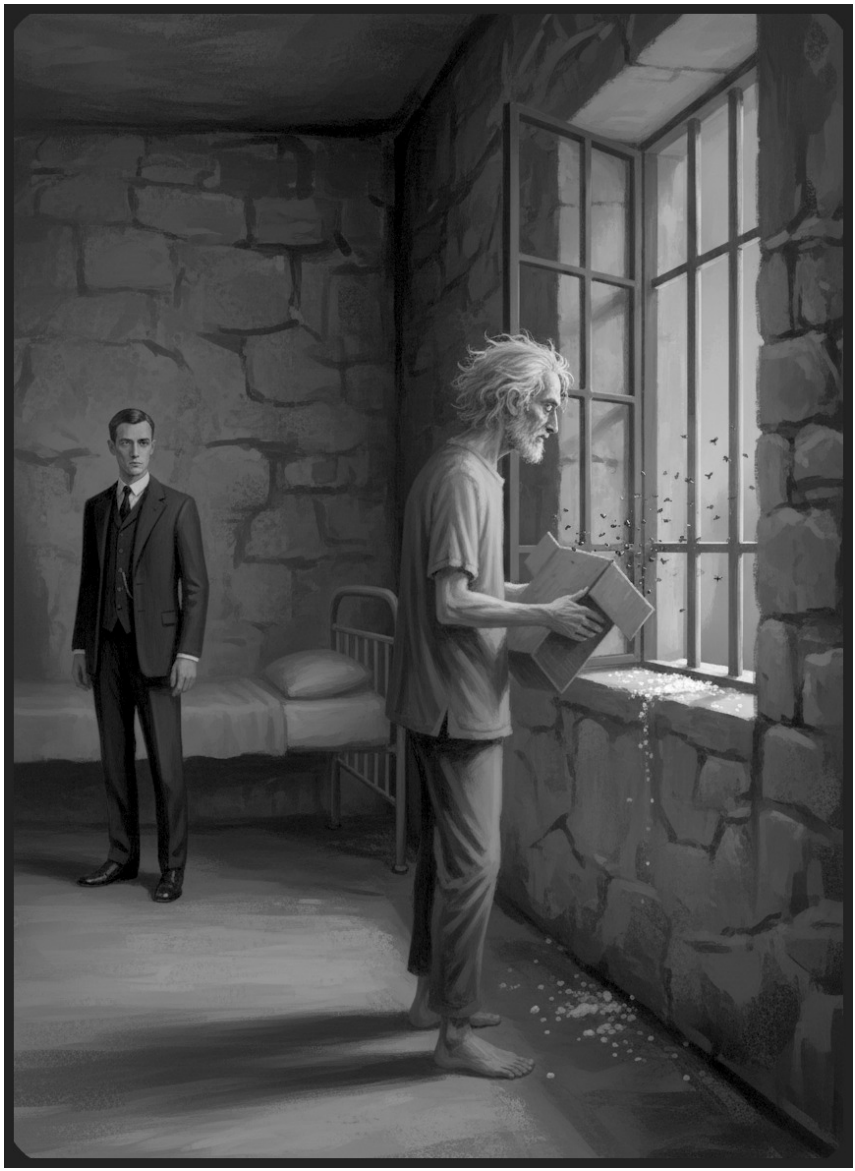
А некоторые считают, что сумасшедшие неспособны логически мыслить. Я распорядился дать ему двойную порцию сахара, и, когда уходил, он казался счастливейшим человеком на свете. Как бы я хотел проникнуть в тайну его сознания!

Полночь. Снова перемена в моем больном. Навестив мисс Вестенра, а ей гораздо лучше, я, вернувшись, остановился у ворот – полюбоваться закатом – и услышал его вопли. Окно палаты Ренфилда выходит как раз на эту сторону, и теперь я слышал все отчетливее, чем утром. Это был просто удар для меня: от чудесной красоты лондонского заката с его яркими красками и дивными оттенками, оживлявшими мрачные тучи, возвратиться к жестокой действительности холодного каменного здания лечебницы, переполненной человеческим страданием, – нет, это уже слишком! Как это вынести моему одинокому сердцу!



Я бросился к Ренфилду и уже из его окна увидел: красный диск клонится за горизонт. Тут бешенство моего пациента стало постепенно спадать: лишь только солнце зашло совсем, он обмяк, как тюк, и осел на пол. Удивительно, однако, сколько энергии у сумасшедших: уже через несколько минут он как ни в чем не бывало был на ногах и спокойно поглядывал по сторонам. Я дал служителям знак отпустить его – интересно, что он будет делать. Ренфилд подошел к окну,

смахнул остатки сахара и, взяв коробку с мухами, вытряхнул ее содержимое наружу, а саму коробку выбросил. Потом закрыл окно и сел на кровать. Все это удивило меня, и я спросил:



– Вы больше не собираетесь держать мух?

– Нет, – ответил он, – вся эта дребедень мне надоела!

Ренфилд, конечно, любопытный экземпляр. Все-таки интересно понять склад его ума и причину внезапных припадков. Стоп! Может быть, разгадка кроется в том, что сегодня его приступы были в полдень и на закате. Неужели солнце действует на психику некоторых людей так же пагубно, как луна? Надо понаблюдать.

ТЕЛЕГРАММА ДОКТОРА СЬЮВОРДА ИЗ ЛОНДОНА – ПРОФЕССОРУ ВАН ХЕЛСИНГУ В АМСТЕРДАМ

4 сентября. Нашей больной сегодня значительно лучше.

ТЕЛЕГРАММА ДОКТОРА СЬЮВОРДА ИЗ ЛОНДОНА – ПРОФЕССОРУ ВАН ХЕЛСИНГУ В АМСТЕРДАМ

5 сентября. Нашей больной все лучше и лучше. Хороший аппетит, спокойный сон, отличное настроение, румянец.

ТЕЛЕГРАММА ДОКТОРА СЬЮВОРДА ИЗ ЛОНДОНА – ПРОФЕССОРУ ВАН ХЕЛСИНГУ В АМСТЕРДАМ

6 сентября. Ужасная перемена к худшему. Немедленно приезжайте. Холмвуду ничего не сообщаю, пока не встречусь с вами.

Глава X

ПИСЬМО ДОКТОРА СЬЮВОРДА – АРТУРУ ХОЛМВУДУ

6 сентября

Дорогой мой Арт! Не очень хорошие новости. Люси сегодня утром заметно осунулась. Единственный позитивный результат: обеспокоенная ее видом, миссис Вестенра обратилась ко мне за советом. Я воспользовался случаем и сказал ей, что мой старый учитель Ван Хелсинг, выдающийся врач и диагност, как раз приезжает ко мне в гости и мы вместе займемся здоровьем ее дочери. Теперь мы сможем действовать свободно, не боясь встревожить ее своими визитами, любое волнение чревато для нее роковым исходом, а для Люси в ее теперешнем состоянии это может обернуться гибельными последствиями. Мы попали в очень сложную ситуацию, но, даст бог, все-таки выйдем из нее благополучно. При малейшей необходимости напишу тебе, мое молчание будет означать лишь то, что новостей нет и все в порядке. Извини – пишу второпях.

Всегда твой Джон Сьюворд

ДНЕВНИК ДОКТОРА СЬЮВОРДА

7 сентября. Встретил Ван Хелсинга на вокзале Ливерпул-стрит, и он сразу спросил меня:

– Вы уже сообщили что-нибудь ее жениху?

– Нет, – ответил я. – Хотел сначала повидать вас. Просто послал ему письмо с уведомлением, что вы приезжаете, а мисс Вестенра чувствует себя неважно, и просил его ждать моих дальнейших сообщений.

– Правильно, друг мой, – сказал профессор. – Вы поступили совершенно правильно! Лучше ему сейчас ничего не знать; возможно, он никогда и не узнает. Дай-то бог! А уж если возникнет

необходимость, он узнает все. И, друг мой Джон, позволь мне предостеречь тебя. Ты по долгу службы имеешь дело с сумасшедшими. Конечно, все люди в той или иной форме – сумасшедшие. Пожалуйста, будь так же осторожен с нормальными людьми, как со своими безумцами. Ты же обычно не рассказываешь им, что и почему ты делаешь или что думаешь. Вот и мы с тобой сохраним известное нам здесь и здесь. – Он показал на сердце и лоб. – У меня есть кое-какие соображения. Позднее я изложу их тебе.

– Почему не теперь? – спросил я. – Это могло бы оказаться полезным – возможно, мы пришли бы к какому-нибудь решению.

Ван Хелсинг взглянул на меня и сказал:

– Друг мой Джон, бывает так, что зерно созревает, но еще не поспело – молоко матери-земли уже есть в нем, а солнце еще не окрасило его в золотой цвет, крестьянин срывает колос, трет его меж ладоней, сдувает мякину и говорит тебе: «Взгляни, вот хорошее зерно, в свое время оно даст хороший урожай».

Я не уловил, к чему он клонит. Тогда профессор шутливо дернул меня за ухо, как когда-то давным-давно на занятиях, и добавил:

– Хороший крестьянин говорит это, когда знает уже наверняка, не раньше. Но он не станет выкапывать пшеницу – посмотреть, растет ли она; так делают лишь дети, играющие в крестьян, но не настоящие крестьяне, для которых это дело жизни. Теперь понимаешь, друг Джон? Я посеял свое зерно, теперь дело за Природой: оно должно прорасти, тогда есть надежда; я жду, когда колос набухнет. – Он помолчал и, только убедившись, что я наконец понял, продолжил: – Ты всегда был очень добросовестным студентом, тщательнее других вел истории болезней. Тогда ты был лишь студент, ныне уже сам учитель, но, думаю, хорошие привычки сохраняются. Помни, мой друг, знание сильнее памяти, и не следует полагаться на то, что слабее. Но если даже ты не сохранил полезный навык, обращаю твое внимание на то, что случай нашей дорогой мисс, возможно – заметь, я говорю: возможно! – представляет для нас, и не только для нас, такой интерес, что, брошенный на чашу весов, перетянет все прочие болезни. Поэтому хорошенько все записывай. Важно все, любая мелочь, записывай даже свои сомнения и догадки. Потом проверишь, насколько был прав. Нас учит не успех, а неудачи!

Я описал ему симптомы болезни Люси – те же, что прежде, но более выраженные. Он выслушал внимательно и серьезно, но ничего не сказал.

Ван Хелсинг привез с собой сумку с инструментами и лекарствами

– «ужасные атрибуты нашей благородной профессии», так он когда-то в одной из лекций назвал снаряжение практикующего медика.

Когда мы пришли, нас встретила миссис Вестенра, встревоженная, но не в такой степени, как я ожидал. Видно, так уж распорядилась милосердная Природа, что даже смерть несет с собой противоядие от собственных ужасов. В данном случае, когда любое волнение могло оказаться для миссис Вестенра роковым, срабатывал некий защитный инстинкт, и все, не затрагивающее ее непосредственно, – даже перемена в состоянии здоровья любимой дочери – как бы не совсем доходило до нее. Если это и эгоизм, не следует спешить осуждать его – причины могут крыться значительно глубже, чем это ведомо нам. Учитывая душевное состояние бедной женщины, я еще раньше договорился с нею, что она не будет подолгу сидеть около Люси или думать о ее болезни больше, чем этого требует необходимость. Она легко согласилась, так легко, что я вновь увидел в этом руку Природы, борющейся за жизнь.

Нас с Ван Хелсингом провели в комнату Люси. Если вчера ее вид поразил меня, то сегодня просто привел в ужас. Девушка была бела как мел; краска сошла даже с ее губ и десен, щеки ввалились, резко проступили скулы, мучительно смотреть и слушать, с каким трудом она дышит. Лицо Ван Хелсинга застыло, как гипсовая маска, брови сошлись на переносице. Люси лежала неподвижно, судя по всему, не в силах говорить. Мы постояли молча, потом Ван Хелсинг кивнул мне, мы потихоньку вышли из комнаты, быстро прошли по коридору в соседнюю, и он, плотно закрыв дверь, сказал:

– Боже мой, какой ужас! Нельзя терять ни минуты. Она умрет от недостатка крови, необходимой для поддержания нормальной работы сердца. Нужно немедленное переливание крови. Кто из нас – ты или я?

– Я моложе и здоровее, профессор. Конечно, я.

– Тогда готовься. Я возьму сумку с инструментами.

Я спустился с ним вниз. В это время раздался стук в дверь. Мы как раз были в передней, когда служанка открыла.

Стремительно вошел Артур. Он бросился ко мне и взволнованно зашептал:

– Джек, я так беспокоился. Читал между строк твоего письма и просто сходил с ума. Отцу стало лучше, поэтому я примчался сюда, чтобы увидеть все своими глазами. Этот джентльмен – профессор Ван Хелсинг? Я так благодарен вам, сэр, за ваш приезд.

Поначалу профессор был недоволен – в такой момент ему помешали, но, взглянув повнимательнее, оценил крепкое сложение

Артура, буквально излучавшего здоровье, и, пожимая ему руку, сказал:

– Сэр, вы приехали вовремя! Вы – жених нашей дорогой мисс? Ей очень, очень плохо. Нет, дорогой мой, вот этого не надо, – заметил он, увидев, что Артур внезапно побледнел и чуть не в обмороке упал в кресло. – Вы должны помочь ей. И можете сделать больше, чем кто-либо иной. А тут требуется как раз мужество.

– Что я могу сделать? – глухим голосом произнес Артур. – Скажите, я сделаю все. Моя жизнь принадлежит ей. Я отдал бы за нее всю свою кровь до последней капли.

Профессор всегда отличался хорошим чувством юмора, оно не изменило ему даже в этой ситуации:

– Мой юный сэр, так много я от вас не потребую! Последнюю каплю можете оставить себе!

– Итак, что делать? – Артур был весь в нетерпении.

Ван Хелсинг шлепнул его по плечу:

– Идемте! Вы настоящий мужчина, а это как раз то, что нам нужно… Вы здоровее меня, здоровее моего друга Джона.

Артур смотрел на него с недоумением, и профессор пояснил:

– Юной мисс плохо, очень плохо. Ей нужна кровь, иначе она умрет. Мы с Джоном посоветовались и решили сделать переливание крови. Джон собирался дать свою кровь, он моложе и крепче меня. – (Артур молча сжал мою руку.) – Но теперь вы здесь и, пожалуй, подходите для этого больше нас – старого и молодого, слишком много занимающихся умственным трудом. Наши нервы не так крепки, а кровь не так густа, как ваша!

Артур воскликнул:

– Если б вы только знали, как охотно я отдал бы за нее жизнь, вы бы поняли…

От волнения голос у него сорвался.

– Молодец! – сказал Ван Хелсинг. – В недалеком будущем вы будете счастливы оттого, что сделали все для спасения своей любимой. Идемте и успокойтесь. Вы можете поцеловать ее, прежде чем мы все сделаем, потом вам придется уйти – я подам вам знак. И ни слова ее матери, вы знаете, что с ней, – никаких волнений. Идемте!

Мы пошли к Люси. Артур остался за дверью. Девушка молча смотрела на нас. Она не спала, но от слабости едва могла сидеть в постели. Зато глаза были достаточно красноречивы. Открыв сумку, Ван Хелсинг достал инструменты и разложил их на столике вне поля ее зрения. Затем приготовил снотворное с обезболивающим и, подойдя

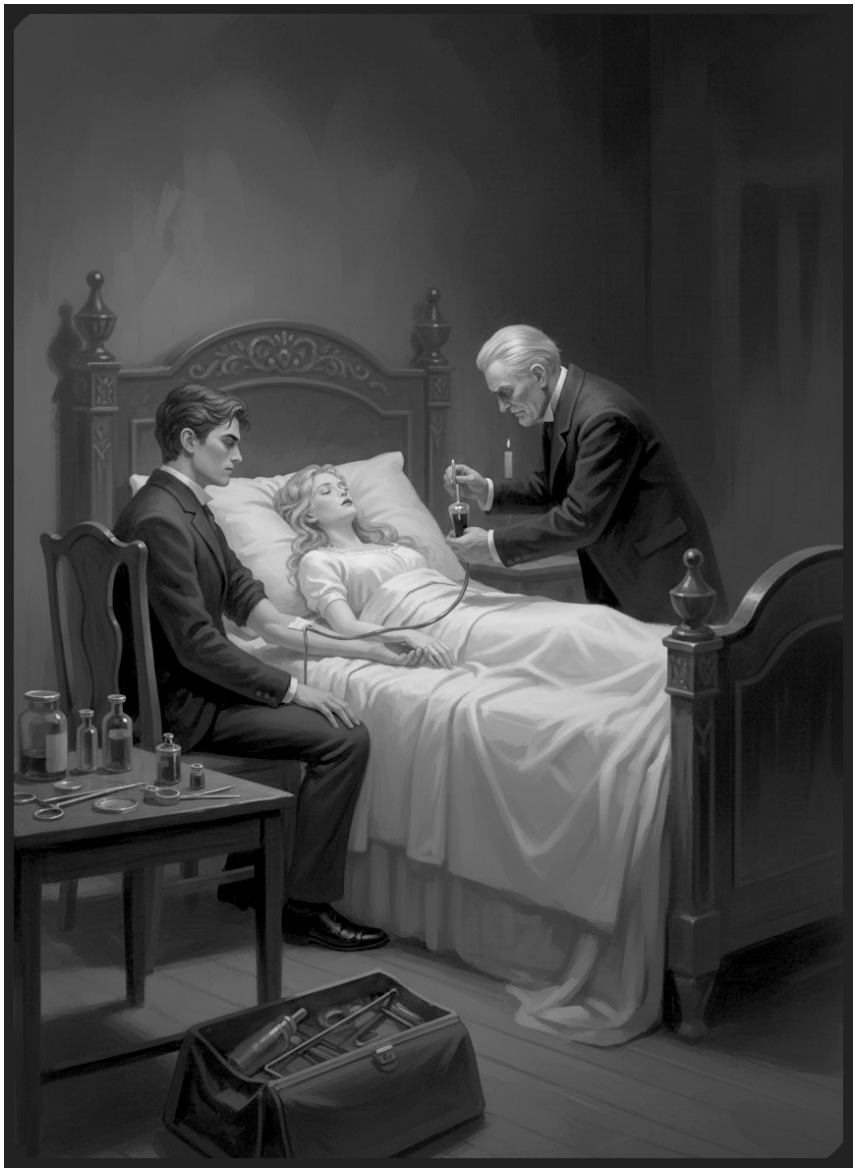
к кровати, ласково сказал:

– Вот, юная мисс, ваше лекарство. Примите его, будьте пай-девочкой. Я приподниму вас, чтобы легче было глотать. Вот так.

Девушка с трудом проглотила лекарство. Оно долго не действовало. Вероятно, потому, что Люси была слишком слаба. Время тянулось медленно, наконец сон начал одолевать ее, она крепко заснула. Убедившись в этом, профессор позвал Артура, попросил его снять сюртук и заметил:

– Можете ее поцеловать, пока я перенесу стол. Джон, дружище, помогите мне! – И, повернувшись ко мне, тихо пояснил: – Он молод и крепок, кровь у него чистая – нет нужды ее обрабатывать.

Потом Ван Хелсинг приступил к операции и провел ее очень быстро. Во время переливания казалось – жизнь возвращается к бедной Люси. Артур побледнел, но сиял от радости. Однако вскоре потеря крови начала сказываться на нем, несмотря на всю его крепость; я забеспокоился и невольно подумал: насколько же пострадало здоровье Люси, если то, что так сильно ослабило Артура, лишь слегка восстановило ее силы.



Профессор держал в руках часы и сосредоточенно следил за Люси и Артуром. Мне было слышно биение собственного сердца. Вскоре он тихо сказал:

– Достаточно. Ты помоги ему, а я займусь Люси.

Перевязывая Артура, я видел, насколько он ослаб, взял его под руку и хотел увести. Но тут Ван Хелсинг, не оборачиваясь – кажется, глаза у этого человека на затылке, – воскликнул:

– Храбрый юноша! По-моему, он заслужил еще один поцелуй, который вскоре получит.

Покончив с делами, профессор поправил подушку у своей пациентки, при этом, наверное, задел черную бархатную ленту, которую Люси всегда носила на шее, закалывая ее старинной бриллиантовой пряжкой, подаренной Артуром, лента сдвинулась вверх, и на горле показались две крохотные красные точки. Артур ничего не заметил, а у Ван Хелсинга вырвался резкий вздох, что выдало его волнение. Повернувшись ко мне, он сказал:

– А теперь уводите нашего храброго донора, дайте ему портвейну, и пусть он немного полежит, потом едет домой, хорошенько поспит и поест, чтобы восстановить силы. Ему не следует тут больше оставаться. Стойте! Минутку! – И профессор обратился к Артуру: – Понимаю, вас беспокоит результат. Так знайте – операция прошла успешно. Вы спасли ей жизнь, можете идти домой и отдыхать – все, что в ваших силах, вы сделали. До свидания!

Артур ушел, а я вернулся в комнату Люси. Она тихо спала, дыхание ее стало ровнее. У постели сидел Ван Хелсинг и внимательно смотрел на нее. Бархотка вновь прикрывала красные метки. Я шепотом спросил профессора:

– Что вы думаете об этих точках?

– А вы что думаете?

– Да я их толком и не разглядел, – ответил я и сдвинул бархотку.

Прямо над веной виднелись два точечных отверстия нездорового вида: не воспаленные, но с бледными, как будто натертыми краями. Мне пришло в голову, что эти ранки – источник потери крови, но я отбросил эту мысль как невероятную. Судя по бледности Люси, она потеряла столько крови, что вся постель была бы залита ею.

– Ну и что же? – спросил Ван Хелсинг.

– Не понимаю, что это, – честно признался я.

Профессор встал:

– Мне нужно сегодня вечером вернуться в Амстердам. Там необходимые мне книги и вещи. Ты должен оставаться здесь всю ночь, не спуская с нее глаз.

– Может быть, пригласить сиделку?

– Мы с тобой лучшие сиделки. Будь начеку всю ночь; следи, чтобы ее хорошо кормили и ничто ее не тревожило. Только не спи. Выспимся позже. Я постараюсь вернуться как можно скорее. И тогда мы приступим…

– Приступим? – удивился я. – Что вы имеете в виду?

– Увидишь! – ответил Ван Хелсинг и быстро вышел. Но через секунду вновь заглянул в комнату и, грозя мне пальцем, сказал: – Помни, ты за нее отвечаешь. Если хоть на минуту покинешь ее и с нею что-то случится, едва ли ты сможешь потом спокойно спать!

ДНЕВНИК ДОКТОРА СЬЮВОРДА

(продолжение)

8 сентября. Всю ночь просидел около Люси. К сумеркам действие снотворного прошло, и она проснулась. После переливания девушка преобразилась. Даже настроение стало хорошим, она полна жизни, впрочем, заметны и следы минувшего упадка сил.

Когда я сказал миссис Вестенра, что доктор Ван Хелсинг велел мне всю ночь дежурить подле Люси, она приняла это чуть ли не в штыки: по ее мнению, дочь уже достаточно окрепла и в прекрасном настроении. Но я был тверд и подготовился к долгому дежурству – пока служанка готовила спальню к ночи, поужинал, потом вернулся и сел у кровати. Люси не только не протестовала, но даже поглядывала на меня с благодарностью. Потом ее стало явно клонить ко сну, она сопротивлялась, пытаясь стряхнуть его с себя. Это повторилось несколько раз. Стало ясно, что девушка почему-то не хочет засыпать, и я прямо спросил ее:

– Вы не хотите спать?

– Боюсь заснуть.

– Боитесь? Но почему? Ведь сон – благо, к которому все стремятся.

– Да, но не в моем случае, ибо сон для меня – преддверие ужаса!.

– Преддверие ужаса! Что вы хотите этим сказать?

– Не знаю, сама не знаю. Это-то и ужасно. Вся эта моя слабость исключительно от снов, поэтому даже мысль о сне пугает меня.

– Но, дорогая моя, сегодня вы можете спать спокойно. Я буду на страже и обещаю – ничего не случится.

– О, я знаю, на вас можно положиться.

Тогда я предложил ей:

– Если я замечу какие-либо признаки кошмара, немедленно разбужу вас.

– Правда? Разбудите? Как вы добры ко мне! Тогда я, пожалуй,

посплю.

Со вздохом облегчения она откинулась на подушки и почти мгновенно заснула.

Всю ночь я продежурил около нее. Люси спала спокойным, глубоким, здоровым сном, дышала ровно. На лице у нее была улыбка – явно никакие кошмары не тревожили спокойствие ее души.

Рано утром пришла служанка, а я поехал домой – у меня было полно дел. Ван Хелсингу и Артуру я послал телеграммы, сообщив о благополучном результате переливания. Я крутился весь день как белка в колесе, и лишь к вечеру дело дошло до моего зоофага. Сведения о нем поступали неплохие: последние сутки он был спокоен. Во время обеда пришла телеграмма из Амстердама от Ван Хелсинга с просьбой вновь дежурить ночью в Хиллингеме, он же выезжает ночным поездом и присоединится ко мне рано утром.

9 сентября. Усталый и измученный, я приехал в Хиллингем. Не спал две ночи и ощущал некоторую заторможенность, мой мозг явно нуждался в отдыхе. Люси еще не ложилась и очень приветливо встретила меня. Здороваясь, она внимательно посмотрела на мое лицо и сказала:

– Не надо вам сегодня дежурить: вы измучены, а я опять чувствую себя хорошо, правда-правда. Это мне бы надо дежурить подле вас.

Я не стал спорить и пошел ужинать. Люси оживила мою трапезу своим очаровательным присутствием. Отужинал я великолепно, выпил пару стаканов изумительного портвейна. Затем Люси провела меня в находившуюся по соседству с ее спальней комнату, в которой уютно пылал камин.

– А теперь, – сказала она, – оставайтесь здесь. Двери комнат – моей и вашей – будут открыты. Вы можете прилечь на эту кушетку – знаю, ничто не заставит вас, докторов, лечь в постель, пока хоть один пациент находится в поле вашего зрения. Если что-нибудь понадобится, я вас позову, и вы сможете сразу прийти ко мне.

Пришлось согласиться, тем более что я устал как собака и был просто не в силах сидеть дежурить. И, когда она еще раз повторила, что позовет меня в случае необходимости, я лег на кушетку и забыл обо всем на свете.

ДНЕВНИК ЛЮСИ ВЕСТЕНРА

9 сентября. Сегодня мне так хорошо! Все это время я была очень слаба и вот наконец в состоянии двигаться и разговаривать, такое чувство, будто солнышко выглянуло после долгой непогоды.

Постоянно ощущаю незримое присутствие Артура, оно согревает меня. Мне кажется, болезнь по своей природе эгоистична и заставляет человека сосредоточиваться на самом себе, а здоровье и силы дают волю любви, расковывают человека в его мыслях и чувствах. Я знаю, где мои мысли. Если бы только Артур знал! Мой милый, милый, я думаю о тебе! О, блаженный покой прошлой ночи! Как же хорошо мне спалось, когда славный, дорогой доктор Сьюворд дежурил подле меня. И сегодня мне не страшно – он так близко, я сразу могу позвать его. Как все добры ко мне! Спасибо Господу! Спокойной ночи, Артур!

ДНЕВНИК ДОКТОРА СЬЮВОРДА

10 сентября. Я почувствовал чье-то прикосновение и моментально проснулся – уж к этому-то мы в больнице приучены. Это был профессор.

– Ну, как наша пациентка?

– Да все вроде было хорошо, когда я ее покинул, или, точнее, она покинула меня.

Пока я поднимал штору в комнате Люси, Ван Хелсинг тихо, на цыпочках, подошел к кровати. Хлынул солнечный свет, я услышал знакомый резкий вздох профессора – у меня похолодело сердце. Он слегка отпрянул от постели.

– О мой бог! – вырвалось у него, и его искаженное от ужаса лицо сильно побледнело.

Я почувствовал дрожь в коленях.

Люси была, по-видимому, в глубоком обмороке, еще бледнее и изможденнее, чем прежде. Даже губы побелели, а десны отошли от зубов, как иногда бывает у покойников, перед смертью долго болевших.

– Быстро коньяку! – крикнул Ван Хелсинг.

Я помчался в столовую и принес графин. Он смочил ей губы коньяком, а мы вместе натерли ей ладони, запястья и область сердца. Профессор прослушал сердце – я напряженно ждал результата – и наконец сказал:

– Еще не поздно. Сердце бьется, хотя и слабо. Вся наша прежняя работа пошла насмарку. Начнем сначала. Юного Артура здесь сейчас нет, придется обратиться к тебе, друг Джон.

Он достал из сумки инструменты для переливания крови. Я снял сюртук, засучил рукав рубашки; не было ни времени, ни необходимости для введения снотворно-обезболивающего лекарства – не теряя ни минуты, мы начали операцию. Через некоторое – и,

пожалуй, немалое – время (ведь переливание крови – тяжелая процедура независимо от степени готовности донора) Ван Хелсинг предостерегающе погрозил мне пальцем:

– Тихо, не шевелись. Боюсь, она с минуты на минуту может прийти в себя, а это чревато опасностью. Но я приму меры – сделаю ей подкожную инъекцию морфия.

Он быстро и ловко сделал укол, хорошо подействовавший на Люси – ее обморок перешел в сон. Чувство гордости охватило меня, когда я увидел, как ее бледные губы и щеки приобретают нежно-розовый оттенок. Ни один мужчина не знает, пока не испытает на собственном опыте, какое это счастье – знать, что в венах любимой женщины струится твоя, спасительная для нее кровь.

Профессор внимательно следил за мной.

– Достаточно, – сказал он.

– Как, уже? – удивился я. – У Арта вы взяли гораздо больше.

Ван Хелсинг грустно улыбнулся:

– Он – ее возлюбленный, ее жених. Кроме того, у тебя еще много дел, надо помочь и ей, и другим. Так что довольно.

Профессор занялся Люси, а я прилег на кушетку, ощущая слабость и даже дурноту. Потом он и мне перевязал рану и послал вниз – выпить стакан вина, а когда я вышел из комнаты, нагнал меня и прошептал:

– Никому ни слова. Если наш влюбленный появится неожиданно, как тогда, и ему ни слова. Это может одновременно напугать его и вызвать ревность. Ни того ни другого не нужно. Теперь все.

Когда я вернулся, Ван Хелсинг внимательно посмотрел на меня и сказал:

– Ну что ж, неплохо. А теперь пойди в ту комнату, полежи, потом хорошенько позавтракай и приходи ко мне.

Я последовал его совету, понимая, что теперь надо как можно скорее восстановить силы. Слабый, не было даже сил осмыслить происшедшее, я лег на кушетку и заснул, недоумевая, что же все-таки произошло с Люси, как могла она потерять так много крови – без всяких внешних следов. Наверное, я и во сне продолжал думать, моя первая мысль, когда я проснулся, была об этих крохотных дырочках у нее на горле и их неровных краях.

Люси спала полдня; проснувшись, она выглядела окрепшей, в целом хорошо, но все же хуже, чем накануне. Вид ее удовлетворил Ван Хелсинга, и он вышел прогуляться, строго наказав мне не спускать с нее глаз. Я слышал, он спрашивал внизу, как пройти к

ближайшему телеграфу.

Люси мило болтала со мной и, казалось, понятия не имела о том, что с ней произошло. Я пытался занять ее и развлечь; потом пришла ее мать, она, по-видимому, не заметила в дочери никакой перемены и сказала мне:

– Мы так признательны вам, доктор Сьюворд, за все, что вы сделали для нас, но, пожалуйста, берегите себя – не переутомляйтесь. Вы очень бледны. Конечно, вам нужна жена, которая ухаживала бы за вами, поддерживала вас. Это просто необходимо!

Тут Люси покраснела – не более чем на мгновение: ее усталые сосуды, видимо, не могли выдержать напряжение дольше. Тут же наступила реакция – она невероятно побледнела, при этом смотрела на меня умоляющими глазами. Я, улыбнувшись, кивнул ей и приложил палец к губам; со вздохом облегчения она откинулась на подушки.

Ван Хелсинг вернулся часа через два и сказал мне:

– Теперь – домой, поешь как следует, выпей вина и отоспись. Я останусь здесь ночью и подежурю около юной мисс. За ходом болезни должны следить мы, ты и я, другим не нужно ничего знать. У меня есть на то серьезные причины. Пока ни о чем не спрашивай, думай что хочешь – пусть даже самое невероятное. Спокойной ночи!

В прихожей две служанки подошли ко мне и спросили, не могут ли они – вместе или по очереди – подежурить около мисс Люси. Они умоляли позволить им это. Я объяснил им, что таково решение доктора Ван Хелсинга – дежурить должны либо он, либо я. Тогда они стали просить поговорить с «иностранным джентльменом». Я был тронут их добротой. Не знаю, что двигало ими – сочувствие моему бледному виду или забота о Люси, но я уже не впервые наблюдал такие проявления женской доброты. Вернувшись в лечебницу к концу ужина, я сделал обход – все было в порядке – и наконец лег. Засыпаю.

11 сентября. Сегодня к вечеру поехал в Хиллингем. Ван Хелсинг в прекрасном настроении. Люси – гораздо лучше. Вскоре профессору принесли какой-то большой пакет, присланный из-за границы. Он открыл его с нетерпением, там оказалась целая охапка белых цветов.

– Это для вас, мисс Люси, – сказал он.

– Для меня? О, доктор Ван Хелсинг!

– Да, моя дорогая, для вас, но не для забавы, это лекарство. – (Люси сделала недовольное лицо.) – Но не беспокойтесь, вам не придется принимать их в отваре или в каком-либо еще неприятном виде, так что не морщите свой очаровательный носик, а то я расскажу моему другу Артуру, какие страдания грозят ему, если он увидит искаженной столь

любимую им красоту. Ага, моя дорогая мисс, это выправило ваш милый носик. Итак, цветы обладают целебным воздействием, и не надо задумываться каким. Я положу их на ваше окно, сплету хорошенький венок и надену вам на шею, чтобы вы хорошо спали. Они, подобно лотосу, заставят вас забыть ваши неприятности. Пахнут они, как воды Леты или тот источник молодости, который конкистадоры искали во Флориде, но нашли слишком поздно.

Пока он говорил, Люси рассматривала цветы, потом понюхала их и с гримасой отвращения отбросила:

– Ах, профессор, вы, наверное, подшучиваете надо мной, ведь это обычный чеснок!

К моему удивлению, Ван Хелсинг встал и сказал ей очень строго – его брови даже сошлись на переносице:

– Никаких шуток! Я никогда не шучу! И ничего не делаю без серьезных на то оснований. И прошу вас не расстраивать мой план. Будьте серьезны и осторожны, если не ради себя, то хотя бы ради других. – Увидев, что бедняжка Люси испугалась – и ее вполне можно понять, – он продолжал уже мягче: – О моя дорогая юная мисс, не бойтесь меня. Я желаю вам только добра. В этих простых цветах почти все ваше спасение. Я сам разложу их в вашей комнате. Сам сделаю венок – носите его. Но – тсс! Никому ни слова, чтобы не возбуждать ненужного любопытства. Давайте заключим с вами договор, он будет залогом того, что вы, здоровая и окрепшая, окажетесь в объятиях того, кто вас любит и ждет. Теперь посидите немного смирно. А ты, дружок Джон, помоги мне украсить комнату чесноком, проделавшим долгий путь из Харлема, где мой друг Вандерпул круглый год выращивает его в парниках. Вчера я телеграфировал ему, здесь бы мы его не достали.

Мы пошли в спальню Люси, взяв с собой цветы. Конечно, профессор вел себя довольно странно, описания такого лекарства и лечения я не встречал ни в одном медицинском справочнике. Сначала он запер все окна, потом, взяв горсть цветов, натер ими оконные переплеты, гарантировав тем самым чесночный запах любому дуновению в щели. Затем то же самое проделал с дверным косяком и камином. Все это казалось мне нелепым, и я сказал ему:

– Конечно, профессор, знаю, что вы ничего не делаете зря, но сейчас ваши действия озадачили меня. Скептик предположил бы, что вы занимаетесь изгнанием нечистой силы.

– Вполне возможно! – ответил он и начал плести венок для Люси.

Подождав, пока Люси, приготовившись ко сну, ляжет в постель, он надел ей на шею венок из чеснока.

– Смотрите не разорвите его, не открывайте окна и двери ночью, даже если будет душно.

– Обещаю все исполнить, – заверила Люси. – Огромное спасибо за вашу доброту. Чем я заслужила дружбу таких замечательных людей?

Мы уехали в ожидавшем меня наемном экипаже.

– Сегодня, – сказал мне Ван Хелсинг, – можно спать спокойно, а я в этом очень нуждаюсь – две ночи в пути, непрерывное чтение днем,

на второй день – сплошные волнения и после этого ночное дежурство. Завтра рано утром заезжай за мной, и мы вместе навестим нашу милую мисс, которой, надеюсь, поможет мое «колдовство». Ох-хо-хо!

Его уверенность напомнила мне мое настроение два дня назад и последовавший плачевный результат, у меня возникло нехорошее предчувствие и смутный страх. Они мучили, как непролитые слезы, но слабость не позволила мне сказать об этом моему другу.

Глава XI

ДНЕВНИК ЛЮСИ ВЕСТЕНРА

12 сентября. Как все добры ко мне! Мне очень нравится этот милый доктор Ван Хелсинг. Не совсем понятно, почему он так беспокоился из-за этих цветов. Даже напугал меня, так строг он был. Впрочем, он, должно быть, прав: мне с ними как-то лучше. Что бы там ни было, а мне одной уже не страшно, я могу заснуть и не стану обращать внимания на хлопанье крыльев за окном. А как ужасна эта моя борьба со сном последнее время, мука бессонницы, точнее – мучительный страх заснуть и погрузиться в бездну кошмара. Как же счастливы люди, жизнь которых проходит без страхов и сон которых – еженощное благословение, приносящее лишь сладкие сновидения. А я лежу в ожидании сна, как Офелия с «невестиными венками и россыпями девических цветов»[61]. Прежде я не любила запах чеснока, но сегодня он кажется мне чудесным! В этом запахе спокойствие, умиротворение. Меня уже клонит ко сну. Спокойной ночи всем!

ДНЕВНИК ДОКТОРА СЬЮВОРДА

13 сентября. Заехал в гостиницу Беркли и застал Ван Хелсинга, как всегда, уже готовым. Мы сели в коляску, заказанную в гостинице. Профессор захватил с собой сумку, с которой теперь не расстается.

Изложу все подробно. Мы приехали в Хиллингем в восемь часов. Утро было чудесное. Ярко светило солнце, и вся свежесть осени, казалось, венчала ежегодный труд Природы. Листья на деревьях уже частично пожелтели, но еще не начали опадать. Войдя в дом, мы встретились с миссис Вестенра, которая всегда встает очень рано. Она тепло поздоровалась с нами:

– Могу вас порадовать – Люси лучше. Милое дитя еще спит. Я заглянула к ней в комнату, видела ее, но не стала входить, чтобы не

нарушить ее сон.

Профессор, очень довольный, улыбнулся, потер с удовольствием руки:

– Ага! Значит, я правильно поставил диагноз. Мое лечение подействовало.

– Вы не должны все приписывать себе, профессор, – заметила миссис Вестенра. – Своим сегодняшним состоянием Люси отчасти обязана и мне.

– Что вы хотите этим сказать, сударыня? – спросил профессор.

– Вчера поздно вечером я, беспокоясь за свое милое дитя, вошла к ней. Она крепко спала – так крепко, что даже мой приход ее не разбудил. Но в комнате было очень душно. Везде эти ужасные пахучие цветы, даже вокруг ее шеи. Я решила, что тяжелый запах вреден милому ребенку при ее слабости, поэтому убрала цветы и приоткрыла окно, чтобы слегка проветрить. Не сомневаюсь, вы будете довольны ею.

Довольная дама удалилась к себе в будуар, где ей обычно подавали ранний завтрак, лицо же профессора стало пепельно-серым. Он еще смог сохранить самообладание в присутствии безнадежно больной леди и даже улыбнулся, открывая перед нею дверь в ее покои, но, как только она вышла, резко втолкнул меня в столовую и плотно закрыл дверь.

И тут впервые в своей жизни я увидел Ван Хелсинга в отчаянии. Он воздел руки к небу в немом ужасе, затем беспомощно хлопнул в ладоши, упал в кресло, закрыл лицо руками и зарыдал – горькими, сухими рыданиями, исходившими, казалось, из самой глубины его измученного сердца. Потом вновь поднял руки, словно призывая в свидетели всю Вселенную:

– Господи! Господи! Господи! Что же мы такое сделали, чем провинилось это бедное дитя, если нас так жестоко наказали? Или над нами тяготеет какой-то злой рок, проклятие, преследующее нас еще из старого языческого мира? Эта бедная мать совершенно бессознательно, думая сделать как лучше, совершает поступок, губящий тело и душу ее дочери, и мы не можем ничего объяснить ей, даже предупредить, иначе она умрет или умрут они обе. О, какое горе! Все дьявольские силы против нас! – Потом вдруг вскочил: – Надо действовать, идем! Демоны, не демоны, пусть даже вся дьявольская рать – не важно, мы все равно должны победить.

Он взял в передней свою сумку, и мы поднялись к Люси.

Я поднял штору, а Ван Хелсинг подошел к постели. На этот раз,

увидев бедное, ужасной восковой бледности лицо, он не был поражен, как прежде, – смотрел на нее печально, с бесконечным состраданием.

– Так я и знал, – пробормотал профессор со столь характерным для него вздохом, потом, ни слова не говоря, запер дверь и разложил на маленьком столике инструменты для переливания крови. Я начал снимать сюртук, но он движением руки остановил меня:

– Нет! Сегодня донор – я, а ты делаешь переливание. Ты еще слишком слаб.

Профессор снял сюртук и засучил рукав. И снова операция, снова снотворно-обезболивающее, снова возвращение красок на бледные щеки и ровное дыхание здорового сна. Я наблюдал за больной, пока Ван Хелсинг подкреплялся и отдыхал. На этот раз он все-таки предупредил миссис Вестенра, что не нужно ничего убирать из комнаты Люси без его ведома: цветы обладают целебным действием, а вдыхание их аромата входит в курс лечения. Потом он сказал, что эту и следующую ночь будет сам дежурить подле больной и сообщит мне, когда нужно прийти.

Люси проснулась свежая, веселая и вроде бы не чувствовала себя хуже после ужасного переживания.

Что все это значит? Я уже начинаю бояться, не сказывается ли на моем разуме долгое пребывание среди сумасшедших.

ДНЕВНИК ЛЮСИ ВЕСТЕНРА

17 сентября. Четыре спокойных дня и ночи. Я так окрепла, что едва узнаю себя. Мне кажется, будто я пережила долгий кошмар, проснулась и вижу чудное солнце, ощущаю свежий утренний воздух. Смутно припоминается долгое тревожное ожидание чего-то страшного, мрак без надежды на спасение, долгие периоды забвения и возвращение к жизни, как у ныряльщика, всплывающего на поверхность из глубин. Однако с тех пор, как профессор Ван Хелсинг со мной, все эти кошмары позади. Шумы, пугавшие меня до потери сознания, хлопанье крыльев об окно, отдаленные голоса, приближавшиеся ко мне, неведомо откуда исходившие резкие звуки, побуждавшие меня к чему-то – сама не знаю к чему, – все это прекратилось. Теперь я не боюсь засыпать и не стараюсь бороться со сном. Я полюбила чеснок, и каждый день из Харлема мне присылают целую корзину.

Сегодня вечером профессор уезжает – ему нужно на день в Амстердам. Но за мной уже не надо присматривать, я вполне хорошо себя чувствую. Молюсь Богу за мою мать, за дорогого Артура, за всех

наших друзей, которые так добры ко мне! Возможно, я даже не почувствую перемены: вчера ночью я дважды просыпалась и заставала профессора Ван Хелсинга спящим в кресле подле меня. Но я не боялась вновь засыпать, несмотря на то что ветви деревьев или летучие мыши сильно бились об оконную раму.

«ПЭЛЛ МЭЛЛ ГАЗЕТТ»

ОТ 18 СЕНТЯБРЯ

СБЕЖАВШИЙ ВОЛК

Опасное приключение нашего корреспондента. Интервью со смотрителем зоосада.

После долгих расспросов, отказов и бесконечного повторения заветного пароля: «Пэлл Мэлл газетт» – мне наконец удалось найти смотрителя того отделения зоосада, в котором содержатся волки. Томас Билдер живет в одном из домиков, расположенных на территории зоосада – сразу за вольером для слонов; он как раз садился пить чай, когда я пришел к нему. Томас и его жена уже не молодые, бездетные люди, но если гостеприимство, с которым они меня встретили, обычно для них, то, очевидно, живут они очень хорошо. Смотритель отказался обсуждать «дела», как он выразился, пока не поужинает, – тут мы достигли полного согласия. Когда со стола было убрано, он закурил трубку и сказал:

– А теперь, сэр, вы можете спрашивать меня о чем угодно. Вы уж простите, что я не захотел разговаривать с вами о делах до ужина. Но я сам всегда предпочитаю сначала дать волкам, шакалам и гиенам их хлеб насущный, прежде чем задаю им вопросы.

– Задаете вопросы? Что вы хотите этим сказать? – спросил я, желая разговорить его.

– Бывает, зверей бьют палкой по голове, а бывает – чешут за ухом, это когда джентльменам хочется развлечь своих спутниц. Конечно, можно пройтись палкой, пока не раздал им обед, но если я хочу почесать их за ухом, то, пожалуй, лучше подожду, пока они вкусят свой хлеб насущный. Вы не задумывались о том, – заметил он философски, – что в природе человека много общего с животными? Вот вы пришли сюда, чтобы расспросить меня о моих делах, а я сварлив и предпочел бы за ваши паршивые полфунта вышвырнуть вас отсюда, а не отвечать вам. Особенно после того, как вы язвительно спросили меня, не хочу ли я, чтобы вы обратились к директору за разрешением задать мне вопросы. Не в обиду будь сказано – не

посоветовал ли я вам убраться к черту?

– Да, посоветовали.

– А когда вы сказали, что привлечете меня к ответственности за сквернословие в свой адрес, то как обухом меня по голове огрели, но полфунта все уладили. Я не собирался воевать, просто ждал ужина и своим рычанием выражал то же, что волки, львы и тигры. Ну а теперь, да хранит вас Господь, после того как старуха впихнула в меня кусок кекса и прополоскала меня из своего паршивого старого чайника, а я закурил, можете почесать у меня за ухом – вы это заслужили, и больше я не буду ворчать. Выкладывайте свои вопросы. Конечно, вы пришли из-за сбежавшего волка.

– Совершенно верно. Просто расскажите мне, как это произошло. Кроме того, мне интересно узнать ваше мнение о причине случившегося и чем, на ваш взгляд, все это кончится.

– Хорошо, мистер. История такова. Волк этот – зовут его Берсерк – был одним из трех серых хищников, привезенных из Норвегии торговцу животными Джамраху, у которого мы и купили его четыре года назад. Это был славный, послушный зверь, не требовавший особых забот. Я просто поражен, что именно он убежал. Но, конечно, волкам следует доверять не больше, чем женщинам.

– Как вам это нравится, сэр! – вмешалась миссис Билдер, весело рассмеявшись. – Он так давно возится с волками, что, видит бог, и сам стал похож на старого волка! Но он не опасен.

– Итак, сэр, вчера приблизительно часа через два после кормления мне послышался какой-то шум. Я как раз в одном из обезьяньих домиков подбирал для заболевшей молодой пумы соломенную подстилку, но, услышав визг и вой, тут же выбежал и увидел Берсерка – он бешено кидался на прутья клетки и как будто хотел вырваться на свободу. В тот день в зоосаде было мало народу, у клетки стоял только один господин – высокий, худой, с крючковатым носом, бородкой клинышком, глаза красные, взгляд тяжелый, холодный. Ох, не понравился он мне! По-моему, он как-то раздражал зверей – рукой в белой лайковой перчатке указал мне на волков и говорит:

– Смотритель, мне кажется, что-то привело этих серых хищников в возбуждение.

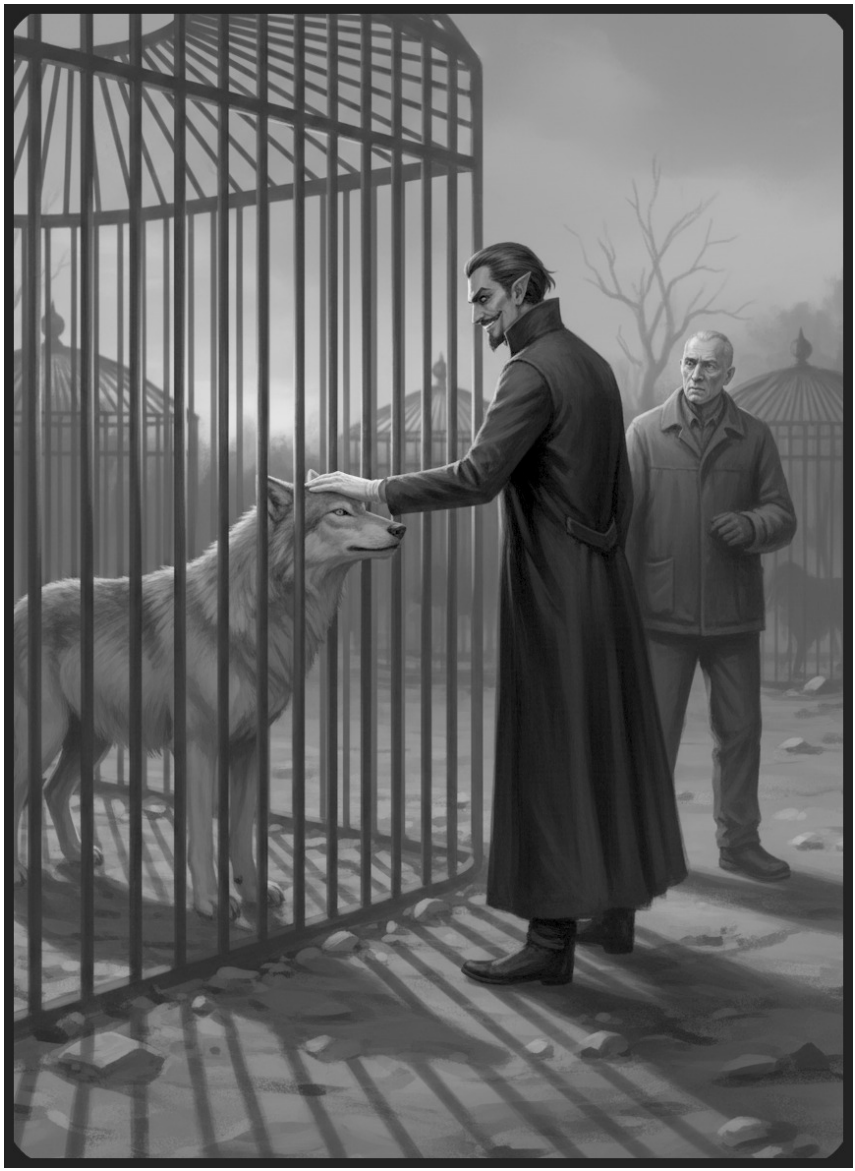
– Может быть, вы, – отвечаю я. Тон его мне тоже не понравился.

Он не рассердился, как я рассчитывал, а эдак нагло улыбнулся, обнажив белые острые зубы:

– О нет, едва ли.

– О да, конечно, вы, – передразнил я его. – Волки всегда не прочь во время трапезы поточить зубы о косточки, а у вас их целый мешок.

Странно, что звери, увидев, как мы разговариваем, успокоились, легли, и я, по своему обыкновению, погладил Берсерка по голове. А этот господин, представьте себе, просунул руку меж прутьев клетки и тоже погладил по голове старого волка!



– Поосторожнее, – говорю, – у Берсерка хватка мертвая.

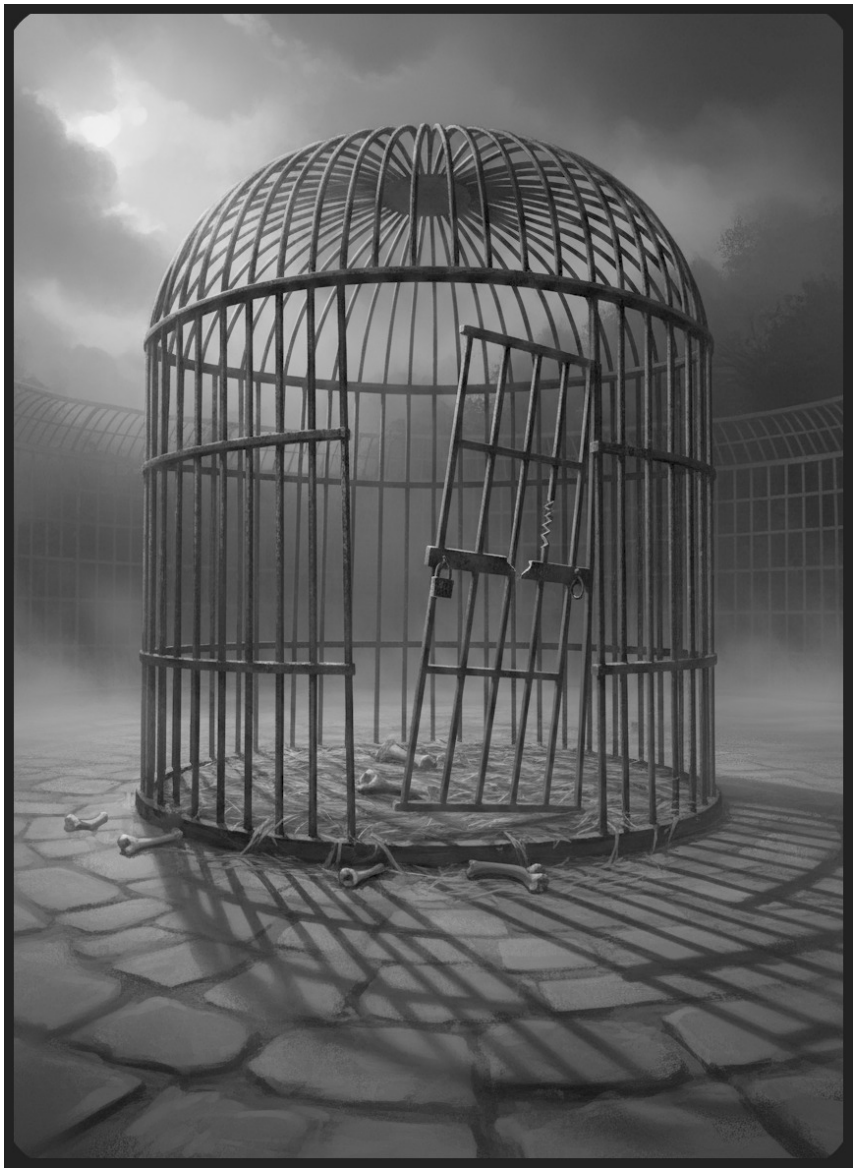
– Не беспокойтесь, – отвечает. – Я к ним привык.

– Работаете с ними? – спрашиваю, а сам снимаю шляпу в знак уважения: ведь укротитель волков – лучший друг смотрителя зверей.

– Нет, – отвечает, – не совсем, я не профессионал, но приручил нескольких волков.

Потом эдак вежливо, как лорд, приподнимает шляпу и уходит.

Старый Берсерк смотрел ему вслед, пока тот не скрылся из виду, потом весь вечер пролежал в углу. А ночью, как только взошла луна, все волки завыли. Вроде б им не из-за чего выть-то: вблизи никого не было, только где-то далеко какой-то тип звал собаку. Пару раз я выходил посмотреть – все было в порядке. Потом вой прекратился. Около двенадцати я снова вышел взглянуть, прежде чем лечь спать, и увидел, что клетка Берсерка пуста – прутья либо сломаны, либо погнуты. Вот и все, что я знаю.



– А больше никто ничего не заметил?

– Один из наших сторожей приблизительно в это время возвращался из певческого клуба домой и видел большую серую собаку, перескочившую через забор зоосада. Я не очень верю его словам: придя домой, он ничего не сказал об этом жене и вспомнил только после того, как все узнали о пропаже и всю ночь рыскали по округе в поисках Берсерка. Похоже, это его выдумки.

– Скажите, мистер Билдер, можете ли вы как-то объяснить бегство волка?

– Ну что ж, сэр, – сказал он с подозрительной скромностью, – пожалуй, могу. Вот только не знаю, удовлетворит ли вас моя теория.

– Ну, это не важно. Кому, как не вам, знающему повадки зверей, высказать свои соображения?

– Что ж, сэр, мне кажется, волк убежал просто потому, что хотел убежать.

По тому, как Томас и его жена от души смеялись этой шутке, я понял: она прозвучала здесь не впервые и надо мной подсмеиваются. Я не стал состязаться в остроумии с уважаемым Томасом и, решив поискать более надежный путь к его сердцу, предложил:

– Мистер Билдер, будем считать, что первую половину фунта вы уже заслужили, теперь черед второй – надеюсь, вы изложите мне свой прогноз.

– Хорошо, сэр, – живо откликнулся он. – Вы уж извините мои шутки, это старуха подмигивала – подстрекала меня.

– Вот уж чего не было, того не было! – воскликнула почтенная женщина.

– По моему мнению, волк скрывается где-то поблизости. Один из наших смотрителей говорил, что видел, как он, быстрее лошади, галопом мчался к северу, но я не верю ему, сэр: ни волки, ни собаки не могут мчаться галопом, они устроены по-другому. Волки такие умные только в сказках и страшны, когда сбиваются в стаи, тогда они могут натворить тех еще делов. Но, слава богу, в жизни волк и вполовину не так умен и храбр, как хорошая собака, и вчетверо трусливее. А Берсерк и вовсе не способен к тому, чтобы прокормить себя, стало быть, вероятнее всего, прячется где-то здесь поблизости, дрожит и думает, если он вообще думает, где бы достать поесть. Представьте себе, вдруг какая-нибудь кухарка увидит его горящие глаза в темноте подвала! Ему же надо что-то есть – возможно, он забредет в лавку мясника, или какая-нибудь нянька, прогуливаясь со своим солдатом, оставит ребенка без присмотра – ну что ж, тогда не удивлюсь, если одним младенцем станет меньше. Вот и все.

Я дал ему честно заработанные полфунта, и тут вдруг что-то замаячило в окне. У мистера Билдера вытянулось от удивления лицо.

– Господи боже мой! – воскликнул он. – Уж не старый ли Берсерк вернулся?!

Он бросился к двери и распахнул ее. На мой взгляд, это было совершенно излишне: дикие звери мне всегда нравились больше в

клетке. Пожалуй, личный опыт общения скорее усилил это убеждение.

Понимаю, это дело привычки: Билдер и его жена испугались волка не более, чем я обычной дворняги. Зверь был мирным и вел себя образцово, как прародитель всех сказочных волков из сказок, который, переодевшись бабушкой, завоевывал доверие Красной Шапочки.

Вся эта сцена представляла собою неописуемую смесь комедии и драмы: злой хищник, вот уже почти сутки терроризировавший Лондон и заставлявший детей дрожать от страха, стоял перед нами, словно кающийся грешник, и его приняли и приласкали, как блудного сына.

Старый Билдер с нежной заботливостью осмотрел его и сказал:

– Ну вот, так и знал, что старина попадет в историю. Я же говорил! Смотрите, у него вся голова в порезах и полна осколков стекла. Подлезал под какую-то чертову стену! Просто безобразие, что люди обкладывают стены своих оград битым стеклом. Вот к чему это приводит. Иди сюда, Берсерк.

Он отвел волка в клетку, пожаловал ему огромный кусок мяса и пошел сообщить в дирекцию.

А я отправился в газету – готовить единственный в сегодняшней прессе материал о странном побеге из зоосада.

ДНЕВНИК ДОКТОРА СЬЮВОРДА

17 сентября. После обеда занялся приведением в порядок своих приходно-расходных книг – за последние дни совершенно запустил их. Вдруг дверь распахнулась и вбежал Ренфилд с искаженным от гнева лицом. Я опешил – небывалый случай, чтобы больной сам, без сопровождения, явился в кабинет к лечащему врачу. В руке он сжимал столовый нож. Я постарался держаться так, чтобы между нами был стол. Однако он оказался более ловким и сильным, чем я ожидал, и ухитрился довольно серьезно порезать мне левое запястье. Прежде чем безумец успел ударить вновь, я пустил в ход правую руку – и он растянулся на полу. Кровь так сильно хлынула из раненого запястья, что на ковре образовалась лужица.

Видя, что Ренфилд более не склонен к атаке, я принялся перевязывать руку, не упуская, однако, из виду распростертую на полу фигуру. Прибежавшие служители бросились к нему, и тут мы увидели, чем он занимается, – нас просто замутило: больной лежал на животе и, как собака, вылизывал кровь, вытекшую из моей раны. Справиться с ним, к моему удивлению, оказалось нетрудно; он совершенно

спокойно поплелся за служителями и лишь без конца повторял:

– Кровь – это жизнь, кровь – это жизнь…

Нет, терять сейчас кровь мне нельзя: и так уже отдал достаточно и чувствую себя неважно – видимо, сказывается еще длительное напряжение, вызванное болезнью Люси. Сплошные нервы, предельная усталость, хочется покоя, покоя, покоя. Хорошо хоть Ван Хелсинг не вызвал меня сегодня, и я смогу выспаться – иначе просто пропал бы.

ТЕЛЕГРАММА ОТ ПРОФЕССОРА ВАН ХЕЛСИНГА ИЗ

АНТВЕРПЕНА – ДОКТОРУ СЬЮВОРДУ В КАРФАКС

(поскольку графство не было указано, доставлена на сутки позже)

17 сентября. Непременно будьте к вечеру в Хиллингеме. Если не сможете дежурить все время, регулярно наведывайтесь, следите, чтобы цветы были на месте, это очень важно. Не подведите. Присоединюсь к вам сразу по приезде.

ДНЕВНИК ДОКТОРА СЬЮВОРДА

18 сентября. Ближайшим поездом выехал в Лондон. Телеграмма Ван Хелсинга привела меня в смятение. Потеряна целая ночь, а я по горькому опыту знаю, что может произойти за ночь. Конечно, вполне возможно, ничего не случилось. А если случилось? Несомненно, злой рок тяготеет над нами, все время какая-нибудь случайность расстраивает наши планы; возьму с собой валик – закончу эту запись на фонографе у Люси.

ЗАПИСКА, ОСТАВЛЕННАЯ ЛЮСИ ВЕСТЕНРА

17 сентября, ночь. Оставляю листки на виду, чтобы ни у кого не было из-за меня неприятностей. Это запись того, что случилось этой ночью. Чувствую, что умираю от слабости, едва хватает сил, чтобы писать, но это необходимо, даже если я от этого умру.

Легла спать, как обычно, предварительно проследив, чтобы цветы лежали там, куда велел положить их доктор Ван Хелсинг, и вскоре заснула.

Разбудило меня хорошо знакомое хлопанье крыльев в окне, начавшееся после того, как я во сне ходила на утес в Уитби, а Мина выручила меня. Я не испугалась, но, конечно, жаль, что доктора Сьюворда нет в соседней комнате и я не могу позвать его – профессор Ван Хелсинг обещал, что он будет. Попыталась заснуть, но не смогла. Тут ко мне вернулась прежняя боязнь кошмарных снов, и я решила бодрствовать. Как назло, меня начал одолевать сон. Мне стало страшно одной, я открыла дверь и крикнула:

– Есть кто-нибудь?

Никто не отозвался. Боясь разбудить маму, я закрыла дверь. Тут за окном в кустах раздался какой-то вой, вроде бы собачий, но более низкий и свирепый. Я посмотрела в окно, но увидела лишь летучую мышь – наверное, она и била крыльями по оконному стеклу. Я снова легла в постель, но решила не спать.

Вскоре открылась дверь и заглянула мама. Увидев, что я не сплю, она вошла, села подле меня и сказала, пожалуй, еще ласковей, чем

обычно:

– Я беспокоилась за тебя, дорогая, и пришла посмотреть, как ты.

Боясь, что она простудится, я уговорила ее лечь со мною. Она прилегла прямо в халате, сказав, что побудет со мной недолго и пойдет к себе. Мы лежали обнявшись, и вновь раздалось хлопанье крыльев и стук в оконное стекло. Она вздрогнула, испугалась и вскрикнула:

– Что это?

Я успокоила ее, она лежала тихо, было слышно, как бьется ее больное сердце. Немного погодя вновь послышался вой в кустах, потом – удар в окно, осколки разбитого стекла посыпались на пол, и в дыру просунулась голова большого тощего волка. Мама в страхе вскрикнула, попыталась приподняться и, судорожно хватаясь за все, что попадалось под руку, в том числе за венок, который профессор Ван Хелсинг велел мне носить на шее, сорвала его с меня. В течение нескольких секунд мама сидела, указывая на волка, в горле у нее что-то странно клокотало, потом рухнула навзничь, как сраженная молнией; падая, она ушибла мне лоб, на мгновение у меня закружилась голова. Я не спускала глаз с окна, но волк исчез, а через разбитое стекло дуновением ветра ворвались целые мириады мошек – они кружились, подобно пыльному вихрю. Я попробовала встать, но не могла пошевелиться, как будто меня околдовали; кроме того, меня придавило тело бедной мамы – казалось, оно остывало, а когда сердце ее перестало биться, я потеряла сознание…

Видимо, вскоре я пришла в себя. Где-то недалеко на дороге звенел колокольчик. По соседству выли собаки. Совсем близко в кустах запел соловей. В шоке от перенесенного ужаса, я была совершенно разбита, но пение соловья показалось мне голосом мамы, вернувшейся, чтобы утешить меня. Видимо, шум разбудил и служанок – я различила легкий топот их босых ног у моей двери. Позвала их, они вошли и, увидев, что случилось, вскрикнули. Ветер ворвался в разбитое окно, и дверь громко захлопнулась. Мне наконец удалось встать, а девушки уложили на кровать тело бедной мамы, накрыв его простыней. Они были так напуганы и взволнованы, что я велела им пойти в столовую и выпить по стакану вина. Дверь на мгновение открылась и снова закрылась, девушки вскрикнули. Потом они спустились в столовую, а я собрала цветы и положила на грудь моей несчастной мамы. Тут я вспомнила, что говорил мне доктор Ван Хелсинг, но надевать их вновь на себя было выше моих сил. Да и зачем, ведь я решила попросить одну из служанок посидеть со мной. Удивившись, что девушки так долго не возвращаются, я позвала их, но ответа не было. Тогда я сама

спустилась в столовую…

У меня упало сердце, когда я увидела, что произошло: все четыре беспомощно лежали на полу, тяжело дыша. На столе стоял полупустой графин хереса, от него исходил какой-то странный запах. В следующее мгновение я поняла: пахло настойкой опия. Это показалось мне подозрительным; взглянув на буфет, я увидела, что флакон, из которого доктор дает – давал! – маме лекарство, пуст. Что делать? Что мне делать?

Я вернулась в свою комнату, к маме. Не могу ее оставить, служанок кто-то опоил наркотиком, я одна. Одна с умершей мамой! Из дома выйти не решаюсь – сквозь разбитое окно слышу глухой вой волка. В воздухе кружатся мошки, вспыхивают неясные голубые огоньки. Что мне делать? Господи, защити меня! Спрячу эту бумагу у себя на груди, ее найдут, когда будут прибирать меня к похоронам. Мама умерла! Теперь моя очередь. Прощай, дорогой Артур, если я не переживу эту ночь. Да хранит тебя Бог, мой дорогой, да поможет Он мне!

Глава XII

ДНЕВНИК ДОКТОРА СЬЮВОРДА

18 сентября. Я приехал в Хиллингем утром. Оставив извозчика у ворот, прошел по дорожке и тихо позвонил в дверь, боясь разбудить Люси или ее мать. Надеялся, что откроет служанка, однако никто не вышел. Тогда я постучал и вновь позвонил – никакого отклика. Я проклял ленивых служанок, в такое время еще валявшихся в постели – было уже десять. Еще раз, более решительно, постучал и позвонил – безрезультатно. Страх охватил меня. Что означает эта безответная тишина? Еще одно звено в цепи злого рока, затягивающего на нас свою петлю? Неужели я опоздал и передо мной – обитель смерти? Я знал, счет может идти на минуты и даже секунды, грозящие смертельной опасностью для Люси, если повторится один из ее ужасных приступов. Обошел дом в надежде как-нибудь проникнуть внутрь.

Все окна и двери были заперты. Расстроенный, я вернулся на крыльцо. Тут я услышал цокот копыт быстро бегущей лошади. Он затих у ворот, и через несколько секунд я увидел на дорожке профессора Ван Хелсинга.

– Так это вы? – прокричал он мне на бегу, задыхаясь. – Вы только что приехали? Как она? Мы опоздали? Вы не получили мою телеграмму?

Я объяснил ему, как можно короче, что телеграмму получил сегодня рано утром и, не теряя ни минуты, примчался сюда, но в доме никто не откликается. Он помолчал мгновение, потом снял шляпу и мрачно сказал:

– Ну что ж, боюсь, мы опоздали. На все воля Божья! – Потом со своей обычной энергией добавил: – Пойдемте, если никто не откроет, придется взламывать дверь. Самое важное для нас сейчас – не терять

времени.

Мы подошли к дому с тыла, куда выходило окно кухни. Профессор вынул из чемоданчика хирургическую пилу, дал ее мне, указав на железную решетку на окне. Я принялся за дело – вскоре три прута были распилены. Потом с помощью длинного тонкого скальпеля мы отодвинули оконные шпингалеты и открыли окно. Я помог влезть профессору, затем забрался сам. Ни на кухне, ни в людской не было ни души. Мы обошли все помещения внизу, и в столовой, скудно освещенной светом, проникающим сквозь ставни, нашли четырех служанок, простертых на полу. Было ясно, что они живы – их тяжелое дыхание и едкий запах опия все объяснили.

Ван Хелсинг поспешил дальше, бросив мне:

– Займемся ими позже.

Мы поднялись в спальню Люси. На мгновение замерли у двери, прислушиваясь, – полная тишина. Побледнев, дрожащими руками тихо отворили дверь и вошли.

Можно ли описать то, что мы увидели? На постели лежали две женщины – Люси и, чуть подальше, ее мать, накрытая белой простыней. Сквозняк, ворвавшийся в разбитое окно, откинул край простыни, открыв нашим взорам бледное, искаженное страхом лицо. На не менее бледном лице Люси запечатлелось еще более жуткое выражение. Цветы, которые она должна была носить вокруг шеи, я увидел на груди ее матери, на шее у девушки – две маленькие ранки, которые мы замечали и раньше, теперь их края были очень белы и искромсаны.

Не говоря ни слова, профессор приложил голову к груди Люси, прислушался и, вскочив, крикнул мне:

– Еще не поздно! Скорее! Скорее! Быстро коньяку!

Я бросился вниз; обнаружив бутылку, понюхал и попробовал ее содержимое: не подсыпан ли наркотик и туда, как в графин с хересом, найденный мной на столе. Служанки дышали во сне уже спокойнее, видимо, действие опия стало слабеть. Я поспешил наверх.

Ван Хелсинг, как и в прошлый раз, натер девушке губы, десны, запястья и ладони и сказал мне:

– Все, что можно сейчас сделать, я сделаю. А ты иди и разбуди служанок. Похлопай их мокрым полотенцем по лицу. Пусть они разведут огонь, нагреют воду и приготовят горячую ванну. Бедняжка почти такая же холодная, как и ее мать. Нужно ее поскорее согреть.

Я тотчас спустился и без труда разбудил трех служанок. Четвертая была очень молода, и дурман подействовал на нее сильнее, чем на

остальных. Положив ее на диван, я оставил ее отсыпаться. Остальные сначала не очень понимали, что к чему, потом сознание у них прояснилось, и они стали истерически рыдать. Однако я был строг и не дал им разговориться, заметив, что одной погибшей жизни достаточно и если они станут медлить, то погубят и Люси. Рыдая, они, как были полуодеты, принялись за работу, развели огонь и нагрели воду. Мы вынесли Люси на руках, посадили в приготовленную ванну и начали растирать ей руки и ноги.

Тут раздался стук в дверь. Одна из служанок, накинув что-то на себя, пошла открывать. Вернувшись, она сообщила, что пришел какой-то господин с поручением от мистера Холмвуда. Я велел передать ему, чтобы он подождал – мы сейчас очень заняты. Она ушла, а я, занявшись делом, совершенно забыл о посетителе.

Впервые я видел, чтобы профессор работал так самозабвенно. Каждый из нас понимал, что идет поединок со смертью, во время краткой передышки я сказал ему об этом. Его ответ был не совсем понятен мне:

– Если бы дело было только в этом, я бы остановился и позволил ей угаснуть с миром, ибо не вижу света на горизонте ее жизни.

И он продолжил работу с неистовой энергией.

Наконец мы заметили, что наши усилия возымели действие: сердце Люси, как было слышно через стетоскоп, билось немного сильнее, дыхание чуть окрепло. Ван Хелсинг едва ли не сиял. Мы вынули ее из ванны, завернули в теплое одеяло.

– Это наш выигрыш! – сказал мне Ван Хелсинг. – Шах королю!

Мы перенесли Люси в другую, уже приготовленную комнату, уложили в постель и влили ей в рот несколько капель коньяку. Я заметил, что Ван Хелсинг повязал ей шею мягким шелковым платком. Она все еще была без сознания и так же, если не хуже, плоха, как и в прошлый раз.

Ван Хелсинг позвал одну из служанок и велел ей не сводить с Люси глаз, пока мы не вернемся. Мы вышли из комнаты.

– Нужно обсудить, что делать дальше, – сказал он мне.

Мы спустились в столовую, профессор плотно закрыл дверь. Ставни были открыты, но шторы задернуты – этот обычай строго соблюдают британские женщины из низших слоев со свойственным им уважением к смерти. В комнате царил полумрак, но нам этого освещения было достаточно. Решительность Ван Хелсинга сменилась озабоченностью. Его явно что-то мучило, и после небольшой паузы он сказал:

– Что же нам делать? Куда обратиться за помощью? Нужно еще одно переливание, и как можно скорее, жизнь бедняжки висит на волоске, она не протянет и часу. Вы уже истощены, я тоже. А этим женщинам я боюсь довериться, даже если у них хватит на это мужества. И чем мы отблагодарим того, кто согласится дать кровь?

– Не могу ли я вам помочь? – С дивана на другом конце комнаты раздался голос, принесший облегчение и радость моему сердцу, – голос Квинси Морриса. Ван Хелсинг сначала напрягся, но лицо его тут же смягчилось, а в глазах вспыхнула радость, когда я воскликнул:

– Квинси Моррис! – И с распростертыми объятиями бросился к нему: – Что привело тебя сюда?

– Арт.

И он подал мне телеграмму:

«Уже три дня нет вестей от Сьюворда. Очень беспокоюсь. Приехать не могу. Отец все в том же состоянии. Срочно сообщи, как Люси. Холмвуд».

– Мне кажется, я приехал как раз вовремя. Вы только скажите, что делать.

Ван Хелсинг взял его за руку и посмотрел ему в глаза:

– Кровь храброго человека – лучшее, что есть в мире, когда женщина в беде. Вы – настоящий мужчина, в этом нет сомнения. Что ж, дьявол может выступать против нас во всей своей мощи, Бог посылает нам поддержку, когда мы в ней нуждаемся.

И вновь мы прошли через эту ужасную процедуру. Не хватает духа описывать ее. Люси, по-видимому, пережила в этот раз более сильное потрясение, чем прежде: несмотря на обильное переливание крови, она гораздо дольше приходила в себя. Мучительно было видеть, как она возвращается к жизни. Тем не менее работа сердца и легких улучшилась. Ван Хелсинг, как и в прошлый раз, сделал девушке подкожную инъекцию морфия, и ее обморок перешел в глубокий сон.

Профессор остался с Люси, а я пошел к Квинси Моррису, предварительно послав одну из служанок отпустить ожидавшего извозчика. Квинси я заставил выпить стакан вина и прилечь, а кухарке велел приготовить плотный завтрак. Тут мне в голову пришло одно соображение. Я поднялся наверх. Ван Хелсинг сидел, опершись головой на руку, в глубокой задумчивости над какими-то, видимо уже прочитанными, листками. На лице профессора застыло выражение мрачного удовлетворения, будто он разрешил какое-то давно мучившее его сомнение. Он дал мне листки, сказав лишь:

– Это выпало у Люси, когда мы несли ее в ванну.

Прочитав их, я взглянул на профессора и спросил:

– Ради бога, что это значит? Неужели мы имеем дело с сумасшедшей? Да, но когда она сошла с ума – сейчас или прежде? А может, то, что написано, – правда и существует какая-то ужасная опасность?

Я был в полной растерянности. Ван Хелсинг взял листки, заметив:

– До поры до времени выбросите все это из головы. Я вам все объясню позже. А теперь скажите, что вы намеревались мне сообщить?

– Хотел поговорить насчет свидетельства о смерти. Если мы не проявим предусмотрительность, могут назначить расследование, а оно нам совсем не нужно, ибо может просто убить Люси. Мы с вами медики и очень хорошо знаем, что у миссис Вестенра была неизлечимая болезнь сердца, так что нам лучше сразу засвидетельствовать причину ее смерти. Давайте теперь же это и сделаем, я сам зарегистрирую свидетельство, а потом заеду в похоронное бюро.

– Молодец, мой друг Джон! Хорошо продумано! Поистине, если мисс Люси столько неприятностей доставляют ее враги, то, по крайней мере, ей повезло с любящими ее друзьями. Трое из них отдают ей свою кровь, не считая еще одного старика. О да, я все понимаю, друг Джон. Я не слепой! И еще больше люблю тебя за это! А теперь иди.

В прихожей я встретил Квинси Морриса с телеграммой для Артура, в которой он сообщал ему о смерти миссис Вестенра и о том, что Люси выздоравливает после тяжелой болезни, а Ван Хелсинг и я – с нею. Я сказал ему, куда иду, и он не стал меня задерживать, лишь сказал:

– Когда вернешься, Джек, не мог бы я поговорить с тобой наедине?

Я кивнул и вышел. Никаких сложностей в службе регистрации не возникло, а с местным гробовщиком я договорился, что он возьмет на себя устройство похорон и вечером зайдет снять мерку для гроба.

Когда я вернулся, Квинси ждал меня. Я сказал, что справлюсь о Люси и сразу же приду к нему. Девушка еще спала, а профессор явно так и просидел все это время подле нее. Он приложил палец к губам, я понял, что она должна скоро проснуться. Я спустился к Квинси, и мы пошли в буфетную, в которой благодаря незадернутым шторам было немного повеселее, или, скорее, не так безотрадно, как в других комнатах.

– Джек Сьюворд, – начал он, – я не хочу совать нос куда не следует, но это исключительный случай. Ты знаешь, я любил эту девушку и хотел жениться на ней. Конечно, все это в прошлом, но все

равно я не могу не беспокоиться за нее. Что с ней происходит? Этот голландец – славный старик, это сразу видно, – сказал тогда в столовой, что нужно еще одно переливание крови, а вы оба истощены. Конечно, я понимаю, у вас, врачей, своя профессиональная этика, и посторонние не должны знать врачебных тайн. Но ведь речь идет не об обычном случае, и как бы там ни было, а я тоже внес свою лепту. Разве не так?

– Конечно.

– Догадываюсь, что и Артур не остался в стороне. Я видел его четыре дня назад – он выглядел очень неважно. Пожалуй, лишь однажды я был свидетелем столь стремительного развития событий – в пампасах моя любимая лошадь околела за одну ночь. Большая летучая мышь – их называют вампирами – напала на нее ночью и, напившись крови, улетела, а из прокушенной вены продолжала течь кровь, и к утру лошадка моя была уже так слаба, что не могла подняться, пришлось прекратить ее мучения, пристрелив ее. Джек, скажи мне по секрету – Артур был первым, правда?

Квинси был очень взволнован, его мучила неизвестность, а полное непонимание ужасной тайны, окружавшей болезнь любимой женщины, лишь усиливало его страдания. Требовалось все его мужество – а оно было немалым, – чтобы не сорваться. Я задумался, прежде чем ответить ему, так как не имел права выдать то, что профессор считал необходимым сохранить в тайне, но Квинси уже знал многое и о многом догадывался, поэтому я счел возможным быть с ним откровенным.

– Правда.

– И как долго это продолжается?

– Дней десять.

– Десять дней! Значит, Джек Сьюворд, в вены этого любимого всеми нами создания за это время влили кровь четырех здоровых мужчин. Господи помилуй, да ее тело просто не выдержит. – И, подойдя ко мне ближе, он спросил отчаянным полушепотом: – Куда же она девалась, эта кровь?

Я покачал головой:

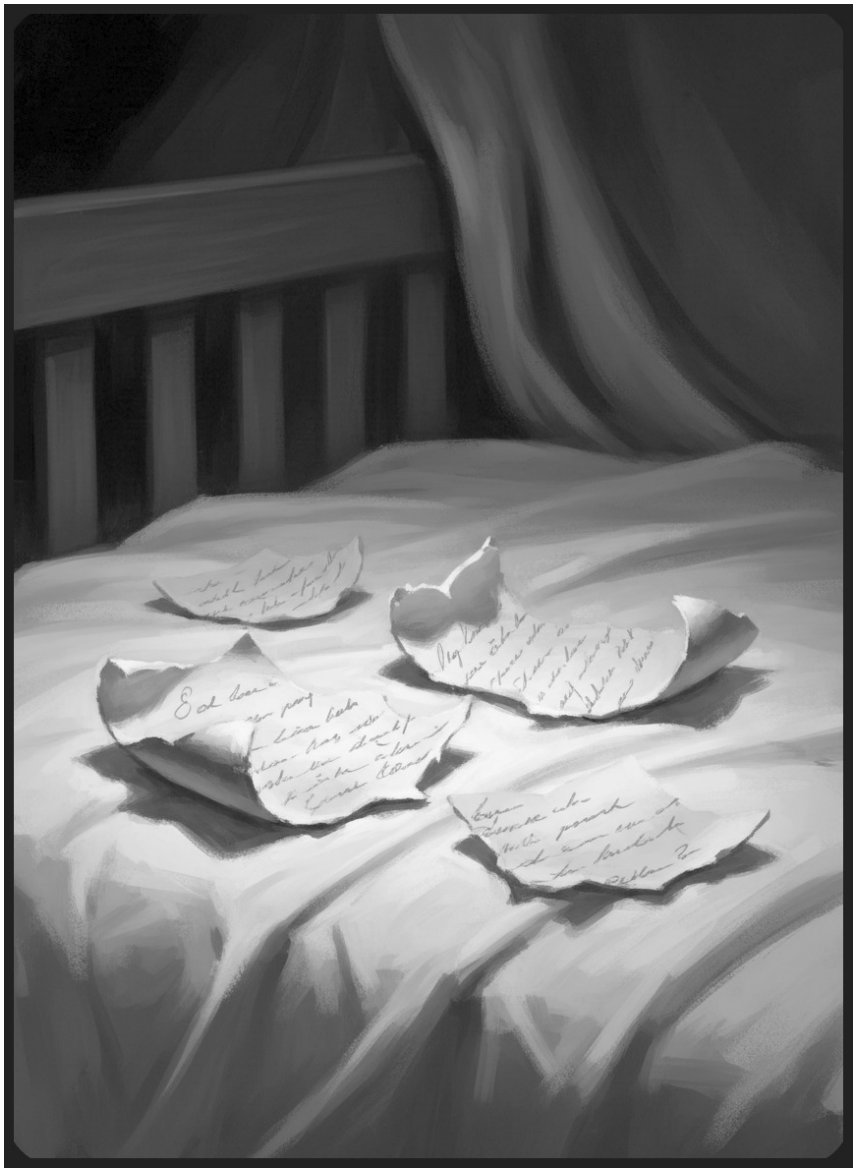
– Спроси что-нибудь полегче. Ван Хелсинг просто сходит с ума из-за этого, а я – в тупике, ничего не понимаю. Целая цепь непредсказуемых случайностей опрокинула все наши планы лечения Люси. Но больше этого не будет. Теперь мы здесь до победного конца… или поражения.

Квинси протянул мне руку:

– Рассчитывайте и на меня. Говорите, что делать, – я все сделаю.

Люси проснулась к вечеру. Она сразу схватилась за грудь и, к моему удивлению, извлекла из-за корсажа те самые листки, которые Ван Хелсинг давал мне читать. Осторожный профессор вернул их на прежнее место, чтобы, проснувшись, девушка не встревожилась. Увидев Ван Хелсинга и меня, Люси явно обрадовалась. Потом осмотрелась, вздрогнула и, вскрикнув, закрыла руками бледное лицо. Мы оба поняли – вспомнила о смерти матери – и постарались успокоить ее, насколько это было в наших силах. Сочувствие несколько утешило ее, но не более – она тихо плакала. Мы сказали ей, что один из нас все время будет с нею, и это вроде бы успокоило ее.

В сумерки она задремала. И тут произошло нечто странное. Во сне она выхватила из-за корсажа листки и разорвала. Ван Хелсинг отобрал у нее записи, но она продолжала рвать воображаемую бумагу, потом подняла руки и развела их, как бы разбрасывая клочки. Удивленный Ван Хелсинг нахмурился в раздумье, но ничего не сказал.



19 сентября. Прошлую ночь Люси спала неспокойно, боялась заснуть, а проснувшись, жаловалась на слабость. Профессор и я дежурили около нее поочередно и ни на минуту не оставляли одну. Квинси Моррис ничего не говорил, но я знаю, что он всю ночь бродил вокруг дома – сторожил.

Утром при дневном свете стало видно, насколько ослабела Люси. Она едва могла повернуть голову, ела мало и явно не впрок. Иногда

дремала. Мы с Ван Хелсингом обратили внимание на то, что во сне девушка выглядит не такой измученной: дыхание было ровное, рот приоткрылся, и обнажились десны, бледные, отставшие от зубов, которые теперь казались длиннее и острее, чем обычно; когда же Люси не спала, то нежное выражение глаз преображало весь ее облик, но чем больше она становилась похожей на себя прежнюю, тем явственнее проступала на бледном изможденном лице зловещая печать смерти.

После обеда Люси спросила об Артуре, и мы послали ему телеграмму. Квинси поехал на вокзал встречать его.

Артур приехал около шести; еще светило солнце, яркий свет струился в окно и, насколько это было возможно, оживлял бледное лицо умирающей. Артур очень разволновался, увидев ее; никто из нас не мог произнести ни слова. Периоды сна или коматозного состояния участились, все реже возникала возможность поговорить. И все-таки

присутствие Артура подбодрило девушку, она немного оживилась, говорила с ним, даже пыталась шутить. Он тоже, собравшись с духом, старался вселить в нее надежду – в общем, все делали что могли.

Теперь около часа ночи. Записываю свои наблюдения на фонографе Люси. Артур и Ван Хелсинг все еще сидят около нее. Я должен сменить их через пятнадцать минут. До шести они попробуют отдохнуть. Боюсь, что завтра наши дежурства закончатся, потрясение было слишком сильным… Да поможет нам Бог!

ПИСЬМО МИНЫ ХАРКЕР – ЛЮСИ ВЕСТЕНРА

(не распечатано адресатом)

17 сентября

Дорогая моя Люси! Кажется, я целый век не получала от тебя писем и не писала тебе. Но ты, конечно, простишь мне этот грех, когда узнаешь мои новости. Итак, мой муж благополучно вернулся. В Эксетере нас встречала коляска, а в ней, несмотря на приступ подагры, мистер Хокинс. Он повез нас к себе, где нам были приготовлены уютные и удобные комнаты. Мы пообедали, а потом мистер Хокинс сказал:

– Мои дорогие, я хотел бы выпить за ваше здоровье и благополучие, желаю вам счастья. Вы оба выросли на моих глазах. И я хотел бы, чтобы вы поселились здесь со мной. У меня не осталось никого на свете, все умерли. И все, что у меня есть, я завещаю вам.

Я плакала, дорогая Люси, когда Джонатан и старик обнимали друг друга. Это был очень, очень счастливый вечер.

Итак, мы теперь живем в этом чудном старом доме. Из моей спальни и гостиной я вижу большие вязы с черными стволами на фоне желтого камня старого собора, слышу, как трещат, гомонят, сплетничают весь день напролет грачи. Не нужно объяснять тебе, как я занята устройством дома и хозяйства. Джонатан и мистер Хокинс работают целыми днями, Джонатан теперь компаньон, и мистер Хокинс хочет посвятить его во все дела своих клиентов.

Как поживает твоя милая матушка? Очень хотелось бы на денек-другой приехать в Лондон повидать вас, дорогая, но пока не решаюсь – слишком много дел, и за Джонатаном еще нужен присмотр. Он начинает потихоньку набирать вес – долгая болезнь его очень истощила. До сих пор он иногда просыпается, весь дрожа, и мне с трудом удается успокоить его. Но, слава богу, это происходит все реже и реже, а со временем, надеюсь, и вовсе пройдет. Таковы мои новости.

А что слышно у тебя? Когда и где свадьба? Кто будет вас венчать? Какое у тебя подвенечное платье? Будет ли свадьба торжественной, многолюдной – или скромной? Напиши мне обо всем, дорогая. Все, связанное с тобой, интересно и дорого мне. Джонатан просит передать тебе «свое почтение», но я думаю, это маловато для младшего партнера фирмы «Хокинс и Харкер», а поскольку и ты и он любите меня, а я люблю тебя во всех временах и наклонениях этого глагола, то посылаю тебе его «сердечный привет». До свидания, моя дорогая Люси. Да благословит тебя Бог.

ОТЧЕТ ДОКТОРА ПАТРИКА ХЕННЕССИ, ЧЛЕНА КОРОЛЕВСКОГО МЕДИЦИНСКОГО КОЛЛЕДЖА, ВЫПУСКНИКА МЕДИЦИНСКОГО КОЛЛЕДЖА КОРОЛЯ И КОРОЛЕВЫ И Т. Д., И Т. П. – ДОКТОРУ ДЖОНУ СЬЮВОРДУ

20 сентября

Дорогой сэр!

Согласно Вашему желанию, посылаю отчет о всех порученных мне делах… О больном Ренфилде. У него был новый приступ, который мог бы плохо кончиться, но, к счастью, все обошлось. Сегодня пополудни в соседний пустой дом, куда, как вы помните, дважды убегал больной, приехала грузовая двуколка с двумя мужчинами. Они остановились у наших ворот, чтобы спросить, как им туда попасть. Я курил у окна кабинета после обеда и видел, как один из них приближается к дому. Когда он проходил мимо окна палаты Ренфилда, тот начал бранить и обзывать его. Человек этот, вполне приличного вида, ответил ему лишь: «Да замолчи ты, жалкий сквернослов», тогда как Ренфилд обвинял его в ограблении и в попытке убить его, Ренфилда, и кричал, что не позволит ему самоуправствовать. Я открыл окно и сделал этому человеку знак не обращать внимания, он огляделся, видимо желая понять, куда попал, и сказал: «Боже сохрани, сэр, я и не думаю обращать внимание на то, что мне кричат из какого-то жалкого дурдома. Но мне жаль вас и всех живущих под одной крышей с таким дикарем, как этот тип».

Потом он довольно любезно спросил меня, как пройти в пустой дом, я показал ему вход. Он ушел, а вслед ему сыпались угрозы, проклятья и брань нашего больного. Я спустился выяснить причину его гнева, все-таки обычно Ренфилд ведет себя прилично, за исключением приступов буйства. К моему удивлению, я застал его совершенно спокойным и даже веселым. В ответ на мои попытки

навести его на разговор об этом инциденте он кротко, с недоумением стал спрашивать, что я имею в виду, тем самым пытаясь меня убедить в своем полнейшем беспамятстве.

К сожалению, это была лишь хитрость с его стороны – не прошло и получаса, как о нем вновь заговорили. Он разбил окно в своей палате и, выскочив наружу, помчался по аллее. Я крикнул служителям, чтобы они следовали за мной, и побежал за Ренфилдом, опасаясь, что он задумал недоброе. Мои опасения оправдались: я увидел на дороге ту же двуколку, но уже груженную большими деревянными ящиками. Раскрасневшиеся грузчики вытирали вспотевшие от тяжелой работы лица. Прежде чем я успел подбежать, наш больной бросился к ним, вытащил одного из них из повозки и принялся бить головой о землю.

Если бы я не вмешался вовремя, Ренфилд наверняка бы убил этого несчастного. Его товарищ ударил Ренфилда по голове тяжелым кнутовищем. Удар был сильным, но наш сумасшедший как будто ничего не почувствовал. Он дрался с нами тремя, раскидывая нас, как котят. А вы знаете, я не из легковесов; да и те двое тоже крепкие парни. Сначала Ренфилд дрался молча, но когда наша взяла и служители начали надевать на него смирительную рубашку, закричал: «Я расстрою их гнусные планы! Они не смеют меня грабить! Постепенно убивать меня! Я буду биться за своего Господина и Хозяина!» – и прочий бред. С большим трудом его вернули домой и водворили в обитую войлоком палату. Один из служителей, Гарди, сломал себе в драке палец, но я наложил ему повязку, и теперь все уже в порядке.

Грузчики сначала громко требовали возмещения ущерба и грозили наслать на нас все кары закона. Но к их угрозам примешивалась некоторая неловкость оттого, что они потерпели поражение в стычке с жалким сумасшедшим. Они говорили, что если б не устали при погрузке тяжелых ящиков, то разделались бы с ним в два счета. В качестве другой причины поражения выдвигалась ужасная жажда, возникшая у них вследствие их пыльной работы, и достойная порицания удаленность соответствующих заведений. Я понял, к чему они клонят, и после доброго стакана вина, а потом еще одного, да получив в придачу по фунту, они уже клялись, что ради знакомства с таким «замечательным парнем», как ваш покорный слуга, готовы встретиться и с другими сумасшедшими. Я на всякий случай записал их имена и адреса: Джек Смоллет, дома Дадиштона, Кинг-Джорджес-роуд, Грейт-Уолворт, и Томас Спеллинг, дома Питера Фарли, Гайд-Корт, Бетнел-Грин. Оба работают у «Харриса и сыновей»,

занимающихся перевозкой, их адрес: Орендж Мастерс Ярд, Сохо.

Я напишу вам, если произойдет что-то заслуживающее внимания, и телеграфирую в случае крайней необходимости.

Располагайте мною, дорогой сэр.

Искренне ваш Патрик Хеннесси

ПИСЬМО МИНЫ ХАРКЕР – ЛЮСИ ВЕСТЕНРА

(не распечатано адресатом)

18 сентября

Моя дорогая Люси!

Нас постиг удар – внезапно умер мистер Хокинс. Могут подумать, не такое уж большое горе для нас, но мы очень любили его и как будто потеряли отца. Я не помню своих родителей, и смерть милого мистера Хокинса для меня настоящий удар. Джонатан сильно сокрушается. Он переживает, глубоко переживает, и не только потому, что этот милый, добрый человек всю жизнь помогал ему, а в последнее время заботился о нем, как о родном сыне, оставив ему состояние, которое для скромных людей вроде нас просто богатство, мы даже мечтать не могли о нем.

Джонатан нервничает и из-за свалившейся на его плечи ответственности. Он сомневается в себе. Я стараюсь подбодрить его, и моя вера поддерживает его веру в себя. Потрясение, которое он недавно перенес, привело его к утрате веры в свои силы. Невыносимо сознавать, что благородная, волевая натура Джонатана, которая позволила ему за несколько лет из простого клерка стать знатоком своего дела, оказалась так надломлена. Прости, дорогая, что докучаю тебе своими горестями в эти счастливые для тебя дни. Но, Люси, я должна быть неизменно мужественной и веселой при Джонатане, это большое напряжение для меня, а душу отвести мне здесь не с кем.

Послезавтра нам придется поехать в Лондон с печальной миссией – в завещании мистера Хокинса сказано, что он хотел быть похороненным около своего отца. У него нет никаких родственников, Джонатан самый близкий ему человек, и все хлопоты по похоронам – на нем. Я постараюсь забежать к вам, дорогая, хоть на несколько минут. Прости, что потревожила тебя. Да благословит тебя Бог!

Любящая тебя Мина Харкер

ДНЕВНИК ДОКТОРА СЬЮВОРДА

20 сентября. Только сила воли и привычка могут заставить меня сегодня делать записи в дневнике. Я слишком подавлен и печален, так

устал от этого мира и самой жизни, что не испытал бы никаких сожалений, если б сию минуту услышал шум крыльев ангела смерти. Впрочем, в последнее время веяние его зловещих крыл ощущалось совсем близко – мать Люси, отец Артура, а теперь… Продолжу-ка лучше свои записи.

В условленный час я сменил Ван Хелсинга, дежурившего около Люси. Артур сначала отказывался пойти отдохнуть и согласился лишь после того, как я сказал, что его помощь потребуется днем и Люси будет только хуже, если все мы будем валиться с ног. Ван Хелсинг очень внимателен к нему.

– Пойдемте со мной, друг мой, – сказал он. – Вы устали, ослабли, слишком много переживаний, страдания, боли. Вам лучше не быть одному, одиночество – это страхи, тревоги. Пойдемте в гостиную, там большой камин, два дивана. Вы ляжете на одном, я на другом, наше сочувствие, симпатия друг к другу поддержат нас, даже если мы будем молчать или заснем.

Перед уходом Артур пристально посмотрел на бледное, белее батиста, лицо своей невесты – в его взгляде смешались любовь и отчаяние.

Люси лежала очень спокойно. Я осмотрелся, проверяя, все ли в порядке в комнате. Профессор и здесь повсюду развесил и разложил цветы чеснока, натер ими оконные переплеты. И на шею Люси поверх шелковой косынки надел венок из этих пахучих цветов. Девушка тяжело дышала и выглядела плохо. Полуоткрытый рот обнажал бледные десны. Зубы, особенно клыки, казались в полумраке еще длиннее и острее, чем утром.

Я сел рядом с ней, она шевельнулась во сне. В это время раздалось какое-то глухое постукивание в окно. Я тихо подошел к нему и заглянул за штору. Светила полная луна, и я увидел, что шум исходит от большой летучей мыши, которая кружилась у самого окна, ударяясь о него крыльями, видимо привлеченная хоть и тусклым, но светом. Вернувшись на свое место, я обнаружил, что Люси немного подвинулась и сорвала с шеи венок. Я приладил его обратно и

продолжал наблюдать за нею.

Вскоре она проснулась, я дал ей поесть, как велел Ван Хелсинг. Ела девушка мало и нехотя. Казалось, в ней уже не шла бессознательная борьба за жизнь, до сих пор столь характерная для хода ее болезни. Меня удивило, что, едва придя в себя, она лихорадочно прижала к себе цветы чеснока. Это было тем более странно, что всякий раз, впадая в состояние, напоминающее летаргический сон, она начинала вдруг задыхаться и сбрасывала их с

себя. Просыпаясь же, вновь прижимала к себе. Похоже, это было не случайно, потому что в течение ночи повторялось неоднократно.

В шесть утра Ван Хелсинг сменил меня. Артур заснул, и профессор, пожалев, не стал будить его. Взглянув на Люси, он тихо ахнул и прошептал:

– Откройте шторы, мне нужен свет! – Потом наклонился, почти касаясь Люси, и внимательно осмотрел ее, а когда снял цветы и шелковый платок с шеи, вздрогнул и едва слышно воскликнул: – Боже мой!

Я наклонился, взглянул и ощутил внезапный озноб: ранки исчезли…

Минут пять Ван Хелсинг напряженно всматривался в лицо девушки. Потом повернулся ко мне и спокойно сказал:

– Она умирает. Это продлится недолго. Но помяни мое слово, очень важно, умрет ли она в сознании или во сне. Разбуди этого несчастного мальчика, пусть придет – простится с нею; он доверяет нам, а мы ему это обещали.

Я разбудил Артура. В первую минуту он не мог сообразить, что к чему, но, увидев солнечный свет, проникающий сквозь щели ставен, испугался, что опоздал. Я успокоил его, сказав, что Люси еще спит, и осторожно намекнул на возможность близкого конца. Он закрыл лицо руками, опустился на колени и несколько минут молился, плечи его вздрагивали от горя.

Я положил руку ему на плечо:

– Пойдем, старина, собери все свое мужество: так ей будет лучше и легче.

Когда мы поднялись, я заметил, что Ван Хелсинг со свойственной ему предусмотрительностью навел в комнате порядок и причесал Люси – ее волосы лежали на подушке светлыми волнами.

Девушка открыла глаза и, взглянув в нашу сторону, пролепетала:

– Артур! Любовь моя, я так рада, что ты пришел!

Он нагнулся, чтобы поцеловать ее, но Ван Хелсинг резким жестом остановил его и шепнул на ухо:

– Нет, не теперь! Возьмите ее за руку, это больше успокоит ее.

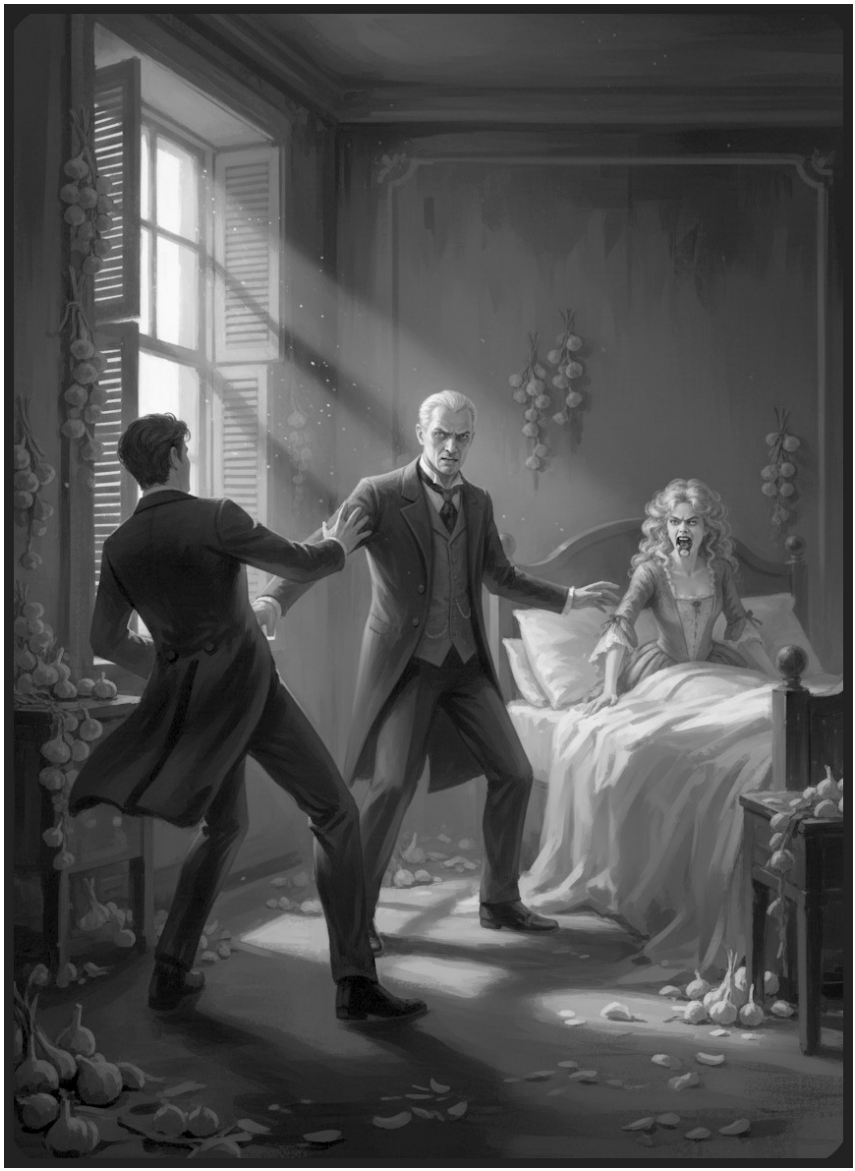
Артур, взяв ее за руку, встал перед ней на колени. Люси ласково посмотрела на него своими чудными, добрыми, ангельскими глазами. Потом медленно закрыла глаза и задремала. Она дышала во сне, как уставшее дитя.

И вдруг в ней произошла странная перемена, которую я уже наблюдал ночью: дыхание стало прерывистым, рот приоткрылся,

обнажив бледные десны и зубы, казавшиеся, как никогда, длинными и острыми. В полусне, бессознательно, Люси открыла глаза, ставшие теперь тусклыми и жестокими, и сказала необычным для себя, вкрадчивым, сладострастным тоном:

– Артур! Любовь моя, я так рада, что ты пришел! Поцелуй меня!

Молодой человек мгновенно наклонился к ней, но тут Ван Хелсинг, пораженный, как и я, ее голосом, бросился к нему, схватил за шиворот и с неожиданной для него силой неистово отбросил едва ли не в другой конец комнаты.



– Ради вашей жизни, – воскликнул он, – ради спасения вашей и ее души! Не трогайте ее!

Профессор стоял меж ними, как затравленный лев.

Артур настолько опешил, что в первую минуту не знал, как реагировать, но, помня, где и при каких обстоятельствах находится, все-таки не дал волю своему гневу и молча остался в углу.

Взглянув на Люси, мы с Ван Хелсингом вздрогнули: судорога

ярости, как тень, мелькнула на ее лице, хищные зубы щелкнули от досады. Глаза ее закрылись, и она тяжело задышала.

Однако вскоре открыла глаза, своей худой бледной рукой взяла большую загорелую руку Ван Хелсинга и, притянув к себе, поцеловала.

– Мой верный друг! – слабым голосом, но с невыразимым чувством произнесла она. – Верный друг нас обоих! Берегите его и дайте мне надежду на покой!

– Клянусь вам! – взволнованно воскликнул он и, встав на колени подле нее, поднял в клятвенном жесте руку. Потом повернулся к Артуру и сказал: – Подойдите, друг мой. Возьмите ее за руки и поцелуйте в лоб, но только один раз.

Глаза Люси и Артура встретились – так они попрощались.

Веки девушки смежились. Ван Хелсинг, внимательно следивший за ней, взял Артура под руку и отвел в сторону.

Дыхание ее стало вновь прерывистым и вдруг совсем прекратилось.

– Все кончено, – прошептал Ван Хелсинг. – Она умерла!

Я увел Артура в гостиную, где он стал так рыдать, что у меня сердце разрывалось на части.

Я вернулся в комнату. Ван Хелсинг внимательно наблюдал за Люси. С ней произошла перемена: смерть частично вернула ей былую красоту, восстановив плавные линии щек, бровей, даже губы не были уже так бледны. Как будто кровь, в которой уже больше не нуждалось сердце, прилила к лицу, смягчив страшную работу смерти.

Уснула, и кажется нам – умерла,
Скончалась, мы думаем – спит[62].

– Ну вот, наконец-то бедняжка нашла покой! Все кончено! – вздохнул я.

– Нет, – ответил профессор необычайно серьезно. – Увы, нет! Все еще только начинается!

Я спросил, что он имеет в виду. Но Ван Хелсинг лишь покачал головой:

– Пока мы ничего не можем сделать. Поживем – увидим…

Глава XIII

ДНЕВНИК ДОКТОРА СЬЮВОРДА

(продолжение)

Похороны были назначены на послезавтра – Люси хоронили вместе с матерью. Всеми формальностями занимался я. Работники похоронного бюро обходительностью и расторопностью не уступали своему любезному хозяину. Женщина, непосредственно обряжавшая покойных, доверительно поделилась со мной профессиональными наблюдениями:

– Какая красивая покойница, сэр! Это просто честь для меня. И уж конечно, эти похороны укрепят репутацию нашего заведения!

Я заметил, что Ван Хелсинг никуда не отлучался, возможно, из-за беспорядка, царившего в доме. Родственников не было. Артур должен приехать только завтра, после похорон своего отца. Поэтому нам с Ван Хелсингом пришлось самим разбирать бумаги. Профессор непременно хотел просмотреть архив Люси. Опасаясь, как бы нам по неведению не нарушить какие-нибудь законы – ведь Ван Хелсинг был иностранец, – я спросил его, почему он так настаивает на осмотре личных бумаг покойной.

– В общем-то, твои опасения небезосновательны, – ответил профессор, – но не забывай, я не только врач, но и юрист. И тут как раз лучше обойтись без вмешательства закона. Ты это понимал, когда постарался избежать коронера[63]. Мне же нужно избежать большего – возможно, в архиве найдутся еще такие бумаги, как эта. – И он вытащил из бумажника листки, которые Люси разорвала во сне. – Если найдешь адрес стряпчего покойной миссис Вестенра, опечатай все ее бумаги и сегодня же напиши ему. Я же за ночь просмотрю все бумаги Люси – не нужно, чтобы ее тайные записи попали в чужие руки.

Через полчаса я нашел адрес стряпчего миссис Вестенра и написал

ему. Все ее бумаги были в порядке, оставлены даже четкие указания, где ее похоронить. Едва я запечатал письмо, как в комнату, к моему удивлению, вошел Ван Хелсинг:

– Не могу ли я помочь тебе, Джон? Я освободился и теперь к твоим услугам.

– Вы нашли, что искали?

– Я не искал ничего конкретного – лишь надеялся найти и нашел несколько писем, записок и недавно начатый дневник. Вот они, и пока мы о них никому не скажем. Завтра я увижу нашего бедного Артура и с его согласия воспользуюсь некоторыми из них.

Когда мы покончили с неотложными делами, профессор сказал:

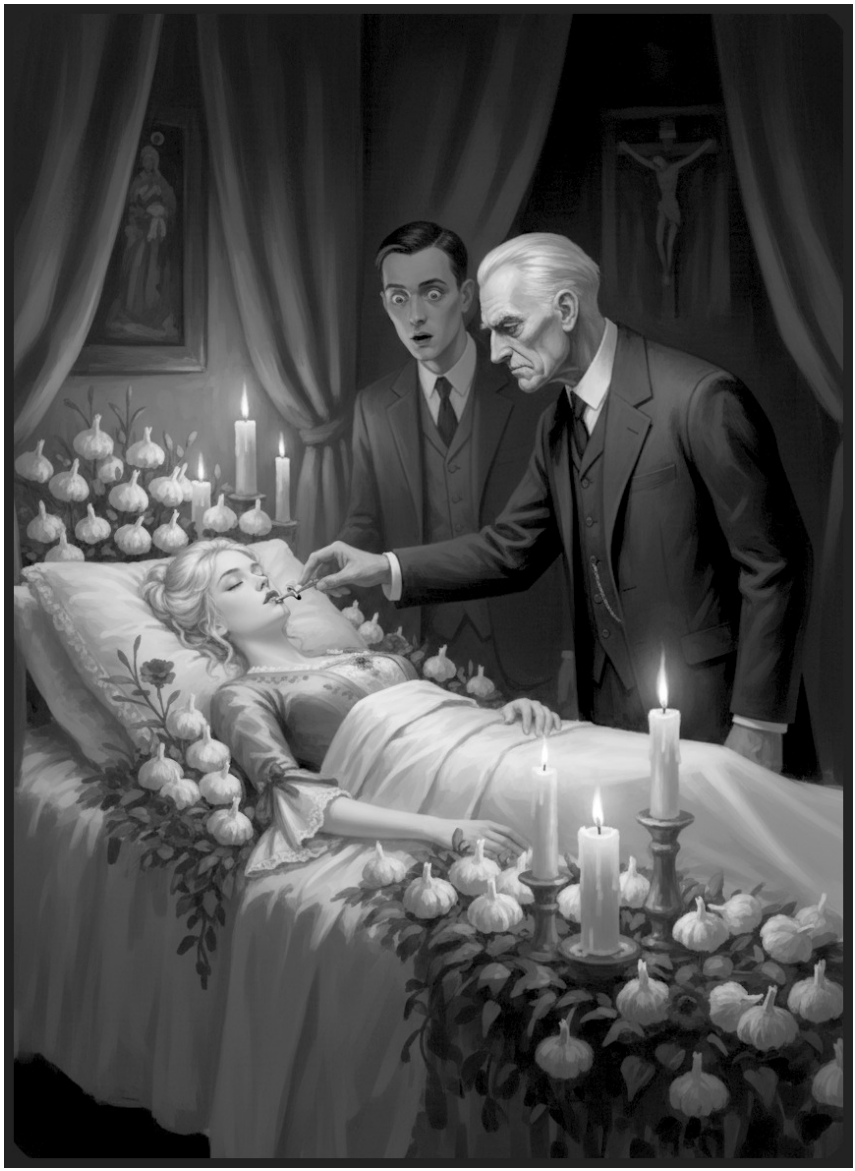
– А теперь, друг Джон, нам обоим необходимо выспаться. Завтра много дел, а сегодня – увы! – мы уже не нужны.

Перед сном мы еще раз зашли к несчастной Люси. Похоронное бюро хорошо потрудилось: комната превратилась в маленькую часовню. Все утопало в прекрасных белых цветах, и смерть не производила отталкивающего впечатления. Лицо усопшей было накрыто белоснежным покрывалом. Профессор приподнял его, высокие восковые свечи светили достаточно ярко, и мы оба были поражены. Вся прежняя прелесть девушки вернулась к ней – такое впечатление, будто «губительные пальцы смерти»[64], вместо того чтобы разрушить, за прошедшие часы восстановили всю ее живую красоту, мне уже стало казаться, что Люси не умерла, а лишь спит.

Профессор был очень серьезен, даже суров. Конечно, он не любил ее, как я, и ему было не о чем горевать.

– Побудь здесь, я сейчас вернусь, – сказал он мне и вышел.

Вернулся с охапкой белых цветов чеснока из недавно доставленного почтой ящика, стоявшего внизу в передней. Ван Хелсинг рассыпал их среди других цветов на кровати и вокруг нее. Потом, сняв с себя маленький золотой крестик, положил его на губы покойной. Снова прикрыл ее покрывалом, и мы вышли.



Я раздевался у себя в комнате, когда раздался стук в дверь и вошел Ван Хелсинг.

– Прошу тебя, раздобудь завтра к вечеру набор инструментов для вскрытия.

– Хотите делать аутопсию?

– И да и нет. Необходимо сделать операцию, но не ту, что ты думаешь. Тебе скажу, но больше никому ни слова. Хочу отрезать

голову и удалить сердце. Ай-ай-ай, хирург, а так шокирован! И это ты, недрогнувшей рукой делавший операции, от которых другие хирурги отказывались. Конечно, мой милый друг Джон, я не должен забывать, что ты любил ее. Но я и не забываю. Операцию беру на себя, ты будешь только помогать мне. Я бы сделал это сегодня, но из-за Артура придется отложить. Он освободится лишь завтра после похорон отца и, конечно, захочет еще раз посмотреть на нее. Потом ее положат в гроб, и мы, когда все лягут спать, откроем его, произведем операцию и все вернем на место, чтобы, кроме нас, никто ничего не знал.

– Но зачем это нужно? Девушка умерла. К чему терзать ее бедное тело? Ведь никакой пользы ни ей, ни нам, ни науке, ни человечеству вскрытие не принесет! И без того все это так ужасно!

Профессор положил мне руку на плечо и сказал очень ласково:

– Друг Джон, мне очень жаль твое бедное, обливающееся кровью сердце, я еще больше люблю тебя за то, что ты способен так глубоко переживать. Если бы это было в моих силах, я бы взял на себя всю тяжесть твоей души. Однако есть вещи, которых ты не знаешь, но в свое время узнаешь, и тогда тебе придется нелегко, ибо они не очень приятны. Джон, ты много лет был моим другом, вспомни, делал ли я что-нибудь без серьезных на то оснований? Я могу ошибаться – все мы люди! – но я всегда продумываю свои поступки и уверен в необходимости того, что делаю. Не потому ли ты вызвал меня, когда пришла эта беда? Конечно поэтому! А разве тебя не удивило и даже не возмутило, когда я не позволил Артуру поцеловать свою возлюбленную и отшвырнул его от нее, хотя она умирала? Разумеется, удивило! Но разве ты не видел, как она благодарила меня потом своим слабым голосом, взглядом своих прекрасных умирающих глаз, как она целовала мою грубую старую руку и просила о покое? Разумеется, видел! А разве ты не помнишь, как я поклялся ей исполнить ее просьбу и она спокойно закрыла глаза? Разумеется, помнишь! Так вот, у меня есть серьезные основания для того, что я намереваюсь сделать. Ты долгие годы верил мне, но в последние недели происходили такие странные явления, что в душу твою могло закрасться сомнение. Поверь мне еще немного, друг Джон. Если же ты больше не доверяешь своему старому профессору, тогда мне придется раскрыть тебе свои соображения, а это пока преждевременно и может обернуться к худшему. А без друга, его веры в меня мне будет очень одиноко и тяжело. Именно теперь я так нуждаюсь в помощи и поддержке! – Немного помолчав, он многозначительно добавил: – Друг Джон, впереди тяжелые дни. Так давай же будем верить друг другу, и тогда

мы добьемся успеха. Ты веришь мне?

Я пожал ему руку и обещал помочь. Не закрывая дверь своей комнаты, я смотрел ему вслед – он прошел по коридору к себе. Вслед за ним одна из служанок – она была спиной ко мне и не видела меня – тихо пробежала по коридору в комнату, где лежала Люси. Это тронуло меня. Преданность – редкое явление и невольно трогает, особенно по отношению к тем, кого мы любим. Бедная девушка, преодолев естественный страх смерти, хочет побыть у гроба любимой хозяйки…

Должно быть, я спал долго и крепко – было уже поздно, когда Ван Хелсинг разбудил меня. Подойдя к моей кровати, он сказал:

– Насчет инструментов можешь не беспокоиться – все отменяется.

– Почему?

– Потому, – ответил он жестко, – что уже слишком поздно – или слишком рано. Взгляни! Его ночью украли. – И показал мне свой золотой крестик.

– Как украли, – спросил я удивленно, – если он теперь у вас?

– Я отобрал его у служанки – эта негодная девчонка обокрала мертвых и живых. Она, конечно, будет наказана, но не мною, ибо не ведала, что творит, – думала, совершает лишь кражу. Теперь нам придется подождать.

С этими словами он вышел, задав мне новую загадку.

Утро прошло тоскливо, в полдень пришел стряпчий мистер Маркенд. Очень приветливый, он одобрил все, что мы сделали, и остальные заботы, вплоть до мелочей, взял на себя. Во время обеда он рассказал нам, что миссис Вестенра, зная о своей болезни и с некоторых пор ожидая смерти, привела свои дела в полный порядок и все состояние, движимое и недвижимое, завещала Артуру Холмвуду – все, кроме родового имения отца Люси, которое теперь, за отсутствием прямых наследников, перейдет к побочной ветви семьи.

– Честно говоря, – продолжал стряпчий развивать эту тему, – мы, как могли, старались воспрепятствовать такому завещанию, говорили ей о возможных ситуациях, при которых ее дочь может остаться без единого пенни или же лишенной свободы действий. В результате чуть не дошло до конфликта, миссис Вестенра даже прямо спросила, собираемся ли мы выполнить ее волю. Выбора у нас не было, и мы согласились, хотя в принципе наша правота подтверждается жизнью в девяноста девяти случаях из ста. Но такова была ее воля. Не оставь она такого распоряжения, после ее смерти все состояние перешло бы к ее дочери; но если бы та пережила мать хоть на пять минут, то вся ее собственность – при отсутствии завещания – досталось бы

наследникам по закону. В этом случае лорд Годалминг, хотя и был очень близким другом, не имел бы никаких имущественных прав. А родственники, даже самые дальние, едва ли из сентиментальных соображений отказались бы от своих прав ради постороннего человека. Уверяю вас, джентльмены, я рад такому результату.

Мы с Ван Хелсингом переглянулись: конечно, стряпчий неплохой человек, но речь все же идет о большой трагедии, и его радость по поводу частного дела, в котором он профессионально заинтересован, – наглядный пример ограниченной способности людей к пониманию и сочувствию.

Мистер Маркенд пробыл недолго и сказал, что зайдет попозже – повидать лорда Годалминга. Приход стряпчего немного отвлек и успокоил нас – по крайней мере, мы могли не бояться критики в свой адрес в связи с нашими распоряжениями в эти дни.

Артур должен был приехать к пяти часам. Мы зашли в спальню, ставшую настоящей усыпальницей, – теперь в ней лежали мать и дочь. Похоронных дел мастер приложил все свое искусство, и траурная атмосфера сразу подействовала на наше настроение. Однако Ван Хелсинг распорядился восстановить все, как было прежде, объяснив, что лорду Годалмингу будет легче увидеть сначала только свою невесту. Мастер расстроился из-за своей недогадливости и быстро исправил положение, так что к приезду Артура кое-что удалось смягчить.

Бедный Артур! Он был разбит и пребывал в отчаянии. Тяжкие переживания сказались даже на его мужественной внешности. Он был, я знаю, искренне привязан к отцу. Эта утрата – большой удар для него, да еще в такое время! Со мной он был, как всегда, сердечен, с Ван Хелсингом – очень любезен, но я почувствовал какое-то напряжение в нем. Профессор тоже заметил это и сделал мне знак, чтобы я проводил Артура наверх.

У дверей спальни я остановился, думая, что ему хочется побыть с Люси наедине, но он взял меня под руку и ввел в комнату, сказав упавшим голосом:

– Ты тоже любил ее, мой старый друг. Она мне все рассказала, говорила, что у нее не было лучшего друга, чем ты. Не знаю, как мне благодарить тебя за все, что ты сделал для нее. Я еще не могу… – Тут силы изменили ему, он обнял меня и заплакал: – О Джек! Джек! Что же мне делать! Как вдруг сразу жизнь отвернулась от меня, мне незачем больше жить!

Я утешал его, как мог. В таких случаях не нужно много слов.

Положить руку на плечо, обнять, вместе поплакать. Я тихо стоял и ждал, пока он успокоится, а потом мягко сказал:

– Пойдем посмотрим на нее.

Мы подошли к кровати, я откинул покрывало с ее лица. Господи! Как она была хороша! Казалось, с каждым часом красота ее расцветала. Это изумило и напугало меня. Артур же дрожал, как в лихорадке; в конце концов сомнение вкралось ему в душу. После долгого молчания он тихо прошептал:

– Джек, она действительно умерла?

С грустью я сказал ему, что это так; нужно было немедленно рассеять это ужасное сомнение, мне пришлось объяснить ему, что довольно часто у покойных черты лица смягчаются и даже восстанавливается их былая красота, особенно если смерти предшествовала острая болезнь. Артур опустился на колени, всматриваясь в лицо Люси. Потом я напомнил ему, что надо прощаться – начинаются приготовления к похоронам. Он поцеловал ее руку, затем, наклонившись, коснулся губами холодного лба. Уходя, обернулся и вновь посмотрел на свою невесту долгим, любящим взглядом.

Оставив его в гостиной, я сообщил Ван Хелсингу, что Артур простился с Люси. Профессор распорядился закрыть гроб и начать приготовления к похоронам. Когда я сказал ему, о чем спрашивал меня Артур, он ответил:

– Это меня не удивляет. Я сам только что на миг усомнился в ее смерти.

Мы обедали все вместе, я видел, что Артур старается держаться изо всех сил. Ван Хелсинг молчал весь обед и заговорил, лишь когда мы закурили сигары.

– Лорд… – начал было он, но Артур перебил его:

– Нет, нет, ради бога, не надо! По крайней мере, не теперь. Простите, сэр, не хочу вас обидеть, но я не могу слышать этот титул – моя рана слишком свежа.

– Я назвал вас так, – мягко пояснил профессор, – лишь потому, что не могу называть вас «мистер», ведь я полюбил вас – да, мой милый мальчик, я полюбил вас как… как Артура…

Молодой человек горячо пожал руку старика:

– Называйте меня как хотите. Надеюсь, за мной навсегда сохранится титул друга. И позвольте мне – я просто не нахожу слов – поблагодарить вас за ваше доброе отношение к моей бедной Люси. Я знаю, она очень ценила вас. И прошу вас простить меня, если я был

резок с вами или как-то проявил недовольство – помните, тогда?

Профессор кивнул и ответил очень доброжелательно:

– Знаю, как трудно вам было тогда понять меня. Чтобы поверить в необходимость такого поведения, нужно понимать его мотивы. Допускаю, что вы и теперь не вполне мне доверяете, поскольку по-прежнему не понимаете, в чем дело. Но возможны и другие ситуации, когда мне потребуется ваше доверие, а вы не будете понимать смысл моих действий. Однако придет время, и вы поймете – тьма отступит, и в солнечных лучах все тайное станет явным. Тогда вы будете благодарить меня – за себя, за других и за ту, чей покой я поклялся оградить.

– Конечно, конечно, сэр, – горячо заговорил Артур, – я во всем доверяю вам. Я знаю, вы – человек благородной души, вы друг Джека, вы были ее другом. Делайте все, что считаете нужным.

Профессор смущенно откашлялся:

– Могу ли я просить вас кое о чем?

– Конечно.

– Вы знаете, что миссис Вестенра оставила вам все свое состояние?

– О господи! Понятия не имел!

– Теперь все принадлежит вам, и вы вправе располагать всем по своему усмотрению. Я хочу, чтобы вы позволили мне ознакомиться с письмами и бумагами мисс Люси. Поверьте, это не праздное любопытство. У меня очень серьезные основания, и, несомненно, она бы это одобрила. Вот эти бумаги. Я взял их до того, как мне стало известно о ваших правах, – мне не хотелось, чтобы чужая рука коснулась их и чужой взгляд проник в ее душу. Если вы не против, я оставлю эти бумаги у себя. Даже вам я пока не хотел бы их показывать, но можете не сомневаться: у меня они будут в полной сохранности. Не пропадет ни одно слово. В свое время я верну их вам. Понимаю, что прошу очень многого, но вы не откажете… ради Люси?

Артур ответил со столь свойственной ему сердечностью:

– Профессор Ван Хелсинг, делайте все, что считаете необходимым. Я чувствую, что Люси одобрила бы мое решение. И не буду беспокоить вас вопросами, пока не настанет время.

Профессор встал и сказал очень веско:

– Вы поступаете правильно, нас ждет еще много страданий, и не только страданий. Всем нам, и в первую очередь вам, мой милый мальчик, предстоит пережить много горького, прежде чем мы вновь ощутим сладость жизни. Не стоит падать духом, надо исполнять свой долг, и все будет хорошо!

Эту ночь я спал на диване в комнате Артура. Ван Хелсинг вообще не ложился. Он ходил взад-вперед, точно охранял дом, и внимательно следил за комнатой, где в гробу лежала Люси, осыпанная белыми цветами чеснока, резкий запах которого смешивался в ночном воздухе с ароматом роз и лилий.

ДНЕВНИК МИНЫ ХАРКЕР

22 сентября. В поезде по дороге в Эксетер. Джонатан спит. Кажется, только вчера я сделала последнюю запись в дневнике. А сколь многое уже отделяет меня от жизни в Уитби, когда Джонатан был далеко и не подавал никаких вестей. Теперь я уже замужем за ним, он – стряпчий, богат, мистер Хокинс умер и похоронен, а у Джонатана – опасный приступ. Когда-нибудь, возможно, он станет расспрашивать меня об этом. Все проходит. Да, я, конечно, немного подзабыла стенографию, вот что делает с нами неожиданное богатство, так что полезно будет слегка освежить в памяти забытые навыки…

Похороны были очень простые, но торжественные. За гробом шли только мы, один-два его старых друга из Эксетера, лондонский агент фирмы и еще один джентльмен, представитель сэра Джона Пакстона, президента юридического общества. Мы с Джонатаном ощущали, что потеряли близкого человека, нашего лучшего друга…

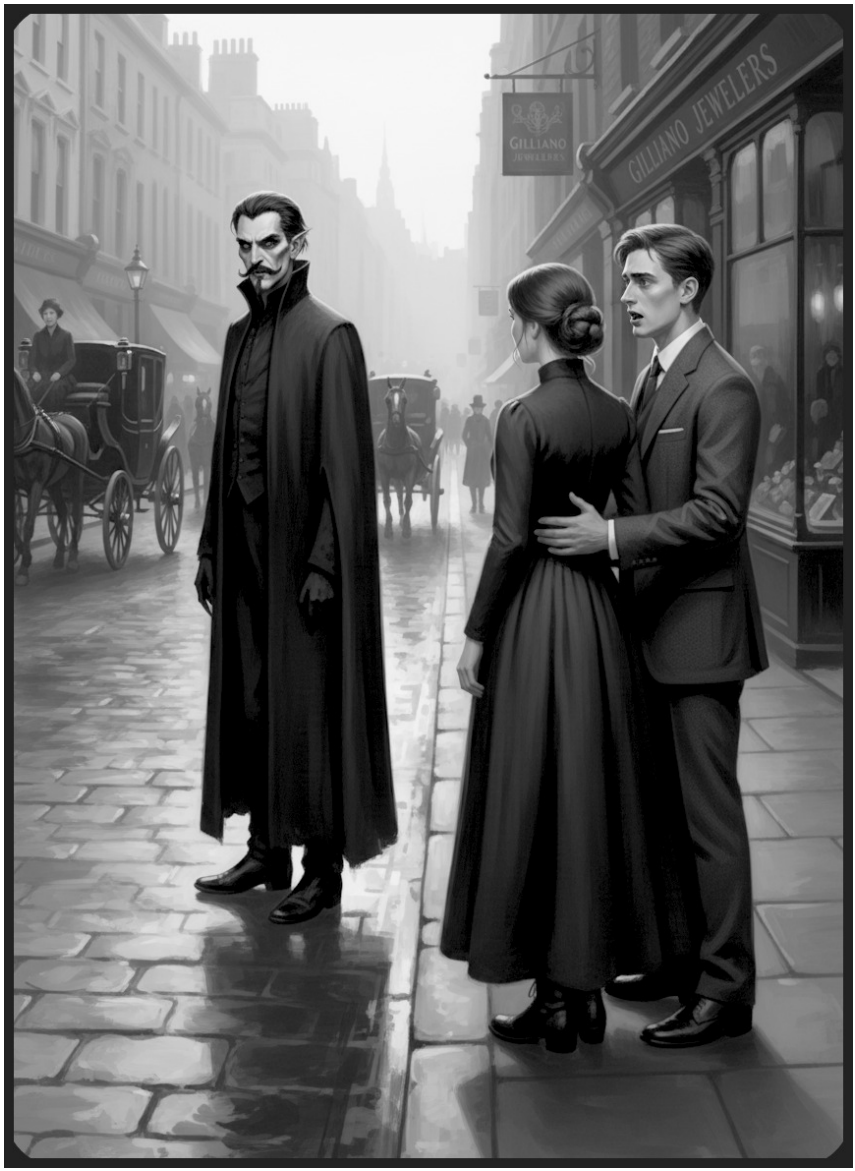
Потом мы вернулись в город, доехав автобусом до Гайд-парка. Джонатан решил, что мне будет интересно побыть немного в Роу[65]; мы посидели там, народу было мало, от пустовавших кресел веяло грустью. Они напомнили нам о пустом кресле дома. На сердце было тяжело. Мы встали и решили пройтись по Пикадилли. Джонатан держал меня за руку, как в былые времена, еще до моей работы в школе. Мне это казалось не совсем приличным – когда несколько лет учишь девушек правилам хорошего тона, невольно сама становишься чопорной, – но я не стала возражать: все-таки это был Джонатан, мой муж, а вокруг лишь незнакомые люди. Так мы и шли, держась, как дети, за руки. Я засмотрелась на очень красивую девушку в шляпе с широкими полями, сидевшую в двухместном экипаже у магазина Гильяно.

Вдруг Джонатан до боли сжал мне руку и прошептал:

– О господи!

Я в постоянной тревоге за него, боюсь, как бы какое-нибудь волнение не вызвало рецидива болезни. Моментально повернувшись к нему, я спросила, что случилось.

Побледнев, Джонатан во все глаза, изумленно и испуганно, смотрел на высокого худого человека с крючковатым носом, черными усами и острой бородкой, пристально глядевшего на ту же хорошенькую барышню и не замечавшего нас. Поэтому я смогла хорошо разглядеть его. Лицо у него было недоброе, жестокое, чувственное, крупные белые зубы, казавшиеся еще белее от ярко-красных губ, больше походили на зубы хищного зверя, чем человека. Джонатан не спускал с него глаз, и я испугалась, как бы тот не заметил: ему это могло не понравиться, а вид у него был очень агрессивный. Я вновь спросила Джонатана, что его так взволновало, и он ответил, явно уверенный, что я все знаю так же, как и он:



– Разве не видишь, кто это?

– Нет, дорогой, я его не знаю. Кто это?

Его ответ поразил и взволновал меня – казалось, он не сознает, что разговаривает со мной:

– Это Он!

Бедняжка был явно потрясен и напуган; не поддержи я его, он бы, наверное, просто упал. Не отрываясь, Джонатан смотрел на этого

человека. В это время какой-то господин вышел из магазина с небольшим пакетом, передал его девушке, и она уехала. Человек, привлекший внимание моего мужа, увидев, что ее экипаж поехал по Пикадилли, быстро нанял извозчика и последовал за нею. Джонатан проводил его взглядом и сказал как бы про себя:

– Кажется, это граф, но он очень помолодел. Господи боже мой! Если б я был уверен! Если б я был уверен!

Он был так взвинчен, что я побоялась его расспрашивать. И потихоньку увела его в Грин-парк. День был довольно жаркий для осени, мы нашли скамейку в тени. Джонатан сидел, уставившись в пространство, потом глаза его закрылись, и, положив голову мне на плечо, он заснул. По-моему, это было лучшее лекарство для него. Минут через двадцать он проснулся и весело сказал мне:

– Что это, Мина, неужели я заснул? Прости, пожалуйста. Пойдем попьем чаю где-нибудь.

Похоже, он совершенно забыл о мрачном незнакомце, как во время болезни забыл все, что с ним произошло. Мне не нравится эта забывчивость. Вероятно, она – следствие болезни. Расспрашивать его я не буду – боюсь причинить этим больше вреда, чем пользы. Но все-таки мне нужно выяснить, что же случилось с ним за границей. Боюсь, наступило время распечатать заветный пакет и прочитать хранящийся в нем дневник. О, Джонатан, я уверена, ты простишь мне – я делаю это ради тебя.

Позже. Печальное во всех отношениях возвращение домой – дом опустел, нет больше нашего друга. Джонатан еще бледен и слаб после небольшого рецидива болезни. А тут еще телеграмма от некоего Ван Хелсинга:

«С прискорбием сообщаю, что пять дней назад скончалась миссис Вестенра, а позавчера – Люси. Обеих похоронили сегодня».

О, какое горе в нескольких словах! Бедная миссис Вестенра! Бедная Люси! Ушли, ушли – и больше никогда не вернутся к нам! Бедный, бедный Артур – какая страшная утрата для него! Господи, помоги нам перенести это горе!

ДНЕВНИК ДОКТОРА СЬЮВОРДА

22 сентября. Все закончилось. Артур уехал в Ринг с Квинси Моррисом. Какой же Квинси хороший человек! В глубине души он, наверное, переживает смерть Люси не меньше нас, но держится как настоящий викинг. Если Америка будет и дальше рождать таких людей, она, несомненно, станет мировой державой. Ван Хелсинг

прилег отдохнуть – вечером он едет в Амстердам, но обещает вернуться завтра к вечеру; у него там дела, которые требуют его личного участия. Вернувшись, он остановится у меня – ему, видно, придется подольше побыть в Лондоне.

Бедный старик! Боюсь, напряжение последней недели подорвало даже его железные силы. Во время похорон, я видел, он едва держался. После траурной церемонии, когда мы окружили Артура, молодой человек вдруг вспомнил о переливании крови. Ван Хелсинг то краснел, то бледнел. Артур говорил, что с тех пор у него такое чувство, будто они с Люси действительно женаты, она – его жена перед Богом. Никто из нас ни слова не сказал – и не скажет – о тех переливаниях, в которых принимали участие мы.

Артур и Квинси уехали на вокзал, а мы с Ван Хелсингом – ко мне. Как только мы с ним остались в экипаже одни, профессор впал в настоящую истерику – позднее он отрицал, что это была истерика, уверял, что так в критических обстоятельствах проявляется его чувство юмора. Он смеялся до слез, мне пришлось задернуть занавески, чтобы никто нас не увидел. Потом вдруг заплакал, но его слезы тут же перешли в смех – Ван Хелсинг плакал и смеялся одновременно, обычно так бывает у женщин. Я попробовал быть с ним построже – с женщинами это иногда помогает, – но безрезультатно. У мужчин и женщин нервные срывы протекают по-разному! Наконец он успокоился, посерьезнел, и я спросил его, с чего бы такое веселье, да еще в такое время? Ответ был вполне в его духе – логичен, убедителен и таинственен:

– О, ты не понимаешь, друг Джон. Не думай, что мне весело, хотя я и смеюсь. Видишь, я плакал, хотя смех душил меня. Но не думай, что твой профессор целиком охвачен скорбью, когда плачет, ведь я и смеялся тоже. Всегда помни, что смех, который стучит в твою дверь и спрашивает: «Можно войти?» – не подлинный смех. Нет! Истинный Смех – король и приходит туда и тогда, куда и когда ему вздумается. Он не выбирает удобное время, а лишь сообщает: «Я здесь». Например, я очень переживаю из-за этой милой девушки, которой принес в жертву свою давно не молодую кровь, хотя я уже стар, свое время, умение, сон, оставил других своих пациентов. И все же у ее могилы, когда глина ударяется о гроб: «бух! бух!», я могу засмеяться. Другой пример: у меня болит сердце за этого бедного милого мальчика – он был бы одного возраста с моим сыном, если бы тот был жив, у них одинаковые волосы и глаза… теперь ты знаешь, почему я его так люблю. Но даже когда он говорит нечто, трогающее мое отцовское

сердце, – с тобой, мой друг Джон, мы на равных, наши отношения нельзя назвать родственными, – даже в такой момент ко мне приходит король Смех и кричит мне прямо в ухо: «А вот и я! Вот и я!» О друг Джон, это странный мир, печальный мир, мир, полный страданий, горя и скорби, и все же когда приходит король Смех, он заставляет сию печальную юдоль плясать под свою шутовскую дудку. Кровоточащие сердца, иссохшие кости на кладбище, мучительные страсти – все пускаются в пляс, едва заслышав его игру. И поверь мне, друг Джон, хорошо, когда он приходит. Все мы, и мужчины и женщины, живем напряженно, мы как туго натянутые канаты, которые дергают из стороны в сторону. Наши слезы подобны дождю, который, намочив веревки, лишь растягивает их до предела, а король Смех приходит как солнце, снимает напряжение, и мы возвращаемся к своим повседневным заботам.

И все-таки я не совсем понял, почему он смеялся, и спросил его об этом прямо. Ван Хелсинг сразу посуровел и ответил в совершенно иной тональности:

– Меня рассмешила мрачная ирония происходившего: прекрасная леди, вся в цветах, как живая, так что мы даже усомнились, в самом ли деле она умерла, лежит рядом с любимой матерью в дивном мраморном склепе на уединенном кладбище, где покоятся многие ее родственники; церковный колокол так печально и мерно звонит: «Бом, бом, бом!»; священники в белых ангельских одеждах делают вид, что читают святые книги, а сами даже не заглядывают в них: мы же стоим, склонив головы. А зачем все это? Ведь она умерла, что ни говори… Разве нет?

– Хоть убейте, профессор, – воскликнул я, – не вижу ничего смешного во всем этом. Ваше объяснение совсем сбило меня с толку. Но даже если в церемонии похорон было что-то комичное, то что вы скажете о горе несчастного Артура? Ведь его сердце разбито.

– Вот именно. Но не он ли сказал, что после того, как его кровь перелилась в ее вены, она – его жена перед Богом?

– Да, и это его очень утешает.

– Совершенно верно. Но есть небольшое осложнение, друг Джон. Если так, то как же быть с остальными? Хо-хо! Тогда у этой славной девушки несколько мужей. А я в таком случае, обвенчанный со своей покойной женой, становлюсь двоеженцем.

– Не вижу и в этом ничего смешного, – сухо заметил я; мне вообще не понравилось все сказанное им.

Ван Хелсинг положил руку мне на плечо:

– Друг Джон, прости меня, если делаю тебе больно. Я мог изложить эти соображения только такому старому доброму другу, как ты, потому что я тебе доверяю. Если бы ты заглянул в мою душу тогда, когда меня одолевает король Смех, или же сейчас, когда эта царственная особа покидает меня очень-очень надолго, может быть, ты и пожалел бы меня.

– Но отчего это? – спросил я, тронутый его душевной, доверительной интонацией.

– Оттого, что мне кое-что известно!

Теперь нас всех разбросало в разные стороны, одиночество осенило своим крылом крыши наших домов. Люси – вдали от шумной лондонской толпы, в фамильном склепе, роскошной обители смерти, на уединенном кладбище, где воздух свеж, солнце освещает Хампстед и привольно растут дикие цветы.

Итак, заканчиваю свой дневник, и один лишь Бог знает, начну ли новый. Если начну или как-нибудь открою этот, то уже в связи с другими темами и другими людьми, ибо романтический этап моей жизни закончился, я возвращаюсь к работе и с грустью, без надежды на лучшие времена говорю:

«Finis».

«ВЕСТМИНСТЕРСКАЯ ГАЗЕТА»

ОТ 25 СЕНТЯБРЯ

ТАЙНЫ ХАМПСТЕДА

В окрестностях Хампстеда происходят события, уже знакомые нам по аналогичным историям, опубликованным в газетах под заголовками «Ужасы Кенсингтона», «Женщина-убийца», «Женщина в черном». В последние два-три дня отмечены несколько случаев, когда дети надолго пропадали из дому и возвращались с прогулок очень поздно. Во всех этих случаях пострадавшие слишком малы, чтобы связно рассказать о приключившемся с ними, но все они говорили, что их «фея заманила». Происходило это обычно по вечерам, а в двух случаях детей нашли лишь на следующее утро. В округе считают, что малыши повторяют версию первого заблудившегося ребенка. Это наиболее естественное объяснение, поскольку их любимая игра – заманивать друг друга в лес различными хитростями. Как рассказывает наш корреспондент, очень забавно наблюдать этих крох, изображающих «фею-соблазнительницу». Даже Эллен Терри[66], по его простодушному замечанию, не так неотразимо очаровательна, как эти чумазые ребятишки в роли «феи». Тут есть чему поучиться карикатуристам, – редко когда ирония гротеска столь ярко высвечивает реальность, считает он.

Однако, вполне возможно, все не так просто, ибо у детей, которые пропадали ночью, оказались ранки на шее, как после укуса крысы или маленькой собачки. Укусы эти, вроде бы неопасные, сделаны неизвестно каким животным, но в весьма характерной манере. Полиции дано указание отыскивать заблудившихся детей и бродячих собак в районе Хампстед-Хит.

«ВЕСТМИНСТЕРСКАЯ ГАЗЕТА»

ОТ 25 СЕНТЯБРЯ

Экстренный выпуск

УЖАСЫ ХАМПСТЕДА

Нам только что сообщили, что вчера вечером пропал еще один ребенок. Его нашли утром в кустах утесника на Шутерском холме, в самой безлюдной части парка Хампстед-Хит. У малыша такая же ранка на шее, как и у других детей. Ребенок был очень слаб, совершенно без сил. Немного оправившись, он рассказал все ту же историю о заманившей его «фее».

Глава XIV

ДНЕВНИК МИНЫ ХАРКЕР

23 сентября. Джонатан чувствует себя лучше. Я так рада, что работа отвлекает его от ужасных мыслей и воспоминаний. Особенно радует то, что он легко справляется с новыми обязанностями. Не сомневаюсь, Джонатан обретет свою былую уверенность, я горжусь им. Он вернется сегодня поздно – предупредил, что обедает не дома. Домашние дела я уже сделала; пожалуй, закроюсь у себя в комнате и прочту его заграничный дневник…

24 сентября. Не хватило духу писать что-либо вчера – так поразил меня дневник Джонатана. Ненаглядный мой бедняжка! Не знаю, правда ли все это или фантазия, – но как он страдал! Конечно, мне бы хотелось знать, что было на самом деле. То ли в описаниях всех этих кошмаров сказалось воспаление мозга, то ли… Боюсь, я так и не узнаю, у него же не решусь спросить. А мрачный человек, которого мы встретили вчера!.. Бедный Джонатан! Наверное, его расстроили похороны, направив его мысли в печальное русло… Но сам он верит во все это. Помню, в день нашей свадьбы он сказал: «Лишь высший долг может заставить меня вернуться к тем мучительным часам моей жизни, во сне или наяву, в безумии или здравом уме».

Несомненно, тут есть связь, последовательность… Этот ужасный граф собирался в Лондон… А вдруг он уже приехал со своими миллионами?.. Да, очень может быть, что высший долг и призовет нас… Что ж, буду готова. Немедленно начну расшифровывать стенографические записи и печатать их на машинке. Потом, если потребуется, найдем и другие свидетельства. И быть может, тогда мне удастся уберечь Джонатана – я смогу выступать от его имени, не дам ему волноваться, нервничать. А позднее, когда он совсем придет в себя, возможно, сам расскажет мне все, тогда-то я и расспрошу его, все

выясню и пойму, как можно ему помочь.

ПИСЬМО ВАН ХЕЛСИНГА – МИССИС МИНЕ ХАРКЕР

Дорогая миссис Харкер, прошу прощения за то, что, не будучи близким другом, взял на себя миссию послать вам печальную весть о смерти Люси Вестенра. С разрешения лорда Годалминга, глубоко обеспокоенный некоторыми жизненно важными обстоятельствами, я прочитал ее бумаги и нашел среди них ваши письма, свидетельствующие о том, что вы были близкими подругами и что вы ее очень любите. О миссис Мина, во имя этой любви, умоляю вас помочь мне! Прошу ради блага других людей – для исправления великого зла, предотвращения ужасных бед, которые могут оказаться гораздо значительнее, чем это представляется. Могу ли я увидеть вас? Пожалуйста, не сомневайтесь во мне. Я – друг доктора Джона Сьюворда и лорда Годалминга (известный вам по письмам мисс Люси как Артур). Пока что мне хотелось бы сохранить наше знакомство в тайне от всех. Готов приехать в Эксетер, как только вы сообщите мне, где и когда я могу иметь удовольствие встретиться с вами. Умоляю простить меня за то, что тревожу вас. Но я прочитал ваши письма к бедной Люси и понял, какой вы милый, добрый человек и как страдает ваш муж; поэтому прошу вас ничего не сообщать ему, чтобы никоим образом не беспокоить его. Еще раз поймите и простите меня.

Ван Хелсинг

ТЕЛЕГРАММА МИССИС ХАРКЕР – ВАН ХЕЛСИНГУ

25 сентября. Приезжайте сегодня поездом десять пятнадцать, если успеете. Жду вас в любое время. Вильгельмина Харкер.

ДНЕВНИК МИНЫ ХАРКЕР

25 сентября. Очень волнуюсь перед приездом Ван Хелсинга: может быть, он хоть как-то прояснит странное приключение Джонатана и расскажет мне о Люси – ведь он наблюдал ее во время болезни. Впрочем, его приезд, скорее всего, связан с Люси и ее лунатизмом, а не с Джонатаном. Да, конечно, я никогда теперь не узнаю правду! Господи, как я глупа. У меня не выходит из головы этот ужасный дневник. Разумеется, профессор приезжает из-за Люси. Давняя привычка, вернувшаяся к бедняжке, и та страшная ночь на утесе – тогда она, наверное, и заболела. Уйдя в свои заботы, я почти забыла о ее страданиях. Вероятно, Люси рассказала ему о своем ночном приключении на утесе и моем участии в нем, и, похоже, он

хочет разобраться в этом. Поступила ли я правильно, ничего не сказав миссис Вестенра? Никогда бы не простила себе, если бы хоть чем-то повредила моей милой бедной подруге. Надеюсь, профессор Ван Хелсинг не будет меня винить. Я столько пережила в последнее время, что чувствую – большего не вынесу.

Иногда просто необходимо поплакать, становится легче – так свежеет воздух после дождя. Возможно, меня выбил из колеи дневник Джонатана, а может быть, и его отъезд по делам – это наше первое после свадьбы расставание. Очень надеюсь, что у него все пройдет хорошо и ничто его не растревожит. Уже два часа. Скоро приедет профессор. Ничего не буду говорить ему о дневнике Джонатана, если он сам не спросит. Я так рада, что напечатала на машинке свой дневник; если он заговорит о Люси, просто дам ему свои записи, это избавит меня от лишних расспросов.

Позднее. Был и ушел. Какая необычная встреча, у меня голова идет кругом! Я как во сне. Реально ли все это… или хотя бы часть? Если бы я не читала раньше дневник Джонатана, ни за что бы не поверила, что такое возможно. Бедный, бедный, милый Джонатан! Сколько же он пережил! Господи, не допусти этого вновь! Постараюсь уберечь его. Впрочем, если его преследуют сомнения и он наконец узнает, что глаза и уши его не обманывали, что все – правда, может быть, ему станет легче. Я догадывалась, что профессор Ван Хелсинг очень хороший и умный человек, раз он друг Артура и доктора Сьюворда и они сочли необходимым пригласить его из Голландии для лечения Люси. Но теперь я и сама убедилась, что он действительно хороший, добрый, благородный человек. Завтра он придет снова, посоветуюсь с ним насчет Джонатана; бог даст, и все эти тревоги наконец кончатся. Когда-то я думала, что буду вести дневник по принципу интервью. Друг Джонатана из «Эксетерских новостей» говорил ему, что для интервью главное – память, нужно уметь точно воспроизвести почти каждое слово, даже если потом слегка и отредактируешь текст. По-моему, нашу встречу с профессором можно было бы оформить как замечательное интервью, попытаюсь привести состоявшийся между нами диалог дословно.

В половине третьего раздался стук в дверь. Мэри доложила, что пришел профессор Ван Хелсинг. Я поздоровалась с ним.

Он среднего роста, крепкого сложения, широкоплечий. Производит впечатление человека умного, властного, волевого. Лицо чисто выбритое, с массивным квадратным подбородком, большим, решительным, подвижным ртом, довольно крупным прямым носом,

густыми бровями, широким и благородным покатым лбом. Рыжеватые волосы зачесаны назад, широко поставленные большие темно-синие глаза очень выразительны, и взгляд то ласков, то суров.

– Миссис Харкер?

Я кивнула.

– Бывшая мисс Мина Меррей?

Я снова кивнула.

– Я пришел к Мине Меррей, подруге Люси Вестенра. Собственно, из-за нее я и пришел.

– Сэр, – сказала я, – для меня нет лучшей рекомендации, чем то, что вы были другом Люси, – и протянула ему руку.

Профессор взял ее и очень мягко заверил:

– О мадам Мина, я не сомневался, что у этой бедной милой девушки замечательная подруга, но реальность превосходит ожидания… – И он учтиво поклонился.

Я спросила, зачем он хотел меня видеть, и профессор сразу приступил к делу:

– Я прочел ваши письма к мисс Люси, и мне захотелось кое-что уточнить. Знаю, вы были с нею в Уитби. Она время от времени вела дневник – не удивляйтесь. После вашего отъезда она начала вести дневник, последовав вашему примеру. Среди прочего она пишет в нем о своей лунатической прогулке и о том, как вы спасли ее. Я обращаюсь к вам с просьбой не отказать мне в любезности и поведать о том, что помните.

– Думаю, доктор, я смогу рассказать вам все.

– Ах вот как! У вас прекрасная память на факты и детали? Это не так часто встречается у молодых дам.

– Нет, доктор, просто я все записала тогда. Могу, если хотите, показать вам.

– О мадам Мина, буду очень признателен, вы окажете мне большую услугу.

Я не устояла перед соблазном слегка озадачить его – это, наверное, чисто женское свойство – и подала ему стенографический дневник.

Он благодарно поклонился:

– Вы позволите мне прочесть его?

– Если желаете, – ответила я притворно-застенчиво.

Профессор открыл дневник – и лицо его изменилось. Он встал и вновь поклонился:

– О, какая вы умница! Я знал, что Джонатан – образованный человек; оказывается, у его жены те же достоинства. Но не будете ли

вы так любезны помочь мне расшифровать его? Увы! Я не владею стенографией.

Тут я поняла, что на этом вся моя шутка и кончается; мне стало неловко, я достала из рабочей корзинки перепечатанный на машинке экземпляр.

– Простите, я нечаянно перепутала. Я еще раньше думала о том, что вам, может быть, захочется расспросить о бедной Люси, а времени у вас мало, – вот я и напечатала все на машинке.

– Как вы добры, – сказал он, и глаза его просветлели. – Не позволите ли вы мне прочесть его сразу? У меня могут возникнуть вопросы по ходу чтения.

– Конечно. Пожалуйста, читайте, а я пока распоряжусь насчет ланча, за которым вы сможете задать мне вопросы.

Ван Хелсинг поклонился и, устроившись в кресле спиной к свету, углубился в чтение. Я же вышла – главным образом для того, чтобы не мешать ему. Когда я вернулась, он взволнованно ходил взад и вперед по комнате. Бросившись ко мне, он взял меня за руки:

– О, если б вы знали, чем я вам обязан! Эти записки – как луч солнца. Они все объясняют. Я ошеломлен, ослеплен – столько света! Хотя там, дальше, и собираются тучи. Но вам этого не видно. Ах, как я благодарен вам, какая же вы умница! Сударыня, если когда-нибудь Абрахам Ван Хелсинг сможет быть чем-то полезен вам или членам вашей семьи, надеюсь, вы дадите мне знать. Сочту за удовольствие помочь вам как друг. Сделаю для вас все, что в моих силах. Есть люди темные и светлые, вы излучаете свет. И жизнь ваша будет светлой и счастливой, а ваш муж будет счастлив – благодаря вам.

– Но, профессор, вы переоцениваете меня – ведь вы меня не знаете.

– Не знаю вас? Я, старик, всю жизнь изучавший людей; я, исследовавший мозг человека и различные его проявления! Я прочитал ваш дневник, который вы любезно перепечатали для меня, каждая строка в нем дышит истиной. Я, прочитавший ваше милое письмо к бедной Люси о вашей свадьбе, – и я не знаю вас! О мадам Мина, то, что рассказывают о себе добрые женщины, можно читать и ангелам. Вы благородны, как и ваш муж, вы доверяете людям, а люди низкие недоверчивы. Расскажите-ка мне о своем муже. Он уже окончательно поправился? Лихорадка прошла бесследно?

Я воспользовалась возможностью поговорить о Джонатане:

– Он почти совсем поправился, но смерть мистера Хокинса выбила его из колеи.

– О да, знаю, знаю. Читал ваши последние письма.

– Думаю, кончина этого человека сильно расстроила его, потому что, когда в прошлый четверг мы были в Лондоне, у него снова случился приступ.

– Так быстро после воспаления мозга! Это очень нехорошо. А что за приступ?

– Ему показалось, что он видел кого-то, напомнившего ему о чем-то ужасном – о том, что, собственно, и привело его к болезни.

Тут я не выдержала. Все разом нахлынуло на меня – и жалость к Джонатану, и пережитый им кошмар, и страшная тайна его дневника, и страх, не покидавший меня с тех пор. Со мной случилась настоящая истерика – я бросилась на колени и умоляла вылечить моего мужа. Профессор Ван Хелсинг взял меня за руки, поднял и, усадив на диван, сел рядом. Потом очень сердечно сказал:

– Я одинок, всегда очень много работал, и времени для дружбы оставалось мало. Но с тех пор, как мой друг Джон Сьюворд вызвал меня сюда, я узнал столько хороших людей, видел столько благородства, что теперь больше прежнего ощущаю свое одиночество. Уверяю вас в своей бесконечной преданности – вы вселили в меня надежду: все-таки остались женщины, делающие жизнь счастливой, и сама их жизнь служит хорошим примером для детей. Я рад, очень рад,

что могу быть полезным вам; если болезнь вашего мужа в моей компетенции, сделаю все, что в моих силах, чтобы он был здоров, мужествен и вы – счастливы. А теперь вам нужно подкрепиться. Вы переволновались и, возможно, излишне тревожитесь. Джонатану не понравится, что вы так бледны. А все, что ему не нравится в тех, кого он любит, ему не на пользу. Поэтому вам ради него нужно поесть и улыбнуться. Теперь я знаю все о Люси, и мы больше не будем говорить об этом, чтобы не расстраиваться. Я переночую в Эксетере – хочу обдумать, что вы мне сообщили, а потом, если позволите, задам вам еще несколько вопросов. Кстати, вы должны рассказать мне о болезни вашего Джонатана… а теперь время ланча.

Когда мы вернулись в гостиную, он кивнул мне:

– Так расскажите же мне все о нем.

Мне стало страшно: этот серьезный ученый решит, что я слабоумная дурочка, а Джонатан – сумасшедший, ведь дневник его такой странный. Я было заколебалась, но, подумав о его доброте и обещании помочь, все-таки начала:

– Профессор, мой рассказ будет столь странным, что прошу вас не смеяться надо мной или моим мужем. Со вчерашнего дня я сама то ли в сомнении, то ли в лихорадке, но будьте снисходительны, не считайте меня наивной простушкой из-за того, что я хоть в какой-то мере поверила в возможность столь странных явлений.

Он успокоил меня:

– О моя дорогая, если бы вы знали, по какому странному поводу нахожусь здесь я, то смеялись бы вы. Я умею уважать чужие мнения, какими бы они ни были, и открыт любым явлениям жизни, кроме разве что явного бреда.

– Благодарю вас, бесконечно благодарю! Вы сняли груз с моей души. Если вы не против, я дам вам прочесть одну тетрадь. Она довольно большая, я перепечатала ее на машинке. Это копия дневника, который Джонатан вел за границей, там описано все, что с ним произошло. Я не рискну ничего говорить вам о нем сейчас. Прочтете сами и рассудите. И тогда, возможно, будете так любезны, что поделитесь со мной своим мнением.

– Обещаю. Если позволите, я зайду завтра утром навестить вас и вашего мужа.

– Джонатан будет дома в половине двенадцатого, приходите к ланчу, и вы познакомитесь с ним. Потом можно успеть на скорый поезд в три тридцать четыре, вы будете в Лондоне около восьми.

Профессор был удивлен тем, что я знаю наизусть расписание

лондонских поездов, а я просто выписала для Джонатана те, которые могут ему понадобиться.

Ван Хелсинг взял бумаги и ушел, а я сижу и думаю – сама не знаю о чем.

ПИСЬМО ВАН ХЕЛСИНГА – МИССИС ХАРКЕР

25 сентября, 6 часов вечера

Дорогая мадам Мина!

Я прочитал поразительный дневник вашего мужа. Вы можете не мучить себя сомнениями. Хоть все это необычно и страшно, но – совершенная правда. Ручаюсь головой! Возможно, это и опасно для кого-то, но не для вас с мужем. Он смелый человек, и смею вас уверить (а я знаю людей), что у того, кто способен спуститься по стене и проникнуть в комнату хозяина замка, да еще проделать это дважды, потрясение не может иметь длительных последствий. Его мозг и сердце не повреждены, за это я ручаюсь, даже не видев его, так что не волнуйтесь. Мне необходимо о многом расспросить его. Я счастлив, что повидал вас сегодня: узнал сразу так много нового, что просто ошеломлен – ошеломлен больше прежнего и должен все обдумать.

Преданный вам Абрахам Ван Хелсинг

ПИСЬМО МИССИС ХАРКЕР – ВАН ХЕЛСИНГУ

25 сентября, 6.30 вечера

Милый профессор Ван Хелсинг!

Бесконечно благодарна вам за письмо, так облегчившее мне душу. Но неужели это правда и такие кошмары возможны в жизни? Какой же ужас, если этот господин, это чудовище действительно в Лондоне! Страшно даже подумать об этом. Только что получила телеграмму от Джонатана: он выезжает вечером в 18.25 из Лаунстона и будет здесь сегодня же в 22.18. Поэтому, если это не слишком рано для вас, пожалуйста, приходите к нам завтракать к восьми утра. Вы сможете уехать, если торопитесь, поездом в 10.30, прибывающим в Лондон в 14.35.

Если вас это устраивает, можно не отвечать на письмо, тогда я просто жду вас к завтраку.

Ваш верный, благодарный вам друг Мина Харкер

ДНЕВНИК ДЖОНАТАНА ХАРКЕРА

26 сентября. Думал, с дневником покончено навсегда, но ошибся. Вчера я вернулся домой, мы с Миной поужинали, и она рассказала мне

о визите Ван Хелсинга, о том, что отдала ему оба наших дневника, о своей тревоге за меня. Она показала мне письмо профессора, подтверждающее достоверность всех записей в дневнике. Я буквально воспрянул духом. Именно сомнение в реальности происшедшего со мной лишило меня опоры. Я ощущал себя обессиленным, блуждающим в темноте, подавленным. Но теперь, когда я уверен, мне никто не страшен, даже граф. Видимо, он все-таки осуществил свои намерения и приехал в Лондон, похоже, его-то я и видел. Он помолодел, но каким образом? Возможно, Ван Хелсинг как раз тот человек, который сможет выследить его и разоблачить, если он в самом деле таков, как описывает его Мина. Мы просидели допоздна, обсуждая все это.

Утром, пока Мина одевалась, я отправился в гостиницу за Ван Хелсингом…

Кажется, он удивился моему приходу. Когда я представился, он, взяв меня за плечо, повернул к свету и, вглядевшись, произнес:

– Мадам Мина сказала мне, что вы были больны, перенесли потрясение.

Так забавно слышать, что этот добрый старик с волевым лицом называет мою жену «мадам Мина»! Я улыбнулся и ответил:

– Я был болен, перенес потрясение, но вы уже вылечили меня.

– Каким образом?

– Своим вчерашним письмом Мине. Меня мучали сомнения, все казалось нереальным, я не знал, чему верить, не верил даже собственным чувствам и был растерян. В результате мне не оставалось ничего другого, как идти проторенной дорогой – работать в привычном русле, но это меня не удовлетворяло, я потерял себя. Профессор, вы не представляете себе, что это значит – сомневаться во всем, даже в самом себе. Нет, вы не можете себе этого представить… у вас такое лицо…

Явно польщенный, Ван Хелсинг рассмеялся:

– Значит, вы – физиономист. Здесь каждый час я открываю для себя что-то новенькое. С большим удовольствием позавтракаю у вас. О, сэр, извините меня, старика, но должен вам сказать: вы счастливый человек, вам очень повезло с женой.

Похвалы Мине я готов слушать целый день, поэтому просто кивнул и возражать не стал.

– Такие женщины сотворены рукой самого Господа, чтобы показать людям: рай действительно существует и путь туда никому не заказан. Она такая искренняя, милая, благородная, заботливая, а это,

позвольте вам заметить, в наш эгоистичный и скептический век большая редкость. Я читал ее письма к бедной Люси, там говорится и о вас; я и раньше был о вас наслышан, но по-настоящему узнал вас лишь вчера. Позвольте вашу руку, и будем друзьями.

Мы пожали друг другу руки. Он был так серьезен и сердечен, что тронул меня до глубины души.

– А теперь, – сказал профессор, – могу ли я попросить вас о помощи? Мне предстоит трудное дело, и для начала нужно многое выяснить. Вы можете помочь мне в этом. Не могли бы вы рассказать, что предшествовало вашей поездке в Трансильванию? Позднее мне может понадобиться ваша помощь и другого характера, но пока достаточно этого.

– Скажите, сэр, – спросил я, – ваши намерения имеют какое-то отношение к графу?

– Да, – ответил он многозначительно.

– Тогда я к вашим услугам всей душой и телом. У меня есть кое-какие бумаги, но, если вы едете поездом в 10.30, вы не успеете прочесть их здесь, пожалуйста, возьмите их с собой и прочитайте в поезде.

После завтрака я проводил его на вокзал. Прощаясь, профессор спросил:

– А смогли бы вы с женой приехать в Лондон, если я вас попрошу?

– Конечно, мы приедем.

Я купил ему местные утренние и вчерашние лондонские газеты. Пока мы переговаривались через окно вагона, он небрежно перелистывал их. Вдруг что-то привлекло его внимание в «Вестминстерской газете» – я узнал ее по цвету. Ван Хелсинг побледнел, читая что-то, и тихо простонал:

– Боже мой! Боже мой! Так быстро!

Кажется, в эту минуту он забыл обо мне. Тут раздался свисток, поезд тронулся. Это заставило его опомниться, он высунулся из окна и помахал мне рукой:

– Привет мадам Мине. Напишу при первой же возможности.

ДНЕВНИК ДОКТОРА СЬЮВОРДА

26 сентября. Поистине конца не существует. Не прошло и недели, как я сказал себе «Finis», и вот вновь начинаю, или, точнее, продолжаю свои записи. До сегодняшнего дня у меня не было необходимости возвращаться к ним. Ренфилд стал вполне вменяемым. Покончил с мухами, занялся пауками и не доставлял мне никаких

хлопот. Я получил письмо от Артура, написанное в воскресенье; судя по всему, он держится молодцом. Его очень поддерживает Квинси Моррис, вот уж у кого энергия бьет ключом. Квинси тоже сделал краткую приписку: «Артур приходит в себя». За них я спокоен. Сам я с прежним энтузиазмом вернулся к работе, так что, пожалуй, рана, нанесенная мне бедной Люси, начала затягиваться. Но только что она вновь открылась. И лишь Господь знает, чем все это кончится. Мне кажется, знает и Ван Хелсинг, но приоткрывает он завесу лишь время от времени.

Вчера профессор ездил в Эксетер и ночевал там, а сегодня в половине шестого ворвался ко мне и сунул в руки вчерашнюю «Вестминстерскую газету».

– Что скажешь об этом? – спросил он, скрестив руки на груди.

Я просмотрел газету, но не понял, что он имеет в виду. Тогда Ван Хелсинг указал мне на статью о детях, которых заманивали в лес. Это ни о чем мне не говорило, пока я не дошел до того места, где описывались крохотные ранки у них на шее. Вот оно в чем дело! Я взглянул на профессора.

– Ну что? – спросил он.

– Ранки, как у бедной Люси.

– И что ты об этом скажешь?

– Видимо, причина одна. Что повредило ей, то и им.

– В общем, это так, но не в данном случае.

– Что это значит, профессор? – Его серьезность меня забавляла – четыре дня отдыха от острой, мучительной тревоги вернули мне бодрость духа и настроили на иной лад, но, взглянув на него, я поразился: никогда еще не видел его таким суровым, даже когда мы были в отчаянии из-за Люси. – Объясните мне! – попросил я. – Не понимаю. Не знаю, что и думать, мне даже не на чем строить догадки.

– Хочешь ли ты сказать, друг Джон, что до сих пор не догадываешься, от чего умерла Люси, даже после того, что увидел своими глазами, не говоря уж о моих намеках?

– Нервное истощение, сопровождавшееся большой потерей крови?

– А от чего произошла потеря крови?

Я покачал головой. Ван Хелсинг подошел ко мне и сел рядом:

– Ты умный человек, друг Джон, и здраво рассуждаешь, но ты в плену предрассудков. Ничего не хочешь ни видеть, ни слышать, и все, что за пределами обыденной жизни, для тебя не существует. Ведь ты не признаешь явлений, которые тебе непонятны, но тем не менее они есть, или людей, способных видеть то, что другим не видно? А такие

явления, недоступные глазу человека, существуют. Наша наука страдает одним недостатком – стремлением все объяснить, а если что-то не поддается объяснению, тут же объявляют: объяснять здесь нечего. Мы ежедневно наблюдаем, как возникают новые представления, то есть их считают новыми, но на самом деле они стары как мир. Думаю, ты не веришь ни в перемещение тел усилием воли, ни в привидения? Ни в астральные тела? Ни в чтение мыслей? Ни в гипноз?

– В гипноз верю. Шарко[67] убедительно доказывал его реальность.

Профессор улыбнулся и продолжал:

– А, значит, в гипноз веришь? И разумеется, ты постиг природу его воздействия и можешь проследить за мыслью великого Шарко, проникающей в самую душу пациента. Нет? Тогда, друг Джон, следует ли из этого, что ты просто довольствуешься фактами и не ищешь их объяснения? Тоже нет? Тогда скажи – мне это даже любопытно как исследователю мозга, – как же ты, признавая гипноз, отрицаешь чтение мыслей? Позволь, мой друг, обратить твое внимание: ныне сделаны такие открытия в области электричества, что их сочли бы проделками дьявола даже первооткрыватели электричества, хотя их самих в не столь отдаленном прошлом тоже сожгли бы как колдунов. Жизнь всегда полна тайн. Почему Мафусаил прожил девятьсот лет, старый Парр – сто шестьдесят девять[68], а бедной Люси, в венах которой струилась кровь четырех человек, не хватило одного дня? Ведь, проживи она еще один день, мы бы спасли ее. Знаешь ли ты тайну жизни и смерти? Можешь ли с позиций сравнительной анатомии объяснить, отчего в некоторых людях так много от животных, а в других – нет? Можешь ли сказать мне, почему маленькие пауки, как правило, умирают рано, но вот нашелся один большой паук, который несколько веков прожил под куполом старой испанской церкви и рос до тех пор, пока не спустился вниз и не выпил все масло из церковных лампад? Известно ли тебе, что в пампасах, а может быть, и еще где-нибудь, живут летучие мыши, которые прилетают ночью и прокусывают вены у скота, лошадей и высасывают из них кровь? Или что на некоторых островах западных морей обитают такие летучие мыши, которые целыми днями висят на деревьях, как огромные орехи или стручки, а ночью набрасываются на матросов, из-за духоты спящих на палубе, и утром этих несчастных находят мертвыми и бледными, как мисс Люси?

– Боже милостивый, профессор! – Я так и подскочил. – Вы хотите сказать, что Люси была укушена такой летучей мышью и это

возможно здесь, в Лондоне, в XIX веке?

Он прервал меня движением руки и продолжал:

– А можешь ли ты объяснить мне, почему черепаха живет дольше, чем несколько поколений людей, слон переживает целые династии, а для попугая смертельны лишь укусы кошки или собаки, а не какой-нибудь недуг? Скажи мне, почему во все века верили, что некоторые люди при благоприятных обстоятельствах могли бы жить вечно? Известно – и наука подтверждает этот факт, – что в скалах в течение нескольких тысячелетий были замурованы жабы. Можешь ли ты объяснить мне, как это индийский факир по своей воле умирает, его хоронят, на его могиле сеют пшеницу, она прорастает, созревает, собирают урожай, потом снова сеют, снова она созревает и ее жнут – и лишь тогда раскапывают могилу, и факир встает живой как ни в чем не бывало?

Тут я перебил его, совершенно ошеломленный перечислением необычных явлений природы и невероятных возможностей человека, – для моего воображения это было слишком. Мне показалось, Ван Хелсинг подводит меня к выводу, как когда-то в дни моей учебы в Амстердаме, но тогда он говорил яснее, конкретней, теперь же я не улавливал его мысль и поэтому попросил:

– Профессор, позвольте мне снова стать вашим послушным учеником. Скажите мне ваш основной тезис, и тогда я смогу проследить ход ваших рассуждений. Пока же мысль моя, как у безумца, скачет с одного на другое, и я, подобно заблудившемуся путнику, бреду в тумане по болоту, перескакивая с кочки на кочку в надежде выбраться, но куда бреду, сам не знаю.

– Хороший образ, – заметил он. – Ну что ж, мой основной тезис – хочу, чтобы ты верил.

– Во что?

– В то, во что не веришь. Приведу пример. Мне довелось от одного американца слышать такое определение веры[69]: «Это способность, позволяющая нам верить в то, что нашему разуму представляется невероятным». В одном я с ним согласен: нужно широко смотреть на жизнь, не допускать, чтобы крупица истины препятствовала движению истины в целом, как маленькая скала – движению поезда. Сначала мы получаем крупицу истины. Прекрасно! Мы лелеем и ценим ее, но нельзя принимать ее за истину в последней инстанции.

– Значит, вы опасаетесь, что мой предшествующий опыт и убеждения мешают мне понять некоторые необычные явления?

– Да, не зря все-таки ты мой любимый ученик. Тебя стоит учить.

Пожелав понять, ты уже сделал первый шаг к пониманию. Значит, думаешь, ранки на шее у детей того же происхождения, что и у мисс Люси?

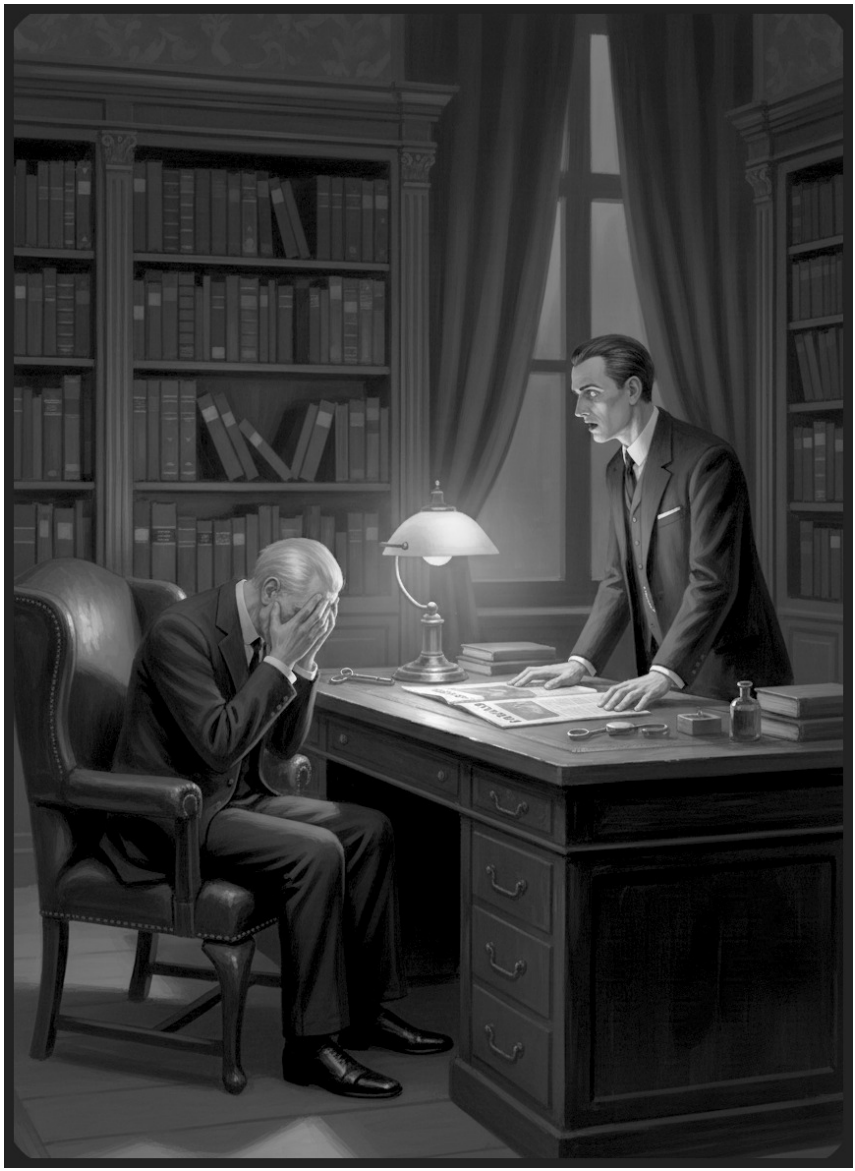
– Мне так кажется.

– Но ты ошибаешься. – Он даже встал, говоря это. – О, если бы это было так! Но увы! Все хуже, гораздо, гораздо хуже.

– Ради бога, профессор, что вы хотите сказать?! – воскликнул я.

С выражением отчаяния Ван Хелсинг опустился в кресло, закрыл лицо руками и произнес:

– Эти ранки нанесла им мисс Люси!



Глава XV

ДНЕВНИК ДОКТОРА СЬЮВОРДА

(продолжение)

У меня в глазах потемнело от негодования – такое чувство, будто он при мне дал пощечину живой Люси. Стукнув кулаком по столу, я вскочил:

– Профессор Ван Хелсинг, вы сошли с ума?

Он взглянул на меня – лицо его было грустным и добрым, это сразу остудило меня.

– Если бы! Лучше сумасшествие, чем такая реальность. О мой друг, подумай, почему я так долго ходил вокруг да около и не мог сказать тебе? Потому ли, что ненавижу тебя и ненавидел всю жизнь? Потому ли, что хотел причинить тебе боль?

Или решил хоть и поздновато, но отомстить тебе за то, что ты спас мне когда-то жизнь, уберег от ужасной смерти? О нет!

– Простите меня, – сказал я.

– Мой друг, – продолжал Ван Хелсинг, – я просто, как мог, старался смягчить удар – ведь я знаю, ты любил эту милую девушку. Но допускаю, что и теперь ты мне не веришь. Трудно принять сразу даже абстрактную истину, если всю жизнь ее отрицал, а знать столь печальную и конкретную истину, да еще касающуюся мисс Люси, – гораздо труднее. Сегодня ночью хочу проверить, прав ли я. Рискнешь пойти со мной?

Я был в нерешительности. Никому не хочется проверять такую истину, исключение – лишь Байрон:

И подтвердила истину, страшившую его[70].

Заметив мои колебания, профессор добавил:

– Моя логика проста, на этот раз это уже не логика безумца,

прыгающего в тумане с кочки на кочку по болоту. Если моя догадка окажется неправдой, мы вздохнем с облегчением. Если же правдой… Да, это ужасно, но, возможно, в самом этом ужасе есть надежда на спасение. Итак, мой план: во-первых, немедленно навестим того ребенка в больнице. В газете написано, что он в Северной больнице, где работает доктор Винсент, мой и, думаю, твой друг со времен учебы в Амстердаме. Если он не пустит друзей, то пустит ученых – посмотреть больного. Скажем, что нас интересует этот случай с научной точки зрения. А потом… – Он вытащил из кармана ключ и показал мне. – А потом проведем ночь на кладбище, где похоронена Люси. Это ключ от ее склепа. Я взял его у гробовщика, чтобы передать Артуру.

У меня защемило сердце от недобрых предчувствий – нас ожидало что-то ужасное. Но делать было нечего, я собрался с духом и сказал, что нам лучше поторопиться, наступает вечер.

Ребенок уже отоспался, поел и чувствовал себя хорошо. Доктор Винсент, сняв повязку с его шеи, показал нам ранки. Их тождественность ранкам Люси не вызывала сомнения. Они были лишь поменьше да края посвежее. Мы спросили Винсента, как он их объясняет. По его мнению, это был укус какого-то животного, возможно, крысы, но скорее всего – одной из тех летучих мышей, которых полно в северной части Лондона.

– Среди совершенно безвредных, – заметил он, – могли оказаться хищные экземпляры с Юга. Возможно, какой-нибудь моряк привез такую мышку домой, а она улетела, или же из зоопарка вырвалась какая-нибудь экзотическая особь из семейства вампиров. Такое, знаете ли, бывает. Дней десять назад оттуда сбежал волк и бродил, кажется, по нашей округе. Потом целую неделю дети играли в Красную Шапочку, пока не началась паника с этой «феей», и все с восторгом переключились на нее. Даже этот бедный крошка, проснувшись, спросил сиделку, нельзя ли ему уйти, и объяснил, что хотел бы поиграть с «феей».

– Надеюсь, – сказал Ван Хелсинг, – вы предупредите родителей ребенка, чтобы за ним строго следили. Все это очень опасно, еще одна такая ночь может обернуться уже роковыми последствиями. Полагаю, он побудет здесь еще хоть несколько дней?

– Конечно, по меньшей мере неделю или даже больше, если ранка не заживет.

Посещение больницы заняло у нас больше времени, чем мы рассчитывали. На улице уже стемнело, когда мы выходили.

– Спешить нам некуда, – заметил Ван Хелсинг. – Пожалуй, пойдем поужинаем где-нибудь, а уж потом двинемся дальше.

Мы поужинали в «Замке Джека Строу» в веселом окружении велосипедистов. Около десяти мы вышли из гостиницы. Было очень темно, и на фоне редких фонарей мрак казался еще гуще. Профессор, видимо, заранее наметил дорогу и шел уверенно, я же совершенно не ориентировался. Людей попадалось все меньше и меньше; мы даже несколько удивились, встретив конный полицейский патруль, объезжавший свой участок.

Наконец дошли до кладбищенской стены, которую одолели не без труда – было так темно, что кладбище казалось настоящим лабиринтом. Нашли фамильный склеп Вестенра. Профессор открыл ключом скрипучую дверь. Потом, видимо бессознательно, любезно пропустил меня вперед. В этой вежливости в такой жуткой обстановке была какая-то особая ирония. Мой спутник тотчас последовал за мной, осторожно прикрыв за собой дверь, предварительно убедившись, что замок не пружинный и она не захлопнется. Достав из сумки спички и свечу, профессор зажег ее. Даже при свете дня во время похорон в склепе – хотя и украшенном свежими цветами – было сумрачно и жутковато, теперь же, ночью, при слабом мерцании свечи он производил поистине ужасное и отталкивающее впечатление: увядшие цветы поникли, стали ржаво-коричневыми, зато пауки и жуки чувствовали себя здесь как дома; время обесцветило камень, известь пропиталась пылью, железо заржавело, покрылось плесенью, потускнела медь, потемнели серебряные таблички с надписями. Все это навевало грустную мысль о скоротечности не только живого.

Ван Хелсинг работал методично – оставляя следы стеарина, подносил свечу к металлическим табличкам надгробий, пока наконец не нашел гроб Люси. Снова порывшись в сумке, он извлек отвертку.

– Что вы собираетесь делать? – спросил я.

– Открою гроб. И ты сможешь убедиться.

Он отвернул винты и снял крышку, под которой оказался свинцовый саркофаг. Это было уже выше моих сил: просто оскорбление покойной, как если бы ее живую раздевали во сне. Я невольно схватил профессора за руку, пытаясь остановить. Но он лишь возразил:

– Сейчас сам увидишь.

И, вновь порывшись в сумке, достал оттуда ножовку. Сильным ударом он пробил отверткой отверстие в свинце, достаточное, чтобы в него вошел конец пилы. Я невольно отступил на пару шагов, ожидая

обычного запаха от пролежавшего неделю тела: мы, врачи, знаем, чего следует опасаться, и привыкли к таким вещам. Но профессор и не думал останавливаться – пропилил пару футов вдоль одного края саркофага, затем проделал то же самое с другой стороны, отогнул надпиленный угол и, освещая свечой отверстие, подозвал меня.

Я подошел и взглянул: гроб был пуст!

Я стоял как громом пораженный, Ван Хелсинг же остался невозмутим.

– Ну как, друг Джон, убедился?

Во мне вдруг возникло неистовое желание возразить ему, оспорить его правоту:

– Убедился лишь в том, что в гробу тела Люси нет, но это доказывает лишь одно.

– Что же именно, друг Джон?

– Что его там нет.

– Недурная логика. Но как ты объяснишь его отсутствие?

– Возможно, его украли. Может быть, кто-нибудь из могильщиков?

Я чувствовал, что говорю глупость, но больше ничего не мог придумать. Профессор устало вздохнул:

– Ну что ж, значит, нужны еще доказательства… Пойдем со мной.

Ван Хелсинг накрыл саркофаг крышкой, собрал все свои вещи в сумку и, задув свечу, положил ее туда же. Мы вышли из склепа. Заперев дверь, он протянул ключ мне:

– Возьми его себе. Тогда у тебя будет меньше сомнений.

Я засмеялся – смех был невеселым – и отмахнулся:

– Ключ – это ерунда, ведь могут быть дубликаты, да такой замок и открыть ничего не стоит.

Профессор не стал возражать, сунул ключ в карман и велел мне сторожить на одном конце кладбища, сам же пошел на другой его конец. Я устроился за стволом тиса и видел, как его темная фигура движется среди памятников и деревьев; потом потерял его из виду.

Ожидание было тоскливым. Слышно было, как вдалеке часы пробили полночь, потом час, два… Я продрог, нервничал, сердился на профессора за то, что он втянул меня в эту историю, ругал себя за то, что согласился. Я замерз и хотел спать, но, боясь подвести профессора, боролся со сном. Ситуация была пренеприятная, нелепая и невыносимо тягостная…

Вдруг, случайно обернувшись, я увидел какой-то белый силуэт между темными тисами, и тут же с другой стороны кладбища к нему двинулась темная фигура. Я тоже поспешил к призрачному силуэту, но

по дороге пришлось обходить памятники и склепы, несколько раз я чуть не упал, споткнувшись о могилы.

Было еще темно, но где-то пропел ранний петух. Невдалеке за редкими кустами можжевельника, посаженного вдоль дорожки к церкви, замелькал смутный белый силуэт, двигавшийся к склепу, прикрытому деревьями, и вдруг скрылся… Я не разглядел, куда он делся. Тут я услышал шорох – там, где впервые заметил белый силуэт, – подошел и увидел профессора с ребенком на руках. Он протянул его мне:

– Ну как, теперь убедился?

– Нет, – ответил я довольно резко.

– Разве ты не видишь ребенка?

– Вижу, но кто принес его сюда? У него что, есть ранки?

– Сейчас посмотрим, – сказал профессор и направился к выходу с кладбища, неся на руках спящее дитя.

Неподалеку от кладбища, в какой-то рощице, мы остановились и при свете спички осмотрели малыша: на его шее не было ни царапин, ни ранок.

– Ну, так кто прав? – торжествующе спросил я.

– Мы пришли как раз вовремя, – ответил с явным удовлетворением профессор.

Надо было решить, что делать с ребенком. Если нести его в полицейский участок, придется давать объяснения о наших ночных похождениях или, по крайней мере, о том, как мы нашли ребенка. Поэтому мы решили отнести его в Хит и оставить где-нибудь на видном месте, чтобы полицейский его непременно нашел, самим же как можно быстрее отправиться домой.

Все прошло благополучно. На опушке Хампстед-Хит мы, заслышав тяжелые шаги полицейского, положили малыша на дорожку. Дежурный полисмен шел, размахивая фонарем, потом мы услышали, как он ахнул от удивления, увидев дитя. Тогда мы тихонько удалились и очень удачно около паба «Испанцы» наняли кеб и поехали домой.

Не могу заснуть, вот и решил все записать. Но, конечно, нужно поспать хоть несколько часов – в полдень за мной зайдет Ван Хелсинг. Он хочет, чтобы мы предприняли еще одну попытку.

27 сентября. Лишь в два часа представилась возможность повторить наш опыт. Закончились чьи-то похороны, медленно удалились последние участники траурной церемонии. Спрятавшись в зарослях ольхи, мы видели, как могильщик запер за собой ворота. Итак, до утра нас здесь никто не потревожит, впрочем, по словам

профессора, нам требовалось не более часа. Вновь я ощутил ужас реальности, по своей фантастичности превосходящей любую фантазию; а тут еще гнетущее сознание того, что мы рискуем предстать перед судом как осквернители могилы. Кроме того, мне казалось, что наш новый приход на кладбище лишен смысла. Конечно, возмутительно вскрывать свинцовый саркофаг, чтобы убедиться: женщина, умершая неделю назад, действительно мертва, и уж совсем верх глупости – вскрывать его вновь, когда мы собственными глазами видели, что гроб пуст. Однако я не стал ничего говорить Ван Хелсингу – раз у него свой план действий, он и слушать не будет никакие увещевания.

Открыв склеп, профессор вновь любезно пропустил меня вперед. Внутри было не так мрачно, как прошлой ночью, но и при свете солнца от холодных стен веяло такой промозглой сыростью, оставленностью и тоской, что я невольно поежился. Мы подошли к гробу Люси.

Девушка лежала в гробу! Точно такая же, как накануне похорон. Пожалуй, даже еще более ослепительно прекрасная, если такое вообще возможно. Я не мог поверить, что она мертва. Пунцовые, ярче прежнего губы, на щеках – нежный румянец.

– Это что, колдовство? – прошептал я.

– Ну что, теперь убедился? – вопросом на вопрос ответил профессор и, заставив меня содрогнуться, раздвинул губы покойной – обнажились белые хищные клыки. – Посмотри, они еще острее, чем раньше. Этим и этим, – он указал на один из верхних клыков и на зуб под ним, – она и кусает маленьких детей. Ну что, Джон, теперь веришь?

Дух противоречия снова взыграл во мне. Я просто не мог признать его правоту и с полемическим жаром, вызвавшим у меня самого чувство неловкости, возразил:

– Может быть, ее только вчера сюда положили.

– Неужели? И кто же это сделал?

– Не знаю. Кто-то.

– Обрати внимание – она умерла неделю назад. Обычно за такой

срок покойники очень меняются.

На это я ничего не смог возразить. Ван Хелсинг же, казалось, не обратил никакого внимания на мое молчание. Ни в коей мере не досадовал и не торжествовал. Он всматривался в лицо покойной, поднимал веки, разглядывал глаза, вновь осмотрел зубы. Потом сказал:

– Тут есть одно из ряда вон выходящее обстоятельство. Двойная жизнь. Вампир укусил ее, когда она в состоянии транса разгуливала во сне. О, ты поражен, ты не догадывался об этом, друг Джон, но все узнаешь позднее. Это он высасывал у нее кровь, когда она была в лунатическом трансе. В состоянии транса Люси умерла, в трансе останется «бессмертной». Этим она отличается от других. Обычно, когда эти «живые мертвецы» спят дома, – и он выразительно повел рукой, указывая, что значит «дом» для вампира, – по их лицам видно, кто они такие; а она такая милая, что, переставая быть вампиром, то есть «бессмертной», обретает вид обычной покойницы. И в этом состоянии в ней нет ничего опасного, поэтому мне так тяжело убить ее.

Я весь похолодел и вдруг понял, что верю Ван Хелсингу. Но если она действительно мертва, почему же мысль о ее убийстве кажется такой ужасной? Он взглянул на меня и явно заметил перемену в моем лице, потому что вдруг спросил с надеждой:

– Ну, теперь веришь?

– Пожалуйста, не требуйте от меня всего сразу. Я почти готов признать вашу правоту. Но как вы собираетесь убить ту, что уже мертва?

– Отрежу ей голову, наполню рот чесноком и вобью в тело кол.

Я содрогнулся при мысли о том, как он изуродует тело любимой мною женщины. И все же чувство отвращения было не так сильно, как я ожидал. На самом деле мне стало уже не по себе в присутствии этого, как называл его Ван Хелсинг, «бессмертного» существа, у меня невольно возникло отвращение к нему.

Профессор долго над чем-то размышлял, потом резко захлопнул свой саквояж.

– Я передумал. Конечно, если делать, то делать немедленно, но тут может возникнуть много непредвиденных осложнений. И вот почему. Она еще не погубила ни одной жизни, хотя, конечно, это вопрос времени; действовать немедленно – значит уберечь ее от этой опасности навсегда. Но для этого нам нужен Артур, а как мы ему об этом скажем? Если даже ты не поверил мне – а ты видел ранки на шее у нее и у того ребенка в больнице, видел гроб прошлой ночью пустым,

а сегодня в нем женщину, которая если и изменилась, то лишь похорошела, хотя прошла уже целая неделя после ее смерти, видел и белую фигуру, которая принесла ребенка на кладбище, – то что же мне ожидать от Артура, который ничего об этом не знает? Он усомнился во мне, когда я не позволил ему поцеловать Люси перед смертью. Артур простил меня, считая, что я исходил из какого-то ошибочного представления, когда помешал ему проститься с нею как следует; теперь он может подумать, что мы по ошибке похоронили девушку живой, а потом, чтобы скрыть это, убили ее. То есть вся вина ляжет на нас: мол, убили его невесту из-за своих ошибочных идей. Сомнения будут одолевать его, а это самое ужасное. Он навсегда потеряет покой. Нет, я уже научен горьким опытом. Теперь, когда мне известно, что все это правда, я в тысячу раз больше убежден, что Артуру нужно проплыть через мутные воды, прежде чем он выплывет в чистые. Бедняге придется пережить час, когда даже небо покажется ему черным, но тогда мы придем на помощь, и он обретет душевный покой. Все, я решил. Пошли. Ты возвращайся в свой дом скорби, а я проведу ночь здесь, на этом кладбище. Завтра вечером приходи ко мне в гостиницу Беркли к десяти часам. Я вызову Артура и этого славного молодого американца. Сейчас проеду с тобой до Пикадилли и там пообедаю, я должен вернуться сюда до захода солнца.

Мы заперли склеп, перелезли через кладбищенскую стену, что было нетрудно, и поехали на Пикадилли.

ЗАПИСКА, ОСТАВЛЕННАЯ ВАН ХЕЛСИНГОМ В ЕГО ДОРОЖНОЙ СУМКЕ В ГОСТИНИЦЕ БЕРКЛИ И АДРЕСОВАННАЯ ДОКТОРУ ДЖОНУ СЬЮВОРДУ

(адресатом не получена)

27 сентября

Друг Джон, пишу на случай, если что-то произойдет. Надеюсь, сегодня «бессмертная» не выйдет на свой промысел, тем в большем нетерпении она будет завтра. Зная о ее нелюбви к кресту и чесноку, я перекрою ей выход из склепа. Она лишь начинающий «живой мертвец» и, пожалуй, поостережется. И вообще, эти меры только для того, чтобы помешать нашей «бессмертной» выйти, они не должны препятствовать ей вернуться: в противном случае она может, как все «живые мертвецы», прийти в отчаяние и натворить дел. Я буду на страже всю ночь – от захода до восхода солнца – и уж не упущу ничего. Мисс Люси меня не пугает, опасен тот, кто сделал ее «живым мертвецом», у него есть право искать укрытие в ее могиле. Он хитер и

коварен, судя по рассказу Джонатана и тому, как он обошел нас в истории с Люси. Да, эти «живые мертвецы» очень сильны, а уж у этого силища такая, что с ним и двадцати здоровякам не справиться. Даже наша энергия, вместе с кровью переданная Люси, перешла к нему. Кроме того, он может вызвать своего волка; в общем, следует ожидать чего угодно. Во всяком случае, если он пожалует сегодня ночью на кладбище, то встретится со мною, и может выйти скверная история. Но, вероятно, он все-таки не появится. Особых поводов у него для этого нет, зато есть много других, более интересных для него мест.

В случае чего, возьми в этой сумке дневники Харкера и остальные бумаги и разыщи этого великого «живого мертвеца», отруби ему голову, а сердце сожги или же вбей в него кол, чтобы наконец избавить мир от этого монстра.

На всякий случай прощай.

Ван Хелсинг

ДНЕВНИК ДОКТОРА СЬЮВОРДА

28 сентября. Просто удивительно, какое же благо сон. Еще вчера я был готов поверить соображениям Ван Хелсинга, а сегодня они мне кажутся чудовищными, противоречащими здравому смыслу. Хотя, несомненно, сам он во все это искренне верит. Не знаю, может быть, он слегка помешался. Но должно же быть какое-то рациональное объяснение всем этим таинственным явлениям. Возможно ли, чтобы профессор сам все это подстроил? Он так невероятно умен, что если уж свихнулся, то будет необычайно последователен в выполнении всех своих навязчивых идей. Неприятно даже думать об этом; нет, просто немыслимо, чтобы Ван Хелсинг сошел с ума, но на всякий случай все-таки внимательно послежу за ним. Может быть, найду какую-нибудь разгадку этой тайны.

29 сентября, утро. Вчера вечером, около десяти, Артур и Квинси пришли к Ван Хелсингу в гостиницу; тот заявил, что рассчитывает на нашу поддержку, обращаясь в основном к Артуру, будто он главный среди нас:

– Нам предстоит выполнить важный долг. Вас, конечно, удивило мое письмо?

– Пожалуй. Впрочем, скорее встревожило, – ответил Артур. – С некоторых пор беды просто преследовали меня, я надеялся хоть на какую-то передышку. Но мне, конечно, интересно знать, что вы имеете в виду. Чем дольше мы с Квинси обсуждали этот вопрос, тем больше недоумевали. Я и сейчас ничего не понимаю.

– Я тоже, – вторил ему Квинси Моррис.

– Что ж, – кивнул профессор, – тогда вы оба все-таки ближе к истине, чем друг Джон, которому предстоит еще проделать долгий путь, чтобы к ней приблизиться.

Видно, Ван Хелсинг сразу, без слов, уловил, что прежние сомнения вернулись ко мне. Обращаясь к Артуру и Квинси, он очень серьезно сказал:

– Мне нужно ваше согласие на то, что я считаю необходимым сделать сегодня ночью. Знаю, что прошу многого, но, лишь узнав, что именно я намереваюсь сделать, вы поймете, сколь велика моя просьба. Поэтому мне хотелось бы, чтобы вы дали мне разрешение авансом; тогда потом, если вы и будете сердиться на меня некоторое время – а я не исключаю такую возможность, – вам, по крайней мере, не в чем будет упрекнуть себя.

– Что ж, во всяком случае, это честно! – воскликнул Квинси. – Я не сомневаюсь в профессоре и, хотя не совсем понимаю, куда он клонит, готов поклясться, что он искренен, для меня этого достаточно.

– Спасибо, сэр, – прочувствованно ответил Ван Хелсинг. – Это честь для меня – иметь такого друга, как вы, ваша поддержка очень ценна.

Он протянул руку, и Квинси пожал ее.

Тут заговорил Артур:

– Видите ли, профессор Ван Хелсинг, мне не хотелось бы покупать свинью в мешке, как говорят в Шотландии, и если будет затронута моя честь джентльмена или вера христианина, то я просто не могу дать своего согласия. Оно возможно лишь при гарантии, что не пострадает ни то ни другое, хотя, ей-богу, не понимаю, к чему вы клоните.

– Принимаю ваши условия, – сказал Ван Хелсинг, – и прошу лишь об одном: прежде чем выносить приговор моим действиям, хорошо все обдумать и разобраться, противоречат ли они вашим условиям.

– Согласен! – сухо обронил Артур. – Это справедливо. А теперь, когда переговоры закончены, могу я узнать, что же все-таки мы должны делать?

– Я хочу, чтобы вы пошли со мной на кладбище в Хампстед – тайно, ни одна живая душа не должна об этом знать.

Артур, изменившись в лице, изумленно спросил:

– Туда, где похоронена Люси?

Профессор кивнул.

– Зачем?

– Чтобы войти в склеп!

Артур встал:

– Вы это серьезно, профессор, или это жестокая шутка?.. Простите, я вижу, вы действительно собираетесь это сделать. – Он снова сел, весь непреклонность и достоинство, явно задетый за живое. Помолчав немного, спросил: – А в склеп зачем?

– Чтобы вскрыть гроб.

– Ну, это уж слишком! – Возмущенный, Артур вновь встал. – Я готов поддерживать все разумное, но такое… осквернение могилы той, которую…

От негодования он запнулся и не смог больше продолжать. Профессор посмотрел на него с сочувствием:

– Если бы у меня была хоть малейшая возможность уберечь вас от боли, мой бедный друг, видит Бог, я бы это сделал. Но этой ночью мы должны пройти тернистый путь, иначе потом – и, может быть, даже вечно – той, которую вы любите, придется ходить по раскаленным углям.

Артур побледнел:

– Осторожнее, сэр, осторожнее!

– Но не разумнее ли все-таки выслушать меня?! – воскликнул Ван Хелсинг. – Тогда, по крайней мере, вы будете знать, что и зачем я предлагаю.

– Это справедливо, – вставил Моррис.

Помолчав, профессор продолжал, явно с усилием:

– Мисс Люси умерла, не так ли? Так! В этом случае мы не причиним ей никакого вреда. Но если она не умерла…

– Господи! – вскрикнул Артур. – Что вы имеете в виду? Произошла ошибка? Ее похоронили живой? – Он был в таком отчаянии, которое не могла смягчить даже надежда.

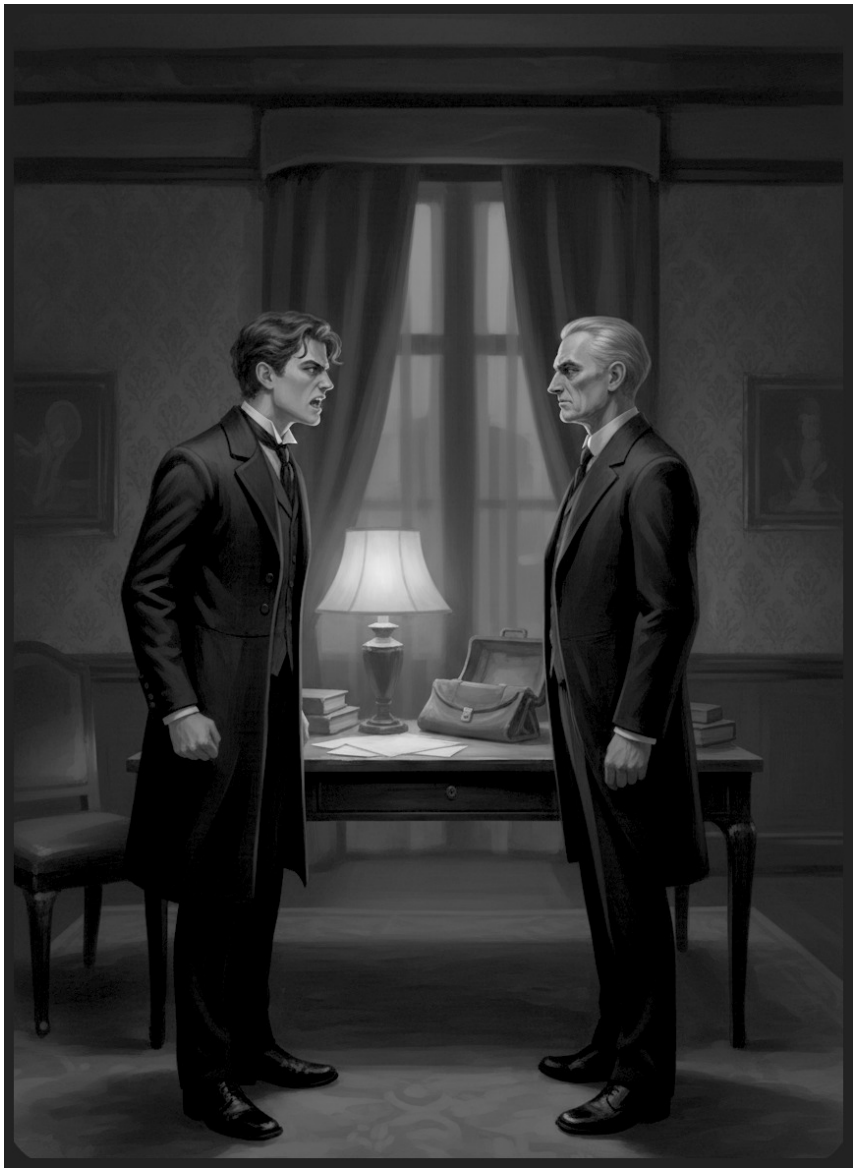
– Дитя мое, никто не говорит, что она жива. Я лишь имел в виду, что она стала «живым мертвецом».

– «Живым мертвецом»! Но ее нет в живых! Что вы хотите этим сказать? Что за кошмар? Вообще – что это такое?

– Существуют тайны, о которых люди лишь догадываются, и только с течением времени завеса постепенно приоткрывается, но не сразу и не вся. Поверьте, перед нами одна из таких тайн… пока я ничего не сделал. Но надеюсь, вы позволите мне отрезать голову бедной мисс Люси?

– Ни в коем случае! – с негодованием закричал Артур. – Ни за что на свете не позволю осквернять ее тело. Профессор Ван Хелсинг, вы злоупотребляете моим терпением. За что вы так мучаете меня, что

дурного я вам сделал? Что сделала вам эта бедная, добрая девушка, за что вы хотите так обесчестить ее могилу? Или, может быть, вы сошли с ума и в безумии говорите такие чудовищные вещи, или это я помешался настолько, что слушаю вас? Даже думать не смейте о таком надругательстве, я ни за что не дам своего согласия. Мой долг – защищать ее могилу, и, видит Бог, я это сделаю.



Ван Хелсинг встал и сказал очень сурово:

– Лорд Годалминг, у меня тоже есть долг, долг перед людьми, долг перед вами и перед покойной, и, видит Бог, я выполняю его! Прошу вас лишь об одном: пойдемте со мной, смотрите, слушайте, и если позднее я повторю свое предложение, постарайтесь не превзойти меня в рвении. Я же выполню свой долг, невзирая ни на что, и дам вам полный отчет в любое время и где угодно. – Голос у него немного

дрогнул, и он продолжал уже гораздо мягче, с явным сочувствием: – Умоляю вас, не давайте волю своему гневу. За долгую жизнь мне пришлось пережить много неприятного, мучительного, но такое тяжелое, трудное дело выпало на мою долю впервые. Поверьте, наступит время – и вы перемените свое мнение обо мне, и одного вашего доброжелательного взгляда будет достаточно, чтобы снять с меня всю тяжесть этого часа, ибо со своей стороны я готов сделать все, что в человеческих силах, лишь бы избавить вас от скорби. Подумайте только, чего ради стал бы я так стараться и так переживать? Я приехал сюда издалека, со своей родины, ибо здесь была во мне нужда – следовало помочь моему другу Джону и милой девушке, которую ваш покорный слуга полюбил всей душой. Я сделал для нее то же, что и вы, – не хотел говорить, но ради вас скажу: дал ей свою кровь, хотя в отличие от вас не был ее возлюбленным, а всего лишь врачом и другом. Я сидел подле нее днями и ночами – до самой смерти и потом. И если бы моя жизнь могла хоть чем-то помочь ей даже теперь, когда она стала «живым мертвецом», я охотно пожертвовал бы собой.

Профессор произнес все это с таким благородным достоинством, что Артур был тронут. Он взял старика за руку и сказал срывающимся голосом:

– Немыслимо тяжело даже думать обо всем этом, не могу постичь… но, что бы там ни было, я пойду с вами.

Глава XVI

ДНЕВНИК ДОКТОРА СЬЮВОРДА

(продолжение)

Было без четверти двенадцать, когда мы перелезли через низкую ограду кладбища. Ночь была темной, луна лишь изредка проглядывала сквозь прорехи в густых облаках, тянувшихся по небу. Мы невольно старались держаться вместе, лишь Ван Хелсинг шел чуть впереди, показывая дорогу.

Мы подошли к склепу, я взглянул на Артура, опасаясь, что печальные воспоминания могут вконец расстроить его, но тот держался молодцом. Похоже, таинственность происходящего захватила его. Профессор открыл дверь склепа, пропуская нас, но мы замешкались, и, уловив нашу нерешительность, он вошел первым. Мы последовали за ним. Он закрыл дверь, зажег тусклый фонарь и указал на гроб. Артур неуверенно двинулся к нему.

Ван Хелсинг, обращаясь ко мне, сказал:

– Вчера ты был здесь со мною. Тело мисс Люси лежало в гробу?

– Да, лежало.

Профессор повернулся к Артуру и Квинси:

– Вы слышите? И все-таки мне не верят.

Он извлек отвертку и снял крышку гроба. Очень бледный Артур, молча наблюдавший за ним, выступил вперед. Когда он увидел надпил на свинцовом саркофаге, кровь бросилась ему в лицо, но уже через мгновение он снова стал белым как мел, хотя по-прежнему молчал. Ван Хелсинг отогнул свинцовое покрытие, мы заглянули внутрь и в изумлении отпрянули.

Саркофаг был пуст!

Несколько минут царило молчание. Его нарушил Квинси Моррис:

– Профессор, я поручился за вас. И мне достаточно вашего слова. Я

не хочу своим сомнением хоть в малой степени бросить тень на вашу честь, однако тут кроется тайна, выходящая за рамки таких понятий, как «честь» и «бесчестие». Скажите, это ваших рук дело?

– Клянусь вам всем, что для меня свято, я не выносил ее отсюда и даже не прикасался к ней. Произошло же следующее: две ночи назад мы с моим другом Сьювордом пришли сюда – поверьте мне, с добрыми намерениями. Я вскрыл саркофаг – он был тогда запечатан и так же, как теперь, пуст. Тогда мы стали ждать и увидели что-то белое, двигавшееся меж деревьями. Назавтра мы пришли сюда днем – она лежала в гробу. Разве не так, друг Джон?

– Так.

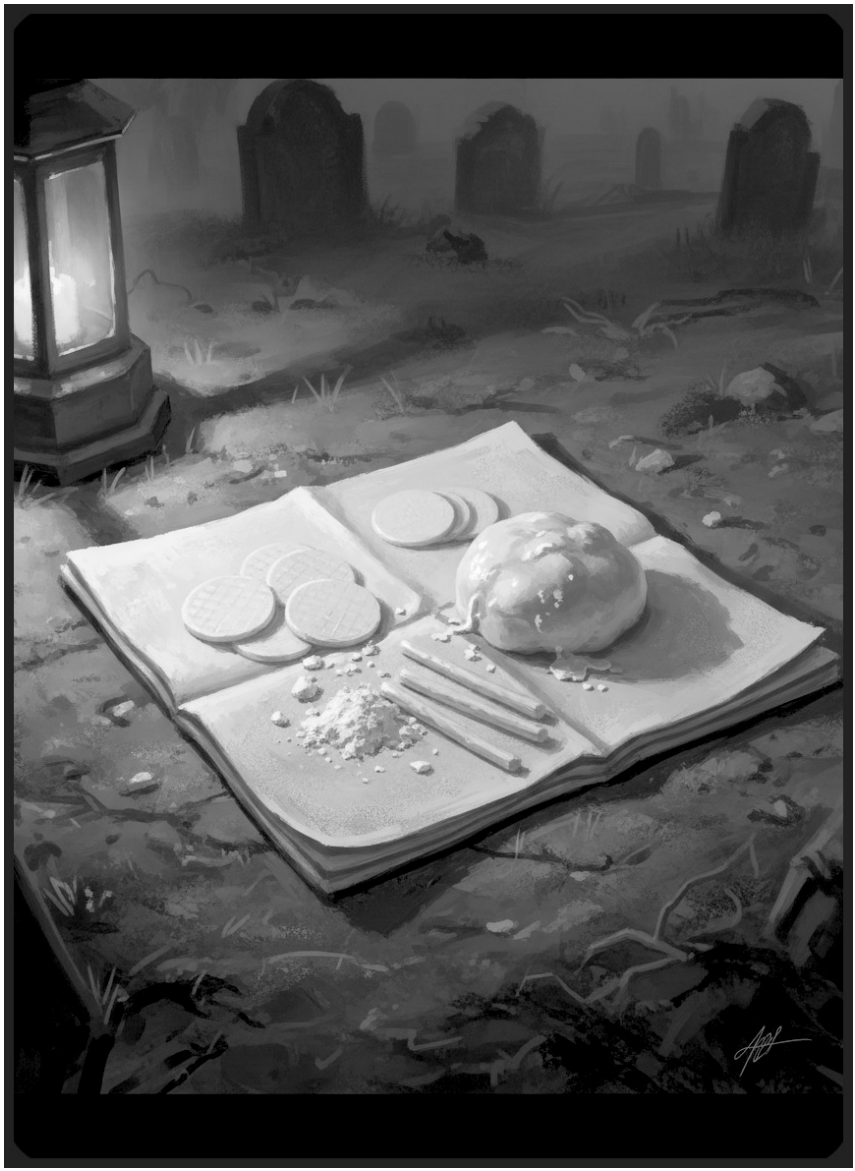
– В ту ночь мы подоспели вовремя. Пропал еще один ребенок, и, слава богу, мы нашли его целым и невредимым среди могил. Вчера я пришел сюда перед заходом солнца: «живые мертвецы» оживают на закате. Прождал всю ночь до восхода солнца, но склеп никто не покидал. Ничего удивительного, ведь я проложил двери чесноком и еще кое-чем, чего они не выносят и остерегаются. Итак, прошлой ночью она не выходила. Сегодня перед заходом солнца я убрал чеснок и все прочее – и вот мы находим пустой гроб. Теперь подождем. Уже очень много было тут странного. Спрячемся снаружи и подождем, возможны еще более странные сюрпризы.

Открыв дверь, он подождал, когда один за другим мы вышли из склепа, и снова запер ее.

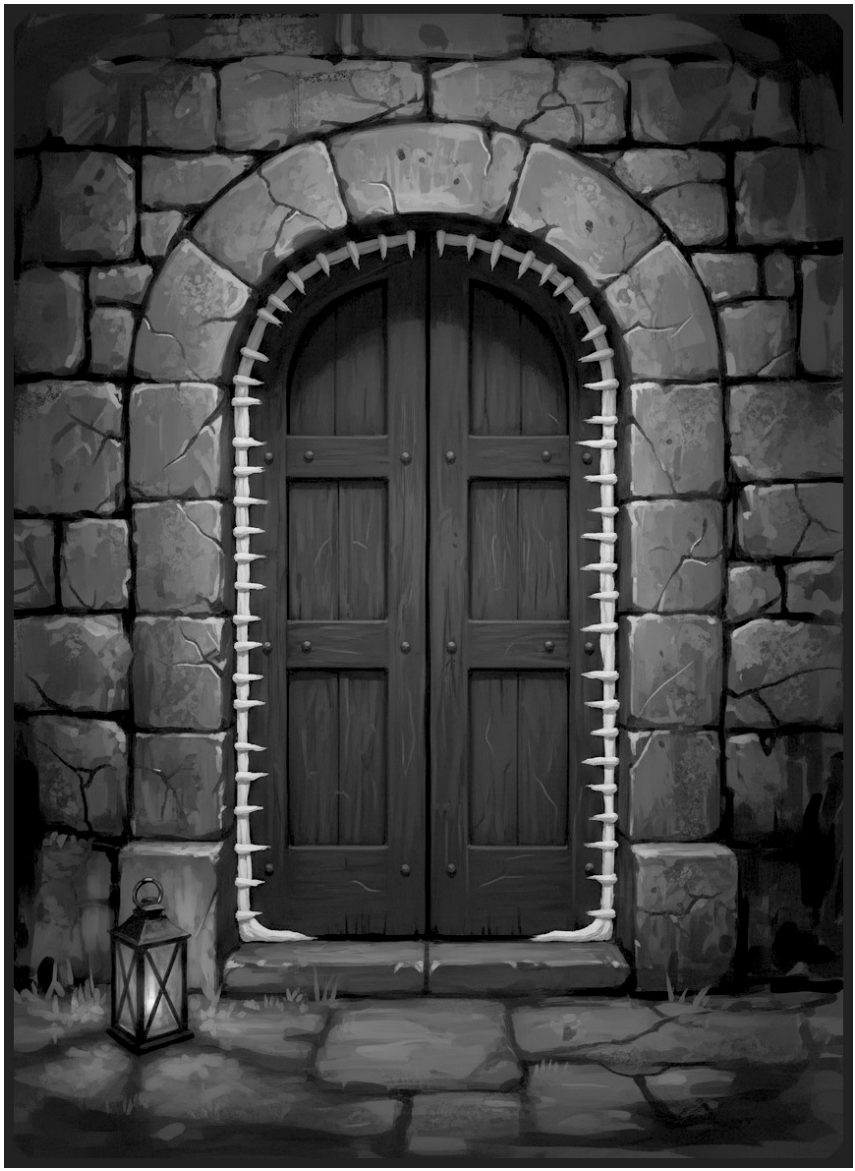
О, каким свежим и чистым показался ночной воздух после душного склепа! Как приятно было видеть бегущие по небу облака и проблески лунного света между ними – совсем как смена радостей и горестей в жизни человека; как чудесно дышать свежим воздухом без смрадного душка смерти и тления, видеть красноватые отблески фонарей за холмом, слышать где-то вдали глухой шум жизни большого города!

Каждый из нас, по-своему ощутив это, вздохнул с облегчением. Артур молчал, видимо стараясь постичь потаенный смысл всей этой мистики. Я был почти готов вновь отбросить сомнения и принять аргументы Ван Хелсинга. Квинси Моррис держался невозмутимо, как человек, который привык принимать все, что происходит, хладнокровно и мужественно. Лишенный возможности курить, он отломил кусочек прессованного табака и принялся жевать его. А Ван Хелсинг развил бурную деятельность: достал что-то вроде маленьких круглых вафель, аккуратно завернутых в белую салфетку, затем комок беловатого вещества, напоминающего не то тесто, не то замазку. Мелко покрошив вафли, он смешал их с тестом, а из полученной

массы приготовил тонкие полоски, которыми стал замазывать щели вокруг входа в склеп. Озадаченный, я спросил, что он делает. Артур и Квинси тоже подошли ближе, заинтересовавшись.



– Запечатываю вход в склеп, – ответил профессор, – чтобы «живой мертвец» не мог войти туда.



– И такая вот штука может это предотвратить? – спросил Квинси. – О господи! Мы что, в игры сюда пришли играть?

– Да, конечно.

– Что же это все-таки такое? – вмешался Артур.

– Святые Дары, – ответил Ван Хелсинг и благоговейно снял шляпу. – Я привез их из Амстердама. Это мое отпущение грехов.

Ответ произвел впечатление на нас. Похоже, дело действительно

серьезно, если профессор решился пустить в ход столь святое, бесценное для каждого католика средство; невозможно было не поверить ему. В почтительном молчании мы заняли указанные нам укромные места вокруг склепа. Я жалел Квинси и особенно Артура. Мне уже был знаком этот кошмар ожидания, но все равно, хотя еще час назад я и отрицал правоту профессора, сердце у меня теперь замирало. Надгробия казались мне белыми призраками, тисы, можжевельник и кипарисы – воплощением кладбищенского мрака, малейший шорох, шуршание дерева или травы – угрожающими, скрип сучьев – таинственным, а вой собак вдали – зловещим предзнаменованием.

Наступило долгое молчание, бесконечная, томительная тишина, вдруг прерванная тихим свистом профессора, подававшего нам знак. На тисовой аллее вдалеке мы увидели неясную белую фигуру, прижимавшую к груди что-то темное. Фигура остановилась, в этот момент луна выглянула из-за туч и явственно осветила женщину в белом саване. Лица ее не было видно, она наклонилась, как теперь удалось рассмотреть, над белокурым ребенком. Потом в тишине

раздался странный звук – так иногда вскрикивают во сне дети или повизгивают дремлющие в тепле собаки. Мы хотели броситься к ребенку, но профессор, предостерегающе взмахнув рукой, остановил нас.

Белая фигура двинулась дальше. И вскоре была уже так близко, что мы ясно разглядели ее, тем более что луна все еще светила. Меня пробрала дрожь, стало слышно, как нервно задышал Артур: мы узнали Люси Вестенра. Да, это была Люси, но как же она изменилась! На ее лице, таком прежде нежном и невинном, запечатлелось теперь жуткое выражение бессердечной жестокости и сладострастия. Ван Хелсинг выступил вперед, и, повинуясь его жесту, мы последовали за ним, встав перед дверью склепа. Профессор поднял фонарь и осветил ее лицо: мы увидели, что губы покойной в крови – стекая по подбородку, она уже запятнала белизну батистового савана.

Мы замерли, парализованные ужасом. По дрожанию фонаря я понял, что не выдержали даже железные нервы Ван Хелсинга. Артур стоял рядом со мной, и, если бы я не поддержал его, он бы, наверное, упал.

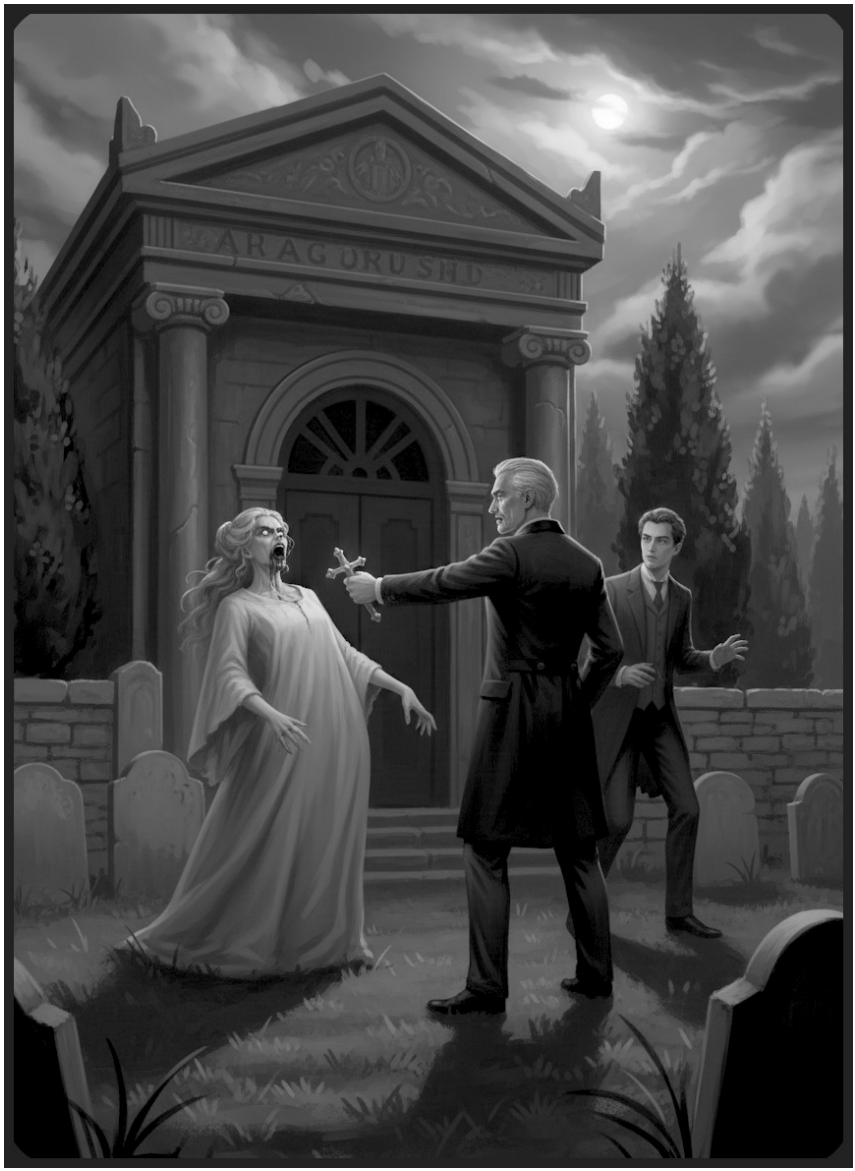
Увидев нас, Люси – я называю это существо Люси лишь потому, что оно имело ее облик, – отступила назад со злобным шипением, как застигнутая врасплох кошка, и окинула нас взглядом. По форме и цвету это были глаза Люси, но не ясные и ласковые, как прежде, а тусклые, тлеющие дьявольским огнем. В этот момент остаток моей любви к ней перешел в чувство ненависти и омерзения. Если бы надо было убить ее на месте, я бы сделал это с восторгом дикаря. Но вот лицо ее исказилось порочной улыбкой. Не приведи господи снова увидеть такое!

Небрежным движением, бессердечная, словно сам дьявол, она отшвырнула от себя ребенка, которого только что крепко прижимала к груди, урча при этом, как собака над костью. Ребенок вскрикнул и остался лежать на земле, постанывая. При виде этой жестокости у Артура вырвался стон. Она же двинулась к нему с распростертыми объятиями, сладострастно улыбаясь; он отшатнулся и закрыл лицо руками. Но это не смутило ее, с томным, чувственным придыханием она заклинала:

– Иди же ко мне, Артур. Оставь их и иди ко мне. Мои объятия жаждут тебя. Иди, нам будет хорошо. Иди же ко мне, муж мой, иди!

В ее голосе была какая-то дьявольская сладость, он звучал как хрустальный колокольчик и подействовал на всех нас, и особенно на Артура – как завороженный, он уже протянул к ней руки. Она было

метнулась к нему, но тут вперед бросился Ван Хелсинг и простер меж ними руку с маленьким золотым крестиком. Люси отшатнулась от священного символа и с искаженным от злобы лицом бросилась ко входу в склеп.



Однако в нескольких шагах от двери замерла, будто остановленная непреодолимой силой, и обернулась. В неясном свете луны и фонаря, уже не дрожавшего в руках Ван Хелсинга, стало хорошо видно ее лицо. Никогда в жизни мне не приходилось видеть исполненного такой инфернальной злобы лица. Надеюсь, никто из смертных больше не увидит ничего подобного. Нежные краски превратились в багрово-синие, глаза метали искры дьявольского пламени, брови изогнулись,

будто змеи горгоны Медузы, а когда-то очаровательный рот, измазанный кровью, напоминал зияющий квадрат, как на греческих и японских масках. Если у смерти есть лицо, то мы его увидели.

Она стояла между крестом и священным препятствием, не пускавшим ее в склеп, не больше минуты, но нам это показалось вечностью.

Ван Хелсинг нарушил молчание, обратившись к Артуру:

– Ну, что скажешь, мой друг? Должен ли я исполнить свой долг?

Артур рухнул на колени и, закрыв лицо руками, простонал:

– Делайте, как сочтете нужным. Этот кошмар не может более продолжаться.

Ему стало дурно, мы с Квинси взяли его под руки. Ван Хелсинг, поставив фонарь, подошел к склепу, извлек из щелей сакральные печати и отступил в сторону. Мы были поражены: женщина, вроде бы со столь же реальной плотью, как и у нас, вдруг проскользнула в щель, через которую едва ли прошло бы лезвие ножа. С облегчением вздохнув, мы смотрели, как профессор вновь замазывал щели.

Закончив свою работу, он взял ребенка на руки и сказал:

– Идемте, друзья мои. До завтра нам тут делать нечего. В полдень здесь похороны, нам надо прийти сюда после их окончания. Друзья покойного разойдутся к двум, сторож закроет ворота, а мы останемся. Тогда-то и можно будет кое-что предпринять. Что же касается малютки, то он серьезно не пострадал, уже завтра будет здоров. Оставим ребенка где-нибудь на видном месте, чтобы полиция, как в ту ночь, сразу его нашла, и разойдемся по домам. – И, повернувшись к Артуру, тихо обратился к нему: – Друг мой Артур, на твою долю выпало тяжелое испытание. Но потом ты поймешь, что это надо пережить. Тебе сейчас плохо, дитя мое. Не убивайся, Бог даст, завтра в это время тебе станет легче. А до тех пор я не прошу тебя простить меня.

Ребенка мы оставили в безопасном месте. Артур и Квинси поехали ко мне; мы старались приободрить друг друга, а когда, едва живые от усталости, легли спать, то сон и реальность смешались для нас в одну кошмарную фантасмагорию.

29 сентября, вечер. Около двенадцати Артур, Квинси и я приехали к профессору. Не сговариваясь, мы все оделись в черное, хотя лишь Артур официально был в трауре. В половине второго мы уже прибыли на кладбище и в ожидании бродили по тенистым аллеям. Наконец могильщики закончили свои дела, и сторож, уверенный, что все ушли, запер ворота. Мы остались одни. Ван Хелсинг вместо своей обычной

небольшой черной сумки принес длинную кожаную, похожую на футляр для крикетных бит и явно тяжелую.

Мы молча последовали за профессором к склепу. Он открыл дверь, мы вошли и закрыли ее за собою. Ван Хелсинг вытащил из сумки фонарь, зажег его и две восковые свечи, установив их на соседние надгробия. Когда он поднял крышку гроба Люси – Артур дрожал как осиновый лист, – мы увидели покойницу во всей красе. В моей душе уже не было любви, только отвращение к мерзкому существу, принявшему облик Люси. Я видел, каким напряженным стало лицо Артура.

– Скажите, это Люси, – спросил он Ван Хелсинга, – или дьявол в ее обличье?

– Тело ее – и в то же время не совсем. Погодите немного, и вы увидите, какой она была и есть.

В гробу лежала Люси, но такой она могла нам привидеться лишь в страшном сне: острые зубы, окровавленные, сладострастные губы, на которые без содрогания невозможно было смотреть, – мертвое, бездушное существо, дьявольская насмешка над чистотой и непорочностью Люси. Ван Хелсинг, со свойственной ему последовательностью, начал выкладывать содержимое своей сумки: паяльник, свинцовый припой, маленькую масляную лампу, дававшую ярко-синее пламя, хирургические инструменты и, наконец, круглый деревянный кол, толщиной два с половиной – три дюйма и длиной около трех футов, обожженный и заостренный с одного конца. Потом он вынул тяжелый молоток, который обычно в домашнем хозяйстве используют для дробления угля. На меня уже один только вид ланцетов и скальпелей действует вдохновляюще, Артура и Квинси они явно смутили, но оба сохраняли мужество, молчали и терпеливо ждали.

Закончив приготовления, Ван Хелсинг сказал:

– Объясню вам, что я собираюсь делать, следуя опыту древних и всех тех, кто изучал феномен «живых мертвецов». На этих несчастных лежит проклятие бессмертия – умереть они не могут и из века в век влачат жалкое существование, увеличивая число своих жертв и умножая зло в мире, ибо все, кто умирает как их жертвы, сами становятся «живыми мертвецами» и, в свою очередь, плодят себе

подобных. Таким образом, круг постоянно расширяется, подобно кругам на воде от брошенного камня. Друг Артур, если бы Люси тебя поцеловала, помнишь, тогда, перед смертью, или вчера ночью, когда ты хотел обнять ее, то со временем, после своей кончины, и ты бы стал, как говорят в Восточной Европе, носферату[71] и пополнил бы собою число «живых мертвецов», наводящих на нас такой ужас. Эта милая несчастная леди еще только в самом начале своего страшного пути. Детям, кровь которых высасывала эта «фея», теперь не грозит опасность, но, если бы ее бессмертное существование продлилось, они были бы обречены: она возымела над ними особую власть, и они бы сами к ней приходили до тех пор, пока она бы окончательно их не обескровила. Но если она умрет по-настоящему, все прекратится: ранки затянутся, дети вернутся к своим играм и забудут о том, что с ними происходило. Но самое главное – освободится душа бедной Люси. Вместо того чтобы творить по ночам зло и все глубже погрязать в адской пучине днем, усваивая свою страшную добычу, она сможет занять свое место среди ангелов. Так что, мой друг, рука, которая нанесет ей удар освобождения, будет благословенной для нее. Я готов это сделать. Но, возможно, есть кое-кто, у кого на это больше прав? Не радостно ли будет потом, в ночной тиши думать: «Это моя рука спасла ее, ведь я больше всех любил ее, и эту руку она выбрала бы сама, если б могла выбирать». Скажите мне, есть ли такой среди нас?

Мы все смотрели на Артура. Он, как и мы, понял бесконечную доброту Ван Хелсинга, дававшего ему возможность восстановить для нас святость памяти Люси, и, выступив вперед, сказал смело, хотя руки его дрожали, а лицо было белым как снег:

– Мой верный друг, благодарю вас от всего своего разбитого сердца. Скажите мне, что нужно сделать, и я не дрогну.

Ван Хелсинг положил ему руку на плечо:

– Молодец! Немного мужества – это все, что от тебя требуется. Нужно вбить этот кол ей в сердце. Предупреждаю, это мучительное, но недолгое испытание, потом облегчение и радость превзойдут боль и страдание, ты выйдешь отсюда с легкой душой. Но, начав, ты не должен отступать. Думай лишь о том, что мы, твои верные друзья, рядом и молимся за тебя.

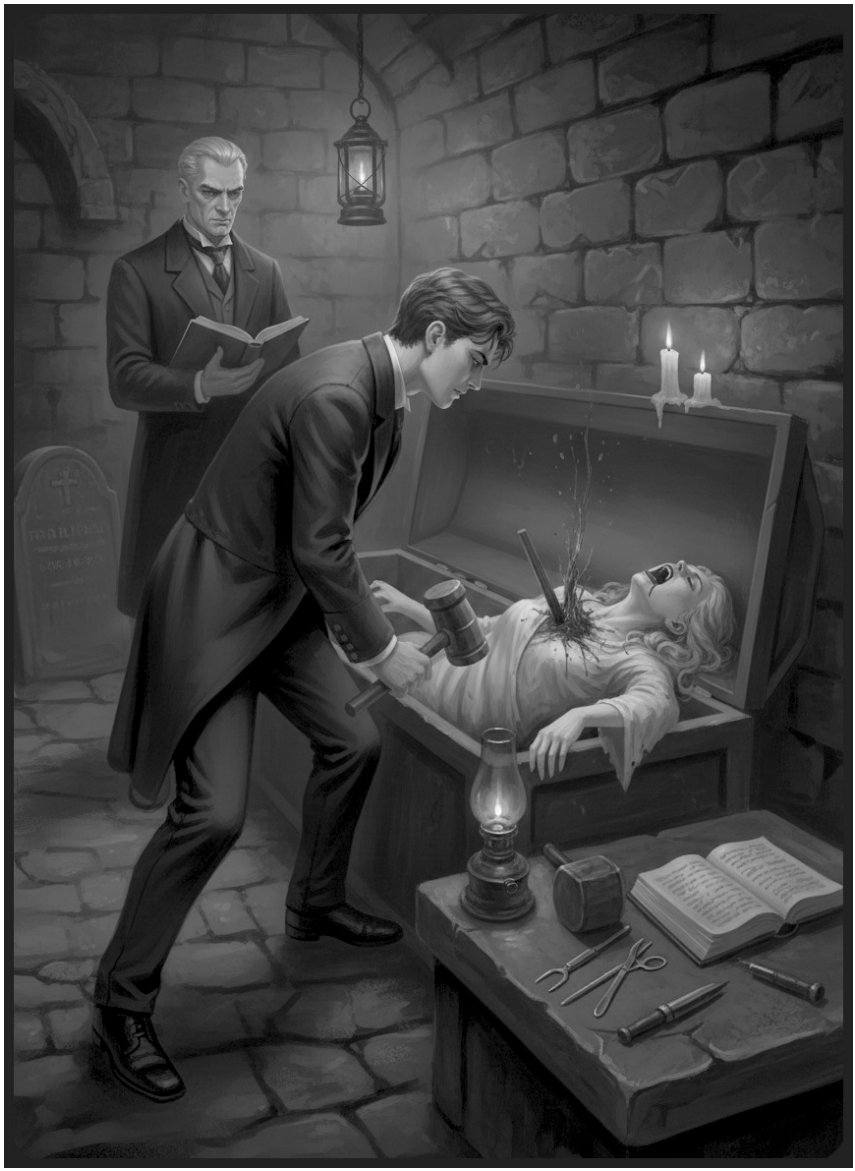
– Хорошо, – хрипло ответил Артур. – Говорите, что делать.

– Возьми кол в левую руку, а молоток – в правую. Когда мы начнем читать заупокойную молитву – я принес молитвенник, – бей, во имя Бога, чтобы покойной, которую мы любим, стало хорошо.

Артур взял кол и молоток, а уж если он решился, то рука у него не

дрогнет. Ван Хелсинг, открыв молитвенник, начал читать молитву, мы с Квинси, как могли, вторили ему. Артур приставил деревянное острие к сердцу и ударил изо всей силы.

Существо в гробу стало корчиться, и ужасный, леденящий душу вопль сорвался с красных губ. Тело тряслось и дрожало, извивалось в неистовых конвульсиях, лязгали острые белые зубы, прокусывая губы, рот был в кровавой пене. Но Артур не дрогнул. Похожий на Тора, он твердой рукой все глубже и глубже загонял свой благотворный кол в сердце, из которого фонтаном била кровь. Он был очень сосредоточен, лицо его излучало сознание высокого долга, это вселяло мужество в нас, и голоса наши звенели под сводами склепа.



Судороги явно слабели, перестали стучать зубы, разгладилось лицо… Тело покойной наконец успокоилось. Ужасный труд был закончен.

Молоток выпал из рук Артура. Он пошатнулся и упал бы, если бы мы его не поддержали. Пот градом катился у него со лба. Он задыхался – слишком чудовищным было напряжение. Если бы не высокая цель – во что бы то ни стало спасти душу своей невесты, – у

него не хватило бы сил. Несколько минут мы были заняты им и не обращали внимания на гроб, когда же взглянули туда, шепот изумления пробежал меж нами. Мы так внимательно всматривались, что Артур встал с земли, на которую в изнеможении присел, и подошел взглянуть. Мрачное лицо его осветилось радостью.

В гробу лежало уже не то отвратительное, вызывающее содрогание и ненависть существо, а Люси – такая, какой мы привыкли видеть ее при жизни, с милым, несравненной чистоты лицом. И хотя страдания и горе оставили на нем свои следы, Люси от этого была нам еще милее и дороже. Мы почувствовали, что спокойствие, которое, как солнечный свет, отразилось на ее измученном лице, было не чем иным, как знамением грядущего вечного покоя.

Ван Хелсинг положил руку на плечо Артуру и спросил:

– А теперь, друг мой Артур, мое дорогое дитя, ты простил меня?

Видимо, наступила реакция после колоссального напряжения – Артур взял руку старика, поцеловал и сказал:

– Простил! Да благословит вас Бог за то, что вы вернули душу моей любимой, а мне – покой.

Он обнял профессора и беззвучно заплакал. Мы стояли молча. Когда Артур несколько успокоился, Ван Хелсинг воскликнул:

– А теперь, дитя мое, если хочешь, можешь поцеловать ее, даже в губы, как, наверное, захотелось бы ей, если бы она могла выбирать. Люси больше не посланница дьявола, не принадлежащий ему «живой мертвец», не ужасное, навеки погибшее существо – она принадлежит Богу, душа ее отныне с Ним!

Артур наклонился и поцеловал покойную. Потом профессор отправил его с Квинси на воздух. А мы вдвоем отпилили кол, оставив его конец в сердце, отрезали ей голову и наполнили рот чесноком, затем запаяли свинец, привинтили крышку гроба и, собрав свои вещи, вышли. Заперев дверь, профессор отдал ключ Артуру.

Было тепло, светило солнце, пели птицы – казалось, вся природа настроена на покой, радость и веселье, поскольку мы сами обрели покой и радовались, хотя в этой радости сквозила печаль.

– Ну что же, друзья мои, – сказал Ван Хелсинг на прощание, – первый шаг сделан, самый мучительный шаг. Но впереди у нас – трудное дело: надо найти источник нашего горя и уничтожить его. У меня есть нить, которая позволит нам добраться до него, но это долгая и трудная задача, сопряженная с опасностью и страданием. Не возьметесь ли вы помочь мне? Мы ведь научились доверять друг другу, не так ли? А если так, то разве это не наш долг? Конечно! Так

дадим же обещание исполнить его до конца! – Мы все пожали ему руку, скрепив тем самым клятву. – Через два дня прошу вас пожаловать ко мне на ужин. Я представлю вам еще двух своих друзей, которых вы еще не знаете, и изложу вам наши планы и свои соображения. Друг Джон, пойдем ко мне, хочу посоветоваться с тобой, ты можешь мне помочь. Вечером я уезжаю в Амстердам, но завтра же вернусь. И тогда начнется великий поиск. Но сначала я хотел бы многое поведать вам, чтобы вы знали, что делать, чего опасаться. После этого мы должны будем дать друг другу слово, ибо перед нами ужасная задача, а уж взявшись за плуг, мы не должны отступать[72].

Глава XVII

ДНЕВНИК ДОКТОРА СЬЮВОРДА

(продолжение)

Когда мы приехали в гостиницу Беркли, Ван Хелсинга ждала телеграмма:

«Приеду поездом. Джонатан в Уитби. Важные новости. Мина Харкер».

Профессор был очень доволен:

– О, эта чудная мадам Мина, не женщина, а жемчужина! Но я не могу остаться, несмотря на ее приезд. Прими ее у себя, друг Джон. Ты должен встретить ее на вокзале. Только предупреди ее – телеграфируй прямо в поезд.

Отправив телеграмму, мы сели пить чай, и Ван Хелсинг рассказал мне о дневниках Джонатана Харкера и миссис Харкер.

– Возьми их и очень внимательно прочитай. К моему приезду хорошенько во всем разберись, возможно, это облегчит нам расследование. Береги дневники – в них много ценного. И много необычного – тебе трудно будет поверить в реальность этого, даже после сегодняшнего дня. Рассказанное здесь, – и он выразительно положил руку на стопку бумаг, – может быть, начало конца для тебя, меня и многих других, но оно же может приблизить конец «живых мертвецов», разгуливающих по нашей земле. Прочти, прошу тебя, без иронии, скепсиса и предубеждения и, если сможешь, добавь свои соображения, это крайне важно. Ты ведь тоже вел дневник о необычных явлениях? При встрече мы все сопоставим.

Потом он уложил вещи и поехал на вокзал, расположенный на Ливерпул-стрит, а я направился в Паддингтон и минут за пятнадцать до прихода поезда был там.

Обычной суеты, возникающей на платформе по прибытии поезда, я

не заметил и уж было забеспокоился, не пропустил ли свою гостью, когда ко мне подошла миловидная девушка и, окинув меня быстрым взглядом, спросила:

– Доктор Сьюворд, не так ли?

– А вы миссис Харкер? – мгновенно откликнулся я.

Девушка протянула мне руку:

– Я узнала вас по описанию моей бедной Люси, но… – Тут она запнулась и покраснела.

Я тоже покраснел и этим невольным откликом на ее смущение как бы снял возникшую было неловкость. Я взял ее багаж – среди вещей была пишущая машинка – и, послав депешу экономке, чтобы она приготовила гостиную и спальню для миссис Харкер, повез свою гостью по Подземной железной дороге[73] на вокзал на Фенчерч-стрит; там мы сели в поезд и отправились в Карфакс.

Миссис Харкер, конечно, знала, что мы едем в психиатрическую лечебницу, но, когда мы вошли на территорию, не смогла скрыть волнения.

Она спросила, нельзя ли ей чуть позднее зайти ко мне в кабинет – поговорить. И вот я жду ее, делая запись в свой дневник на фонографе. Я еще не успел прочитать материалы, которые дал мне Ван Хелсинг, хотя они уже лежат на столе передо мной. Надо будет чем-то занять ее, чтобы прочитать их. Она не представляет себе, как дорого время и какая нам предстоит работа. Разумеется, нужно быть деликатным и не обидеть ее. А вот и она!

ДНЕВНИК МИНЫ ХАРКЕР

29 сентября. Быстро приведя себя в порядок, я спустилась в кабинет доктора Сьюворда. У дверей на минутку замешкалась: показалось, он с кем-то разговаривает. Но, поскольку он просил меня не задерживаться, постучала в дверь и, услышав: «Войдите!» – вошла.

К моему удивлению, он был один, а на столе стоял аппарат, в котором я сразу, по описанию, узнала фонограф. Я никогда раньше его не видела и очень заинтересовалась.

– Надеюсь, не очень задержала вас, у дверей мне показалось, тут кто-то есть и вы с кем-то разговариваете.

– Нет, – улыбнулся он, – просто я делал записи в своем дневнике.

– Дневнике? – спросила я удивленно.

– Да, я записываю его на этом аппарате. – И он положил руку на фонограф.

Я была поражена:

– Да ведь это превосходит даже стенографию! А можно мне что-нибудь послушать?

– Конечно, – с готовностью ответил доктор и встал, чтобы включить аппарат, но вдруг замер в замешательстве. – Дело в том, – начал он неловко, – что на нем записан только мой дневник, а он целиком – или почти целиком – состоит из описаний историй болезни моих пациентов, поэтому как-то неудобно, то есть я имею в виду… – И смущенно замолчал.

Я попробовала вывести его из затруднительного положения:

– Вы помогали ухаживать за умирающей Люси. Позвольте мне послушать описание ее последних дней; я буду вам чрезвычайно благодарна. Люси очень, очень дорога мне.

К моему удивлению, он пришел в ужас:

– Рассказать вам о ее последних днях? Ни за что на свете!

– Но почему? – спросила я, и страшное предчувствие охватило меня.

Он молчал, очевидно подыскивая подходящую отговорку. Наконец пробормотал:

– Видите ли, я не могу найти в дневнике интересующее вас место. – Эта мысль ему явно понравилась, и он простодушно и совершенно иным тоном, с какой-то даже детской наивностью, воскликнул: – И это правда, честное слово! Ей-богу!

Я не могла сдержать улыбку, при виде которой он виновато потупил глаза и пробормотал:

– Да, я проговорился. Но поверьте, я вел этот дневник в течение нескольких месяцев, однако мне и в голову не приходило, каким образом в случае необходимости найти то или иное место.

Это окончательно убедило меня – наверняка дневник доктора, лечившего Люси, может существенно дополнить наши сведения о том ужасном Существе, и я пошла ва-банк:

– В таком случае, доктор Сьюворд, позвольте мне перепечатать ваш дневник на машинке.

Он побледнел как смерть и воскликнул:

– Нет! Нет! Нет! Ни за что на свете – вам лучше не знать эту ужасную историю!

Значит, все-таки была «ужасная история», моя интуиция меня не подвела! Я задумалась, размышляя, как быть, взгляд мой рассеянно скользил по комнате и вдруг упал на толстую пачку машинописных страниц на столе. Доктор перехватил мой взгляд и понял, о чем я думала.

– Вы не знаете меня, – поспешно зачастила я, – но, прочитав мой дневник и перепечатанный мною дневник моего мужа, вы поймете, что мне можно доверять. Я написала там все искренне, без утайки, но, разумеется, пока я не вправе рассчитывать на ваше доверие.

Конечно, он благородный человек, моя бедная Люси была права. Выдвинув большой ящик, в котором хранились сложенные по порядку полые металлические валики, покрытые темным воском, он сказал:

– Ну что ж, вы угадали: я не доверял вам, потому что не знал вас. Но теперь знаю, и мне жаль, что не знал прежде; Люси говорила вам обо мне, а мне – о вас. Позвольте мне искупить свое недоверие единственным доступным путем. Возьмите эти валики и прослушайте их – первые полдюжины не страшные, они относятся ко мне и позволят вам получше узнать меня. Я же пока прочитаю эти бумаги и попробую разобраться, что к чему. А за это время и ужин будет готов.

Доктор перенес фонограф в мою гостиную и наладил его, теперь я, наверное, познакомлюсь с другой стороной уже известной мне любовной истории – это, должно быть, интересно…

ДНЕВНИК ДОКТОРА СЬЮВОРДА

29 сентября. С головой уйдя в чтение поразительных дневников Джонатана Харкера и его жены, я потерял счет времени. Служанка доложила, что ужин готов, но миссис Харкер еще не спустилась, поэтому, предположив, что она устала, я попросил отложить ужин на час и продолжил чтение. Только закончил читать дневник миссис Харкер, как она вошла в кабинет, по-прежнему хорошенькая, но очень расстроенная, с покрасневшими от слез глазами. Это растрогало меня. Видит Бог, у меня в последнее время было много поводов для слез, но я лишен этой благодати, облегчающей душу, – не могу плакать, и вид этих милых заплаканных глаз до глубины души тронул меня.

– Боюсь, я расстроил вас.

– Что вы! Я бесконечно взволнована всем, что вы пережили. Этот замечательный аппарат жесток в своей правдивости. Он во всех тонкостях передал мне вашу душевную боль. Это крик души, обращенный к Богу. Никто не должен его слышать! Видите, я напечатала все на машинке, никто больше не подслушает биение вашего сердца.

– Никому больше не нужно знать об этом, и никто не узнает, – тихо пробормотал я.

Она положила свою руку на мою и воскликнула:

– Но ведь необходимо, чтобы узнали!

– Необходимо? Но почему? – удивленно вырвалось у меня.

– Потому что это частица общей ужасной истории, которая привела к смерти моей дорогой Люси; в предстоящей борьбе с этим чудовищем нам нужно собрать воедино все возможные сведения и силы, все, что может нам помочь. Думаю, благодаря этим валикам я узнала гораздо больше, чем вы полагаете. Ваши записи многое проясняют в этой мрачной тайне. Ведь вы позволите мне помочь вам? Пока эта история известна мне лишь до определенного момента: читая ваш дневник, я остановилась на записях, датированных седьмым сентября, но уже вижу, как подготавливалась ужасная гибель Люси. После встречи с профессором Ван Хелсингом мы с Джонатаном работали не покладая рук. Теперь мой муж поехал в Уитби, чтобы собрать дополнительную информацию, и приедет сюда завтра помогать нам. Мы не должны ничего скрывать друг от друга, полное доверие сделает нас всех сильнее, ничего хорошего не получится, если кто-то из нас будет блуждать впотьмах.

Она хоть и смотрела на меня умоляюще, но проявила такую стойкость и решительность, что я не мог не согласиться с нею:

– Поступайте в данном случае, как считаете нужным. Господи, прости меня, если я не прав! Вам предстоит узнать еще много ужасного, но раз уж вы прошли часть пути, то вы захотите дойти до конца. Более того, лишь конец – самый конец – и может дать вам проблеск надежды. А пока пойдемте поужинаем. Нужно поддерживать силы, нас ждут страшные и жестокие испытания. После ужина вы узнаете остальное, и я отвечу на все ваши вопросы, если что-то будет вам непонятно.

ДНЕВНИК МИНЫ ХАРКЕР

29 сентября. После ужина я прошла с доктором Сьювордом в его кабинет. Он принес фонограф из моей комнаты, а я – пишущую машинку. Усадив меня в удобное кресло и показав, как останавливать фонограф, если нужна пауза, доктор деликатно сел спиной ко мне, чтобы я чувствовала себя свободно, и вернулся к чтению. Я же надела наушники и стала слушать.

Выслушав до конца ужасную историю смерти Люси и все, последовавшее за нею, я без сил откинулась в кресле. К счастью, я не

склонна к обморокам. Однако, оглянувшись на меня, доктор Сьюворд с испуганным возгласом вскочил и быстро дал мне немного коньяку, что слегка подкрепило мои силы. Голова у меня шла кругом, и если бы не пробившийся сквозь эти кошмары обнадеживающий лучик – мысль о том, что моя милая, славная Люси обрела наконец покой, – едва ли я смогла бы выдержать все это, не сорвавшись на крик и не устроив истерику. Все это столь дико, таинственно, странно, что, если бы не трансильванский опыт Джонатана, я бы ни за что не поверила в реальность случившегося. Мне и так с трудом верилось. Принять и пережить все это трудно, и я решила занять себя делом. Сняв футляр с машинки, я предложила доктору Сьюворду:

– Давайте я все перепечатаю. Подготовимся к приезду профессора Ван Хелсинга. Я послала телеграмму Джонатану, чтобы он, вернувшись из Уитби в Лондон, сразу ехал сюда. А мы пока подготовим все материалы, расположим их в хронологическом порядке и тем самым уже многое сделаем – ведь в таком деле очень важна последовательность, система. Вы говорите, что лорд Годалминг и мистер Моррис тоже приедут, значит, наша работа пригодится.

Он поставил фонограф на малую скорость, и я начала печатать с седьмого валика. Под копирку я сделала три экземпляра дневника. Было уже поздно, когда я закончила работу. Доктор Сьюворд все это время читал – прервался лишь на вечерний обход. Вернувшись, снова принялся за чтение, сидя рядом со мной, чтобы я не чувствовала себя одиноко за работой. Он очень добр и внимателен; хотя на свете и существуют монстры, но все-таки много хороших людей – и это обнадеживает.

Перед уходом к себе я вспомнила запись в дневнике Джонатана о том, как разволновался профессор, прочитав что-то в вечерней газете на вокзале в Эксетере; поэтому, увидев, что доктор Сьюворд хранит газеты, я взяла подшивки «Вестминстерской газеты» и «Пэлл Мэлл» к себе в комнату. Я помнила, как вырезки из «Дейлиграф» и «Газеты Уитби» помогли нам разобраться в ужасных событиях, происшедших в Уитби, когда туда прибыл граф Дракула; возможно, я выясню еще что-нибудь, просмотрев вечерние газеты за тот период. Спать не хочется, а работа меня успокаивает.

ДНЕВНИК ДОКТОРА СЬЮВОРДА

30 сентября. Мистер Харкер приехал в девять. Он получил телеграмму от жены перед самым отъездом из Уитби. Судя по его лицу, он очень умен и энергичен. А судя по дневнику, мужественный

человек. Чтобы второй раз спуститься в тот подвал, нужно быть по-настоящему отважным человеком. Прочитав его дневник, я представлял его себе этаким сверхчеловеком, а увидел спокойного, деловитого джентльмена.

Позднее. После обеда Харкер и его жена пошли к себе, и чуть позже, проходя мимо их дверей, я услышал постукивание пишущей машинки. Эта история их явно занимает. По словам миссис Харкер, они по крупицам собирают все сведения и выстраивают их в хронологической последовательности. Харкеру удалось раздобыть переписку между отправителем ящиков из Уитби и получателем их в Лондоне. Теперь он читает мой дневник, перепечатанный его женой. Интересно, что же они из него извлекут. А вот и Харкер…

Надо же, мне и в голову не приходило, что соседний дом может быть убежищем Дракулы! Вот и пачка писем о покупке дома. А кто бы мог подумать, что поведение больного Ренфилда связано с появлением графа! О, если бы все это было известно нам раньше, мы бы спасли бедную Люси! Хватит! Так и с ума сойти недолго! Харкер вернулся к себе и продолжает сводить данные. Говорит, что к ужину они смогут восстановить всю последовательность событий. По его мнению, мне нужно повидать Ренфилда – до сих пор он был своеобразным барометром приездов и отъездов графа. Я еще не совсем улавливаю суть дела, но надеюсь, сопоставив даты, разобраться. Как хорошо, что миссис Харкер перепечатала мои фонографические записи! Иначе мы никогда бы не сориентировались в датах…

Ренфилд мирно сидел у себя в палате, ничего не делая и добродушно улыбаясь. Выглядел он абсолютно нормальным. Я сел и начал беседовать с ним на разные темы, он рассуждал обо всем вполне разумно. Потом заговорил о своем возвращении домой; прежде, за все время своего пребывания в больнице, он никогда не вспоминал об этом. Теперь же просто настаивал на своем немедленном уходе из больницы. Да, не поговори я с Харкером, не сопоставь даты деловых писем и время припадков Ренфилда, то, наверное, вскоре выписал бы его. Теперь же я настороже. Все его припадки неясным для меня образом связаны с графом, находившимся поблизости. А что значит его теперешнее невозмутимое спокойствие? Быть может, инстинктивно удовлетворен последним триумфом вампира? Ведь он и сам кровоядный, а у дверей часовни соседнего дома постоянно твердил о каком-то «хозяине» и «господине». Кажется, это тоже подтверждает наши догадки. Однако я не стал засиживаться у него; пожалуй, больной чуть-чуть слишком нормален – небезопасно зондировать его

вопросами. Еще чего доброго призадумается, и тогда… Поэтому я ушел. Ох уж мне эти его спокойные состояния! Не доверяю я им, вот и сейчас на всякий случай распорядился, чтобы санитар получше присматривал за больным и все время держал наготове смирительную рубашку.

ДНЕВНИК ДЖОНАТАНА ХАРКЕРА

29 сентября (в поезде по дороге в Лондон). Получив любезное письмо мистера Биллингтона о том, что он готов предоставить мне любую имеющуюся в его распоряжении информацию, я предпочел сам поехать в Уитби и все выяснить на месте. Хотел проследить путь ужасных ящиков графа до пункта назначения в Лондоне. Позже мы займемся ими. Биллингтон-младший, симпатичный юноша, встретил меня на вокзале и привез в дом отца – они пригласили меня переночевать у них. Им свойственно подлинно йоркширское гостеприимство: обеспечить всем необходимым и предоставить полную свободу действий. Зная, что я очень занят и приехал ненадолго, мистер Биллингтон приготовил в своей конторе бумаги об отправке ящиков. Я пережил очень неприятный момент, когда мне в руки попало письмо, которое уже видел у графа на столе, еще не зная о его дьявольских планах.

Просмотрев бумаги, я понял, что все было тщательно продумано, четко спланировано и точно исполнено. Казалось, граф предусмотрел любое, даже случайное препятствие, способное помешать исполнению его планов. Или, пользуясь выражением американцев, обеспечил стопроцентные гарантии; абсолютная точность в выполнении его инструкций была просто логическим следствием его предусмотрительности. Я снял копии с накладной: «Пятьдесят ящиков обычной земли – для опытов», с письма компании «Картер и Патерсон» и с ответа адвокатской конторы «Биллингтон и сын». Вот фактически все, что смог предоставить в мое распоряжение мистер Биллингтон.

Потом я направился в порт и поговорил с береговой охраной, таможенными чиновниками и начальником порта. У всех нашлось что рассказать об этой странной истории со шхуной, которая, казалось бы, уже давно должна была быльем порасти, но никто ничего не смог добавить к простому описанию «пятидесяти ящиков обычной земли». Встретился я и с начальником станции, он любезно свел меня с грузчиками, непосредственно занимавшимися погрузкой ящиков в поезд. Их квитанции соответствовали списку, и они ничего не могли

сообщить, кроме того, что ящики были «большие, тяжеленные и никто их не сопровождал». «Не было при них, – с сожалением буркнул один из грузчиков, – такого джентльмена, как вы, сквайр, чтобы оценить наш каторжный труд»; а другой многозначительно заметил, что даже со временем не ослабела возникшая тогда необычайная жажда. Излишне говорить, что, прежде чем проститься, я позаботился о том, чтобы надолго и в должной мере компенсировать этот поток жалоб.

30 сентября. Начальник станции был настолько любезен, что дал мне рекомендательную записку к своему старому приятелю – начальнику станции на Кингс-Кросс. Приехав утром в Лондон, я расспросил его о прибытии ящиков. Он тоже сразу свел меня с теми, кто этим занимался. Их квитанция также соответствовала накладной. Возникшая здесь жажда оказалась более умеренной, но я вновь позаботился об ее утолении.

Оттуда я направился в центральную контору «Картер и Патерсон», где меня встретили очень любезно. Они просмотрели свои журналы и позвонили в свое отделение на Кингс-Кросс, чтобы получить дополнительные сведения. К счастью, там оказались люди, сопровождавшие груз, чиновник сразу прислал их в центральную контору, передав с ними накладную и все бумаги, имеющие отношение к доставке грузов в Карфакс. Вновь я убедился в полном соответствии с квитанцией; грузчики смогли дополнить скудное описание груза некоторыми подробностями, относившимися исключительно к пыльному характеру работы и к возникшей в результате жажде. После того как я предоставил им возможность ее утоления с помощью государственного денежного знака, один из них заметил:

– Это был, сударь, самый странный дом, в котором я когда-либо бывал в своей жизни. Провалиться мне на этом месте! В нем никто не жил лет сто. Там была такая пылища, что хоть спать ложись – жестко не будет. И все там такое старое и в таком запустении, что мы враз почуяли смрад былых времен. А уж старая часовня – так в ней просто дух от страха захватывало! Уж конечно, мы постарались поскорее унести оттуда ноги. Господи, предложи мне фунт в минуту, я бы все равно ни за что не остался там после того, как стемнеет.

Я вполне разделял его чувства, но не стал говорить, что тоже бывал в этом доме, иначе его претензии могли бы возрасти.

Одним выяснившимся обстоятельством я доволен: все ящики, прибывшие из Варны в Уитби на «Димитрии», в целости и сохранности доставлены в старую часовню в Карфаксе. Их должно

быть пятьдесят, боюсь, правда, что несколько из них, судя по дневнику Сьюворда, куда-то перевезли. Попытаюсь найти возчиков, забиравших ящики из Карфакса, когда на них напал Ренфилд. Может быть, удастся узнать у них что-нибудь дельное.

Позднее. Мы с Миной работали весь день и привели бумаги в порядок.

ДНЕВНИК МИНЫ ХАРКЕР

30 сентября. Радость просто переполняет меня. Наверное, наступила реакция после периода постоянных опасений за Джонатана: не нанесли ли переживания в замке Дракулы непоправимого ущерба его здоровью. Сейчас мой муж умчался в Уитби, а у меня в душе все замерло от недобрых предчувствий. Однако активная деятельность ему явно полезна. Он никогда не был таким решительным и энергичным, как теперь. Милый, славный профессор Ван Хелсинг оказался прав: Джонатан – крепкий орешек, и испытания, которые слабого просто убили бы, делают его лишь более стойким. Он вернулся полный жизни, надежды, решимости; к вечеру мы все привели в порядок. Я очень волнуюсь. Наверное, любое живое создание, которое выслеживали бы так, как графа, вызвало бы сочувствие. Но то-то и оно, что это не человек и не зверь, а просто какое-то Существо. Достаточно почитать дневник доктора Сьюворда о смерти Люси и обо всех последующих событиях, чтобы в душе сразу иссякли все источники жалости.

Позднее. Лорд Годалминг и мистер Моррис приехали раньше, чем мы ожидали. Доктор Сьюворд и Джонатан ушли по делам, так что встретила их я. Для меня эта встреча была мучительной, ибо напомнила совсем недавние надежды Люси, прошло всего несколько месяцев. Конечно, Люси говорила им обо мне; оказалось, доктор Ван Хелсинг также «пел мне дифирамбы», как выразился мистер Моррис. Бедняги, никто из них не догадывается, что мне все известно о предложениях, которые они делали Люси. Чувствовали они себя неловко, не зная, насколько я посвящена в происходившее и о чем можно говорить со мной. Подумав, я решила, что лучше сразу открыть им все. Из дневника доктора Сьюворда мне известно, что они присутствовали при смерти Люси – ее настоящей смерти, – поэтому, надо полагать, я не выдам преждевременно никаких тайн, если скажу им, что прочитала все бумаги и дневники, перепечатала их на машинке, и мы с мужем только что привели все в порядок, выстроив события в хронологической последовательности. Итак, я вручила

каждому из них по экземпляру и предложила тут же прочитать.

Лорд Годалминг, полистав свой экземпляр – получилась солидная стопка бумаг, – спросил:

– И это все вы перепечатали, миссис Харкер? – А когда я кивнула, продолжил: – Не совсем понимаю, что вас побудило к этому, но вы такие милые, добрые люди и работали так серьезно и энергично, что мне остается лишь, не задавая лишних вопросов, постараться помочь вам. Я уже получил один урок, вполне достаточный для того, чтобы сделать человека смиренным до конца его дней. Кроме того, я знаю, вы любили мою бедную Люси…

Голос Артура дрогнул, в нем зазвучали слезы; закрыв лицо руками, он отвернулся.

Мистер Моррис на мгновение деликатно положил руку ему на плечо, а потом тихо вышел из комнаты. Мне кажется, есть нечто в самой природе женщины, что позволяет мужчинам открывать им душу, делиться чувствами, не испытывая при этом унижения мужского достоинства: оставшись со мной наедине, лорд Годалминг дал волю своему душевному состоянию.

Я села подле него на диван и взяла его руку. Надеюсь, он не счел это слишком смелым с моей стороны и не сочтет потом. Впрочем, я несправедлива к нему, ведь он – настоящий джентльмен. Видя, что сердце у него просто разрывается на части, я попыталась поддержать его:

– Я любила Люси и понимаю, что она значила для вас, а вы для нее. Мы были с нею как сестры. И теперь, когда ее больше нет с нами, позвольте мне быть вам сестрой и разделить ваше горе. Я знаю, как много выпало на вашу долю. Если сочувствие и сострадание хоть в какой-то мере могут поддержать вас, позвольте мне, ради Люси, помочь вам!

Несколько минут бедный Артур просто не мог справиться с собой. Казалось, нашла выход вся боль пережитого им в последнее время. У него началась истерика; в тоске и отчаянии он то простирал руки к небу, то заламывал их. Он метался по комнате, а слезы потоком текли по его щекам. Мне было бесконечно жаль Артура, я обняла его. Он положил мне голову на плечо и плакал, как измученный ребенок.

Вероятно, в сердце каждой женщины живет материнское чувство, заставляющее нас быть выше предрассудков и мирской суеты. На мгновение мне показалось, что голова этого взрослого, охваченного горем человека – голова ребенка, которую, может быть, когда-нибудь я прижму к себе. Я гладила его волосы так, будто это был мой сын. В ту минуту у меня и мысли не было, что это может выглядеть странно.

Вскоре Артур успокоился, попросил извинить его и сказал, что в

минувшие дни и ночи – томительные дни и бессонные ночи – он ни с кем не мог поделиться своим горем. Не было женщины, с которой, учитывая чудовищные обстоятельства, сопутствовавшие его горю, он мог бы откровенно поговорить.

– Теперь я понял, как я страдал, – сказал он, вытирая глаза, – но пока не знаю и, наверное, лишь со временем в полной мере оценю, что значило для меня ваше сочувствие, хотя и сейчас уже глубоко признателен вам. Позвольте мне стать вашим братом на всю жизнь – ради нашей дорогой Люси!

– Ради нашей дорогой Люси, – ответила я, пожимая ему руку.

– И ради вас, – добавил он. – Сегодня вы навсегда завоевали мое почтение и благодарность. И если когда-нибудь в будущем вам понадобится помощь, знайте, вам не придется долго ждать. Конечно, дай бог, чтобы ничто не затмило солнца в вашей жизни, но, если возникнет необходимость, обещайте, что известите меня.

Артур был очень серьезен.

– Обещаю, – сказала я, поняв, что это успокоит его.

Проходя по коридору, я увидела мистера Морриса, смотревшего в окно. Услышав мои шаги, он обернулся.

– Как Арт? – спросил он и заметил мои красные глаза. – А, я вижу, вы его утешали. Бедняга! Ему это необходимо. Только женщина может помочь мужчине, когда у него сердечное горе.

Сам он так стойко переносил свое горе, что у меня просто защемило сердце. В руках у него была рукопись; прочитав ее, подумала я, он поймет, как много мне известно. И я сказала ему:

– Я бы хотела утешить всех, кто страдает. Позвольте мне быть и вашим другом, и, пожалуйста, приходите ко мне, если я хоть чем-то смогу вам помочь. Позднее вы поймете, почему я так говорю.

Увидев, что я совершенно серьезна, он взял мою руку и поцеловал ее. Это показалось мне жалким утешением для такой мужественной, бескорыстной души, и, импульсивно потянувшись к нему, я поцеловала его. На глаза его навернулись слезы, на мгновение, казалось, у него перехватило дыхание, но он сказал совершенно спокойно:

– Милая девочка, вы никогда не раскаетесь в своей чистосердечной доброте! – И прошел в кабинет к своему другу.

«Милая девочка» – именно так он называл Люси! О, ей он доказал свою преданность!

Глава XVIII

ДНЕВНИК ДОКТОРА СЬЮВОРДА

30 сентября. Вернулся домой в пять часов. Годалминг и Моррис успели не только приехать, но и прочитать дневники и письма, собранные и систематизированные Харкером и его замечательной женой. Харкер еще не вернулся из своей поездки к возчикам, о которых мне писал доктор Хеннесси. Миссис Харкер напоила нас чаем, и, скажу откровенно, впервые с тех пор, как я живу здесь, старый дом стал похож на домашний очаг.

Когда мы закончили пить чай, миссис Харкер обратилась ко мне:

– Доктор Сьюворд, у меня к вам просьба. Хочу увидеть вашего пациента, мистера Ренфилда. Позвольте мне встретиться с ним. Меня очень интересует то, что вы написали о нем в своем дневнике.

Она была такой трогательной и милой, что я не мог ей отказать, да и никаких оснований для отказа не было. Поэтому я взял ее с собой.

Ренфилда я предупредил, что его хочет видеть одна дама, тот отреагировал лаконично:

– Зачем?

– Она осматривает дом, хотела бы видеть всех его обитателей.

– А, ну хорошо, – буркнул он, – конечно, пусть заходит. Только одну минутку, я немного приберу.

Уборка была своеобразной: он просто проглотил всех мух и пауков из своих коробок, прежде чем я успел его остановить. Бедняга явно опасался вмешательства в свой уклад жизни. Потом, сразу повеселев, сказал:

– Пусть дама войдет, – и уселся на край постели, опустив голову и глядя исподлобья, чтобы все-таки видеть гостью.

У меня промелькнуло опасение, не задумал ли он какой-нибудь фортель. Помня, каким спокойным он был перед нападением на меня в

моем же кабинете, я встал так, чтобы сразу перехватить его, если он только попытается броситься на миссис Харкер.

Она вошла в комнату с непринужденностью, обычно вызывающей доверие у всех сумасшедших: непринужденность – это как раз то качество, которое они очень ценят. Подойдя к нему, она с милой улыбкой приветствовала его:

– Добрый вечер, мистер Ренфилд! Как видите, я вас знаю по рассказам доктора Сьюворда.

Он ответил не сразу, внимательно и хмуро разглядывая ее. Потом на его лице возникло удивление, перешедшее в сомнение; затем, к моему изумлению, он воскликнул:

– Ведь вы не та девушка, на которой доктор хотел жениться? Впрочем, вы и не можете быть ею, ведь она умерла.

– О нет, – ответила гостья с милой улыбкой, – у меня есть муж, за которого я вышла замуж еще до знакомства с доктором Сьювордом. Я – миссис Харкер.

– Тогда что вы здесь делаете?

– Мы с мужем гостим у доктора Сьюворда.

– Лучше уезжайте.

– Почему же?

Я подумал, что разговор в таком духе столь же малоприятен миссис Харкер, как и мне, и попытался переменить тему:

– Откуда вы знаете, что я собирался жениться?

Ренфилд молча перевел взгляд с миссис Харкер на меня, потом снова уставился на нее, презрительно заметив:

– Ослиный вопрос!

– Не могу согласиться с вами, мистер Ренфилд, – вступилась за меня миссис Харкер.

Насколько презрителен он был со мной, настолько любезен и уважителен – с нею.

– Вы, конечно, понимаете, миссис Харкер, что когда человека так любят и уважают, как нашего доктора, то все, имеющее к нему отношение, интересует нашу маленькую общину. Доктора Сьюворда любят не только домочадцы и друзья, но даже его пациенты, хотя у некоторых из них нарушено душевное равновесие и они склонны путать причины и следствия. Будучи и сам постояльцем сей скорбной обители, я не мог не заметить, что ущербность мышления многих больных сводится к non causa и ignoratio elenchi[74].

Я просто открыл рот, услышав эту тираду. Мой любимый сумасшедший рассуждал на философские темы, демонстрируя манеры изысканного джентльмена. Интересно, не приход ли миссис Харкер затронул какую-то струну в его памяти. Независимо от того, была ли эта новая фаза самопроизвольной или же бессознательно инспирированной нашей милой гостьей, у этой женщины, несомненно, особая сила или дар.

Мы продолжали разговор. Увидев, что Ренфилд вполне разумен, миссис Харкер решилась, вопросительно взглянув на меня, навести его на любимую тему. И вновь я был поражен, услышав, как он беспристрастно, абсолютно здраво рассуждает и даже приводит себя в качестве примера.

– Ведь я и сам человек со странными представлениями. Ничего удивительного, что мои друзья встревожились и поместили меня сюда. Я вообразил, что жизнь – это некая ощутимая и вечная субстанция и что, поглощая множество живых существ, пусть даже находящихся на самом низком уровне развития, можно бесконечно продлевать свою жизнь. Временами я так сильно в это верил, что посягал и на человеческую жизнь. Доктор подтвердит, что однажды я пытался убить его, чтобы укрепить свои жизненные силы за счет его крови,

основываясь на Священном Писании, в котором сказано: «Ибо кровь – это жизнь». Хотя продажа некоего патентованного средства[75] опошлила эту общеизвестную истину.

Изумленный, я кивнул в знак согласия, не зная, что и думать: невозможно было представить себе, что пять минут назад этот человек на моих глазах с аппетитом поедал пауков и мух. Взглянул на часы – пора было ехать на вокзал встречать Ван Хелсинга. Я сказал миссис Харкер, что нам нужно идти. Она любезно попрощалась с Ренфилдом:

– До свидания, надеюсь еще увидеть вас, но в более благоприятных обстоятельствах.

На это, к моему великому удивлению, он ответил:

– Прощайте, дорогая. Молю Бога, чтобы я больше никогда не увидел ваше милое лицо. Да хранит вас Господь!

Я поехал на вокзал, а все остались дома. Бедный Арт немного повеселел, пожалуй, впервые со времени болезни Люси. И у Квинси прибавилось жизнерадостности – он стал похож наконец на самого себя.

Ван Хелсинг выпрыгнул из вагона с мальчишеской проворностью и бросился ко мне:

– А, друг Джон, ну, как дела? Хороши? Так! А я был очень занят – устраивал все таким образом, чтобы быть здесь, сколько потребуется. Мне надо о многом рассказать вам. Мадам Мина у тебя? Да? А ее чудный муж? А Артур и мой друг Квинси, они тоже у тебя? Прекрасно!

Пока мы ехали домой, я рассказал ему, что произошло за это время и как благодаря миссис Харкер пригодился мой дневник. Профессор перебил меня:

– Ах, эта удивительная мадам Мина! У нее глубокий, мужской ум – и женское сердце. Создав такое замечательное сочетание, Господь преследовал, поверь мне, определенную цель. Однако, друг Джон, до сих пор, по воле судьбы, эта женщина все время помогала нам, но с сегодняшнего вечера она больше не должна иметь отношения к этому ужасному делу. Нельзя подвергать ее такому риску. Уничтожить это чудовище должны мы, мужчины, – разве мы не дали обещание? Это не женское дело. Даже если ей не будет прямого ущерба, ее сердце может не выдержать таких ужасов. И она будет страдать наяву от нервных припадков, а во сне – от кошмаров. Кроме того, она молодая женщина, замужем недавно, надо подумать и о других вещах, о будущем. Ты говоришь, она все перепечатала? Тогда ладно, сегодня уж пусть она участвует в нашем разговоре, но завтра ей надо проститься с этим

делом, мы справимся сами.

Я от души согласился с ним и рассказал ему, что нам удалось выяснить в его отсутствие: дом, который купил Дракула, находится по соседству с моим домом. Профессор был изумлен и, как мне показалось, расстроен.

– О, если бы мы знали об этом раньше, – вздохнул он, – мы могли бы добраться до него и спасти бедную Люси. Однако после драки кулаками не машут. Не будем думать об этом, но пройдем путь до конца.

Ван Хелсинг задумался и молчал до самого дома. Прежде чем пойти переодеться к ужину, он сказал миссис Харкер:

– Я узнал, мадам Мина, от моего друга Джона, что вы с мужем привели в полный порядок все бумаги о происшедших событиях вплоть до настоящего момента.

– Не до настоящего момента, – невольно вырвалось у нее, – до сегодняшнего утра.

– А почему же не до настоящего момента? Мы уже видели, как важны были самые незначительные детали. Мы все поведали свои тайны, и никому от этого не стало хуже!

Миссис Харкер покраснела и вынула из кармана бумагу:

– Профессор Ван Хелсинг, пожалуйста, прочтите и скажите, стоит ли включать это? Здесь мое описание сегодняшнего дня. Я сочла необходимым записывать теперь все, даже пустяки, но здесь в основном все личного характера. Нужно ли это включать?

Профессор внимательно прочитал написанное и вернул ей со словами:

– Если вы возражаете, можно и не включать, но, по-моему, включить нужно. Ваш муж лишь еще больше полюбит вас, а мы, ваши друзья, еще больше станем вас чтить, уважать и – тоже любить.

Она, еще больше покраснев, с улыбкой взяла бумагу.

Таким образом, все что можно, вплоть до настоящего часа, собрано и приведено в порядок. Профессор тоже взял экземпляр, чтобы изучить рукопись после ужина до нашей встречи, назначенной на девять часов; таким образом, встретившись в кабинете, мы все уже ознакомимся с фактами и сможем обсудить план борьбы с ужасным и таинственным врагом.

ДНЕВНИК МИНЫ ХАРКЕР

30 сентября. Собравшись в кабинете доктора Сьюворда через два часа после ужина, мы невольно выглядели как участники заседания

какой-нибудь комиссии или комитета. Профессор Ван Хелсинг, по просьбе доктора Сьюворда, возглавил наше собрание. Меня он посадил справа от себя, предложив быть секретарем. Джонатан сел рядом со мной, лорд Годалминг, доктор Сьюворд и мистер Моррис – напротив.

– Надеюсь, вы все ознакомились с фактами, изложенными в этих бумагах, – начал профессор и, получив наше подтверждение, продолжил: – В таком случае, думаю, необходимо рассказать вам, с каким врагом мы имеем дело. Я расскажу вам также и историю его жизни, мне удалось это выяснить. И тогда мы сможем обсудить, как нам действовать и какие меры принять.

На свете существуют вампиры – у некоторых из нас была печальная возможность убедиться в этом. Но даже не имей мы собственного горького опыта, свидетельства и учения прошлого достаточно убедительны для разумных людей. Признаюсь, вначале я был настроен скептически. Не приучай я себя долгие годы воспринимать явления как они есть, непредубежденно, я не смог бы поверить этому факту, наверное, до тех самых пор, пока он не завопил бы мне в самое ухо: «Смотри! Смотри! Я существую! Существую!» Увы! Знай я с самого начала то, что знаю теперь, более того, догадайся я раньше – одна драгоценная жизнь была бы спасена, на радость всем любившим ее. Но возврата нет; и мы должны действовать, чтобы не дать погибнуть другим душам, пока мы еще можем их спасти. Носферату не умирает, как ужалившая пчела. Он лишь крепнет раз от раза и обретает еще большую способность творить зло. Вампир, живущий среди нас, силен, как двадцать человек. Ему помогает некромантия, то есть, в соответствии с этимологией этого слова, заклинание мертвых; мертвые, к которым он приближается, – в его власти; он жесток и даже более чем жесток, он – сам дьявол, и сердца у него нет. Носферату обладает способностью, в своих пределах, конечно, появляться когда и где угодно и в любом из своих обличий. Он может в некоторой степени управлять стихиями: бурей, туманом, громом. Ему послушны крысы, совы, летучие мыши, моль, лисы, волки; он может уменьшаться и увеличиваться в размерах, внезапно исчезать и являться невидимым.

Как же нам бороться с ним? Как найти его, а найдя, как уничтожить? Друзья мои, это очень трудно; мы беремся за страшное дело и можем столкнуться с такими ужасами, от которых содрогнутся даже самые мужественные люди. В случае нашего поражения и его победы – что ожидает нас? Расстаться с жизнью – это пустяк, я

опасаюсь не этого. Поражение в данном случае – не просто жизнь или смерть, а то, что мы уподобимся ему и превратимся в таких же мерзких существ, как и он, бессовестных и бессердечных, охотящихся за телами и душами наших близких. Небесные врата закроются для нас, и сможет ли кто-то открыть их для нас? Мы будем влачить свое существование, окруженные всеобщей ненавистью, мы станем темным пятном на лике божественного солнечного мира, стрелой, направленной против Того, Кто умер за всех нас. Но нас зовет долг; так неужели мы отступим? Скажу о себе – я не отступлю. Но я стар, и жизнь с ее солнечным светом, красотами, пением птиц, музыкой и любовью осталась в прошлом. Вы же все молоды. Некоторые из вас уже познали горе, но впереди еще немало прекрасных дней. Так что вы мне ответите?

Пока профессор говорил, Джонатан взял меня за руку. О, как же я сначала встревожилась, думая, что его охватил страх перед надвигающейся опасностью, и каким же счастьем было прикосновение этой сильной, надежной, решительной руки мужественного человека, говорящее само за себя…

Когда профессор закончил, мы с Джонатаном переглянулись – и поняли друг друга без слов.

– Я даю согласие за Мину и за себя, – сказал Джонатан.

– Рассчитывайте на меня, профессор, – как всегда лаконично, ответил мистер Квинси Моррис.

– Я с вами, – сказал лорд Годалминг, – ради Люси, даже если бы не было других причин.

Доктор Сьюворд просто кивнул. Профессор встал и, положив на стол свое золотое распятие, протянул руки в обе стороны. Мы все взялись за руки, таким образом скрепив наш союз. Меня пронизал холод, но мне и в голову не пришло отступить. Мы снова сели, и доктор Ван Хелсинг оживленно заговорил, что свидетельствовало о начале серьезной работы, которая требовала такого же внимания и сосредоточенности, как любое важное дело:

– Итак, вы знаете, с чем нам предстоит столкнуться, но и мы с вами не беспомощны. На нашей стороне сила единения, недоступная вампирам, с нами наука, мы можем свободно думать и действовать; день и ночь в равной степени принадлежат нам. Мы ничем не ограничены и можем свободно использовать свои преимущества. Мы решительны, преданы делу и бескорыстны – это немало.

Теперь посмотрим, каковы недостатки противостоящих нам сил?

Иными словами, в чем слабости вампиров вообще и данного вампира в частности.

Мы основываемся лишь на традиции и поверьях, вернее суевериях. На первый взгляд этого маловато, когда речь идет о жизни и смерти… или даже большем, чем жизнь и смерть. Тем не менее не стоит отчаиваться: во-первых, у нас нет иных источников, во-вторых, традиций и поверий вполне достаточно, чтобы найти оружие против нашего врага. Не на них ли основываются представления людей о вампирах? Впрочем, для нас – увы! – уже не только на них. Год назад кто бы из нас, людей XIX века – века науки, скептицизма, материализма, – поверил в существование вампиров? Мы даже старались не замечать то, что видели собственными глазами. Но придется признать, что наши представления о вампирах и способы избавления от них ныне те же, что и прежде.

Позвольте обратить ваше внимание на то, что упоминания о вампирах встречаются во всех культурах: в Древней Греции, в Древнем Риме, Германии, Франции, Индии, даже в Херсонесе; а в Китае, столь далеком от нас во всех отношениях, люди до сих пор боятся их. Вампиризм прослеживается в среде исландских берсерков, одержимых дьяволом гуннов, славян, саксонцев, мадьяр. Так что у нас есть исходные данные, и, должен сказать, очень многие поверья подтверждаются нашим собственным горьким опытом. Вампир умирает, как люди, когда приходит срок; он великолепно себя чувствует, если питается кровью живых. Более того, как мы наблюдали, в последнем случае он может даже молодеть; его жизненные силы восстанавливаются, если ему доступен его специфический корм. Но лишенный своего питания, он хиреет; ведь он не ест, как другие. Даже Джонатан, который провел с ним несколько недель, ни разу не видел, чтобы тот ел. Ни разу! Он не отбрасывает тени, не отражается в зеркале – опять-таки по наблюдениям Джонатана. Он очень силен – вспомним свидетельство Джонатана, как он отогнал волков от дверей или помог Джонатану сойти с дилижанса.

Как видно из рассказов о прибытии загадочной шхуны в Уитби, вампир может и сам превращаться в волка: это он разорвал собаку. Он может принять облик летучей мыши – мадам Мина видела его на подоконнике в Уитби, мой друг Квинси – у окна мисс Люси, а Джон заметил, как тот летел из соседнего дома. Он способен напускать вокруг туман – это обнаружил погибший капитан шхуны; впрочем, участок распространения тумана невелик – только вокруг него самого. Вампир возникает в лунном свете, как пыль, – Джонатан видел это в

замке Дракулы при появлении обитавших там женщин. Он может бесконечно уменьшаться – мы сами наблюдали, как мисс Люси, до того как обрела покой, проскользнула в склеп сквозь щель не толще волоска. Может, единожды проложив себе путь, проникать куда угодно и свободно выходить откуда угодно, даже если это запертые на замок помещения или герметически запаянные емкости. Он видит в темноте – немалое подспорье в нашем мире, наполовину погруженном во мрак.

А теперь слушайте меня внимательно! Да, вампир все это умеет, но он не свободен. Точнее, свободен так, как раб на галерах или сумасшедший у себя в палате. Он не властен пойти, куда ему захочется; выродок природы, он все же обязан подчиняться некоторым ее законам. Он не может войти ни в один дом, пока кто-нибудь из домочадцев не пригласит его; зато потом уже волен приходить, когда ему вздумается. Его могущество кончается с наступлением дня, как у всякой нечистой силы. То есть у него есть ограниченная свобода действий лишь в определенные моменты. Если он находится не на своей территории, то может менять облик лишь в полдень или же на восходе или закате солнца. Это отмечалось в прошлом и подтверждается нашим опытом.

Таким образом, если в отведенных ему пределах – в своем земном доме, в гробу, в преисподней, в неосвященном месте, например, мы видели, как он направлялся к могиле самоубийцы в Уитби, – вампир волен поступать, как ему угодно, то в других случаях он может менять свой облик лишь в определенное время. Известно, что он способен переходить через проточную воду лишь при слабом течении, при мелководье во время отлива. Существуют предметы, которые своим воздействием лишают его силы, например чеснок; что же касается священных символов, таких как мое распятие, освятившее наше решение, то для вампиров они ничего не значат, тем не менее эта нечисть старается держаться от них подальше и относится к ним с безмолвной почтительностью. Назову вам и другие предметы, это может вам понадобиться. Ветка шиповника, положенная на гроб вампира, не позволит ему выйти оттуда; освященная пуля, если выстрелить в гроб, действительно убьет его насмерть, так же как и кол, – в чем мы имели возможность убедиться; отрезанная голова обрекает его на вечный покой. Все это мы видели своими глазами.

Таким образом, разыскав прибежище того, кто некогда был человеком, мы можем заточить его в гроб и уничтожить, если воспользуемся уже известными нам средствами. Но он умен. Я

попросил моего друга Арминия из Будапештского университета навести о нем справки, и вот что он выяснил по доступным источникам. По-видимому, наш вампир действительно когда-то был тем самым воеводой Дракулой, который прославился в битве с турками на великой реке на самой границе с Турцией. Если это правда, тогда он недюжинный человек, потому что и в те времена, и много веков спустя он был известен как необыкновенно умный, хитрый и храбрый воин из «Залесья»[76]. Могучий ум и железная воля ушли вместе с ним в могилу, но теперь они направлены против нас. Дракулы были, пишет Арминий, великим и благородным родом, хотя современники подозревали, что кое-кто из них имел дело с нечистой силой. Многие тайны узнали они в школе дьявола в горах над Германштадтским озером[77], где каждый десятый ученик по соглашению становится подручным своего инфернального учителя. В рукописях встречаются такие слова, как «стрегойца» – ведьма, «ордог» и «покол» – Сатана и ад, а в одной из рукописей Дракула прямо назван «вампиром», теперь мы прекрасно понимаем почему. В его роду были великие мужи и жены, их славные останки освящают землю, в которой гнездится эта нечисть. То-то и ужасно, что это дьявольское существо обитает непременно по соседству с добром; его кости не могут находиться в земле, не освященной прахом предков.

В это время мистер Моррис начал пристально всматриваться в окно, затем тихо встал и вышел из комнаты. После недолгой паузы профессор продолжал:

– А теперь мы должны решить, что делать. У нас много данных, и нам надо заняться подготовкой нашей кампании. Джонатан установил, что из Трансильвании в Уитби прибыло пятьдесят ящиков земли, все они были доставлены в Карфакс; известно также, что несколько ящиков отправили в другое место. Мне кажется, прежде всего надо установить, находятся ли остальные ящики в соседнем доме или же их также куда-то перевезли, в таком случае мы должны проследить…

Тут нас неожиданно прервали. С улицы раздался пистолетный выстрел, окно пробила пуля, которая отскочила рикошетом от верхней части оконного проема и ударилась о противоположную стену комнаты.

Я вскрикнула – наверное, в душе я трусиха. Мужчины вскочили, лорд Годалминг бросился к окну, открыл его, и мы услышали голос мистера Морриса:

– Простите! Я, должно быть, напугал вас. Сейчас вернусь и объясню, в чем дело.

Через минуту он вошел и сказал:

– Конечно, глупость с моей стороны, прошу простить меня, миссис Харкер. Дело в том, что во время рассказа профессора прилетела огромная летучая мышь и села на подоконник. После недавних событий я просто не выношу этих мерзких тварей, поэтому я пошел и выстрелил в нее; теперь я всегда так делаю, когда вижу их по вечерам. Ты еще смеялся надо мной из-за этого, Арт.

– Вы попали в нее? – спросил Ван Хелсинг.

– Не знаю; думаю, нет – она улетела в лес.

И он сел на свое место, а профессор продолжил:

– Мы должны установить местонахождение всех ящиков, поймать и убить этого монстра в его укрытии или стерилизовать землю, чтобы он не мог больше в ней укрыться. Тогда в конце концов мы сможем найти его в человеческом образе между полуднем и заходом солнца, то есть когда он слабее всего. Теперь о вас, мадам Мина. Сегодня вечером вы участвуете в наших делах последний раз. Вы слишком дороги нам всем, чтобы подвергать вас такому риску. Больше вы нас ни о чем не расспрашивайте. Мы все расскажем вам в свое время. Мы – мужчины и должны сами справляться с проблемами. Вы же – наша звезда и надежда, мы будем гораздо свободнее в своих действиях, зная, что вы вне опасности.

Все мужчины, даже Джонатан, казалось, почувствовали облегчение. Итак, они будут подвергаться риску и, может быть, ослабят свою безопасность, заботясь обо мне, а я… Но они уже все решили, и, хотя эта пилюля показалась мне очень горькой, ничего не оставалось, как принять это проявление рыцарства.

Мистер Моррис завершил дебаты:

– Не будем терять ни минуты. Предлагаю осмотреть его дом сейчас же. В этом деле все решает время, а наши быстрые действия помогут избежать новых жертв.

Признаюсь, сердце у меня упало, когда пришло время браться за работу, но я ничего не сказала, больше всего опасаясь стать для них обузой или помехой – тогда они могут отстранить меня даже от участия в совещаниях. Итак, они отправились в Карфакс, намереваясь пробраться в дом.

Мне же, очень по-мужски, предложили лечь спать, как будто женщина может заснуть, когда ее любимый в опасности! Ну что же, лягу и притворюсь спящей, чтобы Джонатан лишний раз не волновался из-за меня, когда вернется.

ДНЕВНИК ДОКТОРА СЬЮВОРДА

1 октября, 4 часа утра. Только мы собрались выйти из дома, как принесли срочное послание от Ренфилда, спрашивавшего, не могу ли я немедленно повидать его – ему нужно сообщить мне нечто чрезвычайно важное. Я велел санитару передать ему, что зайду утром, а сейчас занят. Однако санитар пояснил:

– Он очень настаивает, сэр. Никогда не видел его в таком нетерпении. Конечно, наверняка я не знаю, но думаю, если вы с ним не повидаетесь, у него может случиться ужасный припадок.

Я знал, этот человек не будет говорить зря, поэтому ответил:

– Хорошо, сейчас приду. – И попросил остальных подождать, поскольку мне надо срочно навестить пациента.

– Возьми меня с собой, друг Джон, – сказал профессор. – Его случай, описанный в твоем дневнике, меня очень заинтересовал, и, кроме того, болезнь этого человека имеет отношение к нашему делу. Мне необходимо повидать его, особенно теперь, когда он в возбужденном состоянии.

– А можно и мне пойти? – спросил лорд Годалминг.

– А нам? – присоединились Квинси Моррис и Харкер.

Я кивнул, и мы все вместе пошли по коридору.

Ренфилд действительно был сильно возбужден, но говорил и держался гораздо лучше, чем прежде. Ему свойственно вполне объективное понимание собственного положения – никогда раньше я не наблюдал подобного у сумасшедших; к тому же он абсолютно уверен, что его аргументы гораздо убедительнее всех прочих.

Когда мы вошли к нему в палату, Ренфилд потребовал, чтобы я немедленно отпустил его домой, так как он выздоровел, и своими разговорами, манерой держаться стал показывать мне, насколько хорошо себя чувствует.

– Я взываю к вашим друзьям, возможно, они не откажутся высказаться по моему делу. Кстати, вы забыли нас познакомить.

Я был настолько поражен его поведением, что в тот момент меня не удивила необычность претензии сумасшедшего, находящегося в психиатрической лечебнице и требующего представить его посетителям. К тому же больной держался с достоинством истинного джентльмена, привыкшего к обращению с равными себе, поэтому я тотчас исправил свою ошибку:

– Лорд Годалминг, профессор Ван Хелсинг, мистер Квинси Моррис из Техаса – мистер Ренфилд.

Безумец по очереди пожал всем руки, даже нашелся что сказать каждому из присутствующих:

– Лорд Годалминг, я имел честь быть одно время помощником вашего отца в Уиндеме[78]; очень огорчен тем, что, судя по вашему титулу, его уже нет в живых. Этого в высшей степени достойного человека любили и уважали все, кому довелось знать его; мне рассказывали, что в молодости он придумал жженый ромовый пунш, нынче популярный на празднике в Дерби…[79]

Мистер Моррис, вы должны гордиться своим великим штатом. Его принятие в состав Соединенных Штатов[80] – прецедент, который будет иметь далеко идущие последствия, настанет день, когда и полюс, и тропики присягнут на верность звездно-полосатому флагу… Мощь американского государства может возрасти настолько, что доктрина Монро отойдет в область политических преданий[81].

О, как мне выразить удовольствие от встречи с Ван Хелсингом? Сэр, я не прошу прощения за то, что не предваряю ваше имя обычными титулами. Когда человек совершил революцию в терапии своим открытием бесконечной эволюции субстанции мозга, обычные ученые степени становятся неуместны, так как низводят великое имя до обыкновенного. Вас, джентльмены, самой своей принадлежностью к славным фамилиям, роду, природными дарованиями призванных занимать почетное место в этом непрестанно меняющемся мире, приглашаю в свидетели: я столь же нормален, как и большинство людей, пользующихся полной свободой. Уверен, что вы, доктор Сьюворд, гуманист и юридически образованный врач, сочтете своим моральным долгом отнестись ко мне как к человеку, попавшему в экстремальную ситуацию и заслуживающему самого серьезного отношения к его просьбе.

Все буквально опешили. На миг даже мне, знакомому с характером и историей его болезни, показалось, что рассудок вернулся к нему, и у меня возникло сильное желание сказать ему, что я удовлетворен его состоянием и позабочусь о формальностях, необходимых для его выписки утром. Но потом все же решил подождать, прежде чем делать такое серьезное заявление, зная по опыту, что больной подвержен внезапным рецидивам. Поэтому я ограничился общим замечанием о значительном улучшении его состояния, обещая утром подробнее поговорить с ним и подумать, что можно сделать для удовлетворения его просьбы.

Это совершенно не устраивало Ренфилда.

– Боюсь, доктор Сьюворд, что вы не совсем поняли меня. Я хочу уехать немедленно, сейчас, сию минуту. Время не ждет – суть моего – да и всех нас! – негласного соглашения с Костлявой. Уверен, что

такому великолепному практику, как доктор Сьюворд, достаточно услышать столь простое, но не терпящее отлагательства желание, чтобы его исполнение было гарантировано.

Он внимательно посмотрел на меня и, угадав отказ на моем лице, повернулся к остальным, испытующе вглядываясь в каждого из них. Однако, не найдя отклика и здесь, заметил:

– Неужели я ошибся в своем предположении?

– Да, ошиблись, – сказал я откровенно, но прозвучало это, как сразу сам и почувствовал, грубо.

Наступило молчание, потом Ренфилд медленно произнес:

– Тогда позвольте несколько по-иному выразить мою просьбу. Прошу вас об уступке, милости, привилегии, как угодно. Готов умолять – не ради себя, а ради других. Я не вправе сообщить вам все свои мотивы, но, поверьте, это добрые, серьезные, бескорыстные мотивы, основанные на высоком чувстве долга. Если бы вы могли, сэр, заглянуть в мое сердце, то непременно разделили мои чувства. Более того, причислили меня к своим лучшим и самым верным друзьям.

Вновь он обвел нас испытующим взглядом. У меня же крепло убеждение в том, что внезапная перемена в его манере выражаться, в его логике – лишь новая форма или фаза сумасшествия, и я решил дать ему возможность продолжать, ибо знал по опыту, что, как все сумасшедшие, он в конце концов себя выдаст.

Ван Хелсинг разглядывал Ренфилда так внимательно, что его густые брови почти сошлись от напряженной сосредоточенности взгляда. Он обратился к моему больному тоном, которой поразил меня, но не тогда (сразу я не обратил на это внимания), а потом, когда вспомнил, – это был тон обращения к равному:

– Не могли бы вы откровенно изложить подлинную причину вашего желания выйти на свободу именно этой ночью? Ручаюсь, если вы убедите меня – постороннего, лишенного предрассудков, обладающего открытым умом, – то доктор Сьюворд на свой страх и риск, под свою ответственность предоставит вам эту привилегию.

Ренфилд грустно покачал головой с выражением горького сожаления на лице. Тогда профессор продолжал:

– Послушайте, сэр, образумьтесь! Вы требуете, чтобы к вам отнеслись как к совершенно здоровому человеку, стараетесь произвести на нас впечатление своей разумностью, здравым смыслом, а у нас есть основания сомневаться в вашем выздоровлении – вы же еще не прошли весь курс лечения. Если вы не поможете нам в нашей попытке выбрать самый правильный образ действий, то как же мы

сможем оказать вам помощь, которой вы ждете от нас? Будьте благоразумны, помогите нам, а мы, если это в наших силах, пойдем вам навстречу.

Ренфилд, вновь покачав головой, ответил:

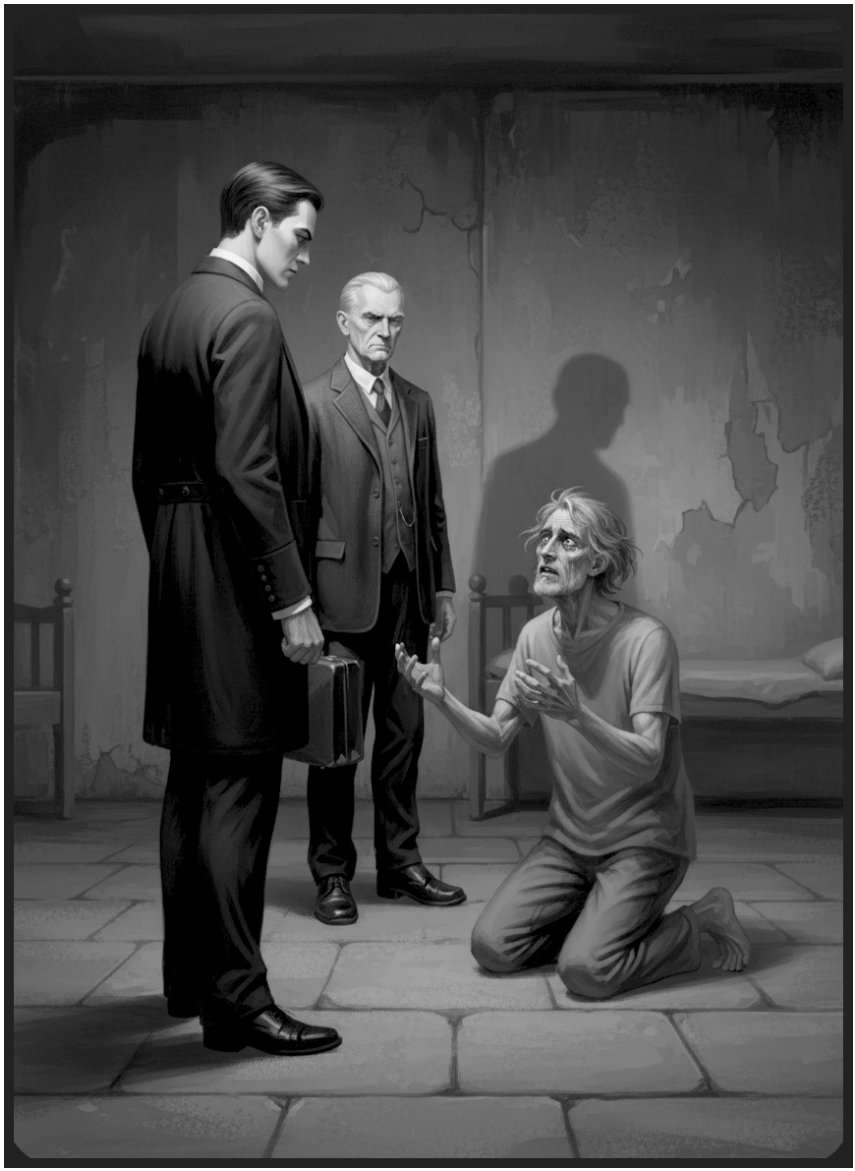
– Мне нечего сказать, профессор Ван Хелсинг. Ваши аргументы убедительны, и, будь я вправе говорить, у меня бы не было ни малейших колебаний, но в моем случае не я хозяин положения. Могу лишь просить вас поверить мне. В случае отказа я снимаю с себя всякую ответственность.

Я решил, что пора прекратить эту сцену, приобретающую уже какую-то комическую серьезность, и направился к двери, сказав:

– Идемте, друзья мои. У нас еще есть дело. Спокойной ночи, Ренфилд.

Однако, когда я был уже у самой двери, с больным произошла разительная перемена. Он бросился ко мне так стремительно, что у меня мелькнула мысль о новом покушении. Но мои подозрения были напрасными: он умоляюще простер ко мне руки, безмолвно повторяя свою просьбу об освобождении. Мгновенно сообразив, что такой переизбыток эмоций работает против него, он тем не менее сделался еще экспансивнее.

Я взглянул на Ван Хелсинга и, увидев в его глазах подтверждение своего мнения, стал еще строже и жестом показал Ренфилду, что все его усилия напрасны. Мне уже и раньше приходилось наблюдать, как в нем нарастало возбуждение, когда он требовал чего-то важного для себя, например кошку. Я ожидал обычной угрюмой покорности после категорического отказа, но мои ожидания не оправдались: убедившись, что ему отказано, он впал в настоящее неистовство – бросился на колени, протягивая ко мне руки, ломая их в жалобной мольбе, слезы ручьем катились по его щекам, лицо и фигура выражали глубочайшее волнение.



– Взываю к вам, доктор Сьюворд, о, просто умоляю – сейчас же выпустите меня из этого дома. Вышлите меня, как и куда угодно, в цепях, с кнутами, в сопровождении санитаров, в смирительной рубашке, скованного по рукам и ногам, хоть в тюрьму, только дайте уйти отсюда. Вы не понимаете, что творите, оставляя меня здесь. Говорю вам от чистого сердца, от всей души. О, если бы вы знали, кому вредите и как! О, если бы я мог вам сказать! Горе мне, ибо я не

могу! Во имя всего, что для вас свято и дорого, в память о вашей погибшей любви, ради еще живущей в вас надежды, ради всемогущего Господа, увезите меня отсюда и спасите мою душу от гибели! Неужели вы не слышите меня, люди? Не понимаете! И ничто вас не учит! Неужели вы не видите, что я в здравом уме и не шучу, что я не сумасшедший в припадке безумия, а нормальный, разумный человек, защищающий свою душу?! О, услышьте меня! Услышьте! Отпустите! Отпустите! Отпустите!

Понимая, что, если это еще продлится, он совсем разойдется и кончится все припадком, я, взяв его за руку, поднял с колен.

– Довольно, довольно, более чем достаточно. Ложитесь в постель и успокойтесь, возьмите себя в руки.

Ренфилд неожиданно затих и внимательно посмотрел на меня. Потом, не говоря ни слова, сел на край постели. Силы покинули его, как я и ожидал.

Когда я последним выходил из палаты, он сказал мне каким-то неестественно спокойным голосом:

– Думаю, со временем вы оцените по заслугам мою сегодняшнюю попытку, доктор Сьюворд, – я сделал все, что мог, пытаясь убедить вас.

Глава XIX

ДНЕВНИК ДЖОНАТАНА ХАРКЕРА

1 октября, 5 часов утра. С легким сердцем отправляюсь я вместе с остальными в соседний, принадлежащий графу дом, ибо давно уже не видел Мину в таком прекрасном настроении. Я так рад, что она согласилась отойти от этого дела, предоставив заниматься им нам, мужчинам. Мне все время было не по себе оттого, что она участвует в этом опасном предприятии. Но теперь ее миссия закончена, а ведь благодаря именно ее энергии, уму и предусмотрительности удалось воссоздать полную картину событий, связать концы с концами так, что каждая деталь обрела смысл. Она свое дело сделала, остальное ложится на наши плечи.

Мне кажется, всех немного расстроила сцена с мистером Ренфилдом. Выйдя из его комнаты, мы хранили тяжелое молчание, пока не вернулись в кабинет.

– Слушай, Джек, – обратился мистер Моррис к доктору Сьюворду, – если этот человек не блефовал, то это самый разумный сумасшедший на моем веку. Стопроцентной уверенности у меня, конечно, нет, но, похоже, у него в самом деле была серьезная причина, и с ним обошлись сурово.

Лорд Годалминг и я молчали, а профессор Ван Хелсинг заметил:

– Друг Джон, разумеется, ты знаешь о сумасшедших больше меня, и я этому рад, но, боюсь, если бы решать пришлось мне, я бы отпустил его, не будь этой истерики в конце. Но век живи – век учись, а в нашем деле нельзя рисковать без страховки, как сказал бы мой друг Квинси. Что ни делается – делается к лучшему.

Доктор Сьюворд ответил им довольно туманно:

– Не знаю! Но, пожалуй, я с вами согласен. Если бы этот человек был обычным сумасшедшим, наверное, ему бы можно было поверить,

но он явно связан с графом, и я боюсь наломать дров, потакая его причудам. Помню, он с такой же страстью молил о кошке и кидался на меня, чтобы перегрызть мне горло. Кроме того, он называл графа «господин» и «хозяин» и, возможно, хочет выйти на волю, чтобы каким-нибудь дьявольским образом помочь ему. А уж этот монстр, со всеми его волками, крысами и прочей нечистью, думаю, не побрезгует и респектабельным безумцем. Хотя согласен: на сей раз Ренфилд выглядел вполне респектабельно. Но надеюсь, мы поступили правильно. Все, что связано с этим жутким делом, способно вывести из равновесия любого человека.

– Друг Джон, не волнуйся, – мягко сказал профессор, положив ему руку на плечо. – Мы постараемся исполнить свой долг в этой очень печальной и тяжелой ситуации и будем стремиться поступать наилучшим образом. Остается лишь надеяться на милосердие всемогущего Господа.

Лорд Годалминг вышел на несколько минут из комнаты и вернулся с серебряным свистком.

– В этой старой развалине, – заметил он, – вероятно, полно крыс; будем их распугивать свистком.

Перебравшись через стену, мы направились к дому, стараясь держаться в тени. Когда мы подошли к крыльцу, профессор открыл сумку и, вытащив оттуда всякую всячину, разложил на ступеньках на четыре кучки, видимо, для каждого из нас.

– Друзья мои, – сказал он, – мы занялись очень опасным делом и нуждаемся в защите. Наш противник – не просто призрак. Помните, он силен, как двадцать взрослых мужчин, при этом наши с вами шеи можно сломать и свернуть, а на него обычной силой воздействовать нельзя. Несколько человек, которые в совокупности сильнее, чем он, еще могут иногда удержать его, но нанести ему увечье – так, как это способен сделать он, – люди, конечно, не в состоянии. И нужно остерегаться его прикосновений. Носите это поближе к сердцу, – и он протянул мне, стоявшему ближе всех, маленькое серебряное распятие, – а цветы наденьте себе на шею, – и дал каждому венок увядших цветов чеснока, – а для других, более земных врагов, этот револьвер и нож. И на всякий случай вот вам маленькие электрические лампочки, вы можете прикрепить их себе на грудь, но самое главное и важное – вот это, с сей священной материей мы должны обращаться очень бережно, не расточая понапрасну.

Он положил в конверт маленький кусочек освященной облатки и передал мне. Все остальные получили то же самое.

– А теперь, друг Джон, – спросил он, – где отмычки? Если нам удастся открыть дверь, то не придется ломиться в дом через окно, как тогда у мисс Люси.

Доктор Сьюворд, попробовав несколько отмычек, быстро нашел подходящую – сказалась сноровка хирурга. После некоторого раскачивания взад-вперед дверь подалась и, зловеще скрежеща ржавыми петлями, медленно отворилась. Это поразительно напомнило мне описанное в дневнике доктора Сьюворда – наверное, с таким же отвратительным скрежетом открывалась дверь склепа мисс Вестенра. Похоже, это же пришло в голову и остальным: не сговариваясь, все отпрянули. Профессор первым вошел в открывшуюся дверь.

– В руки Твои предаю дух мой! – И перекрестился, переступая порог.

Мы закрыли за собой дверь, чтобы свет фонариков не привлек ничьего внимания. Профессор тщательно проверил, как работает замок – сможем ли мы быстро отпереть его, если будем торопиться к выходу, – и мы приступили к поискам.

Лучи ли наших фонариков перекрещивались, создавая причудливую игру света, или это мы отбрасывали гигантские тени, но я не мог избавиться от ощущения, что в доме был кто-то еще. Скорее всего, под воздействием мрачной обстановки во мне ожили воспоминания о страшных переживаниях в Трансильвании. Но, кажется, остальные ощущали то же самое – они, как и я, оглядывались на каждый шорох, каждую тень.

Все было покрыто густым слоем пыли. Казалось, пол покрывал сплошной серый ковер, за исключением тех мест, где были видны свежие следы; осветив их фонариком, я различил отпечатки сапожных гвоздей с широкой шляпкой. Слой пыли лежал и на стенах, даже развешенные по углам сети паутины провисали под ее тяжестью, подобно старым лохмотьям. В зале на столе лежала большая связка ключей с пожелтевшими ярлыками на каждом из них. По-видимому, ими несколько раз пользовались – в слое пыли на столе имелись прогалины, подобные той, что образовалась, когда профессор взял связку. Он повернулся ко мне и спросил:

– Вы ведь знаете этот дом, Джонатан? Вы же делали копию его плана, во всяком случае, вам он знаком больше, чем нам. Как пройти в часовню?

Я приблизительно представлял себе, где она находится, хотя в свой первый визит сюда и не смог попасть в нее. В конце концов, после нескольких неверных поворотов, я все же привел моих спутников к

низкой, сводчатой дубовой двери, обитой железными полосами.

– Вот где мы, – пробормотал профессор, осветив лампочкой маленький план дома, скопированный с моих документов для приобретения дома.

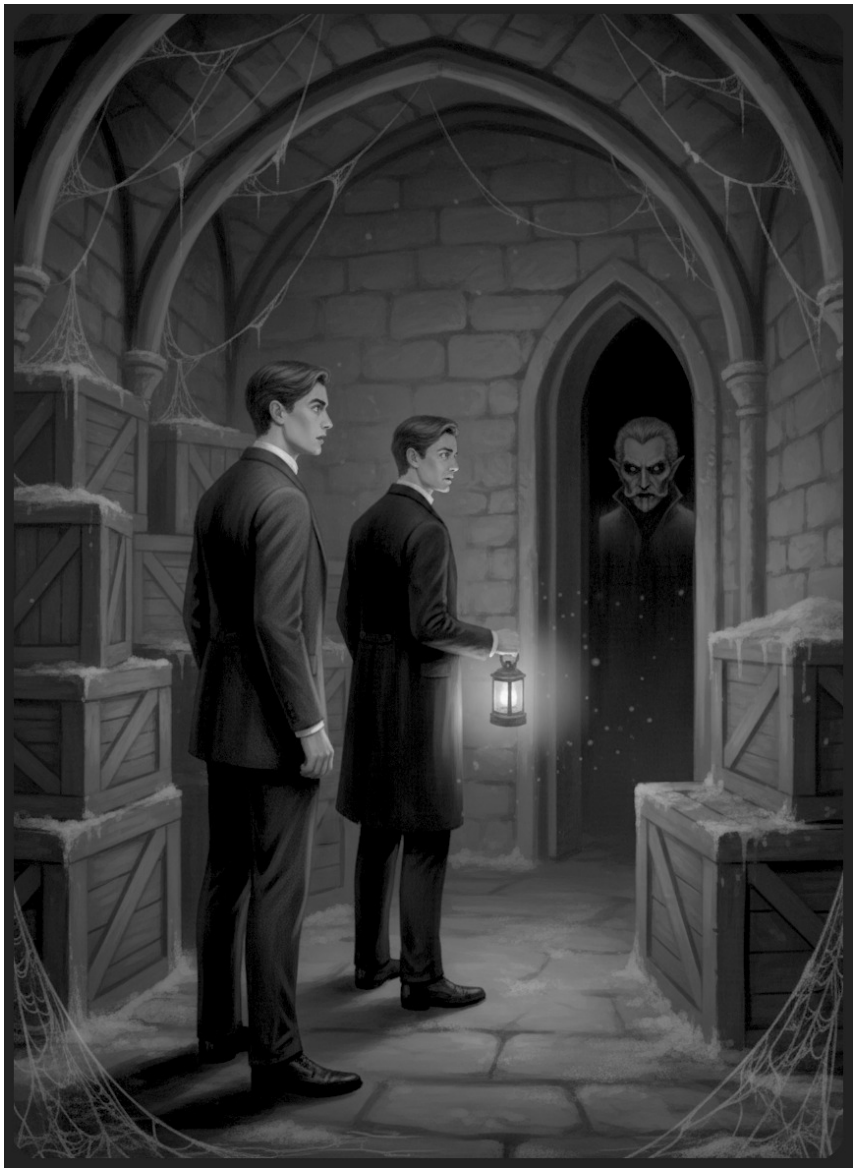
Мы подобрали ключ из связки и открыли дверь. Конечно, мы готовились к чему-то неприятному, тем более что сквозь щели просачивался слабый нехороший запах, но такого страшного смрада не ожидал никто. Только мне довелось встречаться с графом, однако тогда он постился, впрочем, один раз я видел его напившимся кровью, но это было в сравнительно хорошо проветривавшейся замковой часовне. В этом же закрытом и тесном помещении воздух был затхлым и зловонным – пахло гниющей землей и какими-то тошнотворными испарениями. Как описать этот смрад? Не просто запах разложения, смешанный со сладковатым запахом крови, но, казалось, это был сам тлен. Фу! Меня мутит от одного воспоминания. Дыхание этого монстра, казалось, отравило воздух и само место, сделав его еще отвратительнее.

В обычных обстоятельствах зловоние, конечно, положило бы конец нашему предприятию, но обстоятельства были из ряда вон, благородная цель придавала нам силы, позволившие преодолеть физическое отвращение. Справившись с приступом гадливости, вызванным первой тошнотворной волной смрада, мы взялись за работу, как будто находились в саду, полном роз.

– Прежде всего, – наставлял профессор, – нужно установить, сколько осталось ящиков, потом обследовать каждую дыру, угол, щель; возможно, прояснится, куда делись остальные.

Мы внимательно осмотрели помещение. Достаточно было одного взгляда, чтобы определить, сколько осталось ящиков – громадные, невозможно не заметить. Из пятидесяти – лишь двадцать девять!

Лорд Годалминг внезапно повернулся к двери и заглянул в глубь темного коридора. Я посмотрел туда же, и на секунду у меня остановилось сердце: силуэт графа, его мертвенно-бледное зловещее лицо с горбатым носом, красными глазами и губами.



Когда спустя мгновение призрак исчез, лорд Годалминг воскликнул:

– Мне почудилось чье-то лицо, но это лишь игра теней.

И он возобновил осмотр, я же осветил коридор фонариком: там никого не было – только толстые капитальные стены, спрятаться графу было некуда. Решив, что у меня от страха просто разыгралось воображение, я никому ничего не сказал.

Несколько минут спустя Моррис, осматривая какой-то угол, внезапно отпрянул. Мы все моментально взглянули в его сторону – нервное напряжение явно возрастало – и увидели множество фосфоресцирующих точек, мерцавших, как крохотные звездочки: это хлынул поток крыс.

Мы застыли в шоке, все, кроме лорда Годалминга, явно предвидевшего эту встречу. Бросившись к огромной, обитой железом дубовой двери – ее вид снаружи описал доктор Сьюворд, да и я ее видел, – он повернул ключ в замке, отодвинул большие засовы и, распахнув ее, пронзительно свистнул в маленький серебряный свисток. Ему ответил собачий лай у дома доктора Сьюворда, и через минуту из-за угла показались три терьера.

Мы невольно отступили к двери, и я заметил, что в этом месте слой пыли нарушен – видимо, здесь выносили ящики. А крыс становилось все больше. В лучах фонариков, освещавших их юркие темные спины и мерцающие зловещие глаза, стало казаться, будто земляной пол усеян светлячками. Собаки бросились к нам, но у порога вдруг остановились, зарычали, а потом, одновременно подняв морды кверху, жалобно завыли. Крысы заполнили уже почти все пространство, и нам пришлось выйти.

Тогда лорд Годалминг взял одну из собак на руки, внес ее внутрь и опустил на пол. Едва ее лапы коснулись земли, как к ней вернулся ее инстинкт, и она храбро ринулась на своих исконных врагов. Успев разделаться лишь с десятком-другим крыс, она так быстро обратила их в бегство, что другим собакам, попавшим внутрь тем же способом, досталось уже совсем мало добычи.

После бегства крыс мы почувствовали облегчение, будто избавились от присутствия темных сил; собаки носились и весело лаяли на тела поверженных врагов, переворачивая их, встряхивая, подкидывая в воздух. К нам вернулось бодрое настроение. То ли атмосфера как-то посвежела после того, как мы открыли дверь часовни, то ли мы сами испытали облегчение, выйдя на воздух, но, несомненно, страх и напряжение спали, и наш приход сюда утратил тяжелую, мрачную значительность, хотя мы ни на йоту не поколебались в своей решимости.

Заперев дверь и взяв с собой собак, мы осмотрели дом, но ничего не нашли, кроме необычайно толстого слоя пыли, нетронутая поверхность которой хранила лишь мои собственные следы, оставленные мной во время первого посещения. Собаки вели себя спокойно и, даже когда мы вернулись в часовню, рыскали по ней, как

будто охотились на кроликов в летнем лесу.

На востоке уже светало, когда мы вышли на крыльцо. Профессор Ван Хелсинг вынул из связки ключ от дверей дома и, заперев их, положил его себе в карман.

– Итак, – подвел он итог нашей вылазки, – ночь прошла весьма удачно. Несмотря на опасения, мы не понесли никакого урона и установили, сколько ящиков отсутствует. Но более всего я рад, что наш первый и, возможно, самый трудный и опасный шаг был совершен без участия нашей милой мадам Мины, без омрачения ее жизни кошмарными зрелищами, звуками, запахами, которые, может быть, она не забыла бы никогда. И еще один урок мы получили, если уж говорить о частностях: эти твари, подчиняющиеся графу, не обладают никакими сверхъестественными способностями – вы видели, крысы, как и волки, откликающиеся на его зов, очертя голову бегут от собачек моего друга Артура. Конечно, нас ожидают новые трудности и опасности, но сегодня ночью этот монстр не пустил в ход свою власть над темными силами. Вполне вероятно, он был где-то в другом месте. Ну что ж! Мы объявили шах в той шахматной партии, в которой разыгрываются человеческие души. А теперь идемте домой. Близок рассвет, у нас же есть основания быть довольными своей работой в первую ночь. Хотя впереди, может быть, еще много опасных ночей и дней, но мы не отступим перед опасностью.

Когда мы вернулись, в здании лечебницы было тихо, лишь какой-то несчастный вскрикивал вдалеке да из палаты Ренфилда доносились тихие стоны. Бедняга наверняка, как многие безумцы, терзал себя ненужными, мучительными размышлениями.

Я на цыпочках вошел в отведенную нам комнату. Мина во сне дышала так тихо, что мне пришлось нагнуться к ней, чтобы услышать дыхание. Выглядела она бледнее обычного. Надеюсь, наши вчерашние разговоры не очень ее расстроили. Я действительно очень благодарен профессору за то, что она больше не будет участвовать в наших делах, даже в их обсуждении. Для женщины это слишком сильное испытание. Поначалу я так не думал, но теперь понял и рад, что все устроилось. Ее легко растревожить, а скрывать от нее еще хуже – она могла бы заподозрить что-то неладное. Поэтому лучше ей вообще ничего не знать о наших планах, а когда придет время, мы ей расскажем, что все позади и земля свободна от этого исчадия ада. Конечно, трудно скрытничать после нашей ставшей уже привычной откровенности, но нужно проявить твердость, – утром ничего не скажу ей о ночных событиях. Я лег на диване, чтобы не разбудить ее.

1 октября, позднее. Вполне естественно, что после бессонной ночи мы спали как убитые. Даже на Мине сказалось напряжение вчерашнего дня: хотя я и сам спал едва ли не до полудня, но проснулся все же раньше и с трудом разбудил ее. Она так крепко спала, что, открыв глаза, первые несколько минут смотрела на меня с невыразимым ужасом, явно не узнавая. Так обычно ведут себя после увиденного во сне кошмара. Она жаловалась на усталость, и я оставил ее лежать в постели.

Теперь мы знаем, что вывезен двадцать один ящик, и, вероятно, сможем отыскать следы, по крайней мере, нескольких из них. И чем скорее, тем лучше. Я сегодня же постараюсь найти Томаса Спеллинга.

ДНЕВНИК ДОКТОРА СЬЮВОРДА

1 октября. Около полудня меня разбудил профессор. Он был веселее обычного, очевидно, результаты прошлой ночи сняли с его души какую-то тяжесть. Поговорив о событиях минувшей ночи, он вдруг заметил:

– Меня очень интересует твой больной. Можно мне сегодня утром вместе с тобой проведать его? Но вижу – ты занят; могу, если ты не против, зайти к нему и один. Впервые встречаю сумасшедшего, рассуждающего на философские темы, да так здраво.

У меня была срочная работа, я не хотел заставлять его ждать, поэтому был не только не против, но даже рад, что он пойдет один. Позвав санитара, я дал ему необходимые инструкции. Перед уходом я предостерег профессора от иллюзий по поводу моего больного.

– Но я собираюсь, – ответил профессор, – говорить с ним о нем самом, о его мании поглощать жизнь. Он сказал мадам Мине, я прочел это вчера в твоем дневнике, что когда-то верил в эту теорию. Почему ты улыбаешься, друг Джон?

– Простите, но ответ здесь, – сказал я, положив руку на перепечатанные материалы. – Когда наш разумный и образованный сумасшедший рассказывал, что когда-то имел обыкновение поглощать жизнь, рот его еще сохранял отвратительный вкус мух и пауков, которых он съел на моих глазах перед самым приходом миссис Харкер.

– Прекрасно! – в свою очередь улыбнулся Ван Хелсинг. – Хорошая память, друг Джон. И мне бы следовало помнить. Но, пойми, именно из-за такой непоследовательности психические заболевания и интересны для исследования. Возможно, глупости сумасшедшего покажутся мне более содержательными, чем премудрые теории иных

ученых. Кто знает?

Я вернулся к своей работе и вскоре закончил ее. Казалось, времени прошло совсем немного, но Ван Хелсинг уже вернулся.

– Не помешаю? – вежливо спросил он, остановившись в дверях.

– Нисколько, – ответил я. – Заходите. Работа закончена, я свободен. Могу пойти с вами, если хотите.

– Не нужно, я его уже видел.

– Ну и как?

– Боюсь, твой пациент обо мне невысокого мнения. Наша беседа была короткой. Когда я вошел, он сидел на стуле посреди комнаты, опершись локтями о колени, с выражением мрачного недовольства на лице. Я обратился к нему в самых приветливых и почтительных выражениях. Он не ответил. «Разве вы не узнаете меня?» – спросил я. Ответ был не слишком обнадеживающим: «Узнаю, и очень хорошо узнаю. Вы – старый дурак Ван Хелсинг. Хорошо, если б вы убрались вместе со своими идиотскими теориями куда-нибудь подальше. Будь прокляты тупоголовые голландцы!» И больше он не проронил ни слова, так и сидел, невозмутимо-мрачный, игнорируя мое присутствие, как будто меня и не было в комнате. Ну что же, на сей раз поучиться у мудрого безумца не получилось; пойду, пожалуй, отведу душу в приятной беседе с нашей милой мадам Миной. Друг Джон, меня бесконечно радует то, что она больше не станет волноваться из-за этих ужасов. Хотя нам будет, конечно, сильно недоставать ее общества, но так лучше.

– Вы совершенно правы, – подхватил я, не желая, чтобы у него возникли какие-либо сомнения на этот счет. – Разумеется, лучше, чтобы миссис Харкер была подальше от этого кошмара, достаточно тяжкого и для нас-то, бывалых людей. Это испытание не для хрупкой женщины, со временем оно неизбежно подкосило бы ее.

Итак, Ван Хелсинг пошел к миссис Харкер и ее мужу; Квинси и Арт поехали выяснять местонахождение увезенных ящиков. Я же закончу работу, и вечером мы встретимся.

ДНЕВНИК МИНЫ ХАРКЕР

1 октября. Довольно странно находиться в неведении и после стольких лет нашей с Джонатаном полной откровенности видеть, как он старательно избегает говорить на некоторые темы – жизненно важные темы. После вчерашнего утомительного дня я долго спала, и хотя Джонатан тоже проспал, но встал все же раньше меня. Перед уходом он очень ласково и нежно говорил со мной, но не проронил ни

слова о вчерашнем посещении дома графа. Хотя, конечно, понимал, как я беспокоилась. Бедняжка! Думаю, это расстроило его еще больше, чем меня. Они все решили, что мне лучше не вмешиваться в это ужасное дело, и я согласилась. Теперь стоит мне подумать, он что-то скрывает от меня, и… и я, как дурочка, плачу, хотя знаю, эта таинственность продиктована искренней любовью мужа и самыми добрыми намерениями друзей.

Что ж, когда-нибудь Джонатан расскажет все, а чтобы он не думал, будто я утаиваю от него хоть что-нибудь, стану, как обычно, вести свои записи. И если он усомнится в моем доверии, покажу ему этот дневник, где для его дорогих глаз записана каждая моя мысль, любое, самое незначительное переживание. Сегодня мне необычайно грустно, настроение скверное. Видимо, это реакция после сильного волнения.

Прошлой ночью я легла в постель после их ухода лишь потому, что они так велели. Спать не хотелось, я места себе не находила от беспокойства. Стала думать о том, что произошло с нами с тех пор, как Джонатан приезжал повидать меня в Лондоне, и теперь все последующие события выстраиваются в какую-то фатальную череду – судьба неумолимо ведет нас к изначально предопределенному трагическому финалу. Что бы мы ни делали, как бы правильно ни поступали – результат самый плачевный. Если бы я не приехала в Уитби, возможно, моя милая, бедная Люси была бы и теперь с нами. Ведь до моего приезда у нее не было желания ходить на кладбище, а если бы она не бывала там днем со мной, то не пошла бы туда и ночью во сне, и тогда бы это чудовище не погубило ее. Господи, и зачем только я поехала в Уитби?!

Ну вот, опять слезы! Не знаю, что это нашло на меня сегодня. Эти записи не следует показывать Джонатану: узнав, что я дважды плакала за одно утро – это я-то, которая вообще не имеет привычки плакать и никогда не плакала из-за неприятностей, – он очень разволнуется. Приму веселый вид, а если захочется поплакать, то скрою от моего милого. Думаю, нам, бедным женщинам, нужно придерживаться этого правила.

Не помню, как я заснула прошлой ночью. Помню только внезапный лай собак и множество странных звуков, какие-то громкие мольбы из палаты мистера Ренфилда, которая находится этажом ниже. Потом наступила полная тишина, такая глубокая, что это меня поразило, я встала и выглянула в окно. Темно и тихо; густые тени, появившиеся при лунном свете, казалось, исполнены молчаливой тайны. Все замерло – мрачное и неподвижное, как смерть или рок,

живой оставалась лишь тонкая полоска тумана, которая медленно ползла по траве к дому.

Я вернулась в постель, стало клонить в сон. Полежала немного, но заснуть не могла, снова встала и выглянула в окно. Туман расстилался теперь у самого дома, полз по стене, как бы подкрадываясь к окнам. Несчастный Ренфилд бушевал в своей палате еще громче прежнего, и я, хотя и не могла разобрать ни слова, уловила, что он как будто страстно молит кого-то. Затем послышался шум борьбы – видимо, санитары надевали на него смирительную рубашку. Я так испугалась, что бросилась в постель и, закутавшись в одеяло с головой, зажала уши. Спать совсем не хотелось – так, по крайней мере, мне казалось, – но, должно быть, я все-таки заснула, потому что, кроме снов, больше ничего не помню до самого утра, когда Джонатан разбудил меня. Пришлось сделать усилие, чтобы понять, где я и что надо мной склонился мой муж. Мне приснился очень странный сон, в котором отразилось многое из того, что я думала и переживала наяву.

Во сне я ждала Джонатана, беспокоилась за него, а сделать ничего не могла: руки, ноги, голова – все отяжелело. Тревожные мысли одолевали меня даже во сне. Стало как будто сыро, холодно и душно. Я откинула одеяло и, к своему удивлению, увидела, что туман проник в комнату. Газовый рожок, который я оставила гореть для Джонатана, потускнел и мерцал крошечной красной искрой сквозь густую пелену. Я вспомнила, что, прежде чем лечь в постель, вроде бы закрывала

окно. Хотела встать и проверить, но руки, ноги и даже мозг как будто налились свинцом. Я просто не в силах была пошевелиться. Прикрыв глаза, я, однако, могла видеть сквозь веки. (Удивительно, что только не происходит с нами в снах и как разыгрывается фантазия!) Туман становился все гуще и гуще, я увидела, что он, как дым или пары кипятка, проникал не через окно, а сквозь дверные щели…

Все более сгущаясь, туманное облако в конце концов приняло форму колонны, над которой зловещим оком тлел газовый рожок. Голова у меня закружилась, кружилась по комнате и сотканная из облака колонна, а на ней проступили слова из Священного Писания: «… облако днем и огонь ночью». Неужели какое-то духовное прозрение снизошло на меня во сне? На колонне запечатлелись глаголы о дне и ночи, а огонь сконцентрировался в красном оке, которое вдруг приобрело для меня какой-то особый смысл и очарование; потом пламя раздвоилось и мерцало в тумане, как два красных глаза, похожих на те, что в длившейся мгновение галлюцинации привиделись мне на утесе с Люси, когда заходящее солнце отразилось в окнах церкви Святой Марии. Вдруг ужас пронзил меня – ведь Джонатан видел, что именно так, из тумана, возникли в лунном свете ужасные дьяволицы, и тут, наверное, мне стало во сне дурно, и все померкло. В последнем проблеске сознания мелькнуло мертвенно-бледное лицо, наклонявшееся ко мне из тумана…

Да, такие сны ни к чему – они могут просто расстроить рассудок. Вероятно, стоило бы попросить профессора Ван Хелсинга или доктора Сьюворда прописать мне что-нибудь успокоительное, но, боюсь, моя просьба их встревожит. Они и так слишком за меня беспокоятся. Постараюсь сегодня выспаться как следует, без всяких снотворных. А если уж не удастся, тогда попрошу у них хлорала – один раз можно принять, зато высплюсь хорошенько. Прошлая ночь утомила меня

больше, чем бессонница.

2 октября, 10 часов вечера. Минувшей ночью спала без всяких снов и, наверное, крепко – даже приход Джонатана не разбудил меня. Но сон не подкрепил меня, сегодня – полное бессилие. Вчера я провела день, пытаясь читать, или дремала, полуживая. Днем мистер Ренфилд попросил позволения увидеться со мной. Бедный, он был очень кроток и, когда я уходила, поцеловал мне руку и призвал на меня Божье благословение. Это тронуло меня. Я невольно плачу, думая о нем. Слезы – моя новая слабость. Джонатан огорчится, узнав об этом.

До ужина дома никого не было, вернулись все усталые. Я старалась поднять им настроение; вероятно, мне и самой стало от этого лучше – даже забыла о своей усталости. После ужина мужчины отправили меня спать, а сами пошли покурить – это они так сказали, но было ясно, что им хотелось поделиться своими дневными впечатлениями. По виду Джонатана я поняла – он хотел сообщить что-то важное.

Спать совсем не хотелось, и я попросила у доктора Сьюворда какого-нибудь слабого снотворного, поскольку прошлую ночь плохо спала. Он был так добр, что сам приготовил порошок, сказав, что это мягкое снотворное и не повредит мне. Я приняла его и теперь жду сна, который пока не идет. Надеюсь, я не совершила ошибки: вместе с сонливостью меня начинает одолевать безотчетный страх – а что, если я не проснусь? Погружаюсь в сон. Спокойной ночи.

Глава XX

ДНЕВНИК ДЖОНАТАНА ХАРКЕРА

1 октября, вечер. Я застал Томаса Спеллинга дома, на Бетнел-Грин, но, к сожалению, он был не в состоянии что-либо вспомнить. Перспектива выпить пива, открывшаяся в связи с моим предстоявшим приходом, оказалась чересчур сильным для него испытанием, и он запил с самого утра. Однако от его жены – как мне показалось, скромной и порядочной – я узнал, что он лишь помощник Смоллета, ответственного лица фирмы.

Я поехал в Уолворт: мистер Джозеф Смоллет оказался дома и, сидя в одной рубашке, пил чай из блюдечка. Он оказался приличным и очень толковым человеком, который добросовестно и ответственно относился к своей работе. Историю с ящиками он помнил хорошо и, выудив из какого-то потайного кармана брюк потрепанную записную книжку, содержавшую иероглифические полуистершиеся карандашные пометки, сказал мне, куда были доставлены ящики. Шесть из них он вывез из Карфакса и доставил по адресу: Майл-Энд-Нью-Таун, Чиксенд-стрит, дом 197, а еще шесть – Бермондси, Джамайка-Дейн. Если граф замыслил разбросать ящики – свои страшные пристанища – по всему Лондону, то эти два адреса наверняка лишь перевалочные пункты. Граф действовал по определенной системе, и это навело меня на мысль, что он не ограничится двумя районами. Он уже охватил восточную, юго-восточную и южную части города. И конечно, его дьявольский план не минует северные и западные районы, не говоря уж о Сити и фешенебельных кварталах на юго-западе и западе. Я спросил Смоллета, не знает ли он, куда были доставлены другие ящики из Карфакса.

– Вы были так добры ко мне, сэр, – ответил он, видимо имея в виду

полсоверена, которые я ему дал, – пожалуй, скажу вам все, что знаю. Я слышал, как некий Блоксем несколько дней назад рассказывал в «Лисичках» на Пинчер-аллее, что он и его напарник делали какую-то очень пыльную работу в старом доме в Перфлите. Такие работы попадаются нечасто, и думаю, Сэм Блоксем смог бы кое-что рассказать вам.

Я пообещал ему еще полсоверена, если он достанет мне его адрес. Смоллет наскоро допил чай и встал, сказав, что немедленно отправляется на поиски. В дверях он остановился:

– Послушайте, мистер, вам нет смысла ждать здесь. Неизвестно, удастся ли мне быстро разыскать Сэма; кроме того, сегодня он едва ли многое расскажет вам: когда он пьян, к нему не подступишься. Если вы дадите мне конверт с маркой и своим адресом, я разузнаю, где живет Сэм, и сегодня же сообщу вам письмом. А вы уж наведайтесь к нему с утра пораньше, а то упустите: он уходит из дома рано, даже если накануне был пьян в стельку.

Это показалось мне разумным. Одна из его дочек, получив пенни, побежала за конвертом и бумагой. Надписав конверт, приклеив марку и вновь получив заверения Смоллета, что он все выполнит, я поехал домой. Итак, мы напали на след.

Я устал и хочу спать. Мина крепко спит, что-то она слишком бледна и, судя по глазам, плакала. Бедняжка, я убежден, что неведение расстраивает ее и лишь увеличивает беспокойство за меня и других. Но лучше пусть будет так, как есть. Доктора были правы, настаивая на ее изоляции от этого ужасного дела. Лучше видеть ее разочарованной и обеспокоенной, чем вконец расшатать ей нервы. Надо быть твердым и нести груз этого молчания. Никогда и ни за что не буду обсуждать с ней свои проблемы, это не так уж сложно. Сама Мина избегает разговоров о графе и его деяниях с тех пор, как мы сообщили ей о своем решении.

2 октября, вечер. Долгий, мучительный и тревожный день. С первой же почтой я получил конверт с грязным клочком бумаги, на котором размашистым почерком карандашом было написано: «Сэм Блоксем, Коркренс, 4, Поутерс-Корт, Бартелстрит, Уолворт. Спросить у Порта».

Письмо принесли, когда я был еще в постели. Я встал, стараясь не разбудить Мину. Она выглядела усталой, бледной, нездоровой. Ничего, вернувшись после очередных поисков, устрою ее отъезд в Эксетер. Дома, занятой повседневными заботами, ей будет гораздо лучше, по крайней мере она не будет чувствовать себя не у дел.

Встретив доктора Сьюворда, я уведомил его, куда еду, обещав вернуться поскорее и рассказать все, что удастся разузнать.

В Уолворте не без труда разыскал Поттерс-Корт – орфография мистера Смоллета ввела меня в заблуждение: я спрашивал Поутерс-Корт вместо Поттерс-Корт. Зато меблированные комнаты «Коркоран» нашел легко. Человек, открывший мне дверь, на вопрос о «Порте» покачал головой и ответил:

– Не знаю. Да здесь такого и нет. Впервые слышу. Думаю, что и поблизости нигде таких нет.

Я, достав письмо Смоллета, перечитал его, учел урок правописания слова «Поттерс» и спросил:

– А вы кто?

– Я – портье.

Понятно, орфография вновь чуть было не сбила меня с толку, но теперь я на верном пути. За полкроны удалось выяснить, что мистер Блоксем, проспавшись после выпитого накануне в «Коркоране» пива, в пять утра отправился на работу в Поплар. Точного адреса портье не знал, но смутно помнил, что это «какой-то новый товарный склад». Руководствуясь этой тонкой ниточкой, я отправился в Поплар.

Лишь к полудню мне удалось напасть на след в кофейне, где обедали несколько рабочих. Один из них сказал, что на Кросс-Энджел-стрит строят новый «холодный склад». Я немедленно поехал туда. Беседа с суровым сторожем и еще более суровым десятником, подкрепленная звонкой монетой, вывела меня на Блоксема – он оказался довольно видным, но грубоватым парнем. Я обещал уплатить ему его дневное жалованье за возможность задать несколько вопросов, и он пошел отпроситься у десятника. Получив от меня задаток, он сообщил, что дважды ездил из Карфакса в какой-то дом на Пикадилли и на специально нанятых для этого лошади и повозке отвез туда девять больших ящиков – «жутко тяжелых». На вопрос о номере дома на Пикадилли Блоксем ответил:

– Вот номер-то я и не помню, сэр, но это в двух шагах от большой белой церкви или чего-то в этом роде. Дом тоже пыльный и старый, хотя и не такой запущенный, как тот, откуда мы взяли эти чертовы ящики.

– Как же вы попали в эти дома, если в них никто не живет?

– В Перфлите в доме был старик, который меня нанимал. Он помог мне грузить ящики на повозку. Черт возьми, в жизни не видел такого здоровяка, ты не гляди, что старик с седыми усами, да еще такой тощий – его даже на тень не хватает.

Эта информация просто наэлектризовала меня!

– Подумать только, – продолжал Блоксем, – он схватил ящик со своего конца, как фунт чая. Я же поднимал свой, обливаясь потом и задыхаясь, а ведь и я не цыпленок.

– А как вы попали в дом на Пикадилли?

– Опять же он был там. Видать, приехал туда раньше меня – когда я позвонил, он открыл дверь и помог внести ящики в дом.

– Все девять?

– Да, в первую ездку – пять, во вторую – четыре. Чертовски тяжелая работа, даже не помню, как добрался домой…

– Вы оставили ящики в передней? – перебил я его.

– Да, в очень большой и пустой.

– А ключей у вас не было никаких?

– А на кой они мне? Старик сам открывал и закрывал дверь. Последний раз, правда, не помню, как отъезжал – все это проклятое пиво.

– А номер дома не сможете вспомнить?

– Нет, сэр. Но вы легко найдете его. Дом высокий, с каменным фасадом, аркой наверху и крутыми ступенями перед дверью. Уж я-то хорошо помню эти ступени, по ним-то я и таскал ящики вместе с бродягами, которые хотели подзаработать. Старик дал им по шиллингу, они, хоть и поразевали рты от такой щедрости, тут же нагло потребовали еще, а он схватил одного из них за плечо и хотел спустить с лестницы, тогда они, ругаясь, ушли.

Я решил, что по такому описанию смогу найти дом, и, заплатив Блоксему за ценную информацию, поехал на Пикадилли. Новая неприятная мысль осенила меня: граф явно мог один справиться с ящиками. В таком случае время дорого – ведь он может перевезти их так, что никто ничего не заметит. На площади Пикадилли, отпустив кеб, я пошел пешком. И вскоре нашел дом, похожий на описанный Блоксемом, – еще одно логово Дракулы. Он выглядел очень запущенным – в нем явно давно никто не жил. Окна запыленные, фундамент и стены потемнели от времени, краска облупилась. У входа еще сохранился след недавнего объявления о продаже, видимо потом грубо сорванного. Много бы я дал, чтобы прочитать его, – тогда, возможно, мне был бы известен прежний хозяин. Мой опыт расследования и покупки дома в Карфаксе подсказывал, что если разыскать прежнего владельца, найдутся и способы попасть в дом.

На Пикадилли мне пока нечего было делать. Я обошел дом с тыла, надеясь там что-нибудь разузнать. Обнаружил конюшню, по всей видимости обслуживавшую дома, выходившие на Пикадилли, и поспрашивал конюхов о пустом доме. Один из них слышал, что дом куплен, но кем – не знал и посоветовал обратиться к агентам по продаже недвижимости «Митчелл, сыновья и Кэнди» – кажется, он видел их имя на объявлении о продаже, еще недавно висевшем на

доме. Я старался не проявлять слишком большой заинтересованности, чтобы он не догадался, насколько это для меня важно, и, как водится, поблагодарив, пошел дальше. Наступали сумерки, близился осенний вечер, так что я не хотел терять время. Разыскав в справочнике адрес «Митчелл, сыновья и Кэнди», я вскоре уже входил в их контору на Сэквилл-стрит.

Встретивший меня господин был столь же любезен, сколь немногословен. Подтвердив, что дом на Пикадилли – он называл его «особняк» – продан, он счел эту тему закрытой. На вопрос, кто купил дом, конторщик приподнял брови и после короткой паузы ответил:

– Он продан, сэр.

– Прошу меня извинить, – не менее любезно сказал я, – но у меня есть особые причины, по которым мне необходимо знать, кто купил дом.

Конторщик снова, сделав еще большую паузу и еще выше подняв брови, повторил:

– Он продан, сэр.

– Но неужели вы мне больше ничего не можете сообщить?

– Ничего, – ответил он. – Дела клиентов «Митчелл, сыновья и Кэнди» находятся в надежных руках.

Да, это был чистейшей воды бюрократ, спорить с ним не имело смысла, поэтому я решил перейти на язык близких ему понятий:

– Вашим клиентам, сэр, очень повезло иметь такого надежного поверенного. Я сам юрист. – И подал ему свою визитную карточку. – В данном случае я представляю интересы лорда Годалминга, он хотел бы навести кое-какие справки о недвижимости, которая, как ему стало известно, недавно продавалась.

Это в корне изменило ситуацию.

– Если б я мог, – ответил конторщик, – то охотно оказал бы услугу вам, мистер Харкер, и, уж конечно, его светлости. Мы как-то исполняли его поручение по аренде квартиры, когда он был еще достопочтенным Артуром Холмвудом. Если вы оставите мне адрес, то, посоветовавшись с компаньонами, я в любом случае сегодня же напишу его светлости. Мне доставит удовольствие, насколько это возможно, отступить от наших правил и сообщить необходимые ему сведения.

Я хотел приобрести друга, а не врага, поэтому поблагодарил его, дал адрес доктора Сьюворда и ушел. Было уже темно, я устал и проголодался. Выпив чая в кафе, я ближайшим поездом поехал в Перфлит.

Все были дома. Мина выглядела усталой и бледной, но старалась держаться весело и оживленно. У меня сжималось сердце оттого, что я должен что-то скрывать от нее и быть причиной ее беспокойства. Слава богу, завтра она в последний раз будет наблюдать, как мы секретничаем. От меня потребовалось все мое мужество, чтобы сдержать слово и отлучить ее от нашего зловещего дела. Но она как будто смирилась, более того, по-моему, сама эта тема неприятна ей – любой случайный намек вызывает у нее содрогание. Да, мы вовремя приняли решение – если бедняжка теперь так реагирует, то что было бы с нею, будь она посвящена во всё.

Я мог рассказать остальным о своих последних открытиях лишь после ухода Мины, когда, немного послушав музыку после ужина, проводил ее в нашу комнату и попросил лечь спать. Бедняжка была очень ласкова и так льнула ко мне, будто ни за что не хотела отпускать. Но нужно было обсудить важные вопросы, и я ушел. Слава богу, вынужденная скрытность не сказалась на наших отношениях.

Вернувшись, я застал друзей собравшимися в кабинете у камина. В поезде я сделал точные записи в дневнике, и теперь мне было достаточно прочитать их. Когда я закончил, Ван Хелсинг сказал:

– Да, вам сегодня пришлось немало потрудиться, друг Джонатан. Зато теперь мы напали на след пропавших ящиков. Если мы найдем их в этом доме, то дело близко к концу, но если хоть одного не будет хватать, придется продолжать поиски, пока не отыщем. Тогда мы сможем нанести последний удар – заставить это чудовище наконец прекратить свое существование.

Некоторое время мы молчали, потом Моррис вдруг спросил:

– Послушайте, а как мы попадем в этот дом?

– Так же, как и в первый, – быстро ответил лорд Годалминг.

– Но, Арт, тут совсем другое дело. В дом в Карфаксе мы попали ночью, огороженный стеной парк прикрывал нас. Взломать дом на Пикадилли, днем ли, ночью ли, гораздо труднее. Не представляю себе, как мы туда попадем, если этот индюк из агентства не достанет нам ключей; возможно, завтра мы получим от него письмо и все выяснится.

Лорд Годалминг нахмурился, встал, прошелся по комнате, потом сказал, оглядывая нас всех:

– Квинси прав. Взлом дома – дело нешуточное; один раз обошлось, но теперь случай посложнее, разве только мы найдем ключи у самого графа.

До утра мы уже ничего не могли предпринять, нужно было

дождаться письма Митчелла, и мы решили устроить передышку до завтрака. Долго еще сидели, курили, обсуждали разные варианты и возможности; я, пользуясь случаем, записал все это в дневник. Теперь очень хочется спать, пойду и лягу.

Еще пара слов. Мина крепко спит, дышит ровно. Немного морщит лоб, как будто думает даже во сне. Она еще слишком бледна, но не выглядит такой измученной, как утром. Завтра, я надеюсь, все образуется. Дома в Эксетере она придет в себя. Господи, как хочется спать!

ДНЕВНИК ДОКТОРА СЬЮВОРДА

1 октября. Ренфилд снова беспокоит меня. Его настроения меняются так быстро, что я не всегда успеваю понять их, а поскольку за всем этим кроется нечто большее, чем его личное душевное состояние, наблюдение за ним представляет несомненный интерес. Сегодня утром я зашел к нему после того, как он отбрил Ван

Хелсинга, – у него был такой вид, будто он вершит судьбами. Бедняга действительно вершит ими, но в своем сознании. Земные суетные дела его не трогают, он парит в облаках и взирает свысока на нас, несчастных смертных, и на наши слабости. Чтобы выяснить ситуацию, я спросил его:

– Ну, как теперь насчет мух?

Ренфилд свысока улыбнулся мне – так, наверное, улыбался Мальволио[82] – и ответил:

– У мухи, уважаемый сэр, есть одна поразительная особенность – она, как и душа, обладает крыльями. Древние греки были совершенно правы, назвав душу и бабочку одним словом[83].

Я решил довести его аналогию до логического завершения и быстро спросил:

– Значит, теперь ваша цель – души?

Его разум, конечно, затуманен безумием, на лице появилось озадаченное выражение, и с необычной для себя решительностью он покачал головой:

– О нет, нет, нет! Души мне не нужны. Жизнь – вот все, что мне надо. – Тут у него в мозгу что-то прояснилось. – Хотя теперь меня это не трогает. С жизнью все в порядке; у меня есть все необходимое. Ищите себе нового пациента, если вас интересуют зоофаги!

Это немного удивило меня, и я постарался разговорить его:

– Значит, вы теперь распоряжаетесь жизнью. Вы что же – Бог?

Он улыбнулся с едва заметным снисходительным превосходством:

– О нет! Я далек от того, чтобы приписывать себе качества Бога. Да меня, собственно, не очень и привлекает Его творение. Моя позиция по отношению к сугубо земным делам, пожалуй, аналогична позиции Еноха![84]

На этот раз озадачен был я; что там в Библии говорилось о Енохе, я не помнил и вынужден был задать вопрос, хотя чувствовал, что тем самым умаляю себя в глазах безумца:

– А почему Еноха?

– Потому что он был взят Богом.

Я так и не понял, что он имел в виду, но не стал признаваться, а вернулся к более ясному:

– Значит, жизнь вас не трогает и души вам не нужны. Но почему?

Я задал вопрос намеренно быстро и в лоб, чтобы смутить его. И преуспел. На минуту он вернулся к своему обычному подобострастию, льстиво изогнувшись предо мной:

– Не надо мне никаких душ, это правда, правда! Не надо! Я просто

и не знал бы, что с ними делать; какая мне от них польза? Я не смог бы их есть или… – Тут он замолчал, и по лицу его, как дуновение ветра по поверхности воды, скользнуло хитрое выражение. – Эх, доктор, а в конце концов, что такое жизнь? Иметь все, что необходимо, знать, что никогда ни в чем не будешь нуждаться, – вот и все. У меня есть друзья, прекрасные друзья, например вы, доктор Сьюворд. – Это сопровождалось невыразимо лукавым взглядом. – Я уверен, что они никогда не будут знать нужды!

Наверное, сквозь туман своего безумия он все-таки ощущал во мне какое-то противостояние, потому что вдруг замолчал, будто в убежище укрылся. Вскоре я понял тщетность своих попыток продолжить разговор. Он был не в духе, и я ушел. Позднее мне передали его просьбу зайти к нему. В другое время я, быть может, и не откликнулся, но только не сейчас, когда испытываю к нему повышенный интерес. Кроме того, меня обрадовала возможность заполнить время: Харкера, Годалминга и Квинси не было дома, Ван Хелсинг уединился в кабинете и изучал материалы, собранные Харкерами, в надежде, что пристальный анализ всех деталей прольет дополнительный свет на ситуацию, и просил не беспокоить его без причины. Я бы взял профессора с собой, но подумал, что после неприятностей последнего визита он едва ли захочет опять пойти. Да и Ренфилд, скорее всего, не станет говорить открыто в присутствии третьего человека.

Больной сидел на стуле посреди комнаты – поза, обычно присущая ему в состоянии сильного возбуждения. Когда я вошел, он тут же спросил – вопрос будто висел у него на кончике языка:

– Так что, собственно, души-то?

Очевидно, мое предположение было верным: подсознательное осмысливание делало свое дело, даже в этом случае. Я решил разобраться:

– А вы что об этом думаете?

Ренфилд ответил не сразу – оглядывался по сторонам, смотрел вверх, вниз, будто искал подсказки.

– Не нужны мне никакие души! – сказал он слабым, извиняющимся голосом.

Но этот вопрос явно занимал его, и я решил слегка нажать – «верша добро, я должен быть жесток»[85]. Поэтому спросил:

– Значит, вы любите жизнь и нуждаетесь в ней?

– О да! Но с этим все в порядке, не беспокойтесь!

– Но как же можно заполучить жизнь, не прихватив при этом души? – Это вроде бы озадачило его, а я продолжал: – Чудное время

настанет для вас, когда вы полетите туда в окружении душ тысяч мух, пауков, птиц и кошек, жужжащих, чирикающих и мяукающих. Вы отобрали у них жизнь, и вам придется держать ответ за их души!

Видимо, это произвело на него впечатление: он заткнул пальцами уши и зажмурил глаза, как маленький мальчик, которому намыливают лицо. Это тронуло меня, напомнив, что, в сущности, я и имею дело с ребенком – только у этого ребенка измученное жизнью лицо и седая щетина на щеках. Было очевидно, что больной утратил душевное равновесие, и, зная, как трудно он воспринимает чуждые ему представления, я решил попытаться вместе с ним пройти этот путь. Прежде всего нужно было восстановить его доверие, поэтому я спросил довольно громко, чтобы он расслышал меня сквозь заткнутые уши:

– Вам не нужен сахар для мух?

Ренфилд отреагировал моментально – покачал отрицательно головой и со смехом сказал:

– Ни в коем случае! В конце концов, мухи – несчастные создания. – И, помолчав, добавил: – К тому же не хочу, чтобы их души жужжали вокруг меня.

– А пауки?

– К черту пауков! Какой от них прок? Ни поесть, ни… – Тут он внезапно замолчал, как будто коснулся запретной темы.

«Вот так так! – подумал я. – Второй раз он вдруг замолкает на слове «пить», что это значит?»

Ренфилд, казалось, понял свое упущение и засуетился, стараясь отвлечь мое внимание:

– Да все это гроша ломаного не стоит. «Крысы, мыши и прочие твари», как сказано у Шекспира[86], их можно назвать «трусливым содержимым кладовых». Вся эта чепуха для меня – в прошлом. Вы можете с равным успехом просить человека есть молекулы палочками и пытаться заинтересовать меня низшими плотоядными; я-то знаю, что меня ждет.

– Понимаю, – хмыкнул я. – Вам хочется чего-то покрупнее, во что можно вонзить зубы? Как насчет слона на завтрак?

– Что за вздор вы говорите!

Больной достаточно расслабился, можно было еще раз нажать на него.

– Интересно, – произнес я задумчиво, – какая душа у слона?

И снова преуспел – он упал со своих высот и стал как ребенок.

– Не хочу никаких душ – ни слона, ни любой другой твари, –

пробормотал Ренфилд и несколько минут подавленно молчал, потом вскочил со сверкающими глазами и всеми признаками крайнего волнения. – К черту вас и ваши души! – закричал он. – Что вы надоедаете мне этими душами?

Он с такой ненавистью посмотрел на меня, что я невольно подумал о возможности нового покушения и свистнул в свисток. Однако он в ту же секунду успокоился и сказал:

– Извините, доктор, я забылся. Вам не нужна помощь. Я так взволнован, что легко выхожу из себя. Если бы вы знали, какая передо мной стоит проблема, что мне предстоит решить, вы бы пожалели и простили меня, проявив терпимость. Пожалуйста, не надевайте на меня смирительную рубашку, я не могу свободно думать, когда тело сковано по рукам и ногам. Уверен, вы меня поймете!

Больной явно владел собой. Поэтому я успокоил и отпустил прибежавших санитаров. Когда дверь за ними закрылась, Ренфилд сказал с достоинством и теплотой:

– Доктор Сьюворд, вы так внимательны ко мне. Поверьте, я очень-очень вам благодарен!

Решив, что лучше расстаться с ним на этой ноте, я ушел. Да, тут есть над чем подумать. Попробую привести в порядок свои наблюдения. Итак: он остерегается употреблять слово «пить», боится быть обремененным чьей-либо душой, не боится «жизни» в будущем, презирает все низшие формы жизни, хотя и опасается, что их души будут его преследовать.

Логически все это – свидетельства одного и того же! Он уверен, что обретает некую высшую жизнь. И боится последствий – бремени души. Значит, его интересует человеческая жизнь!

А почему он так уверен?

Боже милосердный! У него был граф, и затевается какое-то новое скверное дело!

Позднее. Я пошел к Ван Хелсингу и рассказал ему о своих подозрениях. Он призадумался, потом попросил отвести его к Ренфилду. Подойдя к двери палаты, мы услышали – больной весело, как прежде, поет. Мы вошли и с изумлением увидели, что он сыплет на подоконник сахар, как раньше. По-осеннему вялые мухи начали слетаться в палату. Мы попытались навести его на тему нашего последнего разговора, но он не реагировал и продолжал петь, будто нас в комнате не было. Достав клочок бумаги, он вложил его в свою записную книжку. А мы так и ушли ни с чем. Да, интересный он экземпляр, сегодня ночью надо за ним понаблюдать.

ПИСЬМО ОТ «МИТЧЕЛЛ, СЫНОВЬЯ И КЭНДИ» – ЛОРДУ ГОДАЛМИНГУ

1 октября

Милостивый государь!

Мы всегда рады быть Вам полезными. Сообщаем по Вашей просьбе, переданной нам мистером Харкером, следующие сведения о продаже и покупке дома № 347 по Пикадилли. Продавцы – поверенные покойного мистера Арчибалда Уинтер-Саффилда. Покупатель – знатный иностранец, граф де Билль, он сам произвел покупку, заплатив всю сумму наличными. Более нам ничего о нем не известно.

Всегда к услугам Вашей светлости, «Митчелл, сыновья и Кэнди».

ДНЕВНИК ДОКТОРА СЬЮВОРДА

2 октября. Вчера ночью я установил пост наблюдения в коридоре и велел санитарам фиксировать все звуки из палаты Ренфилда и в случае чего-то необычного немедленно звать меня. После обеда миссис Харкер пошла спать, а мы собрались в кабинете у камина и обсуждали итоги дня. Одному Харкеру удалось узнать что-то новое, и это, надеемся, приведет нас к важным результатам.

Перед сном я прошел к палате Ренфилда и посмотрел в глазок. Он спокойно спал, грудь ритмично поднималась и опускалась.

Утром дежурный сообщил мне, что вскоре после полуночи Ренфилд проснулся, довольно громко молился, и вроде бы ничего больше не было слышно. Его отчет вызвал у меня подозрение, и я спросил прямо, не заснул ли он на дежурстве. Сначала он отрицал, а потом признался, что немного вздремнул. Плохо, что людям нельзя доверять и приходится следить за исполнением поручений.

Сегодня Харкер продолжает свои расследования, а Арт и Квинси ищут лошадей. Годалминг считает, что нам надо иметь под рукой лошадей; когда мы закончим расследование, будет уже поздно их искать. Нам нужно стерилизовать всю привезенную графом землю между восходом и заходом солнца; таким образом, мы сможем напасть на него в период его наибольшей слабости, у него же не будет прибежища. Ван Хелсинг ушел в Британский музей посмотреть книги по древней медицине. Тогдашние врачи обращали внимание на явления, которые их просвещенные последователи не признавали; профессор ищет средства против ведьм и бесов.

Порою мне кажется, что мы все сошли с ума и вылечит нас только смирительная рубашка.

Позднее. Мы снова собрались все вместе. Кажется, напали на след, и завтрашняя работа выведет нас на финишную прямую. Интересно, имеет ли спокойствие Ренфилда какое-то отношение к графу. Все-таки настроения больного были связаны с действиями этого монстра, и, вероятно, его уничтожение скажется на нем. Если бы иметь хоть малейшее представление, что происходит у него в мозгу, возможно, у нас в руках была бы еще одна важная нить. Теперь он как будто ненадолго успокоился… Успокоился ли? Кажется, из его палаты раздался дикий вопль…

Ко мне в кабинет ворвался санитар и сообщил, что с Ренфилдом что-то случилось. Услышав крик из его палаты, дежурный вбежал к нему и нашел больного лежащим на полу ничком в луже крови. Иду к нему.

Глава XXI

ДНЕВНИК ДОКТОРА СЬЮВОРДА

3 октября. Теперь, когда я успокоился, постараюсь по возможности точно, не упустив ни одной детали, изложить все случившееся.

Ренфилд лежал на левом боку в луже крови. Я хотел поднять его и увидел, что он получил тяжкие повреждения, нанесенные хаотично и бессмысленно, такое впечатление, будто действовал безумец. Лицо Ренфилда было так разбито, словно его били об пол – лужа крови образовалась от лицевых ран. Санитар, стоявший возле несчастного на коленях, сказал мне, когда мы повернули его:

– Мне кажется, сэр, у него сломан позвоночник. Смотрите, правая рука, нога и часть лица парализованы. – Он был крайне озадачен тем, как это могло произойти, и, нахмурившись, недоуменно заметил: – Не понимаю двух вещей. Больной мог разбить себе лицо, если колотился головой об пол. Я сам видел – в Эверсфилдском сумасшедшем доме такое было с одной молодой женщиной, пока ее кто-то не схватил. Шею, впрочем, он мог сломать, упав с кровати во время приступа удушья или кашля. Но совершенно не представляю себе, как могло произойти сразу и то и другое: если у него спина сломана, он не мог биться головой об пол, а если лицо было разбито до падения, тогда остались бы следы на постели.

– Бегите к профессору Ван Хелсингу, – велел я ему, – и попросите его немедленно прийти сюда. Немедленно!

Санитар убежал, и через несколько минут в халате и шлепанцах появился профессор. Увидев Ренфилда на полу, он внимательно посмотрел на него, потом на меня: видимо, по моим глазам понял, о чем я думал, и спокойно, вероятно, в расчете на санитара, сказал:

– Ах, какой печальный несчастный случай! Больному потребуется

тщательный уход и много внимания. Я помогу вам, но сначала оденусь. Побудьте здесь, я через несколько минут вернусь.

Ренфилд тяжело и хрипло дышал; несомненно, ему были нанесены серьезные повреждения. Ван Хелсинг вернулся необычайно быстро с набором хирургических инструментов. Видимо, он уже успел все обдумать и, прежде чем заняться несчастным, шепнул мне:

– Отошлите санитара. Мы должны быть наедине с Ренфилдом, когда он придет в себя.

– Спасибо, Симмонс, – сказал я санитару. – Все, что могли, мы с вами пока сделали. Возвращайтесь на свой пост, а профессор Ван Хелсинг займется больным. Если будет происходить что-то необычное, немедленно сообщите мне.

Санитар ушел, а мы приступили к тщательному осмотру Ренфилда. Раны на лице были поверхностными, опасность представлял глубокий перелом основания черепа. Профессор, подумав минуту, сказал:

– Нужно как можно скорее снять давление костей на мозг; быстрое кровоизлияние – показатель серьезности травмы. Кажется, затронут моторно-двигательный центр. Мозговое кровоизлияние может увеличиться, нужно делать трепанацию немедленно, а то будет поздно.

Раздался легкий стук в дверь. Открыв, я увидел Артура и Квинси в пижамах и шлепанцах.

– Я слышал, как санитар сообщил доктору Ван Хелсингу о несчастном случае, – сказал Артур. – Я разбудил, вернее, позвал Квинси – он еще не спал. События развиваются слишком быстро и необычно, чтобы можно было спокойно спать. Думаю, завтра все будет уже по-иному. Придется действовать с большей оглядкой, чем прежде. Можно нам войти?

Я кивнул и, когда они вошли, закрыл дверь. Увидев, в каком положении находится Ренфилд, Квинси прошептал:

– Боже мой! Что с ним случилось? Вот бедняга-то!

Я вкратце рассказал им все, выразив надежду, что после операции больной придет в себя, по крайней мере ненадолго. Квинси с Артуром сели на край соседней постели и стали наблюдать за происходящим.

– Чуть подождем, – сказал Ван Хелсинг, – чтобы определить лучшее место для трепанации и скорейшего удаления кровяного тромба; кровоизлияние явно увеличивается.

Минуты ожидания тянулись томительно медленно. У меня замирало сердце, и по лицу Ван Хелсинга я видел – он очень волнуется. Боялся я и того, что скажет Ренфилд; меня угнетало предчувствие надвигающейся беды – мне приходилось читать о людях,

которые слышали, как смерть отсчитывает минуты. Бедняга дышал прерывисто, спазматически. Казалось, он вот-вот откроет глаза и заговорит, но снова раздавалось хриплое, тяжелое дыхание и беспамятство продолжалось. Как я ни привык к болезни и смерти, это ожидание все более действовало мне на нервы. Кровь стучала в висках, как молоток. Молчание становилось мучительным. Я смотрел на своих товарищей: судя по их пылающим лицам и испарине на лбу, они испытывали то же самое. Мы были в таком нервном напряжении, что казалось, вот-вот откуда-то сверху на нас обрушится оглушительный колокольный звон.

Стало ясно, что больной быстро слабеет и может умереть в любой момент. Я взглянул на профессора и встретился с его взглядом.

– Нельзя терять ни минуты. От его слов зависит жизнь многих людей! – воскликнул он с мрачным выражением лица. – Я все продумал. Трепанацию произведем над ухом.

И профессор стал оперировать. Еще несколько секунд дыхание больного оставалось тяжелым. Потом последовал такой долгий вдох, что мы невольно испугались, как бы у него не лопнули легкие. Вдруг Ренфилд открыл глаза – взгляд был диким и бессмысленным. Через несколько секунд он смягчился, в нем появилось выражение приятного удивления, с губ сорвался вздох облегчения. Сделав судорожное движение, больной прошептал:

– Я буду спокоен, доктор. Велите снять с меня смирительную рубашку. Я видел страшный сон и так обессилел от него, что не могу двигаться. Что с моим лицом? Оно будто распухло и очень болит.

Он хотел было повернуть голову, но от одного только усилия глаза его вновь потускнели, и я осторожно вернул ее в прежнее положение. Тогда Ван Хелсинг сказал спокойно и серьезно:

– Расскажите нам ваш сон, мистер Ренфилд.

При звуках его голоса израненное лицо Ренфилда прояснилось.

– Это вы, профессор Ван Хелсинг, – пробормотал он. – Как вы добры, что пришли ко мне. Дайте мне воды, у меня пересохли губы. Попытаюсь рассказать вам. Мне приснилось… – Тут бедняга замолчал, казалось, потерял сознание.

– Коньяку! В моем кабинете, скорее! – тихо бросил я Квинси.

Он убежал и быстро вернулся со стаканом и графинами коньяка и воды. Мы смочили Ренфилду пересохшие губы, и он ожил. Но, очевидно, его бедный поврежденный мозг не переставал работать: когда бедняга пришел в себя, то пронзительно посмотрел на меня и с мучительным смущением, которого я никогда не забуду, пролепетал:

– Не стану обманывать себя: это был не сон, а жестокая реальность. – Тут глаза его обежали палату и остановились на двух фигурах, терпеливо сидевших на краю соседней постели. – Даже если бы я и сам уже не был уверен в этом, то понял бы по их присутствию.

На секунду глаза Ренфилда закрылись, но не от боли или дремоты, а по его воле, как будто больной собирался с силами; открыв глаза, он заговорил быстро, энергичнее, чем прежде:

– Скорее, доктор, скорее! Я умираю! Чувствую, осталось лишь несколько минут – и я умру… или еще хуже! Смочите мне вновь губы коньяком. Я должен кое-что сказать, прежде чем умру… или умрет мой бедный разбитый мозг. Спасибо!.. Это произошло в ту ночь, когда я умолял вас отпустить меня. Я не мог говорить тогда – мой язык был связан; но я и тогда находился в здравом уме так же, как и сейчас. После вашего ухода я долго был в отчаянии. Потом на меня снизошел неожиданный покой, в голове прояснело, и я осознал, где нахожусь. И услышал, как собаки лают за нашим домом, но не там, где стоял Он…

Ван Хелсинг слушал, не мигая, потом вдруг взял меня за руку и крепко сжал ее.

– Он подошел к окну, окутанный туманом, – продолжал Ренфилд, – так же, как и прежде, но на этот раз Он казался вполне материальным, не призраком, и глаза его были лютыми, как у разгневанного человека. Его красный рот смеялся, острые белые зубы ярко блестели в лунном свете, когда Он, оборачиваясь, поглядывал в сторону деревьев, за которыми лаяли собаки. Сначала я не приглашал его войти, хотя знал, что Он этого хочет – Он всегда этого хотел. Потом Он начал соблазнять меня всякими обещаниями – но не на словах.

– А каким же образом? – спросил профессор.

– Реально, так же, как Он обычно присылал мне днем мух – больших, жирных, с крыльями, отливавшими стальным и сапфировым блеском, а ночью – громадных мотыльков с черепами и скрещенными костями на крыльях.

Ван Хелсинг кивнул ему, а мне прошептал:

– Ахеронтиа атропос сфинксовые – этих бабочек называют «мертвая голова».

А Ренфилд продолжал, не останавливаясь:

– Потом Он начал шептать: «Крысы, крысы, крысы! Сотни, тысячи, миллионы крыс, и в каждой – жизнь, и поедающие их собаки и кошки тоже живые! С красной кровью, копившей жизнь многие годы, а не просто жужжащие мухи». Я недоверчиво посмеивался над ним – мне хотелось посмотреть, на что Он способен. Тут в его доме за темными

деревьями завыли собаки. Он подозвал меня к окну. Я выглянул, а Он простер руки, как бы сзывая кого-то без слов. Темная масса покрыла траву, внезапно, как пламя пожара, а Он раздвинул туман вправо и влево, и я увидел тысячи крыс с огненными красными глазами, такими же, как у него, только маленькими. Он поднял руки, и крысы замерли; мне казалось, Он говорит: «Все эти жизни я подарю тебе, и много других – на вечные времена, если ты падешь ниц предо мной и будешь мне поклоняться!» Тут облако цвета крови застило мне глаза, и, прежде чем сообразил, что делаю, я открыл окно и сказал ему: «Войди, Господин и Учитель!» Крысы исчезли, а Он проскользнул в палату через окно, хотя я приоткрыл его всего на дюйм, – как лунный свет проскальзывает через малейшую щель и мерцает во всем своем великолепии…

Его голос становился слабее, я вновь смочил ему губы коньяком – казалось, его память не прерывала свою работу и во время этой краткой передышки, – хотя, продолжив рассказ, он явно что-то опустил. Я хотел сказать ему об этом, но Ван Хелсинг шепнул мне:

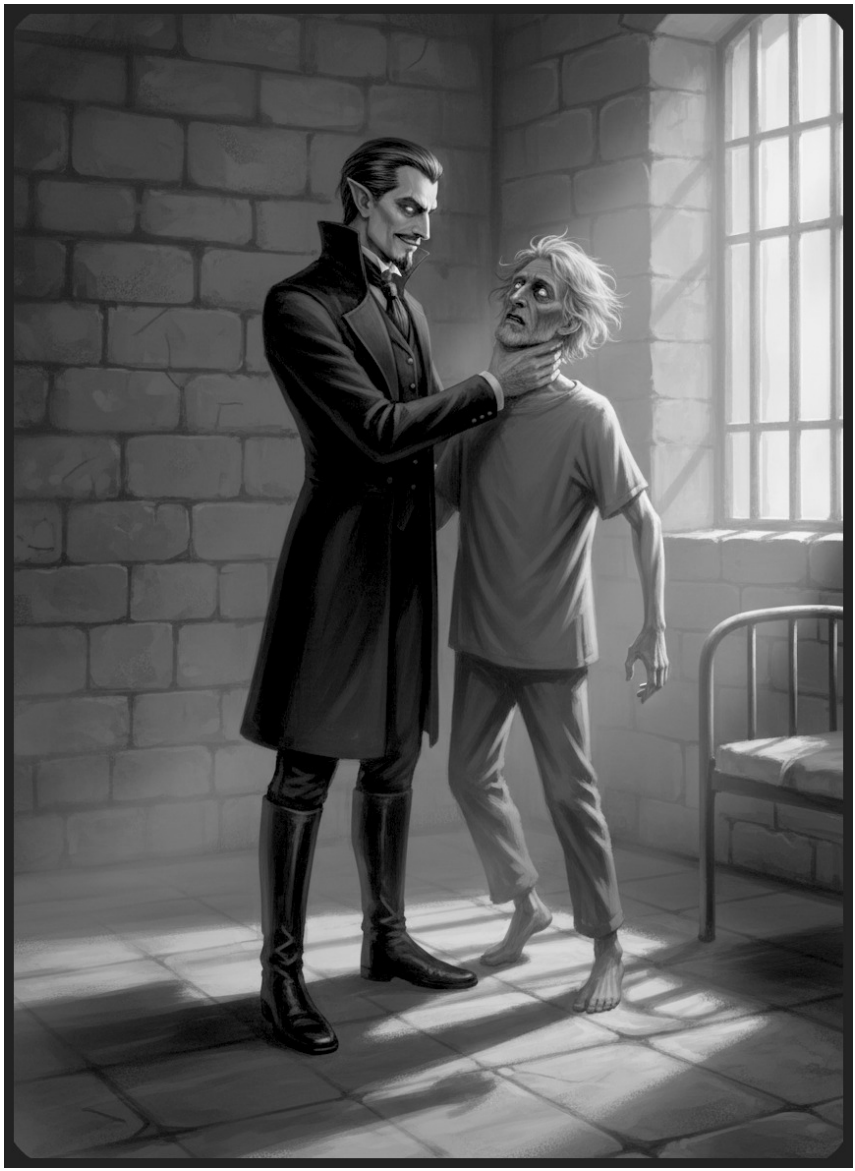
– Пусть продолжает. Не прерывай его, ему трудно вернуться обратно, а потеряв нить, он вовсе не сможет говорить.

– Весь день я ждал от него вести, но ничего не получил, даже мясной мухи, и когда взошла луна, я изрядно разозлился на него. Когда Он снова, даже не постучавшись, проскользнул в окно, хотя оно было закрыто, я просто вышел из себя. Он насмехался надо мной, его бледное лицо с мерцающими красными глазами проступало из тумана. Он держался так, будто все здесь принадлежит ему, а я – никто. И даже сам запах его изменился – я почувствовал это, когда Он проходил совсем близко от меня, а я не смог его задержать. Но мне показалось, будто в палату вошла миссис Харкер.

Артур и Квинси, сидевшие на кровати, встали и подошли к больному сзади так, что он не мог их видеть, зато они могли лучше слышать. Оба молчали, профессор же вздрогнул и не мог унять дрожь, лицо его, однако, посуровело. Ренфилд, ничего не замечая, продолжал:

– Когда миссис Харкер пришла ко мне сегодня днем, она была не такая, как прежде, – будто чай, разбавленный водой. – Тут мы все сдвинулись теснее, но никто не проронил ни слова. – Я не заметил ее присутствия, пока она не заговорила; она очень изменилась. Мне не нравятся бледные люди, я люблю полнокровных, а из нее, казалось, ушла вся кровь. В ту минуту я не подумал об этом, но потом задумался, и мысль о том, что Он отнимает жизнь у нее, просто свела меня с ума. – Я почувствовал, что все содрогнулись, как и я сам, но

сохраняли спокойствие. – Он явился сегодня вечером, и я был готов к его приходу. Видел, как просачивается туман, и постарался помешать ему. Сумасшедшие, как мне приходилось слышать, обладают невероятной силой, и, зная о том, что я сумасшедший, по крайней мере временами, мне пришло в голову использовать свою силу. Он ее почувствовал и вынужден был выйти из тумана, чтобы сразиться со мной. Решив во что бы то ни стало не дать ему погубить ее, я держался стойко и вроде бы уже начал побеждать, но тут увидел его глаза. Они прожгли меня насквозь, и моя сила растаяла. Он одержал верх. Я пытался цепляться за него, тогда Он поднял меня и швырнул об пол. Мне показалось, будто грянул гром, меня окутало красное облако, а туман уплыл под дверь.



Голос его становился все слабее, дыхание – все более хриплым. Ван Хелсинг машинально выпрямился и сказал:

– Теперь нам известно худшее. Он – здесь, и понятно, с какой целью. Может быть, еще не слишком поздно. Вооружимся, как в ту ночь, и поскорее, дорога каждая секунда.

Ничего не надо было объяснять или напоминать – наши страхи, как и решимость, давно стали общими. Мы быстро собрали в своих

комнатах то снаряжение, с которым ходили в дом графа. У профессора все было с собой. Когда мы все сошлись в коридоре, он выразительно указал на талисманы:

– Никогда не расстаюсь с ними и не расстанусь, пока не завершится это несчастное дело. Будьте так же благоразумны, друзья мои. Мы имеем дело с необычным врагом. Увы! Увы! Подумать только, что страдает дорогая мадам Мина!

Голос его дрогнул, он замолчал, и я не знаю, чего было больше в моем сердце – ужаса или гнева.

У двери Харкеров мы остановились. Арт и Квинси слегка отступили назад.

– Удобно ли тревожить ее? – спросил Квинси.

– Это необходимо, – мрачно ответил Ван Хелсинг. – Если дверь заперта, я взломаю ее.

– Это же может напугать ее. Как-то не принято врываться в комнату леди.

– Вы, безусловно, правы, – сказал Ван Хелсинг. – Но в данном случае речь идет о жизни и смерти. Для врача все равны, в жизни, конечно, это не всегда так, но только не сегодняшней ночью. Друг Джон, я поверну ручку, и если дверь не откроется, то изо всех сил надави на нее плечом; и вы тоже, друзья мои. Вперед!

Он повернул ручку – дверь не открылась. Мы дружно бросились на нее, она с треском распахнулась, и мы ввалились в комнату, чуть не головой вперед. Профессор таки упал, но быстро поднялся. Нашим глазам открылась ужасная картина – волосы у меня на голове встали дыбом, а сердце остановилось.

Луна светила так ярко, что, несмотря на плотную желтую штору, в комнате было светло. На кровати у окна лежал Джонатан Харкер с красным лицом, тяжело дыша, как будто без сознания. На другом краю кровати виднелся силуэт его жены – одетая в белое, она стояла и смотрела на стоявшего рядом с ней высокого худого мужчину в черном. Лица его не было видно, но мы сразу по всем признакам узнали графа. Левой рукой он сжимал обе руки миссис Харкер, отводя

их в сторону, а правой, взявши за затылок, пытался склонить ее голову к себе на грудь. Белая ночная сорочка миссис Харкер была запачкана кровью, тонкая струйка которой стекала по обнаженной груди мужчины, видневшейся сквозь его разорванную одежду. В этой чудовищной сцене было кошмарное сходство с тем, как ребенок тычет носом котенка в блюдце с молоком, заставляя его пить.

Когда мы ворвались в комнату, граф обернулся на шум, и мы увидели взгляд, столь знакомый по описанию. Его глаза пламенели дьявольской страстью, широкие ноздри орлиного носа хищно раздувались, белые острые зубы клацали, как у дикого зверя, с полных губ стекала кровь. Резким движением он отшвырнул свою жертву на кровать и бросился на нас. Но профессор был уже на ногах и успел выставить перед собой сверток с освященной облаткой. Граф внезапно остановился, как тогда бедняжка Люси у склепа, и попятился. Мы, подняв распятия, наступали на него. Вдруг большая туча закрыла луну, стало темно, а когда Квинси зажег спичкой газовую лампу, мы увидели лишь легкий туман, утекавший под дверь, которая успела захлопнуться.

Ван Хелсинг, Арт и я ринулись к миссис Харкер, которая, вздохнув, вскрикнула дико, пронзительно и отчаянно – этот крик, наверное, до конца дней будет звучать в моих ушах. Несколько секунд она оставалась лежать неподвижно – беспомощно и безвольно. Лицо ее было ужасно и казалось еще бледнее от кровавых пятен на губах, щеках и подбородке, с шеи стекала тонкая струйка крови, глаза обезумели от ужаса. Она закрыла лицо руками, на которых еще видны были багровые пятна – следы железной хватки чудовища, и мы услышали тихий, безутешный плач, он потряс нас не меньше, чем страшный крик, ставший лишь первым выражением бесконечного страдания. Ван Хелсинг подошел к постели и бережно накрыл Мину одеялом; Арт с минуту в отчаянии глядел на нее, а затем выбежал из комнаты.

Профессор шепнул мне:

– Мы ничем не можем помочь бедной мадам Мине, пока она немного не успокоится. Джонатан – в оцепенении, которое, как известно, может вызвать вампир. Нужно привести его в чувство.

Он смочил край полотенца холодной водой и слегка пошлепал им Джонатана по лицу. Жена его, по-прежнему закрыв лицо руками, рыдала так, что сердце разрывалось на части. Я поднял штору и посмотрел в окно. Ярко светила луна. Было видно, как Квинси Моррис пробежал по полянке и спрятался в тени большого тиса. Я удивился,

зачем он это делает, но тут меня отвлекло восклицание Харкера, который почти пришел в себя. На лице его, как и следовало ожидать, было выражение изумления и растерянности. Несколько секунд несчастный не мог сообразить, что к чему, потом сознание полностью вернулось к нему, и он вздрогнул. Жена его протянула руки, словно желая обнять его, но тут же отвела их и, закрыв лицо руками, забилась, как в приступе сильной лихорадки.

– Ради бога, что это значит? – воскликнул Харкер. – Доктор Сьюворд, профессор Ван Хелсинг, что это? Что случилось? Что стряслось? Мина, дорогая, что такое? Откуда эта кровь? Боже мой! Неужели дошло до этого? – И, вскочив на колени, он заломил руки: – Боже милосердный, помоги нам! Помоги ей! О, помоги ей!

Харкер быстро спрыгнул с постели и стал одеваться – в нем сразу пробудилась потребность немедленно действовать.

– Что случилось? Расскажите мне все! – потребовал он. – Профессор Ван Хелсинг, я знаю, вы любите Мину. Так сделайте что-нибудь, спасите ее. Это еще не могло зайти слишком далеко. Охраняйте ее, пока я буду искать этого монстра!

Мина, несмотря на свое отчаяние, ужас и страдание, сразу уловила опасность для мужа и, мгновенно забыв о своем несчастье, вцепилась в него и закричала:

– Нет! Нет! Джонатан, не оставляй меня! Бог свидетель, я и так уже слишком настрадалась сегодня ночью, чтобы пережить еще кошмар волнений за тебя. Ты должен остаться со мной. С нашими друзьями, которые могут защитить тебя.

Лицо у нее сделалось просто безумным, он уступил ей, она усадила его на кровать и страстно прижалась к нему.

Мы с Ван Хелсингом старались успокоить их обоих.

– Не бойтесь, дорогая. Мы с вами, – сказал профессор с удивительным спокойствием и поднял свое маленькое золотое распятие: – А пока и это рядом с вами, то никакая нечисть к вам не приблизится. Вы теперь в безопасности; мы же должны сохранять спокойствие и посоветоваться друг с другом, что делать дальше.

Миссис Харкер, дрожа и не говоря ни слова, прижалась к груди мужа. Когда она подняла голову, рубашка его оказалась запятнана кровью в тех местах, которых коснулись ее губы и куда упали капли из крохотной ранки на шее. Увидев это, она отодвинулась с тихим плачем и зашептала сквозь душившие ее рыдания:

– Нечистая, нечистая! Я не должна больше прикасаться к нему или целовать его. О, как же это могло случиться! Теперь я – его злейший

враг, которого он должен больше всех бояться.

– Ну что за чепуха, Мина! – решительно сказал Харкер. – Мне просто стыдно слышать такое от тебя. Пусть Господь судит меня по заслугам и накажет еще большим страданием, если когда-либо по моей вине или воле что-нибудь встанет между нами!

Обняв продолжавшую плакать жену, он смотрел на нас поверх ее головы, глаза у него были печальные и полные слез, но губы жестко сжаты. Вскоре она начала успокаиваться, и тогда он сказал мне с нарочитым спокойствием, которое, как я почувствовал, стоило ему предельного напряжения нервов:

– А теперь, доктор Сьюворд, расскажите мне все. Суть я уловил, расскажите подробности.

И я подробно изложил ему, что же произошло. Он слушал с видимым бесстрастием, но ноздри его трепетали, а глаза сверкали, когда я рассказывал, как граф своими безжалостными руками принуждал миссис Харкер прильнуть губами к открытой ране на его груди. Я заметил, что даже в такой момент, когда лицо Джонатана было белым от напряжения, его руки ласково гладили растрепавшиеся волосы жены.

Едва я закончил, как в дверь постучали. Вернулись Квинси и лорд Годалминг. Ван Хелсинг вопросительно посмотрел на меня, как бы спрашивая: не воспользоваться ли нам их приходом, чтобы отвлечь внимание несчастных супругов друг от друга. Я кивнул, и Ван Хелсинг поинтересовался у пришедших, что они видели и делали. Лорд Годалминг ответил:

– Я не нашел его нигде, ни в коридоре, ни в наших комнатах, ни в кабинете, хотя там он явно побывал, он…

Тут Артур замолчал, взглянув на поникшую фигуру на постели. Но Ван Хелсинг серьезно и печально сказал:

– Продолжайте, друг Артур. Теперь не нужно больше никаких тайн. Наша надежда – в полной взаимной откровенности. Говорите свободно.

– Он пробыл там, – продолжал Артур, – возможно, лишь несколько секунд, но устроил страшный кавардак. Сжег все рукописи, искры еще вспыхивали среди пепла; бросил в огонь валики с вашими записями, доктор, воск лишь помог пламени.

– Слава богу, – прервал я его, – есть еще один экземпляр в сейфе!

Лицо Артура просветлело на мгновение, но потом снова омрачилось:

– Я сбежал вниз по лестнице – никого. Заглянул в палату Ренфилда, и там никого, кроме… – И он вновь замолчал.

– Продолжайте, – хрипло сказал Харкер.

Артур опустил голову и, проведя по пересохшим губам кончиком

языка, закончил:

– Бедняга умер.

Миссис Харкер подняла голову и, обведя нас взглядом, произнесла со значением:

– На все воля Божья!

Я почувствовал, что Артур что-то недоговаривает.

– Ну а вы, друг Квинси, можете что-нибудь добавить?

– Немного. Возможно, это и важно, хотя сейчас трудно сказать. Я решил разведать, куда двинется граф, выйдя из дома. Но не нашел его, зато видел, как из окна Ренфилда вылетела летучая мышь и направилась на запад. Я ожидал его возвращения в Карфакс, но, очевидно, он предпочел другое убежище. Сегодня он наверняка не вернется – небо светлеет, скоро рассвет. Завтра нам надо действовать.

Последние слова Квинси цедил сквозь стиснутые зубы. Минуты две все молчали, мне казалось, я слышу биение наших сердец. Потом Ван Хелсинг, очень нежно положив руку на голову миссис Харкер, сказал:

– А теперь, мадам Мина, бедная, дорогая, милая мадам Мина, расскажите нам подробно, что произошло. Видит Бог, я не хочу расстраивать вас, но необходимо, чтобы мы знали все. Теперь еще более, чем прежде, нужно действовать быстро, решительно и предусмотрительно. Близок день, когда все это наконец кончится, а теперь нам нужно извлечь урок.

Бедная, славная миссис Харкер дрожала, нервы ее были на пределе, она припала к мужу, пряча голову у него на груди. Но потом гордо выпрямилась и протянула руку Ван Хелсингу, который взял ее и, наклонившись, почтительно поцеловал. Муж обнимал ее, словно стремясь защитить. После паузы, видимо собравшись с силами, она начала:

– Я приняла снотворное, которое вы любезно приготовили для меня, но оно долго не действовало. Сна не было ни в одном глазу, меня начали одолевать какие-то страшные фантазии, мысли о смерти, вампирах, о крови, боли и страдании. – Муж ее невольно застонал. Она повернулась к нему и сказала с любовью: – Не волнуйся, дорогой! Будь храбрым, сильным и помоги мне перенести это страшное испытание. Если бы ты знал, как мне трудно говорить об этом кошмаре и как я нуждаюсь в вашей поддержке. Итак, я поняла, что лекарства мало, нужно помочь его действию концентрацией воли, и решила заснуть во что бы то ни стало. Наверное, я заснула, потому что больше ничего не помню. Когда Джонатан пришел, я не просыпалась;

потом помню, он уже лежал около меня, а в комнате стелился знакомый легкий белый туман. Не помню, рассказывала ли я вам об этом, но вы прочтете в моем дневнике. Меня охватило уже знакомое чувство смутного страха, я ощущала чье-то присутствие. Попробовала разбудить Джонатана, но он спал крепко и не просыпался, как будто он, а не я принял снотворное. Я очень испугалась и в страхе оглядывала комнату. Тут сердце у меня просто упало: рядом с постелью стоял высокий худой человек в черном, возникший из тумана. Я сразу узнала его по описаниям. Восковое лицо, резкий, орлиный нос, освещенный узкой полоской света, красные губы, острые белые зубы, красные глаза, которые я уже видела при заходе солнца в окнах церкви Святой Марии в Уитби. Узнала я и красный шрам у него на лбу – след от удара Джонатана. Я бы закричала, но меня будто парализовало. Тут он угрожающе зашептал, показывая на Джонатана: «Тихо! Если вы издадите хоть один звук, я размозжу ему голову прямо у вас на глазах».

Я была в слишком большом смятении, чтобы хоть что-то сказать или сделать. С язвительной улыбкой он одной рукой крепко взял меня за плечо, а другой – обнажил мое горло, сказав при этом: «Сначала легкая закуска в награду за мои труды. Только не волнуйтесь, пора привыкнуть: уже не впервые ваши вены утоляют мою жажду!» Я была в полной растерянности, но, что довольно странно, не ощущала ни малейшего желания сопротивляться. Видимо, он гипнотизирует жертву. О боже мой! Боже, сжалься надо мною!.. И он припал своими мерзкими губами к моему горлу!

Ее муж снова застонал. Миссис Харкер, сжав его руку, посмотрела на него с таким сочувствием, будто пострадал он, а не она, и продолжила:

– Силы покидали меня, я была в полуобмороке. Сколько длился этот кошмар, не знаю; мне показалось, прошло много времени, прежде чем он оторвал от меня свой гадкий, ужасный, ухмыляющийся рот. С его губ капала свежая кровь!..

Это воспоминание, казалось, лишило ее сил, несчастная женщина опустила голову и, наверное, совсем бы сникла, если бы не ободряющая поддержка мужа. С большим трудом она продолжила рассказ:

– Потом он сказал мне с усмешкой: «Итак, вы, вместе с остальными, намерены тягаться со мной, хотите помочь этим наивным простецам выследить меня и расстроить мои планы. Но теперь вы знаете, а вскоре узнают и они, что значит встать мне поперек дороги.

Им следовало бы беречь свои силы для защиты дома, а они строят козни против меня – это против меня-то, мастера интриг и борьбы, повелевавшего народами еще за сотни лет до их рождения! Разумеется, я обвел их вокруг пальца. И вы, столь бесценная для них, сделались плотью от плоти моей, кровью от крови моей, породнившись со мной; сначала вы будете моим живительным источником, а потом – спутницей и помощницей. Но, в свою очередь, вы будете отомщены за то, что они не уберегли вас; ведь никто из них не пришел вам на помощь. Но пока вы должны быть наказаны за то, что сделали. Вы участвовали в кознях против меня и теперь станете подвластны моему зову. Как только я мысленно прикажу вам: «Приди!», вы помчитесь на мой зов через моря и океаны; для этого я сделаю вот что!» И он распахнул свою рубашку и длинными острыми ногтями вскрыл вену у себя на груди. Брызнула кровь, и он, схватив меня за руки, стал прижимать мой рот к ране так, что я должна была или задохнуться, или глотнуть… О боже мой! Боже мой! Что я сделала? Чем я провинилась, что заслужила такое наказание? Ведь я всегда старалась жить кротко и честно. Господи, смилуйся! Сжалься над бедной душой, которой грозит опасность бóльшая, чем смерть; смилуйся над теми, кому она дорога!

И миссис Харкер начала тереть губы, как бы желая очистить их от скверны.

Стало светать. Харкер молчал и был спокоен, но на лицо его во время ужасного рассказа легла тень, которая все более сгущалась, и, когда блеснула первая полоска утренней зари, лицо стало еще темнее в сравнении с поседевшими за ночь волосами.

Мы договорились, что один из нас будет все время неподалеку от несчастных супругов, а потом соберемся все вместе и обсудим план действий.

Одно не вызывает у меня сомнений: солнце взошло сегодня над самым несчастным домом на всем протяжении своего дневного пути.

Глава XXII

ДНЕВНИК ДЖОНАТАНА ХАРКЕРА

3 октября. Взялся за дневник – должен что-то делать, иначе сойду с ума. Шесть утра. Через полчаса мы должны собраться в кабинете и позавтракать; профессор Ван Хелсинг и доктор Сьюворд считают, что голод – не помощник в нашем деле. Да, видит Бог, сегодня нам потребуется много сил. Буду при малейшей возможности вести записи – лишь бы не думать. Стану описывать все подряд – и важные события, и мелочи, ведь именно мелочи могут оказаться наиболее поучительными. Хотя никакой урок, большой или малый, наверное, уже не сделает нас с Миной счастливыми. Но нужно верить и надеяться. Бедная Мина сейчас сказала мне – при этом слезы градом лились по ее щекам, – что в несчастьях и испытаниях проверяется наша вера и мы должны верить, несмотря ни на что, и Бог в конце концов поможет нам. В конце концов! О боже мой! В каком конце?.. Надо действовать! Действовать!

Когда профессор Ван Хелсинг и доктор Сьюворд вернулись из комнаты бедного Ренфилда, мы стали обсуждать ситуацию. Доктор Сьюворд рассказал, что они с профессором Ван Хелсингом нашли Ренфилда на полу, все лицо его было разбито, а шея сломана. Доктор Сьюворд спросил дежурного на посту в коридоре, слышал ли тот что-нибудь. Дежурный слышал, правда в полудреме, голоса в палате, затем Ренфилд несколько раз громко выкрикнул: «Боже! Боже! Боже!», потом раздался шум, будто что-то падало; вбежав в палату, дежурный нашел больного на полу, лицом вниз – так, как позднее увидели его профессор и доктор. На вопрос Ван Хелсинга, слышал ли он «голоса» или «голос», дежурный не мог ответить определенно: сначала ему вроде бы послышались голоса, но в палате находился только Ренфилд, значит, был все-таки один голос. При этом он мог поклясться, что

слово «Боже» произнес Ренфилд.

Когда мы остались одни, доктор Сьюворд сказал, что не хотел бы особенно углубляться в это дело. Если будет расследование, правду говорить бессмысленно, все равно никто не поверит, а так на основании слов дежурного он напишет заключение о смерти в результате несчастного случая – при падении с кровати. В случае если коронер потребует официального расследования, оно неизбежно приведет к тому же результату.

Приступая к обсуждению плана действий, мы решили, что Мина должна все знать, нельзя скрывать от нее ничего, вплоть до самого тяжкого и страшного. Она признала наше решение мудрым, но как же грустно было видеть ее, несмотря на всю ее стойкость, в такой пучине отчаяния.

– Нельзя ничего скрывать, – грустно повторила она. – Увы! Мы уже достаточно скрывали, да и ничто не сможет причинить мне большее страдание, нежели то, что уже пришлось пережить! Что бы ни случилось, я готова – либо появится новая надежда, либо снова потребуется мужество!

Ван Хелсинг внимательно посмотрел на нее и вдруг спокойно спросил:

– Но, дорогая мадам Мина, неужели после того, что произошло, вы не боитесь если не за себя, то хотя бы за других?

Лицо у нее напряглось, а глаза сияли, как у мученицы.

– Нет, – ответила она, – я готова на все!

– На что? – спросил он мягко, мы же молчали, смутно представляя себе, что она имеет в виду.

Очень непосредственно и просто, как будто констатируя самый обыденный факт, Мина пояснила:

– Если увижу – а я буду следить очень внимательно, – что причиняю вред тому, кого люблю, я умру!

– Неужели вы способны покончить с собой? – спросил профессор хрипло.

– Да, я бы сделала это, если бы у меня не было друга, который, любя меня, мог бы помочь мне в этом акте отчаяния и избавить меня хотя бы от этого испытания!

И она выразительно посмотрела на Ван Хелсинга. Тот встал, положил ей руку на голову и сказал:

– Дитя мое, такой друг у вас есть. Я взял бы на себя грех перед Всевышним и нашел бы средство, чтобы вы безболезненно покинули этот мир, если бы у вас не было другого выхода. Но, дитя мое… –

Голос у него прервался, однако он справился с волнением и продолжал: – Тут есть люди, которые станут между вами и смертью. Ни от чьей руки, тем более своей собственной, вы не должны умирать. По крайней мере, пока по-настоящему не умрет тот, кто отравил вашу светлую жизнь, иначе после смерти вы станете такой же, как он. Нет, вы просто обязаны жить! Вы должны бороться и жить, даже если смерть покажется вам невыразимым благом. Вы должны бороться с самой смертью, застанет ли она вас в радости или горе, днем или ночью, в безопасном укрытии или в момент предельного риска! Ради спасения вашей души заклинаю вас не умирать, более того – даже не думать о смерти, пока не будет покончено с этим злом.

Моя бедняжка побледнела как полотно, ее охватила дрожь. Мы молчали – что мы могли сделать! Наконец она успокоилась и сказала мягко и печально, протянув ему руку:

– Даю вам слово, мой дорогой друг, если Господь оставит меня в живых, я постараюсь следовать вашим советам, и, надеюсь, наступит час, когда этот ужас кончится.

Ее доброта и смелость укрепили нас в нашей решимости действовать и постоять за нее. Мы перешли к обсуждению плана действий. Я сообщил Мине, что ей поручается хранение бумаг в сейфе – всех документов, дневников, фонографических записей, которые могут нам пригодиться. Кроме того, она должна, как и прежде, вести записи. Она была очень рада этим поручениям – если, конечно, слово «рада» можно употребить в сочетании с такими мрачными обстоятельствами.

Как обычно, Ван Хелсинг уже все продумал и подготовил точный план действий.

– Возможно, это к лучшему, – сказал он, – что после посещения Карфакса мы решили не трогать ящики с землей, которые там находятся. Тронь мы их, граф догадался бы о наших планах и, несомненно, принял бы меры. Вероятнее всего, он даже не подозревает о том, что у нас есть средства лишить его убежищ. А мы теперь располагаем сведениями, где они находятся; осталось лишь обследовать дом на Пикадилли и установить, последнее ли это укрытие. Сегодняшний день – наш, на него все надежды. Солнце, осветившее утром нашу печаль, теперь оберегает нас. Нужно, чтобы это чудовище оставалось в том же облике до заката солнца. В своем земном образе он окажется в ловушке и не сможет растаять в воздухе и проскользнуть сквозь щели и замочные скважины. А коли захочет в дверь, так пусть открывает ее, как простой смертный. Сегодня нам

надо уничтожить все его убежища. Если не удастся схватить и уничтожить самого Дракулу, нужно, по крайней мере, загнать его в такое место, где мы смогли бы наверняка разделаться с ним впоследствии.

Тут я не выдержал и вскочил – вместо того чтобы действовать, мы тратим время на разговоры, теряя бесценные минуты, от которых зависят жизнь и счастье Мины. Но Ван Хелсинг предостерегающе поднял руку:

– Нет, друг Джонатан, тише едешь – дальше будешь, как говорит пословица. Мы будем действовать, и действовать с ошеломительной быстротой в надлежащий момент. Но подумайте, скорее всего, все нити сходятся в доме на Пикадилли. Граф приобрел много домов. Должны быть документы об их покупке, ключи и прочее. А бумага, на которой он пишет, чековая книжка и другие необходимые вещи – где-то он же хранит их. Этот дом расположен в центре. Граф может спокойно пользоваться парадным или черным входом в любое время, не привлекая к себе внимания – там всегда полно народу. Мы поедем на Пикадилли, обыщем дом, выясним все необходимое и только тогда начнем то, что наш друг Артур на охотничьем жаргоне называет «гнать лису». Согласны?

– Так пойдемте немедленно! – вскричал я. – Мы зря теряем драгоценное время!

Но профессор даже не шелохнулся и спокойно спросил:

– А как вы собираетесь попасть в дом на Пикадилли?

– Да все равно как! – воскликнул я. – Взломаем, если нужно.

– А полиция? Как она на это посмотрит и что скажет?

Я слегка опешил, поняв, что, если он не спешит, у него есть на то свои основания. Поэтому ответил как можно спокойнее:

– Но не медлите долее, чем необходимо. Вы ведь знаете, в каком я состоянии.

– Ах, друг мой, знаю, и у меня нет ни малейшего желания продлевать ваши страдания. Но наш черед настанет только тогда, когда все придет в движение. Так вот, я долго размышлял и решил, что самый простой путь – самый лучший. Мы хотим войти в дом, но ключа у нас нет. Ведь так? – Я кивнул. – Теперь представьте себе, что вы – хозяин дома и не можете попасть в него. Что бы вы сделали?

– Я бы пригласил надежного слесаря и попросил открыть дверь.

– А как же полиция?

– Полиция не станет вмешиваться, если будет знать, что слесарь приглашен хозяином.

– Значит, – он внимательно посмотрел на меня, – главное, чтобы полицейский не усомнился в том, что владелец настоящий. Ваша полиция действительно должна быть очень усердной и умной – очень умной! – чтобы разбираться в людях. Можно, друг Джонатан, открыть сотни пустых домов в Лондоне и других городах мира, если действовать умно, да еще в самое удобное для этого время, тогда никто не подумает помешать вам. Я читал об одном джентльмене – владельце прекрасного дома в Лондоне; он, заперев свой особняк, на все лето поехал в Швейцарию. Грабитель, разбив заднее окно, проник в дом, открыл ставни и вышел через парадный вход на глазах у полицейского. Потом, предварительно дав объявления, устроил аукцион. Продав все, что было в доме, он договорился со строительной фирмой о продаже особняка, обусловив, что здание будет разобрано к определенному сроку и увезено. Полиция и власти всемерно помогали ему. Когда же настоящий владелец вернулся из Швейцарии, то обнаружил лишь пустое место.

Все было сделано по правилам, и мы тоже будем действовать по правилам. Не поедем туда слишком рано, чтобы полицейскому, который утром не очень занят, мы не показались подозрительными. Поедем после десяти, когда на улице уже много народу и ни у кого не возникнет сомнений в том, что мы и есть хозяева.

Этот план показался мне очень разумным, даже у Мины немного прояснилось лицо. Забрезжила хоть какая-то надежда.

– Попав в дом, – продолжал Ван Хелсинг, – мы можем обнаружить что-то важное. В любом случае некоторые из нас останутся там, а остальные отправятся в Бермондси и Майл-Энд – на поиски остальных ящиков.

Лорд Годалминг встал:

– Тут я могу кое-чем помочь. Телеграфирую своим людям, чтобы они в определенных местах держали наготове лошадей и экипажи.

– Слушай, дружище, это прекрасная мысль! – воскликнул Моррис. – Конечно, нам могут понадобиться лошади. Но не кажется ли тебе, что твои фешенебельные экипажи, украшенные фамильными гербами, привлекут слишком много внимания на проселочных дорогах Уолворта и Майл-Энда? Думаю, лучше нанять кебы, да и то оставлять их где-нибудь по соседству, а не около домов.

– Квинси прав! – сказал профессор. – Голова у него, как говорится, варит. Дело нам предстоит трудное, и лучше особенно не привлекать к себе внимания посторонних.

Мина проявляла все больший интерес к обсуждению, и я был

доволен – это отвлекало ее от ужасного ночного переживания. Она была очень, очень бледна и так похудела, что почти не было видно губ, зато обнажились зубы. Я не сказал ей об этом, чтобы не огорчать напрасно, но у самого просто леденела кровь в жилах при воспоминании о том, что случилось с Люси. Хотя не заметно, чтобы у Мины зубы стали острее, но прошло еще слишком мало времени…

Когда мы стали обсуждать последовательность наших действий и расстановку сил, возникли новые сомнения. В конце концов было решено перед поездкой на Пикадилли разрушить ближайшее логово графа. Если даже он узнает об этом прежде времени, все равно мы опередим его, а присутствие там графа в исключительно материальном и самом уязвимом для него виде даст нам некоторое преимущество.

После посещения Карфакса профессор предложил всем поехать на Пикадилли; потом он, доктор и я останемся там, а лорд Годалминг и Квинси отыщут и уничтожат убежище графа в Уолворте и Майл-Энде. Профессор допускал, хотя и считал маловероятной, возможность появления графа на Пикадилли днем, во всяком случае, нам нужно быть готовыми к схватке с ним. По крайней мере, мы можем попытаться преследовать его. Я был против этого плана, намереваясь остаться с Миной, но она и слышать об этом не хотела – считала, что на Пикадилли могут возникнуть юридические вопросы, входящие в мою компетенцию, или вдруг в бумагах графа встретится что-то, понятное лишь мне с моим трансильванским опытом; не говоря уж о том, что для борьбы с чудовищем необходимо объединить все наши силы. Я вынужден был уступить. Очень решительно настроенная Мина сказала, что ее последняя надежда на нашу сплоченность.

– Что касается меня, – заметила она, – я не боюсь. Со мной уже случилось худшее, а дальше, что бы ни произошло, все-таки есть надежда. Ступай, мой друг! Бог, если пожелает, защитит меня.

Тогда я встал и воскликнул:

– Ради бога, пойдемте скорее, не теряя больше времени. Граф может заявиться на Пикадилли раньше, чем мы думаем.

– Едва ли! – сказал Ван Хелсинг, махнув рукой.

– Почему? – спросил я.

– Вы забыли, – криво усмехнулся он, – прошлой ночью он пировал и поэтому встанет поздно.

Разве мог я забыть? Разве я когда-нибудь забуду! Сможет ли кто-нибудь из нас забыть эту ужасную сцену? Мина собрала все свои силы, чтобы сохранить спокойствие, но боль захлестнула ее, и она, закрыв лицо руками, застонала. Ван Хелсинг вовсе не хотел напомнить

ей о пережитом ужасе. Его внимание было сосредоточено на плане действий, он просто упустил из виду ее присутствие. Когда до профессора дошло, что сорвалось у него с языка, он пришел в ужас от своей бестактности и попытался успокоить Мину:

– О мадам Мина, дорогая, дорогая мадам Мина! И надо же, чтобы именно я, который столь почитает вас, брякнул такое. Но не стоит обращать внимание на выжившего из ума старика. Вы ведь забудете, правда?

Он склонился к ней, она взяла его руку и сказала охрипшим голосом:

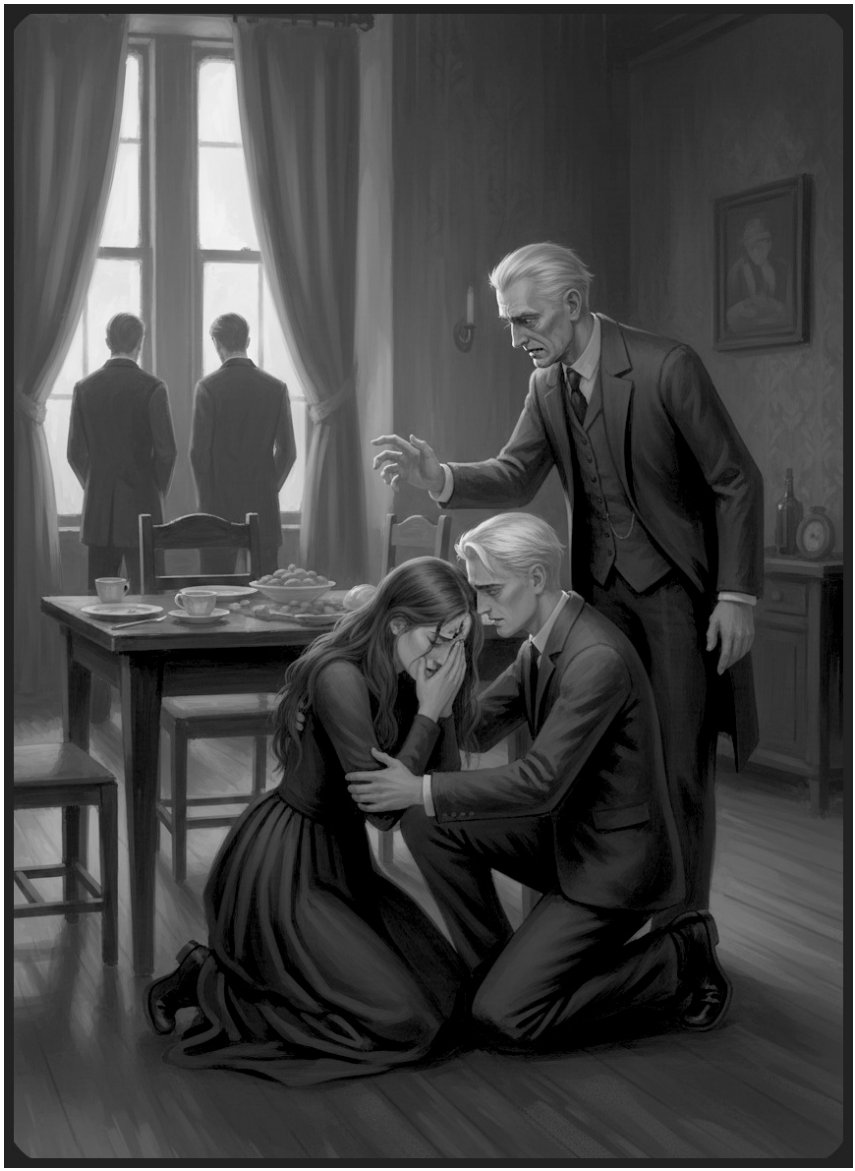
– Нет, не забуду – нельзя забывать, к тому же у меня много добрых воспоминаний о вас, все переплетается. Но вам скоро пора отправляться. Завтрак готов, нужно поесть, чтобы подкрепить силы.

Этот завтрак не походил на наши обычные трапезы. Мы изо всех сил старались быть веселыми, подбодрить друг друга; самой веселой казалась Мина. После завтрака Ван Хелсинг встал и сказал:

– А теперь, друзья мои, нам пора. Все ли мы защищены, как в ту ночь, когда впервые побывали в логове врага? – Мы заверили его, что все в порядке. – Ну что ж, хорошо. Мадам Мина, вы совершенно в безопасности здесь, по крайней мере, до захода солнца, к тому времени мы вернемся… если… Мы обязательно вернемся! Но перед уходом я хочу удостовериться, что вы защищены от его нападения. Пока вы были внизу, я подготовил вашу комнату, разложив в ней известные вам талисманы – туда он не войдет. Теперь я хочу обезопасить вас. Этим кусочком Святых Даров я освящаю ваше чело во имя Отца и Сына и…

Раздался ужасный, пронзительный, леденящий душу крик. Когда облатка коснулась лба Мины, она обожгла ей кожу, как будто то был кусок раскаленного металла. Моя бедная жена сразу все поняла, ее измученные нервы не выдержали, и она в отчаянии закричала. Ее крик еще звенел в наших ушах, когда она упала на колени в мучительном унижении и, закрыв лицо своими чудесными волосами, как прокаженный в старину своим капюшоном, запричитала сквозь рыдания:

– Нечистая! Нечистая! Даже Господь чурается моей осквернённой плоти! Я должна носить это позорное клеймо на лбу до дня Страшного суда!



Все затихли. Я бросился на колени рядом с ней и крепко обнял ее, ощущая беспомощность и отчаяние. Несколько минут наши истерзанные сердца бились вместе, а друзья плакали, отвернувшись, чтобы скрыть слезы. Потом Ван Хелсинг повернулся к нам и заговорил необычайно серьезно, так, что я почувствовал – на него снизошло вдохновение:

– Может быть, вам и придется нести это клеймо, пока в день

Страшного суда сам Господь не разберется, кто в чем виноват, и не устранит все несправедливости, которым Его дети подверглись на земле. О мадам Мина, о, моя дорогая, если бы мы, любящие вас, могли оказаться в то время пред престолом Всевышнего, чтобы увидеть, как этот красный шрам, знак всеведения Господа, исчезнет и ваше чело станет таким же чистым, как и ваше сердце! Я не сомневаюсь, что клеймо исчезнет, когда Богу будет угодно снять бремя, столь тяжкое для нас. До тех пор мы будем нести свой крест, как нес свой Его Сын, послушный Его воле. Кто знает, может быть, мы избраны для испытаний Его доброй волей и должны следовать Его указаниям, несмотря на муки, стыд, сомнения, страхи и все остальное, чем человек отличается от Бога.

В словах профессора звучали надежда, утешение, призыв к смирению. Мы с Миной почувствовали это и, наклонившись, поцеловали ему руку. Потом, ни слова не говоря, все встали на колени и, держась за руки, поклялись в верности друг другу. А мы, мужчины, дали клятву не отступать, пока не избавим от горя ту, которую каждый из нас по-своему любил; и мы молили Бога о помощи в том страшном деле, которое предстояло нам.

Пора было уходить. Я попрощался с Миной. Этого прощания мы не забудем до конца дней наших.

Но я решил твердо: если выяснится, что Мине все же суждено стать вампиром, она уйдет не одна в этот неведомый кошмар.

Мы без особых затруднений проникли в усадьбу – там все было так же, как и при нашем первом посещении. Трудно поверить, что в такой обыденной обстановке – с ее запущенностью, пылью и грязью – таится источник того запредельного страха, который мы испытали ночью. Если бы не наше решение и не ужасные воспоминания, не дававшие нам покоя, едва ли мы смогли бы заняться работой. Никаких бумаг, ничего, представлявшего интерес, мы в доме не нашли; в старой часовне ящики выглядели точно так же, как в прошлый раз. Ван Хелсинг сказал нам с пафосом:

– А теперь, друзья мои, наш долг – обезвредить эту землю, которую чудовище привезло из дальнего края для своих бесчеловечных целей. Граф выбрал именно эту землю, ибо она была освящена его предками, но мы победим негодяя его же оружием – и еще раз освятим ее. Она была священна для людей, теперь мы посвятим ее Богу.

Профессор достал из сумки отвертку и стамеску, и вскоре крышка одного из ящиков с шумом отвалилась. Земля пахла плесенью и

затхлостью, но мы не обращали на это внимания, наблюдая за Ван Хелсингом. Достав из коробочки кусочек освященной облатки, он благоговейно положил его на смрадную землю, накрыл ящик крышкой и с нашей помощью закрепил ее. Мы проделали это со всеми ящиками, внешний их вид никак не изменился, но в каждом остался кусочек Даров. Когда мы вышли и закрыли за собой дверь, профессор воскликнул:

– Кое-что сделано! Если нам так же повезет и дальше, то еще до захода солнца лоб мадам Мины засияет в своей первозданной чистоте!

По дороге на станцию мы пересекли лужайку, с которой был виден фасад нашего дома. В окне я увидел Мину, помахал ей рукой и кивнул в знак того, что работа наша успешно выполнена. Она поняла и кивнула в ответ. Оглядываясь, я видел, как она махала нам рукой на прощание. С тяжелым сердцем мы пришли на станцию и как раз успели на подошедший поезд.

Эти записи я сделал в поезде.

Пикадилли, 12 часов 30 минут. Перед приходом поезда на Фенчерч-стрит лорд Годалминг сказал мне:

– Мы с Квинси пойдем за слесарем. Вы лучше не ходите с нами; если возникнут осложнения, то для нас вторжение в пустой дом не будет иметь серьезных последствий. А вы – стряпчий, Юридическая корпорация может вас осудить. – Я возразил, что меня не пугает никакая опасность ни мне, ни моей репутации, но он стоял на своем: – К тому же вдвоем мы и внимания меньше привлечем. Мой титул поможет при переговорах со слесарем, да и с полицейским, если тот вмешается. Ступайте лучше с Джоном и профессором в Грин-парк и оттуда наблюдайте за домом, а увидев, что дверь открыта и слесарь ушел, приходите. Мы будем ждать и впустим вас в дом.

– Хороший план! – одобрил Ван Хелсинг, и я больше не спорил.

Лорд Годалминг и Моррис поехали в одном кебе, мы – в другом. На углу Арлингтон-стрит мы вышли и проследовали в Грин-парк. Сердце у меня забилось при виде дома, с которым было связано столько наших надежд. Он стоял мрачный, заброшенный, в окружении оживленных, нарядных соседей. Мы сели на скамейку так, чтобы видеть входную дверь, и закурили сигары, стараясь не привлекать к себе внимание. Время тянулось невыносимо медленно.

Наконец подъехал экипаж, из которого неторопливо вышли лорд Годалминг и Моррис, а с козел спустился коренастый рабочий с плетеной корзиной в руках. Моррис заплатил кучеру, тот поклонился и уехал. Поднявшись по ступенькам, лорд Годалминг показал рабочему,

что надо делать. Парень не спеша снял куртку и, повесив ее на перила, что-то сказал проходившему мимо полицейскому. Тот утвердительно кивнул, слесарь опустился на колени и придвинул к себе корзину. Порывшись в ней, он вытащил несколько инструментов и положил около себя. Потом встал, заглянул в замочную скважину, подул в нее и что-то сказал. Лорд Годалминг улыбнулся, и слесарь достал большую связку ключей, выбрал один из них и попытался открыть замок. Потом попробовал другой ключ, затем – третий. Вдруг дверь широко распахнулась, и все трое вошли в дом.

Мы молча ждали, я нервно курил сигару, Ван Хелсинг сохранял спокойствие. Мы видели, как вышел слесарь со своей корзиной. Придерживая коленом полуоткрытую дверь, он еще раз приладил ключ к замку и отдал его лорду Годалмингу. Тот достал кошелек и расплатился; слесарь надел куртку, взял корзину, попрощался, тронув рукой шляпу, и ушел. Никому не было дела до того, что происходило.

Мы пересекли улицу, постучали в дверь. Ее мгновенно открыл Квинси Моррис, рядом стоял лорд Годалминг, куривший сигару.

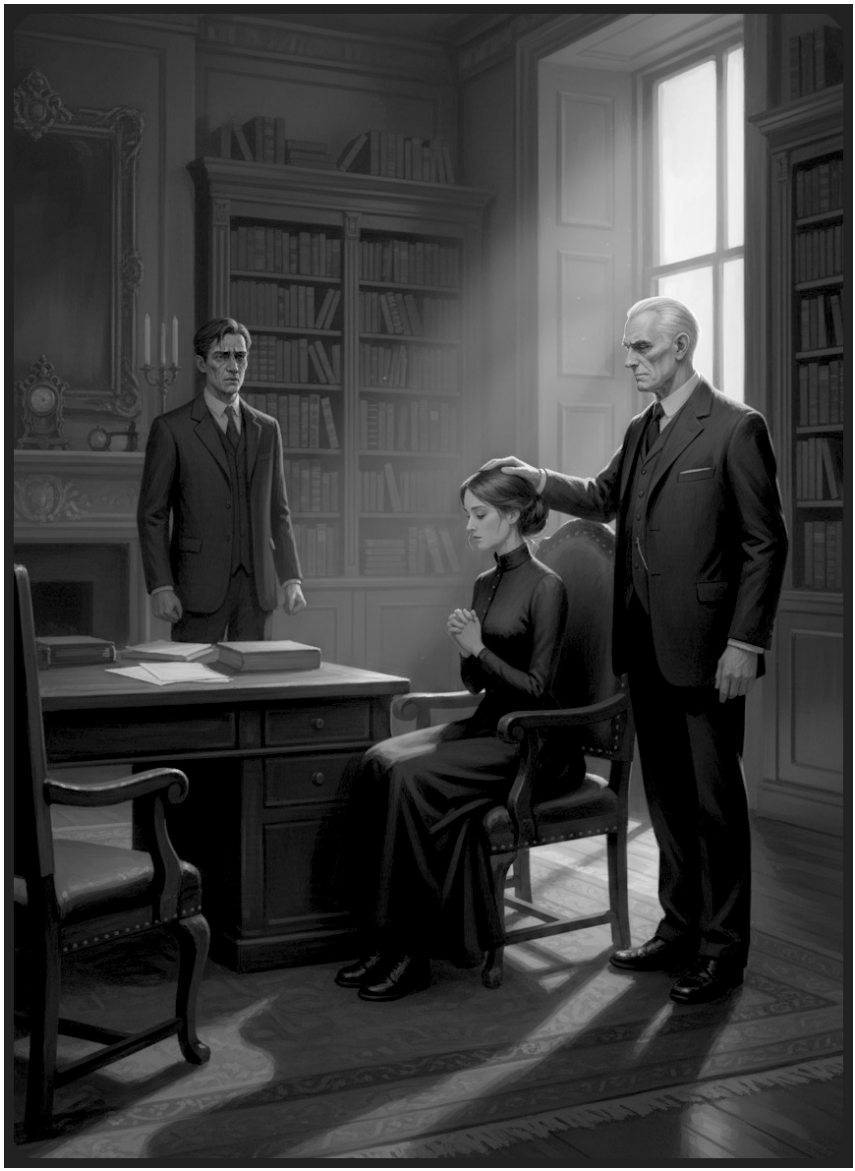
– Прескверно тут пахнет, – сказал он.

Действительно, смрад был, как в старой часовне: судя по всему, граф часто пользовался этим убежищем. Мы стали осматривать дом, стараясь держаться вместе на случай нападения, так как очень хорошо знали, что имеем дело с сильным и коварным врагом. В столовой, примыкавшей к передней, мы нашли восемь ящиков с землей. Только восемь из девяти! Нужно было искать недостающий ящик. Мы открыли ставни на окнах, выходивших в маленький, вымощенный камнем двор. Напротив находилась конюшня, похожая на крошечный домик. Окон там не было, и мы могли не опасаться нескромных взглядов. Не теряя времени, мы занялись ящиками – по очереди открывали их с помощью инструментов, а потом проделывали с ними ту же операцию, что и в часовне. Было ясно, что графа в доме нет, и мы принялись искать его вещи.

После беглого осмотра здания от подвала до мансарды мы обнаружили кое-что лишь в столовой, на огромном обеденном столе. В беспорядке, не лишенном, однако, своей системы, лежали предметы, которые могли принадлежать графу. Мы внимательно их осмотрели: пачка документов о покупке домов на Пикадилли, в Майл-Энде и Бермондси, почтовая бумага, конверты, ручки и чернила. Все было покрыто тонкой оберточной бумагой – от пыли. Потом мы нашли платяную щетку, расческу, кувшин и таз с грязной водой, красной от крови. И наконец, большую связку ключей всех видов и размеров,

видимо, от других домов.

Лорд Годалминг и Квинси Моррис, записав адреса домов на востоке и юге Лондона, отправились туда с этими ключами. Нам же, профессору Ван Хелсингу, доктору Сьюворду и мне, пришлось запастись терпением и ждать их возвращения или прихода графа.



Глава XXIII

ДНЕВНИК ДОКТОРА СЬЮВОРДА

3 октября. В ожидании возвращения лорда Годалминга и Квинси время тянулось очень медленно. Профессор всячески старался занять и приободрить нас, особенно Харкера. Бедняга так подавлен свалившимся горем, что на него страшно смотреть. Еще вчера вечером молодой, темноволосый человек, веселый и счастливый, сегодня он превратился в мрачного изможденного старика, седовласого, с запавшими горящими глазами и глубокими морщинами на лице. Не иссякла только его энергия; мало того, он – как пылающий факел. Вероятно, в этом его спасение, ибо если все уладится, это поможет ему пережить тяжкий период отчаяния и вернуться к нормальной жизни. Он, конечно, достоин всяческого сожаления; если мне мое горе казалось ужасным, то его!..

Профессор, хорошо понимая это, всячески старался отвлечь Харкера и рассказывал поразительно интересные вещи. Воспроизвожу по памяти то, что он поведал нам…

– Я основательно изучил все попавшие ко мне в руки бумаги, имевшие отношение к этому монстру; и чем больше вникал в них, тем больше убеждался в необходимости его уничтожить. В них много говорится о его успехах, и видно, что он сознает свое могущество. В результате исследований моего друга Арминия из Будапешта удалось выяснить, что в жизни это был необыкновенный человек: одновременно солдат, государственный деятель, алхимик – алхимия в те времена считалась вершиной научного знания. Он обладал большим умом и знаниями, а сердце его не ведало страха и угрызений совести. Граф даже учился в Шоломансе, школе дьявола, и не было такой науки в его время, которой бы он не превзошел. Что ж, после физической смерти его умственная мощь сохранилась, лишь слегка ослабела

память. Конечно, кое в чем его интеллект – на примитивной стадии, однако способен к быстрому развитию. Граф экспериментирует, и вполне успешно. И не попадись мы на его пути, он, вероятно, стал бы – а в случае нашего поражения и станет – отцом или родоначальником нового вида, который будет существовать «в смерти», а не «в жизни».

Харкер застонал:

– И эта сила направлена против моей любимой! Но как он экспериментирует? Зная это, мы можем разрушить его планы!

– Как только граф прибыл сюда, он стал пробовать свои силы – медленно, но уверенно продвигаясь вперед. К счастью для нас, у него довольно неразвитое, в каком-то смысле даже младенческое сознание: если бы он сразу посмел сделать некоторые вещи, мы бы давно оказались бессильны перед ним. Однако монстр полон решимости добиться успеха, у него впереди столетия, и он может позволить себе не спешить. «Поспешай, не торопясь» – вот его девиз.

– Не понимаю, – нетерпеливо перебил профессора Харкер. – Пожалуйста, объясните поподробнее! Вероятно, горе и беспокойство притупили мой ум.

Ван Хелсинг положил ему руку на плечо:

– Хорошо, дитя мое, постараюсь. Разве вы не видите, как постепенно и осторожно пробовал монстр свои силы и копил знания, как он использовал больного-зоофага, чтобы проникнуть в дом нашего друга Джона; ведь вампир хоть и может проникать, куда и как ему угодно, но лишь после того, как его пригласит кто-то, живущий в доме. Но это, конечно, не главные его опыты. Разве мы не видели, как поначалу все эти громадные ящики перетаскивали грузчики. Так и должно было быть. Но со временем он задумался, почему бы ему самому не переносить их. Начал помогать грузчикам, потом увидел, что все идет хорошо, он вполне может сам, без посторонней помощи, переносить ящики. Это открыло перед ним новые возможности: рассредоточить в разных местах свои могилы, и тогда только ему будет известно их расположение. Можно даже закопать их глубоко в землю, чтобы пользоваться ими ночью или в то время, когда он способен изменить облик, и никто не сможет узнать, где эти убежища! Но, друг мой, не отчаивайтесь; он понял это слишком поздно! Уже все его убежища уничтожены, кроме одного, но мы найдем его до захода солнца. Тогда у него не останется укрытий. Я медлил сегодня утром, чтобы действовать наверняка. Ведь мы рискуем большим, чем он! Значит, нам надо проявить большую осторожность. Судя по моим часам, если все обошлось благополучно, Артур и Квинси должны уже

быть на пути к нам. Сегодня наш день, и мы должны действовать уверенно, не торопясь, но и не упуская шанса. Подумайте! Ведь когда вернутся наши друзья, нас станет пятеро!

При его последних словах мы вздрогнули – раздался стук в дверь. Мы с Харкером бросились в переднюю, но Ван Хелсинг жестом велел нам молчать, подошел к двери и открыл ее. Рассыльный подал ему телеграмму. Профессор, закрыв дверь, взглянул, кому она адресована, вскрыл и прочитал вслух:

– «Берегитесь Д. Он только что, 12.45, из Карфакса поспешно направился к югу. Видимо, совершает обход, может заглянуть к вам. Мина».

Наступило молчание. Его прервал Джонатан Харкер:

– Слава богу, скоро мы встретимся!

Ван Хелсинг быстро повернулся к нему и сказал:

– Все случится по воле Божьей, когда и как Он пожелает. Не бойтесь, но и не радуйтесь преждевременно; как бы именно то, чего мы так жаждем, не привело к нашей гибели.

– Меня теперь волнует только одно, – возбужденно воскликнул Харкер, – как стереть этого зверя с лица земли. Ради этой цели я готов даже продать свою душу!

– Тише, тише, дитя мое! – перебил его Ван Хелсинг. – Бог не покупает души, а дьявол если и покупает, то не держит своих обещаний. Но Бог милостив и справедлив, Он знает о ваших страданиях и любви к дорогой мадам Мине. Подумайте, сколь возросло бы ее горе, если бы она услышала ваши безумные слова. Доверьтесь нам, ведь мы ваши друзья, сегодня все должно кончиться. Настало время действовать; днем вампир не сильнее человека, а до захода солнца он не сможет изменить свой облик. Ему нужно время, чтобы добраться сюда; смотрите, уже двадцать минут второго – еще есть несколько минут до его прихода. Будем надеяться, что лорд Артур и Квинси приедут раньше.

Приблизительно через полчаса после телеграммы от миссис Харкер раздался уверенный стук в дверь. Это был самый обычный стук, так стучат тысячи людей, но при его звуке наши сердца сильно забились. Мы переглянулись и все вместе вышли в переднюю; каждый держал наготове свое оружие: в левой руке – против духов, в правой – против людей. Ван Хелсинг отодвинул задвижку и, приоткрыв дверь, отскочил, приготовившись к нападению. Как же мы обрадовались, увидев на пороге лорда Годалминга и Квинси Морриса! Они быстро вошли и закрыли за собой дверь. Артур, проходя через переднюю,

объявил:

– Все в порядке. Мы нашли оба логова, в каждом – по шесть ящиков, мы их уничтожили!

– Уничтожили? – переспросил профессор.

– Да, он ими не сможет воспользоваться!

Наступила пауза, потом Квинси сказал:

– Теперь остается лишь одно – ждать здесь. Если же до пяти он не появится, нам придется уйти – нельзя оставлять миссис Харкер одну после захода солнца.

– Он скоро придет, – заметил Ван Хелсинг, просматривая свою записную книжку. – Обратите внимание, в телеграмме мадам Мины сказано, что он направился к югу, значит, ему придется переправляться через реку, а это возможно только во время отлива, то есть приблизительно около часа дня. Пока у него только возникли подозрения. Из Карфакса вампир отправился туда, где менее всего ожидает нашего появления. Вероятно, вы были в Бермондси перед самым его приходом. Раз он еще не здесь, значит, в Майл-Энде. Это заняло некоторое время – ему надо было вновь переправляться через реку. Поверьте, друзья мои, ждать осталось недолго. Нужно составить план нападения, чтобы ничего не упустить… Но тихо! Времени уже нет. Приготовьте оружие!

Профессор предупреждающе поднял руку, и мы услышали, как повернулся ключ в замке входной двери.

Даже в такой страшный миг я не мог не восхититься удивительным проявлением сильного характера. Всегда, когда мы вместе охотились или просто путешествовали по свету, лидером у нас был Квинси Моррис – он составлял план действий, а мы с Артуром привыкли безоговорочно подчиняться ему. Старая привычка сработала и на этот раз. Быстро оглядев комнату, он мгновенно составил план нападения и, не проронив ни слова, жестами расставил нас по местам. Ван Хелсинга, Харкера и меня у двери; профессор должен быть следить за нею, а мы, когда она откроется, встав между нею и вошедшим, отрезали бы ему выход. Лорд Годалминг и Квинси спрятались так, что от двери их не было видно, но они могли мгновенно преградить путь к окну. Ожидание стало столь напряженным, что секунды тянулись, как в кошмарном сне.

В передней раздались осторожные шаги: очевидно, граф был готов к неожиданности, по крайней мере, чего-то опасался. Вдруг одним прыжком он очутился посреди комнаты, прежде чем кто-нибудь из нас успел даже пальцем пошевелить. Он походил на пантеру, в его повадке

было столько хищного, нечеловеческого, что мы, на миг оторопевшие от его внезапного появления, тут же опомнились.

Первым пришел в себя Харкер – он метнулся вперед и преградил графу проход в другие комнаты. Увидев нас, вампир дико зарычал, оскалив длинные острые зубы; но злобный оскал мгновенно сменился холодным и надменным взглядом. Выражение его лица вновь изменилось, когда мы двинулись на него. Как жаль, что мы все-таки не продумали толком план нападения: даже в этот момент я не понимал, что нам делать и поможет ли в данной ситуации наше оружие.

Харкер попробовал выяснить это на практике – большим кривым непальским кинжалом он в бешенстве замахнулся на графа. Удар был страшный, граф спасся лишь благодаря дьявольской ловкости, с которой отпрыгнул назад. Опоздай он на секунду – и острое лезвие пронзило бы его сердце. Теперь оно лишь полоснуло его сюртук, из разреза посыпались деньги и золотые монеты. Лицо графа стало таким жутким, что я испугался за Харкера, хотя видел, что он приготовился ко второму удару. Невольно я подался вперед, подняв левую руку с распятием и Святыми Дарами, тут же ощутил в ней могучую силу. Мои друзья невольно сделали то же самое, и я не удивился, когда монстр, съежившись, отступил. Выражение лютой ненависти, злобы, дьявольского бешенства, исказившее его черты, не поддается описанию. Восковой цвет его лица сделался зеленовато-желтым, оттеняющим пылающие глаза; красный шрам выделялся на бледном лбу, как разверстая рана.

В следующую секунду граф, увернувшись от удара, ловко проскользнул под рукою Харкера, схватил с пола горсть монет, пронесся через комнату и выпрыгнул в окно. Оконное стекло разлетелось вдребезги, а вампир упал на каменные плиты двора. Сквозь звон разбитого стекла было слышно, как звякнули, ударившись о них, золотые соверены.

Мы бросились было за ним, но он уже вскочил, целый и невредимый, и, перебежав двор, распахнул ворота конюшни. Потом обернулся и крикнул нам:

– Хотите загнать меня в угол? Да вы же как стадо баранов на бойне! Все вы еще горько пожалеете об этом! Думаете, оставили меня без убежища, но у меня их много. Месть моя только начинается! И будет продолжаться многие века, время работает на меня. Женщины,

которых вы любите, уже мои, а с их помощью и вы станете моими – холопами, выполняющими мои приказания, шакалами, ждущими моих подачек. Понятно?

И, презрительно засмеявшись, граф исчез в конюшне, мы услышали скрежет ржавого засова. Где-то открылась и захлопнулась дверь. Было ясно, что бежать за ним через двор бессмысленно, мы бросились в переднюю. Профессор крикнул нам:

– Мы многое узнали сейчас! Несмотря на свои громкие слова, бестия боится нас, боится времени, боится нужды! Если бы это было не так, монстр не спасался бы бегством. Сам тон выдает его – или мои уши меня обманывают. Зачем ему подбирать деньги? Скорее за ним! Представьте себе, что вы гонитесь за хищным зверем. А я уж постараюсь не оставить здесь ничего ценного для него, если он вздумает вернуться.

И он положил в карман оставшиеся деньги и пачку документов, а остальное бросил в камин и спичкой разжег его.

Лорд Годалминг и Моррис выбежали во двор, а Харкер спустился туда через окно, но ворота конюшни оказались запертыми. Пока их открывали, графа и след уж простыл. На конюшне никого не было. Мы с Ван Хелсингом пытались разузнать о нем на заднем дворе, но никто ничего не видел.

Надвигались сумерки, до захода солнца оставалось мало времени. Пришлось признать, что эту партию мы проиграли; с тяжелым сердцем пришлось согласиться с профессором, когда он сказал:

– Вернемся к мадам Мине – бедной, бедной, дорогой мадам Мине. Все, что можно, мы сегодня сделали. А теперь должны, по крайней мере, защитить ее. И не нужно впадать в отчаяние. Остался всего один ящик, найти его необходимо, после этого все будет хорошо.

Ван Хелсинг говорил уверенно, чтобы успокоить Харкера. Бедняга был совсем подавлен и лишь время от времени издавал тихие стоны, видимо думая о своей жене.

Печальные, мы вернулись домой, где нас ждала миссис Харкер, внешне выглядевшая совершенно спокойно, что делало честь ее стойкости и благородству. Увидев наши лица, она побледнела как смерть; на мгновение закрыла глаза, будто молилась про себя, потом спокойно сказала:

– Не знаю, как мне вас всех благодарить! О мой бедный, милый Джонатан! – И она поцеловала седую голову мужа. – Все еще будет хорошо, дорогой! Бог защитит нас, если будет на то Его воля.

Бедняга тяжело вздохнул, застонал, в его великом отчаянии уже не

было места словам.

Мы поужинали все вместе без особого аппетита, но все-таки немного повеселели, во всяком случае, почувствовали себя менее несчастными и обрели надежду на завтрашний день. Верные своему обещанию, мы рассказали миссис Харкер все, что произошло. Она слушала спокойно, без страха, лишь изредка бледнея как снег, когда ей казалось, ее мужу угрожала опасность, и краснея при описании проявлений его преданности ей. Когда мы дошли до эпизода с Харкером, отважно бросившимся на графа, она прильнула к руке мужа, будто защищая его от всех возможных несчастий.

Миссис Харкер молчала, пока мы не закончили повествование и не стало ясно наше положение. Тогда, не выпуская руки мужа, она встала и заговорила. О, если б я мог передать эту сцену: славная, милая, добрая женщина во всей лучезарной красоте своей молодости и вдохновения, с красным шрамом на лбу, о котором она постоянно помнила и при виде которого у нас сжимались зубы; ее мягкость и доброта – на фоне нашей сумрачной ненависти, ее вера – на фоне наших страхов и сомнений. И мы знали, что она при всей своей доброте, чистоте и вере была парией, отверженной Богом.

– Джонатан, – сказала миссис Харкер, и это имя в ее устах прозвучало как музыка, исполненная любви и нежности, – дорогой Джонатан и вы, мои верные друзья, я хочу, чтоб вы помнили кое о чем в это ужасное время. Конечно, вы должны бороться и даже уничтожить монстра, как вы уничтожили подставную Люси, чтобы истинная, всеми нами любимая Люси перестала страдать. Но пусть вас ведет не ненависть. Бедная душа, сотворившая весь этот кошмар, и сама достойна великого сожаления. Вы только представьте себе, как же он обрадуется, когда его худшая половина будет уничтожена, а лучшая – обретет бессмертие. Пожалейте убийцу, хотя это не должно помешать вам его уничтожить.

Лицо ее мужа потемнело и напряглось. Он инстинктивно так сжал ей руку, что костяшки его пальцев побелели. Но она даже не поморщилась, хотя, знаю, ей было больно, и лишь смотрела на него умоляющими глазами. Он же вскочил, резко отняв у нее свою руку, и закричал:

– Дай бог, чтоб он наконец попался мне в руки, уж я-то уничтожу его земную жизнь. И если бы мог на веки вечные отправить его душу в ад, то охотно сделал и это!

– О, тише! Тише! Ради бога, не говори такое, Джонатан, муж мой, ты просто повергаешь меня в ужас. Подумай, мой дорогой, – весь этот

долгий, бесконечный день я думала об этом. Быть может… когда-нибудь… и я буду нуждаться в жалости, и кто-нибудь, как вы теперь, с теми же основаниями для гнева, откажет мне в милосердии! О муж мой! Если б могла, я бы не стала говорить тебе это, и молю Бога отнестись к твоим безумным словам лишь как к вспышке любящего человека, омраченного горем. О Господи, взгляни на его седые волосы – свидетельство страданий того, кто за всю свою жизнь никому не причинил зла и на чью долю выпали такие муки.

Невозможно было удержаться от слез. Да мы их и не стеснялись. Миссис Харкер тоже заплакала, увидев, что ее увещевания подействовали. Муж бросился перед ней на колени и обнял ее, спрятав лицо в складках платья. Ван Хелсинг кивнул нам, и мы тихо вышли, оставив эти любящие сердца наедине с Богом.

Прежде чем лечь спать, профессор сделал все необходимое, чтобы вампир не вошел в их комнату, и уверил миссис Харкер в ее полной безопасности. Милая женщина и сама хотела верить в это и, явно ради мужа, старалась выглядеть спокойной. Это далось ей непросто. Ван Хелсинг оставил им колокольчик, чтобы в случае необходимости они позвонили.

Когда они ушли, Квинси, Годалминг и я решили дежурить по очереди, охраняя несчастную, попавшую в беду леди. Первым выпало сторожить Квинси, мы же с Артуром постарались поскорее лечь, чтобы выспаться. Лорд Годалминг, который должен сменить Квинси, уже спит. Теперь и я, окончив записи, последую его примеру.

ДНЕВНИК ДЖОНАТАНА ХАРКЕРА

3–4 октября, без нескольких минут полночь. Мне казалось, что вчерашний день никогда не кончится. Сначала безумно хотелось заснуть в надежде, что утром, когда проснусь, все уже переменится – и переменится к лучшему. Прежде чем разойтись, мы обсуждали наши дальнейшие действия, но не пришли к соглашению. Нам было известно, что остался один ящик с землей, но только граф знает, где он. Если он пожелает, то в течение многих лет может морочить нам голову, а за это время… От одной лишь мысли мне делается страшно. Боюсь даже думать об этом теперь. Единственное, в чем я уверен: если может быть на этом свете женщина, являющая собой совершенство, то это моя бедная опозоренная жена. Я люблю ее в тысячу раз больше за ее вчерашнее великодушие, рядом с которым моя оголтелая ненависть к этому монстру достойна презрения. Я верю, что Господь не допустит ее гибели. В этом моя надежда. Нас несет на рифы, и вера – наш

единственный спасительный якорь.

Слава богу, Мина спит, и спит спокойно, без кошмаров. Страшно представить себе ее сны при такой ужасной реальности. После захода солнца она впервые выглядит такой спокойной. Лицо ее засияло тихим светом, как будто наступила весна после мартовских метелей. Сначала я думал, это отблеск заката, но, наверное, это означает что-то другое. Сам я не сплю, хотя устал, смертельно устал. Однако надо спать, завтра нужно собраться с мыслями, не будет мне покоя, пока…

Позднее. Похоже, я заснул, потому что Мина разбудила меня. При свете лампы, которую мы не гасили на ночь, я увидел ее испуганное лицо. Она предупреждающе прикрыла ладонью мне рот и прошептала на ухо:

– Тихо! В коридоре кто-то есть.

Я бесшумно встал и, подойдя к двери, осторожно открыл ее.

Передо мной, растянувшись на тюфяке, лежал мистер Моррис и смотрел на меня. Призывая к молчанию, он поднес палец к губам и прошептал:

– Тише! Спите спокойно, все в порядке. Тут всю ночь будет кто-то дежурить, мы решили не испытывать судьбу!

Его вид и решительный жест не допускали возражений, я вернулся к Мине и рассказал ей, в чем дело. Она вздохнула, и подобие улыбки промелькнуло на ее бледном лице. Обняв меня, она нежно сказала:

– Да поможет Бог этим добрым, храбрым людям!

С тяжелым вздохом Мина легла на кровать и вскоре опять заснула. Я же не сплю и пишу эти строки – хотя нужно снова попытаться заснуть.

4 октября, утро. Ночью Мина еще раз разбудила меня. Видимо, мы спали довольно долго – серый рассвет уже очертил контуры окна, а газовая лампа горела тускло.

– Скорее позови профессора, – проговорила она торопливо. – Мне нужно немедленно видеть его.

– Зачем? – спросил я.

– У меня есть идея. Она возникла еще ночью и, видимо, созрела, пока я спала. Меня нужно загипнотизировать до восхода солнца, и, может быть, я смогу что-то рассказать. Скорее, дорогой мой. Осталось мало времени.

Я открыл дверь. Доктор Сьюворд лежал на тюфяке и, увидев меня, мгновенно вскочил.

– Что-то случилось? – спросил он в тревоге.

– Нет, – успокоил я его, – но Мина хочет немедленно видеть

профессора Ван Хелсинга.

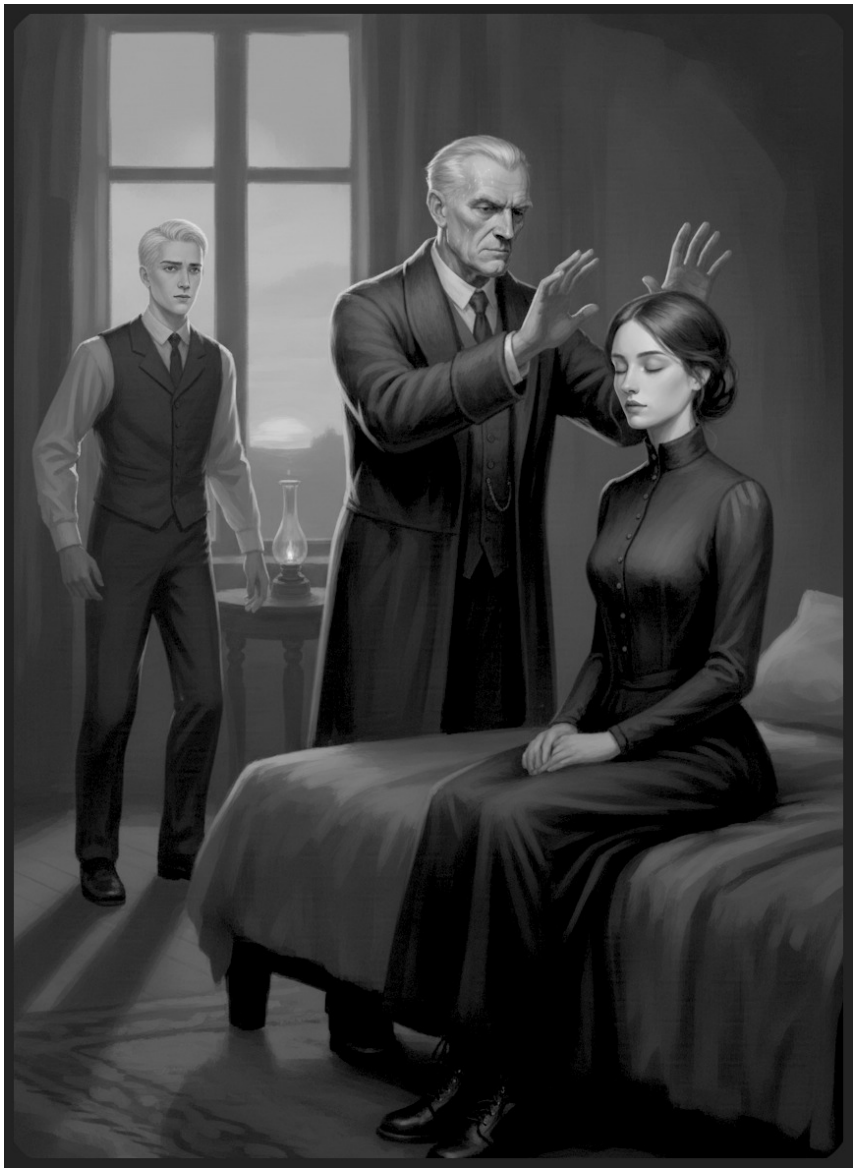
– Я позову его, – сказал он и поспешно вышел.

Минуты через две-три Ван Хелсинг в халате уже был в нашей комнате, а мистер Моррис и лорд Годалминг расспрашивали в дверях доктора Сьюворда. Увидев Мину, профессор улыбнулся, чтобы скрыть беспокойство, потер руки и сказал:

– О моя дорогая мадам Мина, вижу перемены к лучшему. Смотрите-ка! Друг Джонатан, наша дорогая мадам Мина выглядит совсем как прежде! – И весело добавил: – А чем я могу вам помочь? Ведь не зря же вы позвали меня в такой неурочный час.

– Я хочу, чтобы вы меня загипнотизировали! – ответила она. – До восхода солнца. Похоже, я смогу кое-что рассказать. Скорее, времени мало!

Профессор без слов усадил Мину на постели и, вперившись в нее пристальным взглядом, стал делать пассы, проводя то одной, то другой рукой от ее макушки вдоль лица. Несколько минут Мина не сводила с него глаз, у меня бешено колотилось сердце – я ощущал приближение какого-то перелома. Постепенно глаза ее закрылись, она сидела совершенно неподвижно, лишь по легкому ритмичному движению груди было видно, что она жива. Профессор сделал еще несколько пассов и остановился, на лбу его выступили крупные капли пота. Мина открыла глаза, но это была совсем другая женщина – с отсутствующим взглядом и голосом, который звучал странно и мечтательно.



Ван Хелсинг поднял руку, требуя молчания, и знаком велел мне позвать остальных. Они вошли на цыпочках, закрыв за собой дверь, и встали у дальнего края постели. Мина их явно не замечала. Наконец профессор нарушил молчание и тихим голосом, чтобы не нарушить течение ее мыслей, спросил:

– Где вы?

– Не знаю. У сна нет своего места.

Несколько минут царило молчание. Мина сидела неподвижно, а профессор пристально смотрел на нее, мы же, свидетели этого, едва дышали. В комнате стало светлее. Не сводя глаз с лица Мины, профессор сделал мне знак поднять шторы. На горизонте появилась красная полоска, розовый свет разлился по комнате. И тут же Ван Хелсинг заговорил вновь:

– Где вы теперь?

Ответ прозвучал рассеянно-мечтательно, но вместе с тем Мина как будто силилась понять что-то. Она заговорила тем же голосом, каким расшифровывала свои стенографические записи:

– Не знаю. Все мне незнакомо!

– Что вы видите?

– Ничего. Полная тьма.

– Что вы слышите?

– Плеск воды. Она булькает, слышу негромкий шум волн. Снаружи.

Я почувствовал напряжение в ее голосе.

– Значит, вы на корабле?

Мы переглянулись в недоумении, испугавшись своей догадки.

– О да!

– Что еще вы слышите?

– Шаги людей, бегающих у меня над головой. Лязг цепей, как будто бы поднимают якорь.

– Что вы делаете?

– Лежу спокойно – так неподвижно, как будто уже умерла!

Голос ослабел и перешел в глубокое дыхание, как во сне; она закрыла глаза.

Солнце уже поднялось довольно высоко, наступил день. Ван Хелсинг взял Мину за плечи и осторожно опустил ее голову на подушку. Несколько минут она лежала, как спящее дитя, потом глубоко вздохнула, проснулась и удивленно посмотрела на нас, столпившихся вокруг нее.

– Я говорила во сне?

По-видимому, Мина и так знала это, но ей хотелось услышать, что она говорила. Профессор повторил ей весь разговор, и она сказала:

– Нельзя терять ни минуты: возможно, еще не поздно!

Мистер Моррис и лорд Годалминг уже направились к двери, но профессор спокойно окликнул их:

– Подождите, друзья мои. Судно это явно поднимало якорь. В огромном лондонском порту многие суда сейчас готовы к отплытию. Которое из них наше? Слава богу, у нас вновь есть нить, хотя неизвестно, куда она приведет. Мы были слепы, как это свойственно людям. Теперь, оглядываясь назад, мы оцениваем все по-иному! Я выражаюсь не совсем ясно? Итак, теперь мы знаем, что было у графа на уме, когда он подбирал деньги, хотя ему угрожал кинжал Джонатана, которого даже этот монстр испугался. Он решил бежать. Вы слышите? Бежать! Зная, что у него остался всего один ящик и целая группа людей преследует его, как собаки – лису, граф понял, что из Лондона надо уносить ноги. Погрузив на судно свой последний ящик, он покинул страну. Он думает, что убежал, но нет! Мы последуем за ним. Ату! – как сказал бы наш друг Артур, надев свой красный охотничий костюм. Наша старая лиса хитра, ох как хитра! И мы должны взять ее хитростью. Я тоже хитер. А пока мы можем быть

спокойны, нас отделяет от него вода, которую он не захочет пересечь, а если и захочет, то не сможет, пока судно не пристанет к берегу. Смотрите, солнце уже высоко, и весь день до захода солнца принадлежит нам. Примем ванну, оденемся, позавтракаем – это нам всем не повредит, сегодня мы можем быть спокойны, его уже нет в этой стране.

Мина, умоляюще взглянув на него, спросила:

– Но зачем нам нужно разыскивать его, раз он уехал?

Профессор взял ее руку, погладил и ответил:

– Не расспрашивайте меня пока. После завтрака я отвечу на все вопросы.

Мы разошлись по комнатам.

После завтрака Мина повторила свой вопрос. Ван Хелсинг посмотрел на нее серьезно и печально:

– Моя дорогая, милая мадам Мина, теперь нам, как никогда, необходимо настичь его, даже если бы пришлось последовать за ним в ад!

Она побледнела и спросила едва слышно:

– Почему?

– Потому что, – ответил он горестно, – он может жить сотни лет, а вы – лишь смертная женщина. С тех пор как он оставил свою метку на вашем горле, время не на нашей стороне…

Я едва успел подхватить ее – она упала без сознания.

Глава XXIV

ДНЕВНИК ДОКТОРА СЬЮВОРДА

Фонографическая запись обращения Ван Хелсинга к Джонатану Харкеру

Оставайтесь с дорогой мадам Миной – это ваш святой долг. Мы же продолжим наши изыскания, если их так можно назвать, ведь мы ищем подтверждение тому, что уже знаем. Позаботьтесь о ней. Сегодня он здесь ни в коем случае не появится. Позвольте вам рассказать то, что уже известно остальным. Наш враг бежал, он возвращается в Трансильванию в свой замок – я уверен в этом так, будто чья-то рука начертала на стене это известие.

Он на всякий случай готовился к бегству, потому и припрятал где-то последний ящик, и деньги взял, и торопился, чтобы мы не задержали его до захода солнца. Это была его последняя надежда. Он рассчитывал укрыться в склепе бедной мисс Люси, думая, что она такая же, как и он. Когда все провалилось, он устремился к своему последнему оплоту – своему, так сказать, земному пристанищу. Он умен, о, он очень умен! Он понял, что здесь игра окончена, и решил вернуться домой. Нашел корабль с подходящим маршрутом. Мы узнаем, что это за судно и куда направилось. Потом вернемся и все вам расскажем. Не волнуйтесь и успокойте бедняжку мадам Мину – еще не все потеряно. Этому чудовищу понадобилось сотни лет, чтобы добраться до Лондона, а изгнали мы его за один день, зная его возможности и их пределы. Хоть он и может причинить много вреда, но и мы сильны, каждый по-своему, а вместе еще сильнее. Воспряньте духом, дорогой муж мадам Мины! Борьба только началась, и в конце концов мы победим – я в этом уверен так же, как и в том, что Господь хранит своих детей. Поэтому не тревожьтесь, отдыхайте и ждите нашего возвращения.

Ван Хелсинг

ДНЕВНИК ДЖОНАТАНА ХАРКЕРА

4 октября. Мина, прослушав фонографическое послание Ван Хелсинга, значительно повеселела. Уверенность в том, что граф находится за пределами страны, успокаивает, а значит, и придает сил. Теперь, когда страшная опасность не угрожает нам непосредственно, с трудом верится в ее реальность. Мои ужасные приключения в замке Дракулы кажутся давно забытым сном. Здесь, на свежем осеннем воздухе, в ярких лучах солнца…

Увы! Разве можно не верить! Только я размечтался, как мой взгляд упал на красное клеймо на белоснежном лбу моей милой. Пока оно не исчезнет, невозможно не верить. Да и потом одно лишь воспоминание о нем будет поддерживать кристальную чистоту нашей веры. Мина и я, боясь праздности, вновь и вновь обращались к своим дневникам. Так или иначе, боль и страх затихают. Как будто бы забрезжила путеводная звезда, и это обнадеживает. Мина считает, что мы в этой истории выступаем как проводники высшего блага. Вполне может быть! О будущем мы с ней не говорим. Интересно, что удалось узнать профессору и остальным.

Время сегодня бежит, слава богу, быстро, а то уж мне стало казаться, что для меня оно остановилось. Уже три часа дня.

ДНЕВНИК МИНЫ ХАРКЕР

5 октября, 5 часов вечера. На нашем собрании присутствовали профессор Ван Хелсинг, лорд Годалминг, доктор Сьюворд, мистер Квинси Моррис, Джонатан и Мина Харкер.

Профессор рассказал, как им удалось узнать, на каком корабле и куда бежал граф Дракула:

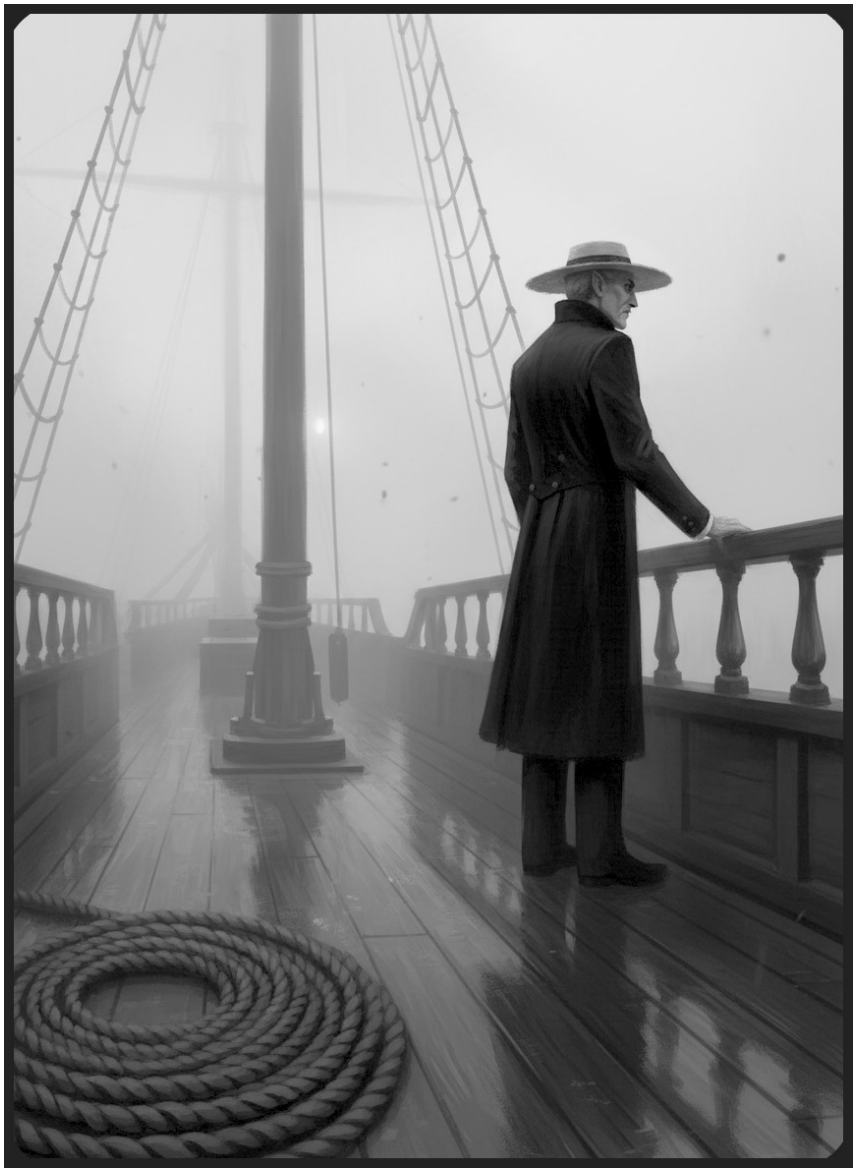
– Понимая, что граф хочет вернуться в Трансильванию, я был уверен, он изберет тот же путь через устье Дуная и Черное море, каким и прибыл сюда. Да, неведомое всегда интересно… Итак, с тяжелым сердцем мы стали выяснять, какие корабли отправились накануне вечером в Черное море. Речь шла о паруснике, по словам мадам Мины, она слышала, как на судне поднимали паруса. Обычно о таких судах не сообщают в том расписании, что печатают в «Таймс». И по совету лорда Годалминга мы обратились в контору «Ллойд»[87], где фиксируют отплытие и прибытие всех судов, даже самых маленьких. Удалось установить: только одно судно вчера с наступлением прилива ушло в Черное море – «Царица Екатерина», отправившаяся от

Дулитлской пристани в Варну, потом с заходом в другие порты вверх по Дунаю. «На этом корабле, – сказал я, – и находится граф». Мы поспешили на Дулитлскую пристань и там в крошечной конторе у господина, казавшегося крупнее своего офиса, навели справки об отплытии «Царицы Екатерины». Господин был очень шумным, с ярко-красным лицом; он чертыхался, орал, но в целом оказался славным малым, и когда что-то шуршащее перешло из кармана Квинси в его кошелек, возникший из недр его одежды, он стал нашим преданным слугой и тут же отправился с нами, расспрашивая по дороге встречных. Томимые жаждой, они не отличались особой вежливостью, но стоило ее утолить, и эти хмурые парни вдруг, как по мановению волшебной палочки, превращались в весьма милых и доброжелательных людей. Правда, они много чертыхались, без конца вставляли непонятные мне словечки, однако сообщили все, что нас интересовало.

По их словам, вчера к вечеру около пяти на пристань прибежал какой-то человек – высокий, худой, бледный, с крупным горбатым носом, белыми зубами и сверкающими глазами. Одет во все черное, только шляпа на нем была не по сезону – соломенная. Он не жалел денег, торопливо расспрашивая, какое судно отправляется в Черное море. Ему указали контору, а потом и корабль, но он отказался подняться на борт и остановился у трапа, попросив, чтобы к нему вышел капитан. Тот вышел, предварительно узнав, что речь идет о хорошем куше; и хотя поначалу он ворчал и ругался, потом они все же сговорились. Тогда высокий ушел, узнав, где можно нанять лошадь и повозку, и вскоре привез на пристань большой ящик. Сам снял его с повозки, хотя для того, чтобы перенести его на корабль, понадобилось несколько человек, и долго объяснял капитану, куда и как надо его поставить. Капитану это не понравилось, и он на разных языках выражал свое недовольство, а потом предложил высокому подняться самому и посмотреть, где будет стоять ящик. Но тот отказался, сказав, что у него еще много дел. Тогда капитан посоветовал ему поторопиться: проклятье, судно скоро отчаливает, ко всем чертям, нужно успеть сняться с якоря во время прилива, дьявол его побери. Худощавый господин улыбнулся и сказал, что, конечно, судно должно отправиться, когда капитан сочтет нужным, но все-таки маловероятно, что это произойдет очень скоро. Капитан вновь высказал свое мнение на разных языках, а худощавый поклонился, поблагодарил его и сказал, что, не желая злоупотреблять его любезностью, явится на судно перед самым отплытием. Тогда капитан побагровел и,

обнаружив знание еще нескольких языков, заявил, что не желает на своей чертовой посудине никаких французов, сто чертей им в бок. Господин же спокойно спросил, где поблизости магазин, и ушел.

Никого не интересовало, куда он направился, – у всех и без того дел хватало, черт возьми; а вскоре стало ясно, что «Царица Екатерина» не уйдет в намеченное время. Над рекой поднялся туман, он все более сгущался и вскоре плотной пеленой окутал корабль и пристань. Капитан ругался на всех языках, поминал черта и его родственников, но ничего не мог поделать. Вода прибывала, а он не хотел упустить прилив. Настроение у него было, мягко говоря, недружелюбное, когда на трапе в самый пик прилива появился тот самый тощий господин и спросил, куда поставили ящик. Капитан пожелал ему вместе с ящиком отправиться ко всем чертям прямо в ад. Но господин не обиделся, спустился с помощником капитана в трюм, посмотрел, где ящик, и, поднявшись на палубу, постоял там в тумане. Никто не обращал на него внимания. Было не до него, туман стал рассеиваться, и вскоре совсем прояснилось. Мои промочившие глотку приятели, перемежая свою речь ругательствами, со смехом рассказывали, что проклятья капитана превзошли все пределы возможностей разных языков, он просто потряс команду своим красноречием, когда узнал от других моряков, поднимавшихся и спускавшихся в тот час по реке, что, кроме этой пристани, тумана нигде и в помине не было. Наконец, когда уже начинался отлив, судно отчалило, к утру оно, несомненно, было в устье Темзы, а к моменту наших расспросов – далеко в море.



Итак, моя дорогая мадам Мина, мы можем немного перевести дух, наш враг в море – плывет, повелевая туманом, к устью Дуная. Путешествие на паруснике требует много времени, а мы можем добраться туда по суше гораздо быстрее и встретить его там. Лучше всего захватить его, когда он будет в своем ящике, – между восходом и заходом солнца, тогда граф не сможет сопротивляться, и мы осуществим свой замысел. У нас еще есть время, чтобы обдумать план

действий. Мы знаем, куда он держит путь, хозяин судна показывал нам все судовые бумаги и накладные. Ящик должны выгрузить в Варне и передать агенту, некоему Ристиксу. Так что наш друг-купец помог нам. Он забеспокоился: может быть, с ящиком что-то неладно, тогда он телеграфирует в Варну, чтобы там провели расследование, – но мы его успокоили. Конечно, вмешательство полиции или таможни для нас нежелательно. Мы все должны сделать сами и так, как считаем нужным.

Когда профессор Ван Хелсинг закончил, я спросила его, уверен ли он в том, что граф находится на борту корабля.

– Лучшее подтверждение этому, – ответил он, – ваш собственный рассказ под гипнозом сегодня утром.

Я вновь спросила его, неужели так необходимо преследовать графа, – разлука с Джонатаном просто невыносима для меня, а он, конечно, поедет, если поедут остальные. Ван Хелсинг отвечал сначала спокойно, потом все более страстно, гневно, все с большей силой и убежденностью – так, что в конце концов мы почувствовали, почему именно он был нашим мозговым центром и предводителем.

– Да, это необходимо, совершенно необходимо! Прежде всего ради вас, но также и для блага человечества. Этот монстр причинил уже много вреда, однако в небольших масштабах и в тот короткий период времени, когда он только пробовал свои силы. Об этом я уже говорил нашим друзьям; вы, дорогая мадам Мина, можете послушать фонограмму дневника моего друга Джона или почитать записи вашего мужа. Я говорил им о том, что потребовались столетия, чтобы он собрался оставить свою оскудевшую, малонаселенную родину и отправился в новую страну, изобилующую людьми, как урожайное поле колосьями. У любого другого «живого мертвеца», попытайся он сделать то, что сделал Дракула, скорее всего, ничего не вышло бы, никакие столетия ему не помогли бы. В данном же случае силы природы, оккультные, глубокие, мощные, сработали удивительным образом. Сама местность, в которой он обитал в течение веков, своеобразна даже в геологическом отношении. Там есть глубокие пещеры и расщелины, ведущие неведомо куда. Там есть вулканы, кратеры которых до сих пор извергают потоки лавы, есть там подземные источники, способные отравить или, наоборот, исцелить человека. Несомненно, в сочетаниях оккультных сил проявляются особые магнитные или электрические свойства, непредсказуемо воздействующие на физическую жизнь. Да и нашему врагу при его жизни были присущи великие достоинства. В те тяжелые,

неспокойные времена он славился железной выдержкой, хитрым, изворотливым умом, необычайной храбростью. Некоторые возможности человека оказались в нем развиты до предела: параллельно совершенствовался его ум. Эти качества были заложены в нем от природы как добрые начала. Он, конечно, не пренебрег и помощью дьявола. И таким он предстал перед нами. Он заразил вас – о, простите меня, дорогая, я вынужден говорить об этом, но только ради вашего блага. Он столь коварно отравил вашу кровь, что если даже это никогда больше не повторится, то как бы хорошо и достойно вы ни прожили свою жизнь, а после смерти, являющейся по воле Бога общечеловеческим уделом, станете ему подобной. Этого мы не можем допустить! Мы поклялись, что этого не будет. Тем самым мы лишь исполняем волю Всевышнего, пожелавшего, чтобы мир и люди, за которых принял страдания Его Сын, не были отданы на поругание монстрам, самим своим существованием оскорбляющим эту великую жертву. Нам уже удалось спасти одну душу, и, подобно крестоносцам, мы отправляемся в путь для спасения других. Как и они, мы пойдем на восток, и если погибнем, то за святое дело.

Ван Хелсинг сделал паузу, и я спросила:

– Быть может, граф благоразумно отнесется к своему поражению? Поскольку вы изгнали его из Англии, возможно, он будет избегать ее, как тигр обходит стороной деревню, в которой его ранили?

– Что ж, – сказал профессор. – Ваше сравнение с тигром мне нравится, и я воспользуюсь им. Тигра, который, однажды отведав кровь человека, уже не хочет никакой иной добычи и рыщет по округе, подстерегая людей, в Индии называют людоедом. Тигр, изгнанный из нашей деревни, – тоже людоед, и он никогда не перестанет охотиться на человека. Более того, он не из тех, кто отступает. В свое время он переходил турецкую границу и атаковал врага на его территории, его изгоняли обратно, и что же? Он возвращался опять и опять. Обратите внимание на его настойчивость и выдержку. У него давно возникла мысль отправиться в большой город. Что же он делает? Находит самое подходящее для себя место в мире и начинает готовиться. Пробует свои силы и возможности, изучает новые языки, социальную среду, политику, законы, финансы, науку, обычаи другой страны. Все это лишь раздразнило его аппетит, усилило желание и развило ум, подтвердив, что он был прав в своих предположениях. И все это он проделал один, совершенно один!

Так на что же он будет способен, когда великий мир науки откроется ему?! Ведь он может смеяться над смертью, ему нипочем

эпидемии, от которых вымирают целые народы. О, если бы он был от Бога, а не от дьявола, каким бы мощным источником добра стал он для нас. А теперь мы призваны освободить мир от него. Мы должны действовать тихо и тайно, ибо в наш просвещенный век не верят даже в то, что видят своими глазами; скептицизм ученых для него благо, способное его защитить, и оружие, которым он пользуется для борьбы с нами, своими врагами, готовыми погубить даже свои души ради спасения той, что мы любим, ради блага человечества, во имя славы Господа.

Посоветовавшись, мы решили, что утро вечера мудренее и план действий лучше составить утром за завтраком.

Сегодня ночью мне так спокойно и легко, как будто я освободилась от чьего-то навязчивого присутствия. Может быть…

Не успела я дописать фразу, как увидела в зеркале красную отметину у себя на лбу и поняла, что не избавилась от скверны.

ДНЕВНИК ДОКТОРА СЬЮВОРДА

5 октября. Все встали рано, и думаю, сон благотворно подействовал на нас. Встретившись за завтраком, мы удивились, что еще способны испытывать такое хорошее настроение.

Просто поразительно, как быстро человек обретает утраченный покой. Стоит лишь устранить помеху, препятствие – неважно, какие были понесены при этом потери, – и вновь возвращаются надежда и радость. Не раз, пока мы сидели за столом, у меня возникало сомнение, не во сне ли явились нам кошмары последних дней. Однако зловещее клеймо на лбу миссис Харкер тут же возвращало меня к действительности. Но и теперь, когда я перебираю в памяти все случившееся, кажется просто невероятным, что источник наших бед еще существует. Даже миссис Харкер почти забыла о своих страданиях и вспоминает о своей ужасной метке, лишь когда что-то наводит ее на мысль о ней.

Через полчаса мы встречаемся в моем кабинете и разрабатываем план действий. Я предвижу лишь одно осложнение: нужна полная откровенность, а бедная миссис Харкер, боюсь, по неким таинственным причинам не свободна. Знаю, у нее есть свои соображения и выводы, и, судя по прошлым ее прозрениям, легко представить себе, как они справедливы и близки к истине, но, вполне вероятно, она не захочет или не сможет открыться. Я сказал об этом Ван Хелсингу, и мы решили поговорить наедине. Мне кажется, ужасный яд, попавший в ее кровь, начинает действовать. Несомненно,

у графа была особая цель, когда он осуществил то, что Ван Хелсинг называет «крещением кровью вампира». Должно быть, существует яд, самопроизвольно образующийся из безвредных веществ; этому не приходится удивляться – похоже, сходным химическим процессом обусловлено возникновение трупных ядов, природа которых в наш век по-прежнему остается загадкой. Ясно одно: если меня не обманывает чутье, то сила, заставляющая молчать миссис Харкер, может стать для нас опасной.

Не смею развивать эту линию дальше, ибо даже в мыслях не хочу допустить ничего недостойного в отношении этой благородной женщины!

Ван Хелсинг придет ко мне в кабинет немного раньше других, и мы попытаемся разобраться.

Позднее. Пришел профессор, мы говорили о том о сем, я видел, что он колеблется, не решаясь сказать главное, но, еще немного походив вокруг да около, все-таки решился:

– Друг Джон, нам с тобой нужно кое-что обсудить конфиденциально. Позднее, возможно, мы посвятим и остальных… Мадам Мина, наша бедная, дорогая мадам Мина меняется на глазах.

Меня охватила дрожь, когда я услышал подтверждение самым худшим своим опасениям.

– Учитывая печальный опыт мисс Люси, мы должны на этот раз опередить события. Правда, в данном случае наша задача значительно труднее, дорог каждый час. Я вижу, как характерные черты вампира проступают на ее лице. Они пока едва заметны, но они есть, если смотреть внимательно и беспристрастно. Зубы стали острее, взгляд жестче. Но это не все: она стала замкнутой и молчаливой, как в свое время Люси, предпочитавшая молчать, хотя письменно подробно излагала свои переживания. И еще я боюсь вот чего. Если она в состоянии гипноза может сообщать, что видит и слышит граф, то вполне вероятно и обратное – тот, кто загипнотизировал ее первый, пил ее кровь и вынудил выпить свою, может заставить бедную женщину раскрыть ему наши планы.

Я кивнул в знак согласия, а он продолжал:

– Нам надо во что бы то ни стало помешать этому; мы должны скрыть от нее наши намерения, и тогда она не сможет рассказать ему то, чего сама не знает. Это печальная задача! О, это так грустно, что у меня просто разрывается сердце, но иначе нельзя. Когда мы сегодня увидимся, я скажу ей, что в силу причин, раскрыть которые мы пока не можем, она не должна больше присутствовать на наших совещаниях,

оставаясь тем не менее под нашей защитой.

Профессор вытер испарину, которая выступила у него на лбу при мысли о том, какую боль ему придется причинить бедной измученной душе. Надеясь как-то утешить его и, возможно, избавить от мучительных сомнений, я сказал, что пришел к тому же выводу. Ему действительно стало легче.

Незадолго до общего сбора Ван Хелсинг ушел к себе подготовиться к совещанию и своей печальной миссии. Мне кажется, он просто хочет помолиться в уединении.

Немного позже. В начале нашего совещания мы с Ван Хелсингом испытали большое облегчение: Харкер сообщил, что жена просила извинить ее, но она не будет принимать участие в обсуждении; по ее мнению, мы будем чувствовать себя свободнее, не стесненные присутствием больного человека. Мы с профессором переглянулись. Похоже, миссис Харкер сама поняла опасность и решила избавить всех от новых страданий и неприятностей. На мой вопросительный взгляд профессор приложил палец к губам. Значит, пока не будем говорить о своих подозрениях. Тут мы приступили к составлению плана нашей кампании. Ван Хелсинг изложил факты:

– «Царица Екатерина» вчера утром вышла из Темзы. Ей потребуется по крайней мере три недели, чтобы добраться до Варны, мы же по суше будем там через три дня. Допустим, благодаря способности графа повелевать стихиями судно выиграет пару дней, а какие-то случайности могут задержать нас, скажем, на сутки; в нашем распоряжении остается около двух недель. Поэтому, чтобы не волноваться, мы должны выехать не позднее семнадцатого. Тогда мы в любом случае будем в Варне за день до прибытия судна и успеем подготовиться. Отправимся туда во всеоружии.

– Насколько я понял, – заметил Квинси Моррис, – граф родом из страны волков; возможно, он доберется туда раньше нас. Предлагаю дополнить нашу амуницию винчестерами. Они очень выручают во всех затруднительных обстоятельствах. Помнишь, Арт, как за нами гналась волчья стая под Тобольском? Чего бы мы ни дали тогда за хорошую винтовку!

– Хорошо, – согласился Ван Хелсинг. – Берем и винчестеры. Квинси, как всегда, дает дельные советы, тем более что речь идет об охоте. Больше здесь нам делать нечего. А поскольку в Варне никто из нас не был, не отправиться ли нам туда пораньше? Не все ли равно, где ждать, там или здесь. Сегодняшнего вечера и завтрашнего вполне достаточно на сборы, и тогда, если все будет в порядке, мы вчетвером

тронемся в путь.

– Вчетвером? – спросил удивленно Харкер.

– Конечно! – быстро ответил профессор. – Вам нужно остаться здесь и позаботиться о вашей милой жене!

Немного помолчав, Харкер сказал глухим голосом:

– Вернемся к этой теме завтра утром. Я посоветуюсь с Миной.

Полагая, что настало время Ван Хелсингу предупредить его – не раскрывать ей наши планы, я выразительно посмотрел на профессора и кашлянул. Вместо ответа он приложил палец к губам и отвернулся.

ДНЕВНИК ДЖОНАТАНА ХАРКЕРА

5 октября, после обеда. После нашего сегодняшнего совещания я просто в растерянности, не знаю, что и думать. Новый поворот событий привел меня в смятение. Решение Мины не участвовать в совещании озадачило меня, а поскольку я не решился обсуждать с ней этот вопрос, то могу лишь строить догадки. Но так ни к чему и не пришел. Меня удивило и то, как остальные восприняли это; ведь мы решили, что у нас не должно быть никаких тайн друг от друга. Мина спит, тихо и сладко, как дитя. Губы полураскрыты, лицо счастливое. Слава богу, что еще бывают такие минуты.

Позднее. Как странно! Я сидел, сторожил счастливый сон Мины и сам почувствовал себя счастливым. Наступал вечер, солнце садилось, темнота сгущалась над землей, а я все более ощущал тишину, повисшую в комнате. Вдруг Мина открыла глаза и, нежно посмотрев на меня, сказала:

– Джонатан, дай честное слово, что исполнишь мою просьбу. Дай мне это обещание перед Богом и не нарушай его, даже если я буду умолять тебя об этом на коленях, обливаясь горькими слезами. Скорее, исполни мою просьбу сейчас же.

– Мина, – ответил я, – я не могу сразу дать такое обещание. Может быть, я не имею права на это.

– Но, дорогой, – воскликнула она с такой убежденностью, что глаза ее засверкали, как звезды, – я очень этого хочу – и не ради себя! Можешь спросить у профессора Ван Хелсинга, права ли я; если он не согласится, поступай как знаешь. Более того, если вы все так решите, ты будешь свободен от обещания.

– Обещаю! – сдался я, и в это мгновение бедняжка выглядела счастливой, хотя, мне кажется, она не может быть счастливой, пока на лбу у нее остается красная метка.

– Обещай мне ни слова не говорить о вашем плане против графа.

Ни прямо, ни намеками, пока это не исчезнет. – И она показала на свой зловещий рубец.

Я понял, что Мина говорит серьезно, и ответил не менее серьезно:

– Обещаю! – И тут же ощутил, что с этой минуты между нами возникла стена.

Полночь. Мина была весь вечер весела, да так, что и остальные приободрились. В результате даже я почувствовал, что пелена мрака, окутывавшая нас, слегка рассеялась. Мы разошлись рано. Мина вновь спит как дитя; хорошо все-таки, что даже в таком кошмаре у нее сохраняется способность спать. Слава тебе господи, по крайней мере, хоть в эти часы ей удастся забыть о своих печалях. Может быть, ее пример вновь вдохновит меня, как вечером – ее хорошее настроение. Попытаюсь, и пусть это будет сон без сновидений!

6 октября, утро. Вновь сюрприз! Мина разбудила меня почти так же рано, как вчера, и попросила позвать профессора Ван Хелсинга. Я решил, что речь опять идет о гипнозе, и, не задавая вопросов, сразу же пошел за профессором. Такое впечатление, будто он ждал этого приглашения. Профессор был уже одет, дверь в его комнату широко распахнута, так что он слышал, как хлопнула наша дверь. Он тотчас же пришел к нам и спросил Мину, можно ли позвать остальных.

– Нет, – очень просто ответила она, – в этом нет необходимости. Вы сможете рассказать им потом. Дело в том, что я должна поехать с вами.

Ван Хелсинг был поражен не меньше, чем я. После минутной паузы он спросил:

– Но зачем?

– Вы должны взять меня с собою. Так будет безопаснее для меня и для вас.

– Но почему же, дорогая мадам Мина? Помните, забота о вашей безопасности – наш священный долг. Мы все подвергаемся опасности, но вы – особенно, вследствие разных обстоятельств…

Профессор замер в замешательстве, когда она, показав пальцем на свой лоб, сказала:

– Помню. Именно поэтому и должна ехать с вами. Теперь, когда восходит солнце, я вам могу это сказать, а потом, возможно, буду уже не в состоянии. Я знаю, что по воле графа должна буду последовать за ним. Знаю, что, если он прикажет мне прийти тайно, я пущусь на любые хитрости, пойду даже на обман Джонатана.

О, если бы Господь видел, как она посмотрела на меня при этом! Если в самом деле существует ангел, записывающий все наши

поступки и движения души, то этот взгляд был бы отмечен к ее вечной чести. Я лишь пожал руку любимой жены и не мог ничего произнести – меня охватило чувство слишком сильное, чтобы найти облегчение в слезах.

– Вы сильны и отважны, – продолжала Мина. – Вы сильны своим единством и можете выдержать то, чего не выдержит одиночка. Кроме того, я буду полезна вам – с помощью гипноза можно многое выяснить.

Ван Хелсинг ответил очень серьезно:

– Мадам Мина, вы, как всегда, рассудили мудро. Вы поедете с нами, и все вместе мы исполним свой долг.

Мина молчала, я с недоумением взглянул на нее. Она спала, откинувшись на подушку, и не проснулась, даже когда я поднял штору и солнечный свет хлынул в комнату. Ван Хелсинг махнул мне рукой, и мы тихо прошли к нему в комнату. Через минуту к нам присоединились лорд Годалминг, доктор Сьюворд и мистер Моррис. Пересказав им свой разговор с Миной, профессор подвел итог:

– Утром мы выедем в Варну. Теперь нам надо считаться с тем, что с нами мадам Мина. Душа ее чиста. Каких страданий ей стоило поведать нам такое! Она поступила правильно, мы вовремя предупреждены. Нам нельзя упускать ни одного шанса, а в Варне мы должны быть в полной готовности к моменту прибытия судна.

– Что именно нам надо делать? – лаконично спросил мистер Моррис.

Профессор, подумав, ответил:

– Первым делом попасть на корабль, затем найти ящик и положить на него ветку шиповника, чтобы граф не смог оттуда выйти, так, по крайней мере, гласит поверье. Потом, дождавшись удобного момента – надо, чтобы поблизости никого не было, – мы откроем ящик и… все будет в порядке.

– Я не стану ждать удобного момента, – буркнул Моррис. – Увидев ящик, я открою его и уничтожу это чудовище, пусть хоть тысячи людей видят это, а меня потом казнят.

– Мой славный и храбрый друг Квинси! – воскликнул Ван Хелсинг. – Настоящий мужчина! Благослови вас Господь за это! Друг мой, поверьте, никто из нас не намерен мешкать из страха. Я говорю лишь о наших вероятных действиях и о том, что мы должны сделать, но как мы поступим на самом деле, это непредсказуемо. Нас ждет много сюрпризов. Конечно, нам надо быть во всеоружии и, когда пробьет наш час, все пустить в ход. А сегодня давайте приведем в

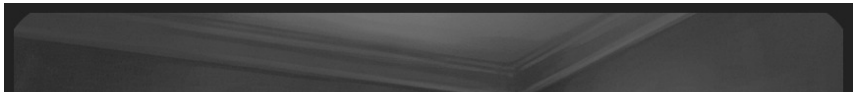
порядок дела. Я имею в виду то, что касается наших родных, близких, всех, кто зависит от нас, ведь никто не знает, каков будет исход. Мои дела уже устроены, делать мне нечего, и я займусь подготовкой к поездке, куплю билеты и прочее.

На этом мы расстались. Теперь приведу в порядок свои земные дела, а там будь что будет…

Позднее. Все сделано, завещание составлено. Мина – моя единственная наследница, если переживет меня. Если же нет, все получат те, кто был так добр к нам.

День клонится к закату. Я вижу, что Мина мается. Уверен, что-то у нее на уме, а что именно – возможно, выяснится при заходе солнца. Каждый раз мы в напряжении ждем восхода и захода солнца, несущих с собою новые опасности, страдания, несчастья; возможно, они – дай-то бог! – лишь испытания на пути к благополучному концу. Пишу об этом в дневнике, поскольку теперь моя дорогая не должна ни о чем знать, но потом, когда все образуется, она сможет прочитать его.

Она зовет меня.



Глава XXV

ДНЕВНИК ДОКТОРА СЬЮВОРДА

11 октября, вечер. Джонатан Харкер попросил меня вести записи, сам он, по его словам, просто не в силах, а ему нужна точность.

Никто из нас не удивился приглашению к миссис Харкер незадолго до захода солнца. Последние дни мы заметили, что во время восхода и захода солнца она чувствует себя более свободно; именно тогда проявляется ее прежний характер – когда не давит сила, подавляющая или побуждающая ее к несвойственным ей поступкам. Это настроение или состояние начинается приблизительно за полчаса до восхода или захода солнца и продолжается, пока солнце не поднимется высоко или же пока облака пылают в лучах уходящего за горизонт солнца. Сначала она находится в каком-то зыбком, переменчивом настроении, словно ослабевают некие сковывающие ее узы, потом внезапно наступает состояние абсолютной свободы; так же внезапно оно и проходит, чему предшествует фаза молчания.

Когда мы сегодня пришли к миссис Харкер, она была еще несколько скованна, наблюдались явные признаки внутренней борьбы, но через несколько минут она уже совершенно владела собою. Несчастная женщина полулежала на диване, ее муж сел подле нее, а мы разместились на стульях вокруг. Взяв мужа за руку, она начала говорить:

– Мы собрались здесь все вместе, возможно, в последний раз! Знаю, дорогой, знаю, ты будешь со мной до конца, – сказала она мужу, который, как мы заметили, крепко сжал ей руку. – Утром мы тронемся в путь, и только Богу известно, что ждет нас. Вы так добры, что согласились взять меня с собою. Не сомневаюсь, вы сделаете все возможное, все, что отважные, стойкие люди смогут сделать для бедной слабой женщины, душа которой, может быть, погибла – нет, не

волнуйтесь, еще нет, но, во всяком случае, находится в опасности. Однако вы должны помнить, я уже не такая, как вы. В моей крови и душе – яд, способный погубить меня, если мне не помочь. О мои друзья, вы, как и я, хорошо знаете, какая опасность угрожает моей душе, и хотя для меня существует лишь один выход, ни вы, ни я не должны избрать его!

Она обвела всех по очереди умоляющим взглядом.

– Какой выход? – хрипло спросил Ван Хелсинг. – Какой же это выход, который нам не следует избирать?

– Этот выход – моя немедленная смерть от моей собственной или любой другой руки, пока не произошло нечто, еще более ужасное. Как и вы, я знаю: в случае моей смерти вы смогли бы спасти мою бессмертную душу, как тогда душу моей бедной Люси. Будь смерть или страх смерти единственным препятствием на моем пути, я бы не задумываясь умерла бы здесь и сейчас, среди любящих друзей. Но смерть – это еще не все, это не выход. Теперь, когда мы должны исполнить свой горький долг и перед нами мелькает огонек надежды, не думаю, что Бог одобрил бы такой выход. Поэтому я добровольно отказываюсь от вечного покоя и вступаю в неизвестность, таящую в себе, возможно, самые ужасные кошмары этого мира и ада!

Мы молчали, интуиция подсказала, что это лишь прелюдия. Лица у всех были напряжены, у Харкера – пепельно-серого цвета; возможно, он быстрее нас догадался, к чему клонит его жена.

– Таков мой вклад, – продолжала миссис Харкер, – в нашу общую движимость-недвижимость. – (Я невольно обратил внимание на необычность юридического выражения в таком контексте.) – А что внесет каждый из вас? Конечно, – сказала она быстро, – вы ставите на карту свои жизни, но для отважных людей это не так уж много. Ваши жизни принадлежат Богу и вернутся к Нему, а вот чем вы готовы пожертвовать для меня?

Она посмотрела на нас испытующе, избегая на этот раз взгляда своего мужа. Квинси как будто бы понял и кивнул, лицо ее просияло.

– Пожалуй, скажу прямо, что мне нужно, – между нами не должно быть никаких сомнений и недомолвок. Обещайте мне все, и даже ты, мой любимый муж, что в случае необходимости вы убьете меня.

– В случае какой необходимости? – спросил неестественно тихим голосом Квинси.

– Если вы поймете, что перемены, происшедшие во мне, необратимы и мне лучше умереть, чем жить. А когда умрет мое тело, то, не медля ни минуты, пронзите меня колом и отрежьте голову, в

общем, сделайте все, что нужно для моего покоя!

После некоторой паузы первым отреагировал Квинси. Он опустился перед ней на колени и, взяв ее за руку, торжественно произнес:

– Я всего лишь простой человек, возможно, своей жизнью и не заслуживший такого доверия, но клянусь всем, что для меня свято, в случае необходимости я не дрогну и выполню то, о чем вы просите.

– Вы настоящий друг! – едва смогла вымолвить бедная женщина, горько заплакав, и, быстро наклонившись, поцеловала ему руку.

– Клянусь поступить так же, моя дорогая мадам Мина! – глухо проговорил Ван Хелсинг.

– И я! – сказал лорд Годалминг.

И они по очереди опустились перед ней на колени, давая клятву. Последовал их примеру и я. Потом ее муж взглянул на нее потухшими глазами, зеленоватая бледность его лица оттенялась белизной волос, и спросил:

– Жена моя, я тоже должен дать такое обещание?

– Ты тоже, бесценный мой, – сказала миссис Харкер с бесконечным сочувствием. – Ты не должен отказываться. Ты – мой самый близкий, самый дорогой, ты – все для меня, наши души срослись воедино на эту жизнь и на века. Вспомни, мой дорогой, о тех временах, когда храбрые мужья убивали своих жен, чтобы они не достались врагу. Они делали это недрогнувшей рукой, тем более что те, кого они любили, умоляли их об этом. Таков во времена тяжких испытаний долг мужчин перед теми, кого они любят! И если уж, дорогой мой, мне суждено умереть от чьей-то руки, пусть это будет рука того, кто любит меня сильнее всех. Профессор Ван Хелсинг, я не забыла ваше милосердие в истории бедной Люси по отношению к тому, кто любил… – Она запнулась, покраснев, и сказала по-другому: – К тому, кто обладал наибольшим правом дать ей покой. И если возникнет необходимость, обращаюсь к вам: пусть на долю моего мужа выпадет счастливое воспоминание о том, что именно он своей любящей рукой освободил меня от чудовищного рабства.

– Клянусь! – раздался звучный голос профессора.

Миссис Харкер улыбнулась, действительно улыбнулась, со вздохом облегчения откинулась на спинку дивана и сказала:

– И еще одно предостережение, никогда не забывайте о нем: необходимость может возникнуть быстро и неожиданно, в таком случае не теряйте ни минуты. В этой ситуации я могу быть – более того, непременно буду – в союзе с нашим врагом против вас. И последняя просьба, – сказала она очень серьезно, – конечно, не такая важная, как первая, но прошу вас, если можно, оказать мне одну услугу…

Мы молча кивнули.

– Я хочу, чтобы вы сейчас отслужили по мне панихиду.

Ее прервал громкий стон мужа. Она прижала его руку к сердцу и продолжала:

– Все равно когда-нибудь вы должны будете отслужить ее. Но чем бы ни кончилась эта ужасная история, молитва послужит утешением для всех или хотя бы для некоторых из нас. А ты, мой бесценный, я надеюсь, так прочтешь ее, что именно в твоем чтении она навеки

запечатлится в моей памяти!

– Но, дорогая моя, – взмолился Харкер, – смерть еще так далеко от тебя.

– Нет, – возразила его жена, – я сейчас ближе к смерти, чем если бы лежала под тяжелой могильной плитой!

– О, неужели мне пора начинать?

– Это послужит мне утешением, муж мой! – Вот и все, что она сказала, и он начал читать, открыв приготовленный ею требник.

В силах ли я – или кто-либо иной – описать эту скорбную и одновременно такую трогательную сцену с ее торжественностью, сумрачностью, печалью и… и ужасом…

Даже циник, готовый посмеяться над всякой святыней, всяким движением души, был бы глубоко растроган, если бы увидел эту группу коленопреклоненных друзей вокруг обреченной, убитой горем женщины или услышал, с какой страстной нежностью, срывающимся от волнения голосом ее муж читал простые слова прекрасной англиканской заупокойной молитвы. Не могу продолжать…

Мадам Мина оказалась права. Интуиция и на сей раз ее не подвела. Какой бы странной ни казалась эта панихида даже нам, ощутившим на себе непосредственную силу ее воздействия, она очень успокоила нас. И молчание, свидетельствовавшее о скором переходе миссис Харкер в иную ипостась, не вызвало у нас впоследствии такого крайнего отчаяния, как мы опасались.

ДНЕВНИК ДЖОНАТАНА ХАРКЕРА

15 октября, Варна. 12-го утром мы покинули Лондон с вокзала на Чаринг-Кросс, приехали в Париж ночью и сели на Восточный экспресс, места были забронированы заранее. Ехали ночью и днем, прибыли в Варну около пяти часов. Лорд Годалминг пошел в консульство узнать, нет ли ему телеграмм, а мы все остались в гостинице. Во время переезда, вероятно, были какие-то маленькие события, достойные описания, но я ни на что не обращал внимания, поглощенный желанием поскорее добраться до места. До прихода «Царицы Екатерины» меня в этом мире ничего не интересует. Слава богу, Мина здорова и даже окрепла, возвращается румянец! Она много спит. В дороге спала почти все время. Оживлялась лишь перед восходом и закатом. У Ван Хелсинга уже вошло в привычку проводить с ней в это время сеанс гипноза. Сначала это давалось ему не без труда, приходилось делать много пассов, теперь же она поддается сразу, будто по привычке. Профессор неизменно спрашивает ее, что

она видит и слышит, и получает в ответ всегда одно и то же:

– Ничего, все темно. Слышу, как волны разбиваются о борт и скрипят мачты и реи. Ветер такой сильный, что гудят паруса и снасти, а нос корабля с шипением рассекает пенящиеся валы.

«Царица Екатерина» явно еще в море, на пути в Варну. Только что вернулся лорд Годалминг. Он получил четыре телеграммы, по одной каждый день с момента нашего отъезда, и все одинаковые: никаких сведений о «Царице Екатерине» в филиалы «Ллойд» не поступало. Артур договорился со своим агентом, что тот будет ежедневно отправлять ему телеграммы независимо от того, появится информация о судне или нет, чтобы мы были уверены: ситуация контролируется.

Мы поужинали и рано легли спать. Завтра надо повидать еще вице-консула и договориться с ним, чтобы он помог нам попасть на борт корабля сразу по его прибытии. По словам Ван Хелсинга, необходимо проникнуть на судно между восходом и заходом солнца. Граф, превратись он даже в летучую мышь, не сможет преодолеть – переплыть или перелететь – море, то есть пространство с мощным течением, и покинуть судно. Вряд ли монстр решится показаться в облике человека, это вызовет много подозрений, что ему совсем ни к чему, поэтому он, скорее всего, останется в ящике. Если нам удастся попасть на корабль после восхода – граф в нашей власти, мы сможем открыть ящик и, как в случае с Люси, покончить с ним, прежде чем он проснется. Пощады ему ждать от нас не приходится. Надеюсь, у нас не будет осложнений с чиновниками и моряками. Слава богу, в этой стране подкупом можно добиться чего угодно, а денег у нас достаточно. Нужно лишь похлопотать, чтобы, если судно войдет в порт между заходом и восходом солнца, нас непременно предупредили. Тогда все будет в порядке. Думаю, Господин Денежный Мешок решит и эту проблему!

16 октября. Мина сообщает все то же самое: плеск волн, шум моря, темнота, вой ветра. У нас еще есть время в запасе, и к приходу «Царицы Екатерины» мы будем готовы. Нам обязательно сообщат, когда судно пройдет через Дарданеллы.

17 октября. Кажется, все уже готово для встречи графа, возвращающегося из путешествия. Годалминг сказал судовладельцу, что подозревает, будто в ящике, погруженном на борт, находятся вещи, украденные у его друга, и уже почти договорился о вскрытии сомнительной тары под свою ответственность. Во всяком случае, владелец дал ему письмо для капитана, содержащее распоряжение предоставить подателю полную свободу действий на судне, и

аналогичное письмо – агенту в Варне. Мы встретились с агентом, на которого произвело сильное впечатление любезное обращение с ним лорда Годалминга, и теперь мы спокойны: все, что от него зависит, он для нас сделает. Составлен и план действий после вскрытия ящика. Если граф окажется там, Ван Хелсинг и Сьюворд сразу же отсекут ему голову и проткнут колом сердце. Моррис, Годалминг и я будем стоять на страже, чтобы предупредить любое вмешательство, пустив в ход, если понадобится, даже оружие. Профессор говорит, если мы все это сделаем, тело графа быстро превратится в прах.

В таком случае, если возникнет подозрение в убийстве, против нас не будет никаких улик. Но если все обернется для нас неблагоприятным образом, возможно, эти записи в дальнейшем спасут нас от петли. Что касается меня, я готов ко всему. Мы полны решимости во что бы то ни стало выполнить задуманное. Уже есть договоренность с соответствующими чиновниками, что как только на горизонте покажется «Царица Екатерина», нас тут же об этом уведомят.

24 октября. Целая неделя ожидания. Ежедневные телеграммы лорду Годалмингу с неизменным: «Известий нет». В утренних и вечерних сообщениях находящейся под гипнозом Мины тоже ничего нового: шум волн, скрипящие мачты…

ТЕЛЕГРАММА РУФУСА СМИТА, «ЛЛОЙД», ЛОНДОН, – ВИЦЕ-КОНСУЛУ ЕЕ ВЕЛИЧЕСТВА КОРОЛЕВЫ ВЕЛИКОБРИТАНИИ В ВАРНЕ

(для лорда Годалминга)

24 октября

Сегодня утром при прохождении Дарданелл замечена «Царица Екатерина».

ДНЕВНИК ДОКТОРА СЬЮВОРДА

25 октября. Как мне не хватает моего фонографа! Писать дневник ручкой – утомительное дело, но Ван Хелсинг настаивает. Вчера мы страшно разволновались, когда лорд Годалминг получил телеграмму от «Ллойд». Теперь я знаю, как чувствуют себя люди, когда слышат приказ начать атаку. Одна лишь миссис Харкер сохраняла хладнокровие. Хотя это неудивительно, ведь она мало что знает, а мы в ее присутствии стараемся скрывать свое волнение. Раньше, несмотря на все наши старания, нам бы вряд ли удалось что-нибудь от нее скрыть, но за последние три недели она очень изменилась. Сонливость,

апатия все более овладевают ею, хотя выглядит она хорошо, вполне здоровой, и даже прежний румянец вернулся к ней.

Мы с Ван Хелсингом обеспокоены, часто говорим о ней, но своими опасениями с остальными не делимся. Если бы Харкер узнал о наших подозрениях, это разбило бы ему сердце, не говоря уж о его нервах. Каждый раз во время гипнотического сеанса профессор внимательно осматривает ее зубы. Он считает, что, пока зубы не начали заостряться, миссис Харкер ничего не угрожает. А вот если начнут, тогда необходимо решительно действовать!.. А уж как – нам это хорошо известно. «Эвтаназия» – замечательное, успокаивающее слово! Я благодарен тому, кто придумал его для обозначения легкой смерти в случае неизлечимой болезни.

Из Дарданелл до Варны 24 часа ходу при той скорости, с которой «Екатерина» идет из Лондона. Маловероятно, чтобы она появилась раньше, поэтому мы рано разошлись. Встанем в час ночи, будем наготове.

25 октября, полдень. Никаких известий о судне. Миссис Харкер в состоянии гипноза рассказывала нам все то же самое, так что новое известие возможно в любой момент. Мы все в лихорадочном возбуждении, кроме Харкера, сохраняющего полное спокойствие. Руки у него холодны, словно лед; час назад я видел, как он точил свой гуркхский кинжал[88], с которым никогда не расстается. Да, плохо придется графу, если это страшное оружие, направленное неумолимой и твердой рукой, вонзится ему в горло!

Мы с Ван Хелсингом обеспокоены сегодняшним состоянием миссис Харкер. Около полудня она впала в сон, который нам не понравился. Остальным мы ничего не сказали, но сами встревожились. Все утро наша подопечная не находила себе места, поэтому мы поначалу обрадовались, увидев, что она заснула. Однако, когда ее муж сказал, что она спит очень крепко и он не может ее разбудить, мы пошли взглянуть на нее. Она дышала спокойно и выглядела так

хорошо, что мы невольно согласились – сон ей на пользу. Бедняжка! Ей надо столь многое забыть, что сон, приносящий забвение, для нее настоящая панацея.

Позднее. Наше предположение оправдалось. Проспав несколько часов, миссис Харкер проснулась бодрее и веселее, чем прежде. На закате во время сеанса гипноза она сказала все то же самое. Ясно, что граф где-то в Черном море, спешит к месту назначения. И надеюсь, к своей гибели!

26 октября. Вновь никаких известий о «Екатерине». Судно должно быть уже на подходе. На рассвете миссис Харкер под гипнозом не сообщила ничего нового. Где же судно? Может быть, легло в дрейф из-за тумана: с пароходов, пришедших вчера вечером, поступили сообщения о густой пелене тумана к северу и югу от порта. Нужно быть наготове – «Екатерина» может появиться в любой момент.

27 октября, полдень. Очень странно: никаких известий о «Екатерине». Миссис Харкер и сегодня утром по-прежнему говорит об одном и том же: плеск волн, шум моря, – правда, с прошлой ночи стала добавлять: «Волны очень слабые». А в телеграммах из Лондона неизменное: «Известий нет». Ван Хелсинг очень встревожен и, высказав свои опасения, как бы граф не ускользнул, тут же мрачно добавил:

– Ох, не нравится мне эта сонливость мадам Мины. Душа и память способны на странные штуки во время транса.

Я хотел расспросить его, но тут вошел Харкер, и профессор сделал мне предостерегающий знак. Сегодня вечером во время сеанса нужно ее разговорить.

ТЕЛЕГРАММА РУФУСА СМИТА, «ЛЛОЙД», ЛОНДОН, – ВИЦЕ-КОНСУЛУ ЕЕ ВЕЛИЧЕСТВА КОРОЛЕВЫ ВЕЛИКОБРИТАНИИ В ВАРНЕ

(для лорда Годалминга)

28 октября

Сегодня в час пополудни «Царица Екатерина» вошла в Галац.

ДНЕВНИК ДОКТОРА СЬЮВОРДА

28 октября. Телеграмма о прибытии судна в Галац, мне кажется, не была для нас такой уж неожиданностью. Конечно, мы не знали, откуда и как грянет гром, но сюрприза ждали. Опоздание корабля в Варну подготовило нас к тому, что события сложатся не так, как мы планировали; вот только никто из нас не мог знать, когда и в чем будут

нарушены наши планы. И все равно это был сюрприз. Видимо, так уж устроен человек – несмотря ни на что, он надеется на благополучный исход. Трансцендентное – это маяк для ангелов, а человека лишь вводит в заблуждение.

Телеграмму все восприняли по-разному. Ван Хелсинг вскинул руку над головой, как бы упрекая Всемогущего, но не сказал ни слова и уже через минуту был на ногах, полный решимости. Лорд Годалминг побледнел и тяжело задышал. Я был ошеломлен и в смятении переводил глаза с одного на другого. Квинси Моррис хорошо знакомым мне движением потуже затянул ремень, что в наших прежних приключениях означало «Вперед!». Миссис Харкер побелела так, что красная стигма на ее лбу, казалось, запылала, но милая женщина кротко сложила руки и явно молилась про себя. Харкер улыбнулся, действительно улыбнулся, горькой улыбкой человека, утратившего надежду, но руки его инстинктивно сжали рукоятку большого гуркхского ножа.

– Когда ближайший поезд в Галац? – спросил Ван Хелсинг, обращаясь сразу ко всем.

– В шесть тридцать завтра утром!

Мы в изумлении переглянулись, ибо ответ исходил от миссис Харкер.

– Откуда вы знаете? – спросил Артур.

– Вы забываете… или, возможно, не знаете, хотя Джонатану и профессору Ван Хелсингу это хорошо известно, я – дока по части железнодорожных расписаний. Дома, в Эксетере, я всегда составляла выписки из них для мужа. Считаю это столь полезным, что и теперь с интересом просматриваю их. Предчувствуя вероятность поездки в замок Дракулы и понимая, что ехать придется через Галац или в крайнем случае Бухарест, я внимательно изучила расписания поездов. К сожалению, запоминать пришлось немного, завтра будет лишь один поезд.

– Удивительная женщина, – прошептал профессор.

– А что, если заказать экстренный? – спросил лорд Годалминг.

Ван Хелсинг покачал головой:

– Боюсь, что это не реально. Эта страна отличается от вашей или моей. Даже если бы нам удалось заказать экстренный поезд, вероятнее всего, он прибыл бы на место позднее обычного. Кроме того, нам надо подготовиться, обдумать все, организовать. Вы, друг Артур, идите на вокзал и купите билеты, чтобы завтра утром мы смогли уехать. Вы, Джонатан, наведайтесь к судовому агенту и возьмите у него письма к

агенту в Галаце с разрешением осмотреть судно, в общем, с теми же полномочиями, что и здесь. Вы, Моррис Квинси, повидайте вице-консула и заручитесь поддержкой его коллеги в Галаце. Джон останется со мной и мадам Миной, мы обсудим ситуацию. Если будете задерживаться, не волнуйтесь – когда зайдет солнце, я расспрошу мадам Мину.

– Я тоже, – подхватила миссис Харкер с прежней живостью, – постараюсь быть вам полезной – буду, как прежде, обдумывать и записывать все для вас. Не знаю почему, но мне стало гораздо легче, свободнее, словно что-то отпустило меня!

Трое молодых людей просто просияли, услышав это, а мы с Ван Хелсингом тревожно переглянулись, но пока ничего не стали говорить.

Когда все разошлись исполнять свои поручения, Ван Хелсинг попросил миссис Харкер найти в дневниках Джонатана описание его пребывания в замке Дракулы. Когда дверь за ней закрылась, он сказал мне:

– Итак, ты понял? Выкладывай!

– Налицо перемена. Но это зыбкая, обманчивая надежда.

– Вот именно. Ты понял, почему я попросил ее принести рукопись?

– Нет, разве что вы хотели поговорить со мной наедине.

– Отчасти ты прав, друг Джон, но лишь отчасти. Хочу кое-что сказать тебе. О мой друг, я иду на огромный… страшный… риск, но, думаю, он оправдан. В ту минуту, когда мадам Мина произнесла слова, которые привлекли наше внимание, меня вдруг осенило. Три дня назад во время ее транса граф послал свой дух, чтобы прочесть ее мысли, или, вероятнее, он вызывал ее дух к себе на корабль на восходе и заходе солнца. Тогда-то он и узнал, что мы здесь, ведь она, живущая на воле, могла многое рассказать ему, запертому в его ящике-гробу. Теперь граф старается скрыться от нас, и мадам Мина ему не нужна. Уверенный, что в случае необходимости она явится на его зов, он отдаляется от нее – гонит за пределы своей власти, чтобы она не мешала ему. Вот тут-то я и надеюсь, что наша мужская смекалка, наш зрелый ум людей, не утративших божьей благодати, окажется сильнее нравственно неразвитого, младенческого ума того, кто целые века провел в могиле и теперь преследует свои эгоистические, а значит, ничтожные цели… Идет мадам Мина, ни слова о ее трансе! Она ничего о нем не знает, а если узнает, придет в смятение и отчаяние, но именно теперь нам нужны все ее мужество, стойкость, вера и, главное, замечательный ум – по-мужски ясный, по-женски милосердный и

вместе с тем обладающий особыми качествами, которыми наделил ее граф и которые едва ли сразу исчезнут, хотя наш противник думает иначе. Тихо! Я буду говорить, а ты внимательно слушай. О Джон, друг мой, мы попали в ужасное положение. Мне страшно, как никогда. Единственная надежда – милосердие Божье. Тихо! Вот и она.

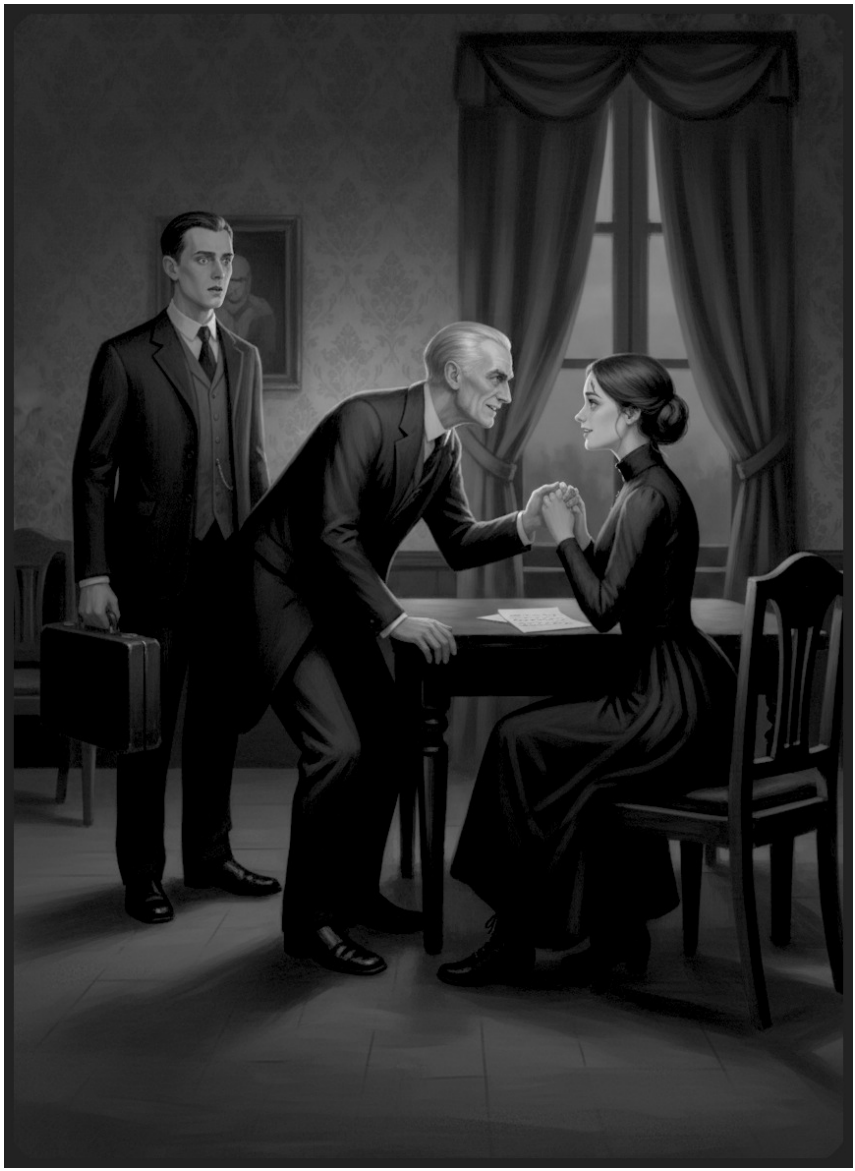
Мне показалось, что сейчас у профессора начнется истерика, как тогда, после смерти Люси, но усилием воли он сдержал себя и был совершенно спокоен, когда миссис Харкер быстро вошла в комнату, веселая, счастливая, казалось, позабывшая о своих несчастьях. Она вручила Ван Хелсингу несколько машинописных страниц, он стал просматривать их, оживляясь по мере чтения. Потом, зажав страницы между указательным и большим пальцами, сказал:

– Друг Джон, вот урок и для тебя, обладающего уже значительным жизненным опытом, и для вас, дорогая мадам Мина, еще совсем молодой женщины: никогда не бойтесь давать волю своей интуиции. Несколько раз у меня в голове мелькало нечто смутное, но я опасался, что этот ложный огонек лишь уведет меня в сторону. Теперь, уже зная намного больше, я возвращаюсь к тем смутным проблескам и понимаю, что за ними скрывалась настоящая мысль, хотя еще слишком слабая, чтобы взлететь самостоятельно. Более того, как в «Гадком утенке» моего друга Ханса Андерсена, эта мысль – не гадкий утенок, а прекрасный лебедь, который гордо взлетит на широко распростертых крыльях, когда наступит час. Слушайте, я прочту, что пишет Джонатан:

«Не пример ли Дракулы, героя, вдохновил позднее одного из его потомков вновь и вновь переправляться через великую реку в Турцию? И, несмотря на цепь поражений, снова и снова возвращаться туда? И хотя с кровавого поля боя, где гибли его полки, он приходил домой один, но все равно был неизменно уверен, что в конце концов одержит победу!»

Какой можно сделать вывод? Никакой? Что ж, граф со своим незрелым умом тоже не видит здесь ничего особенного, поэтому и рассказывает так свободно. Впрочем, и ваш зрелый мужской ум, друг Джон, ничего не усматривает в этих словах, да и мой тоже, но только до последнего момента. Так! Ну а что скажет та, которая видит все со стороны, непредвзято и непосредственно?.. Тоже не знает? А ведь наше мышление похоже вот на что: некие элементы вроде бы неподвижны, но в круговороте природы они вершат свой путь, взаимодействуют, затем вспышка света озаряет небо, способная ослепить, убить, разрушить, а внизу на многие и многие лье

освещаются земные пространства. Разве не так? Неясно? Хорошо, сейчас поясню. Сначала ответьте: изучали ли вы философию преступления? Да или нет? Ты, Джон, конечно, да, ибо это и есть исследование философии безумия. Вы, мадам Мина, нет, ибо преступление – далекая от вас сфера, лишь однажды вы соприкоснулись с ней. У преступников всех времен и народов одна особенность. Даже полиция, не слишком сведущая в высоких материях, приходит к пониманию этого эмпирическим путем. Преступник всегда тяготеет к одному виду преступления. Его ум нельзя назвать зрелым мужским умом. Преступник может быть и хитрым и находчивым, но его ум во многом неразвитый, детский… (Именно ребенок поступил бы так, как поступает он.) Детеныш птиц и зверей не изучает теории, а постигает мир практически, на своем опыте, опираясь на опыт вчерашний. «Дайте мне точку опоры, – говорил Архимед, – и я переверну мир!» Сделав что-то однажды, детеныш обретает точку опоры, и постепенно его детское сознание взрослеет; пока у него сохраняется цель, он будет вновь и вновь повторять уже содеянное! О моя дорогая, вижу, что ваши глаза широко открылись и вспышка света позволила вам заглянуть в глубину! – воскликнул профессор, увидев, что миссис Харкер захлопала в ладоши, а глаза у нее оживились. – А теперь скажите двум сухим ученым мужам, что вы видите своими прозревшими глазами?



Он взял ее руку и держал, пока она говорила:

– Граф – преступник и преступный тип. Нордау и Ломброзо так бы его и определили[89]. Как у всякого преступника, его интеллект недостаточно развит. В трудных ситуациях он бессознательно прибегает к шаблонным действиям. Разгадка – в его прошлом; граф сам рассказывал моему мужу, что когда-то он вернулся на родину из страны, которую безуспешно пытался завоевать, только для того,

чтобы лучше подготовиться к новой попытке. И опять отправился в ту же страну, подготовленный на этот раз лучше, и победил. Точно так же он прибыл в Лондон, чтобы завоевать его, но потерпел поражение; и вот теперь, когда само его существование оказалось в опасности, он, потеряв все надежды на успех, бежал за море, поближе к дому, как когда-то бежал через Дунай из Турции.

– Хорошо, молодец! О, вы такая умная! – воскликнул в восторге Ван Хелсинг и, наклонившись, поцеловал ей руку. И тут же, как коллега коллеге, будто мы консультировали больного, бросил мне: – Пульс только семьдесят два, и это при таком волнении! Похоже, надежда есть… – И, вновь повернувшись к ней, нетерпеливо подбодрил: – Но продолжайте. Продолжайте! Вы можете сказать больше. Не бойтесь, Джон и я знаем. По крайней мере, я. И если вы правы, я скажу вам об этом. Говорите смелее!

– Попытаюсь, но вы простите меня, если я покажусь вам слишком эгоцентричной.

– Ну конечно! Не бойтесь, вы и должны быть эгоцентричной, ведь о вас-то мы прежде всего и думаем.

– Как и всякий преступник, граф себялюбив, и поскольку ум его ограничен, а поступки эгоистичны, он сосредоточен на одной цели. И на пути к ней не знает ни жалости, ни пощады. Когда-то он бежал, бросив войска на растерзание врагу, так же и теперь: главное для него – спастись любой ценой. Его патологический эгоизм освобождает мою душу от ужасной власти, которую он приобрел надо мной в ту кошмарную ночь. Я чувствовала ее! О, как я ее чувствовала! Благодарю Господа за Его великое милосердие! Впервые после той ужасной ночи душа моя свободна; меня мучает лишь страх, что во сне или в трансе он может выведать у меня ваши планы.

Тут профессор встал и сказал:

– Граф уже их у вас выведал, в результате мы сидим в Варне, а он провел корабль через туман в Галац, где, несомненно, рассчитывает ускользнуть от нас. Но его детского ума хватило лишь на это, дальше он не пошел; и вполне возможно, по Божьему провидению, то, на что злодей возлагал свои надежды, как раз и подведет его. Не рой другому яму, как говорится. Именно теперь, когда он уверен, что обвел нас вокруг пальца, сбил с толку и опередил, его умишко будет спокоен. Отказавшись от вас как от источника информации, граф думает, что перекрыл канал сведений и нам. Вот тут-то он и ошибается! Чудовищное крещение его кровью дает вам возможность мысленно являться к нему, что вы и делали в краткие периоды своей свободы на

восходе и заходе солнца. Вот только являлись вы к нему по моей, а не по его воле, эту свою способность вы получили от него ценой ваших страданий. Теперь эта способность особенно ценна, так как графу о ней ничего не известно. В отличие от него мы не самолюбивы и верим, что Господь не оставил нас в эти страшные часы. Мы будем преследовать графа и не дрогнем, какая бы опасность нам ни угрожала. Друг Джон, вы должны все записать, и когда остальные вернутся, дайте им прочитать.

В ожидании их возвращения я все записал, а миссис Харкер перепечатала на машинке.

Глава XXVI

ДНЕВНИК ДОКТОРА СЬЮВОРДА

29 октября. Запись сделана в поезде из Варны в Галац. Вчера вечером перед заходом солнца мы вновь собрались все вместе. Поручения все выполнены, и мы готовы к путешествию и нашей миссии. Как всегда, Ван Хелсинг начал сеанс гипноза, проводя его на этот раз более тщательно и с большей затратой энергии. Обычно миссис Харкер отвечала на вопросы мгновенно, теперь же профессору пришлось несколько раз четко формулировать их, прежде чем последовал наконец ответ:

– Ничего не вижу, стоим на месте, шума волн нет, лишь мягкое журчание воды, рассекаемой тросом. Слышу близкие и далекие голоса людей, скрипят весла в уключинах. Где-то выстрелили из ружья, далеко отозвалось эхо. Над головой – топот ног, похоже, волокут какие-то канаты и цепи. Что это? Слабый свет. Чувствую дуновение ветерка…

Тут она замолчала. Резко вскочив с дивана, на котором лежала, подняла руки ладонями вверх, как будто поддерживая какую-то тяжесть. Мы с Ван Хелсингом обменялись понимающими взглядами. Квинси, слегка приподняв брови, внимательно смотрел на нее. Харкер инстинктивно сжал рукоятку гуркхского кинжала. Наступило продолжительное молчание. Мы поняли, что больше она ничего не скажет, да и бессмысленно было что-то добавлять. Вдруг миссис Харкер села, открыла глаза, мило и просто сказала:

– Не хотите ли выпить чаю? Вы все, наверное, так устали!

Мы готовы были на все, чтобы сделать ей приятное, тем более – выпить чаю. Она быстро вышла из комнаты, чтобы распорядиться насчет чая.

– Поняли, друзья мои? Граф собирается на берег. Свой ящик он

покинул. Но ему не так-то просто перебраться на сушу. Ночью он еще может где-нибудь спрятаться, но только если его перенесут на берег или корабль причалит, ему удастся покинуть борт. Впрочем, вампир способен – но только ночью – изменить облик и перелететь или выпрыгнуть на берег, как он сделал это в Уитби. Но если день наступит прежде, чем судно пришвартуется, он останется на борту. Днем же, когда ящик будут выносить, таможенные чиновники могут обнаружить его содержимое. Короче, если граф не выберется на берег сегодня ночью до рассвета, весь завтрашний день для него пропадет. Тогда у нас есть шанс успеть и захватить его в ящике – ведь, опасаясь, что его узнают, вампир едва ли решится разгуливать днем.

Ничего не оставалось, как терпеливо ждать рассвета в надежде на то, что скажет миссис Харкер.

Рано утром мы вновь, затаив дыхание, следили за сеансом гипноза. На этот раз внушение не действовало еще дольше, когда же транс наступил, времени до восхода оставалось так мало, что мы были уже на грани отчаяния. Ван Хелсинг старался как мог. Наконец, повинуясь его воле, миссис Харкер заговорила:

– Всюду мрак. Слышу плеск воды на одном уровне со мной и скрип, как будто дерева.

Она замолчала. Взошло солнце, придется ждать вечера.

И вот мы на пути в Галац, сгораем от нетерпения. По расписанию мы должны быть на месте между двумя и тремя часами утра, но уже в Бухарест поезд пришел с трехчасовым опозданием, скорее всего, в Галаце будем лишь после восхода солнца. Так что возможны еще два сеанса гипноза с миссис Харкер.

Позднее. Солнце зашло. К счастью, мы смогли провести сеанс; будь мы на станции, нам не удалось бы обеспечить необходимые уединение и спокойствие. Миссис Харкер еще труднее поддалась гипнозу. Боюсь, ее способность передавать ощущения графа исчезнет как раз тогда, когда мы более всего будем в этом нуждаться. До сих пор в состоянии транса она ограничивалась констатацией самых простых ощущений, а теперь, мне кажется, начинает работать ее собственная фантазия. Это может ввести нас в заблуждение. Слова ее были загадочными:

– Что-то выходит. Прошло мимо меня, как холодный ветер. Слышу вдали какие-то беспорядочные звуки – кажется, люди говорят на непонятных языках; сильный шум воды, вой волков…

Миссис Харкер замолчала, по ее телу вдруг пробежала дрожь, которая усиливалась до тех пор, пока бедную женщину не стало

трясти, как в падучей. Несмотря на все старания профессора, больше она на вопросы не отвечала. Очнулась измученной, усталой, апатичной, ничего не помнила, но ее живо интересовало, что она говорила. Когда ей пересказали, она погрузилась в глубокое раздумье.

30 октября, 7 часов утра. Подъезжаем к Галацу; боюсь, потом будет не до записей. Мы с нетерпением ждали восхода солнца. Поскольку с каждым разом миссис Харкер все труднее поддается гипнозу, Ван Хелсинг начал сеанс раньше обычного, но добился результата лишь за минуту до восхода солнца. Профессор быстро задавал ей вопросы, и так же быстро она отвечала:

– Все темно. Слышу шум воды совсем близко, стук дерева по

дереву. Где-то там дальше скот. Еще какой-то звук, очень странный, будто… – Она замолчала и побледнела.

– Дальше, продолжайте! Продолжайте, приказываю вам! – взволнованно твердил Ван Хелсинг.

Миссис Харкер открыла глаза, и мы невольно вздрогнули, услышав ее совершенно беззаботный, нежный голос:

– О профессор, почему вы просите меня о том, что превосходит мои возможности? Я ничего не помню. – Увидев удивление на наших лицах, она встревожилась: – Что я сказала? Что я наделала? Ничего не помню, кроме того, что лежала тут в полусне, а вы, профессор, мне говорили: «Дальше! Продолжайте, приказываю вам!» Так забавно было слышать, как вы строго говорите со мной, будто я непослушное дитя!

– О мадам Мина, – сказал печально Ван Хелсинг, – это лишь еще одно доказательство, если оно вообще нужно, моей любви и уважения к вам; в этой ситуации любое слово, сказанное, ради вашего же блага, более строгим тоном, действительно может показаться странным: получается, будто я отдаю приказание той, которой был бы рад повиноваться сам!

Слышны свистки; приближаемся к Галацу и просто сгораем от нетерпения, тревоги и желания действовать.

ДНЕВНИК МИНЫ ХАРКЕР

30 октября. В гостиницу, где по телеграмме нам заказаны номера, меня отвез мистер Моррис – он пока не у дел, ибо не знает ни одного иностранного языка. Обязанности распределили так же, как в Варне, только к вице-консулу отправился лорд Годалминг: его титул может послужить гарантом более эффективной поддержки со стороны официального британского представителя, ведь времени у нас в обрез. Джонатан, профессор и доктор пошли к судовому агенту – выяснить подробности прибытия «Царицы Екатерины».

Позднее. Вернулся лорд Годалминг. Консул в отъезде, вице-консул болен, делами занимается секретарь, который был очень любезен и обещал сделать все, что в его власти.

ДНЕВНИК ДЖОНАТАНА ХАРКЕРА

30 октября. В девять часов мы с профессором Ван Хелсингом и доктором Сьювордом посетили контору Маккензи и Стейнкоффа, представителей лондонской фирмы «Хэпгуд». В конторе получили телеграмму из Лондона с просьбой оказать нам всемерную поддержку,

служащие были чрезвычайно любезны и немедленно доставили нас на борт «Царицы Екатерины», бросившей якорь в речном порту. Мы встретились с капитаном Донелсоном, по словам которого, у него в жизни не было такого удачного рейса.

– Господи, – говорил он, – мы даже боялись, что слишком уж удачно все складывается, такое даром не проходит. Не хитрая штука – пройти из Лондона в Черное море при попутном ветре, когда будто сам дьявол наполняет паруса. И в полном тумане. Как только приближались к какому-нибудь кораблю, порту или мысу, ложился туман, а когда рассеивался, вокруг никого и ничего. Мы прошли Гибралтар и даже не смогли дать сигнал. До самых Дарданелл, где нам

пришлось получать разрешение на проход, мы никого не встретили. Поначалу я хотел спустить паруса и переждать туман, но потом подумал, коли уж черту надо, чтобы мы побыстрее вошли в Черное море, никуда не денешься. В конце концов, от нашего быстрого пробега владельцам никакого убытка, нам он тоже не повредит, а старый дьявол будет нам лишь благодарен за то, что мы ему не мешали.

Такая смесь простодушия и хитрости, суеверия и практических соображений произвела впечатление на Ван Хелсинга.

– Мой друг, – сказал он, – этот старый дьявол гораздо умнее, чем кажется, и он умеет ценить достойного соперника!

Довольный комплиментом шкипер продолжал:

– Когда мы прошли Босфор, люди стали роптать, некоторые из них, в основном румыны, пришли ко мне с требованием выбросить за борт здоровенный ящик, который привез на судно перед самым отходом из Лондона немолодой джентльмен весьма странного вида. Я еще тогда видел, как они смотрели на него и выставляли два пальца – от дурного глаза. Господи, суеверия этих дикарей просто уморительны! Я живо поставил их на место, но, когда нас вновь окутал туман, подумал, может быть, они и правы. Итак, мы шли дальше, и, поскольку туман держался целых пять дней, я решил: пусть ветер несет нас куда захочет, ведь против дьявола не попрешь, а уж он все устроит, как ему надо. Но и мы тоже не лыком шиты, будем смотреть в оба, чтоб ничего не случилось. Как бы там ни было, шли мы отлично, никаких мелей, а два дня назад, когда сквозь туман показалось восходящее солнце, под нашим килем уже бурлила пресная вода, а перед нами был Галац. Румыны в ярости требовали выбросить ящик в реку. Мне пришлось убеждать их пинками и гандшпугом[90], и когда последний из них убрался с палубы, держась за голову, мне удалось уговорить их; дурной глаз или не дурной, но доверенное мне имущество должно быть доставлено в целости и сохранности. Ведь они, подумать только, уже вытащили ящик на палубу и чуть было не выбросили за борт. На его боку значилось: «Галац через Варну», и я решил: пусть полежит на палубе, пока не выгрузим его в порту и наконец избавимся. Туман не рассеивался, и мы всю ночь простояли на якоре. А на следующее утро, приблизительно за час до рассвета, на судно явился человек и предъявил письменное поручение из Англии, согласно которому он должен был забрать адресованный какому-то графу Дракуле ящик. А он-то как раз под рукой – берите, пожалуйста. Бумаги были в порядке, и я с радостью отделался от этого чертова гроба, мне и самому он уже

порядком надоел. Если у дьявола и был багаж на борту судна, так наверняка этот самый ящик!

– Как звали человека, который забрал его? – спросил Ван Хелсинг с едва сдерживаемым нетерпением.

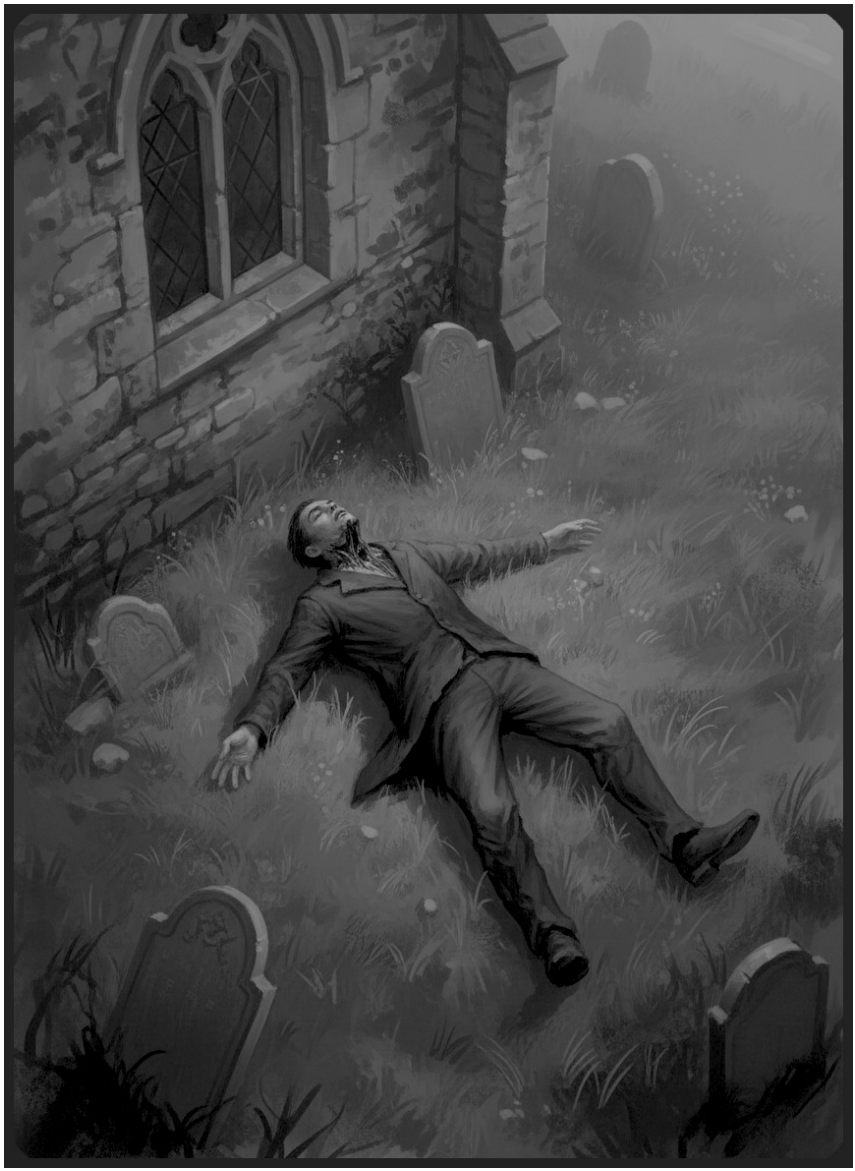
– Сейчас скажу! – ответил капитан и спустился в каюту. Вернувшись, он предъявил расписку с подписью: Иммануил Гильдшейм – и адресом: Бургенштрассе, 16.

Больше капитан ничего не знал. Мы поблагодарили его и ушли.

Гильдшейма мы застали в его конторе. Это был старый еврей с большим горбатым носом и в ермолке – будто только что со сцены Адельфи[91]. Немного поторговавшись, он сообщил нам все, что знал. Сведения его были простыми, но очень важными для нас. Он получил письмо от мистера де Билля из Лондона с просьбой, если возможно, до рассвета, чтобы не связываться с таможней, забрать ящик с прибывающей в Галац «Царицы Екатерины» и передать его некоему Петру Скинскому, который вел дела со словаками, занимающимися сплавом грузов по реке. Получив за труды английский кредитный билет, Гильдшейм обменял его на золото в Дунайском международном банке. Когда к нему пришел Скинский, они вместе поехали на судно, забрали ящик, и тот увез его. Вот все, что знал Гильдшейм.

Мы занялись поисками Скинского, но нигде не могли его разыскать. Один его сосед, видимо не питавший к нему особой любви, сказал, что тот ушел из дома два дня назад, а куда – неизвестно. Это подтвердил и хозяин дома, вчера вечером, между десятью и одиннадцатью часами, получивший через посыльного ключи от квартиры исчезнувшего жильца и положенную плату в английских деньгах. Мы снова оказались в тупике.

Пока мы разговаривали, подбежал какой-то человек и, запыхавшись, сообщил, что на кладбище церкви Святого Петра нашли тело Скинского, горло его было растерзано, будто каким-то диким зверем. Наши собеседники тут же побежали туда, женщины кричали: «Это дело рук словаков!» Мы же поспешили ретироваться, чтобы нас не втянули в историю и не задержали.



Итак, ничего определенного, ясно лишь, что ящик в пути, куда-то движется, но куда – это еще нужно выяснять. С тяжелым сердцем мы побрели в гостиницу к Мине, решив все рассказать ей. Положение наше отчаянное, а так по крайней мере есть хоть и не очень надежный, но все-таки шанс. Меня освободили от обещания, данного Мине.

ДНЕВНИК МИНЫ ХАРКЕР

30 октября, вечером. Мужчины вернулись такие усталые, измученные и удрученные, что им просто необходимо было немного отдохнуть. Предложила им прилечь хоть на полчасика, пока я перепечатаю записи. Я так благодарна изобретателю дорожной пишущей машинки и мистеру Моррису, доставшему ее для меня. Сама я совершенно отвыкла делать записи ручкой…

Вот все и перепечатано. Бедный, милый, дорогой мой Джонатан, как он, должно быть, страдал и как переживает теперь! Просто без сил лежит на диване; брови нахмурены, лицо страдальческое. Бедняжка, он так сосредоточенно думает, что все лицо его пошло морщинками. О, если бы я могла хоть чем-то ему помочь! Сделаю все, что в моих силах.

Пока они отдыхают, профессор Ван Хелсинг по моей просьбе дал мне бумаги, которые я еще не видела, – внимательно просмотрю их и, возможно, приду к какому-нибудь выводу. Постараюсь следовать примеру профессора и обдумаю все факты с «открытым умом», непредвзято.

Верю, что Божье провидение поможет мне. Надо бы изучить карты… Убеждена, что моя догадка правильна.

Заключение готово, соберу всех и прочитаю. Пусть обсудят, нужна предельная точность, продуманность, дорога каждая минута.

ЗАМЕТКИ МИНЫ ХАРКЕР

(включенные в ее дневник)

Предмет исследования. Основная цель графа Дракулы – добраться домой. а) Кто-то должен доставить его в замок. Если бы он мог передвигаться сам, то сделал бы это в облике человека, волка или летучей мыши. Возможно, он боится, что его узнают и возникнут неприятности, поэтому предпочитает от рассвета до заката оставаться в своем деревянном ящике. б) Как его перевезут? Решить это поможет метод исключения. По дороге, на поезде, по воде?

1. *По дороге.* Тут много осложнений, особенно при выезде из города: а) на дороге много людей, а они любопытны: любой намек, подозрение, сомнение по поводу содержимого ящика может погубить графа; б) возможен контроль со стороны городской таможни; в) могут появиться и преследователи. Это самая страшная опасность для графа: боясь себя выдать, он даже отказался от своей жертвы – от меня!

2. *На поезде.* Никто не сопровождает ящик. В дороге возможны задержки, а для графа любое промедление смерти подобно – враги гонятся по пятам. Конечно, он может сбежать ночью, но что ему

делать на чужой территории без убежища? Это его не устраивает, и рисковать он не захочет.

3. *По воде.* Это наиболее верный путь в одном отношении и опасный – в другом. На воде вампир лишен всех своих преимуществ, за исключением ночи, но и тогда он может повелевать лишь туманом, бурей, снегом и волками. А окажись он в воде – и, совершенно беспомощный, сразу пойдет ко дну. Конечно, граф мог бы подогнать судно к берегу, но, если это враждебная ему территория, он окажется в отчаянной ситуации.

Итак, нам известно, что он на воде, значит, надо установить, где именно. И прежде всего точно определить, что ему уже удалось сделать, тогда станет ясна его дальнейшая цель.

Во-первых. Нужно разобраться, что он успел предпринять в Лондоне для выполнения своего общего плана, ведь времени у него было в обрез.

Во-вторых. Нужно сообразить, исходя из имеющихся у нас данных, что он успел сделать здесь.

Очевидно, что его целью был Галац, однако в накладной граф указал Варну, пытаясь сбить нас с толку, если мы установим, каким путем он покинул Англию; тогда его главная и единственная цель – бегство. Об этом свидетельствует письмо Иммануилу Гильдшейму с просьбой забрать ящик до восхода солнца. Была еще и инструкция Петру Скинскому. Здесь можно лишь строить догадки: видимо, Скинский получил какое-то письменное поручение, поскольку пришел к Гильдшейму.

Нам известно, что планы графа до сих пор удачно исполнялись. «Царица Екатерина» столь стремительно совершила свой рейс, что даже у капитана Донелсона возникли подозрения; но его суеверность в сочетании с хитростью сыграли графу на руку, судно с попутным ветром промчалось сквозь туманы и практически вслепую прибыло в Галац. Очевидно, граф все хорошо продумал. Гильдшейм принял ящик и передал его Скинскому. Скинский получил его – и тут след потерян. Мы лишь знаем, что, миновав таможню, ящик плывет где-то по реке.

Теперь разберемся, что граф сделал, высадившись в Галаце.

К Скинскому ящик попал до восхода солнца. После восхода граф смог появиться в своем настоящем виде. Возникает вопрос: зачем вообще был нужен Скинский в этом деле? В дневнике моего мужа сказано, что он был связан со словаками, занимающимися перевозкой грузов по реке; а ведь, по мнению местных женщин, убийство – «дело рук словаков», что свидетельствует об общем враждебном отношении

к ним. Графу нужны изоляция, уединение.

У меня такое предположение: в Лондоне граф решил вернуться в замок водным путем, считая его наиболее безопасным и незаметным. Из замка его вывезли цыгане, вероятно, они доставили свой груз словакам, переправившим его в Варну – на корабль, шедший в Лондон. То есть граф уже знал людей, которые могут помочь. Теперь, когда ящик прибыл на сушу, граф перед восходом солнца или же после заката вышел из него, встретился со Скинским и объяснил ему, как отправить ящик дальше по реке. После этого, убедившись, что все идет по плану, уничтожил свои следы, убив посредника.

Судя по карте, наиболее вероятная в данном случае река, используемая словаками, – Прут или Сирет. Я прочитала, что в состоянии гипноза слышала мычание коров, шум воды и скрип дерева. Видимо, граф в своем ящике плывет по реке в открытой лодке, управляемой веслами или шестами, – берега близко, и лодка идет против течения: такого шума воды не было бы, если бы она шла по течению.

Возможно, эта река – не Сирет и не Прут, нам нужно это уточнить. Из этих двух Прут более судоходен, но в Сирет впадает Бистрица, огибающая ущелье Борго. Делая петлю, она ближе других рек подходит к замку Дракулы.

ДНЕВНИК МИНЫ ХАРКЕР

(продолжение)

Когда я кончила читать, Джонатан обнял меня и поцеловал. Остальные пожимали мне руки, а профессор Ван Хелсинг сказал:

– Наша дорогая мадам Мина вновь преподала нам урок, оказавшись зрячей там, где мы были слепы. Мы вновь выходим на след, и на этот раз у нас есть шанс на успех. Наш враг теперь слаб, и если мы настигнем его днем на реке, наша миссия будет исполнена. Начав свое плавание, граф торопиться не будет, ибо если выйдет из ящика, гребцы, охваченные суеверным ужасом, могут сбросить его в реку – тогда он погибнет. Зная об этом, он будет вести себя тихо. А теперь, господа, приступим к нашему военному совету: необходимо здесь и сейчас решить, кто что будет делать.

– Я достану паровой катер и пущусь вслед за ним, – сказал лорд Годалминг.

– А я – лошадей, чтобы следовать за ним по берегу на случай, если он высадится, – предложил мистер Моррис.

– Хорошо, – одобрил профессор. – И то и другое прекрасно. Но

никому из нас нельзя действовать в одиночку. Чтобы преодолеть силу, нужна сила, а словаки сильны, грубы и имеют при себе оружие.

Мужчины заулыбались – у каждого из них был небольшой арсенал.

– Я привез с собою несколько винчестеров, – сказал мистер Моррис, – они помогут справиться с целой толпой и с волками. Вы ведь знаете, что и граф принял свои меры предосторожности, поэтому-то миссис Харкер и не смогла правильно истолковать услышанные ею звуки. Мы должны быть готовы ко всему.

– Пожалуй, я пойду с Квинси, – заметил доктор Сьюворд. – Мы привыкли вместе охотиться и вдвоем можем противостоять кому угодно. Но и тебе, Арт, нельзя оставаться одному. Возможно, придется сразиться со словаками, и тут не должно быть случайного срыва – тогда могут рухнуть все наши планы. На этот раз нельзя допустить никаких случайностей; мы не успокоимся, пока не отрубим графу голову и не убедимся в том, что он более не оживет и не перевоплотится.

При этом он смотрел на Джонатана, а тот на меня, и видно было, что Джонатан просто-таки разрывается на части. Конечно, он хотел быть со мной, но именно у тех, кто поедет на катере, наибольший шанс разделаться с… с… вампиром (почему мне так трудно писать это слово?). Он молчал, и тогда слово взял профессор Ван Хелсинг:

– Друг Джонатан, это ваше дело по двум причинам. Во-первых, вы молоды, отважны, а эта схватка может потребовать много сил; кроме того, это ваше право – уничтожить того, кто причинил столько горя вам и вашим близким. Не бойтесь за мадам Мину, я позабочусь о ней. Сам я стар. Ноги мои уже не могут бегать быстро. Я не привык ездить верхом, вести погоню или сражаться со смертоносным оружием в руках, но тоже могу бороться, хотя и несколько иными способами. Могу и умереть, в случае необходимости, как и вы, молодые. Но пока вы, лорд Годалминг и друг Джонатан, помчитесь на быстром маленьком пароходике по реке, а Джон и Квинси будут следить за берегом на случай, если монстр высадится, мы с мадам Миной направимся в самое сердце вражеского стана. Пока старая лиса заперта в своем ящике и поднимается вверх по течению, мы пойдем по следам Джонатана: из Бистрицы, через ущелье Борго – в замок Дракулы. С помощью ясновидческого дара мадам Мины мы найдем дорогу и после восхода солнца постараемся добраться до рокового места. Нам предстоит многое сделать, освятить землю замка, чтобы навсегда уничтожить это инфернальное гноище.

Тут Джонатан резко прервал его:

– Вы хотите сказать, профессор Ван Хелсинг, что повезете Мину в ее ужасном состоянии, зараженную этой дьявольской болезнью, прямо в логово к чудовищу? Ни за что на свете! Ни за какие блага! – На минуту от негодования он даже лишился дара речи, а потом продолжил: – Да знаете ли вы, что это за местность? Разве вы видели это сатанинское гнездо с мерзкими призраками в лунном свете, где каждая пылинка несет в себе частицу кошмарного чудовища? А зубы вампира на горле вы когда-нибудь ощущали?

Джонатан повернулся ко мне, взгляд его упал на мой лоб, и, протянув ко мне руки, он закричал:

– О Боже мой, чем мы прогневили Тебя и навлекли на себя весь этот ужас?!

Тут успокаивающе прозвучал ясный, уверенный голос профессора:

– О мой друг, конечно же, я уберегу мадам Мину; боже упаси, я никогда не возьму ее в это ужасное место. У нас еще много работы, не рассчитанной на ее присутствие. Кроме вас, Джонатан, все уже видели, что нужно делать, чтобы очистить это проклятое место. Но не забывайте, в каком ужасном положении мы находимся. Если граф ускользнет от нас – а он силен, ловок, хитер, – то на этот раз он сможет проспать хоть целое столетие, и тогда наша дорогая, – профессор взял меня за руку – составит ему компанию и станет такою же, как и те, которых вы, Джонатан, видели. Вы рассказывали нам об их жаждущих губах, вы слышали их чудовищный смех, когда они схватили шевелящийся мешок, брошенный им графом. Вы содрогаетесь, а ведь все это может случиться. Простите меня за то, что я причиняю вам такую боль, но это неизбежно. Друг мой, разве все это не жестокая необходимость? Ради нее, может быть, и я буду вынужден пожертвовать жизнью. Ведь если кому-то и придется пойти в то логово и составить им компанию, то, конечно, именно мне.

– Делайте как хотите, – прошептал Джонатан, и рыдание сотрясло его с головы до ног. – Все мы в руках Божьих!

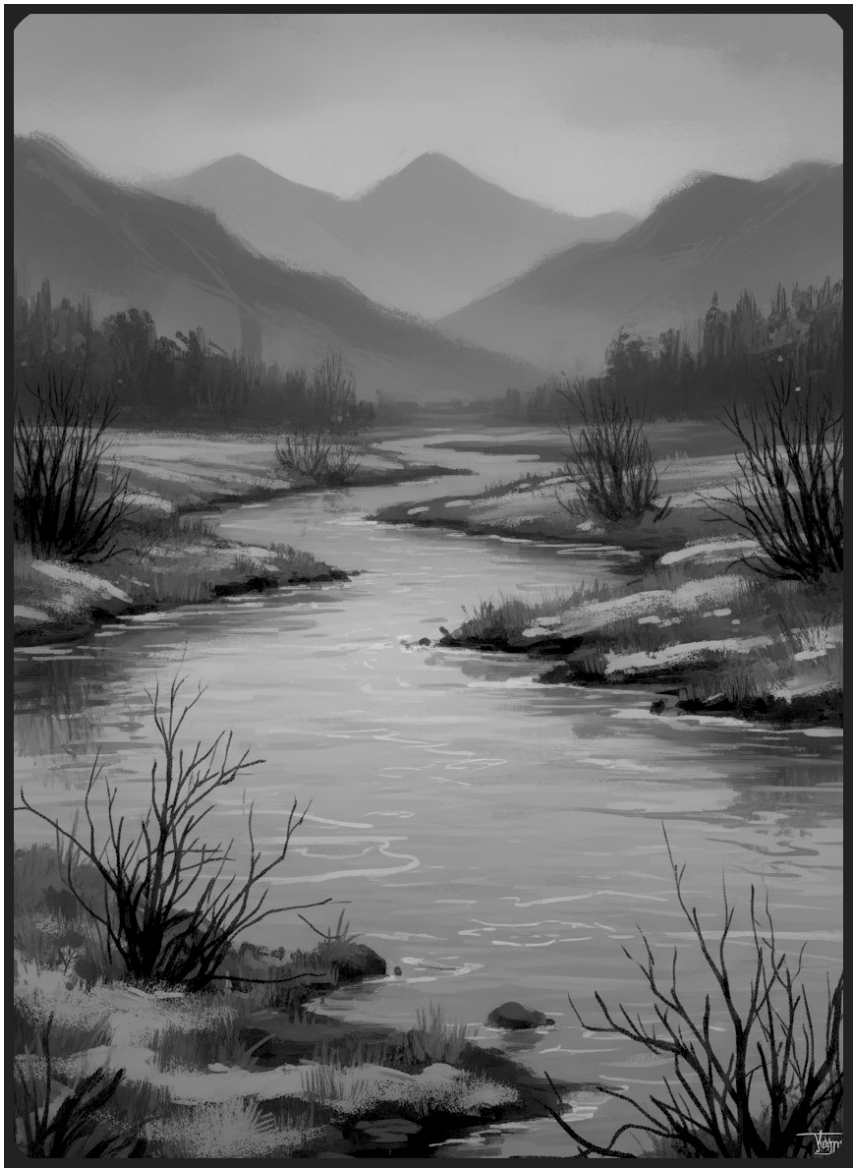
Позднее. О, до чего же приятно было видеть, как действуют эти отважные люди. И невольно я подумала: какая, однако, великая сила заключена в деньгах! Чего угодно можно добиться, если использовать их на благое дело. Я так рада, что лорд Годалминг богат и они с мистером Моррисом, у которого тоже много денег, могут так свободно распоряжаться ими. В противном случае наша экспедиция просто не состоялась бы, по крайней мере в столь сжатые сроки, и не была бы так хорошо оснащена. Лишь три часа прошло после нашего военного совета, а у лорда Годалминга и Джонатана уже очаровательный катер

под парами, готовый отплыть в любую минуту. У доктора Сьюворда и мистера Морриса – полдюжины отличных лошадей в полном снаряжении. И у всех – подробные карты, путеводители, справочники. Мы же с профессором Ван Хелсингом вечерним поездом в 11.40 отправляемся в Верешти, где найдем экипаж и поедем в ущелье Борго. Денег мы берем с собой много – надо купить лошадей и экипаж. Править будем сами – в данном случае нельзя доверяться посторонним. Профессор знает много языков, так что как-нибудь управимся. У нас у всех есть оружие, даже у меня – револьвер. Джонатан просто места себе не находил, пока и меня не вооружили, как остальных. Увы, духовным оружием я, отмеченная дьявольской стигмой, воспользоваться не могу. Дорогой профессор Ван Хелсинг утешает меня тем, что с такой отметиной на лбу мне никакие волки не страшны. С каждым часом становится холоднее, падают и тут же тают первые снежинки.

Позднее. Пришлось собрать все силы, чтобы проститься с Джонатаном. Может случиться, что мы больше не увидимся. Мужайся, Мина! Профессор проницательно и предостерегающе смотрит на меня. Не надо слез, пусть они с Божьего соизволения прольются в час радости.

ДНЕВНИК ДЖОНАТАНА ХАРКЕРА

30 октября, ночью. Пишу при свете пылающей топки нашего катера, а лорд Годалминг разводит пары. Он хорошо управляется с катером, имея большой опыт: у него с давних пор свой катер на Темзе и еще один на Норфолкском побережье. Похоже, догадка Мины справедлива и граф, скорее всего, выбрал Сирет с впадающей в него Бистрицей. Мы рассчитали, что приблизительно на 47-м градусе северной широты река уходит в Карпаты. Ночью мы смело идем на большой скорости: река здесь широкая и полноводная. Лорд Годалминг отпустил меня отдохнуть – пока достаточно одного вахтенного. Однако мне не спится: могу ли я спать, зная, какая опасность грозит моей дорогой Мине, отправившейся в этот проклятый замок… Утешаюсь лишь тем, что все в руках Божьих. Но с этой верой легче было бы умереть, чем жить в водовороте кошмаров.



Мистер Моррис и доктор Сьюворд выехали верхом гораздо раньше нас. Они едут по правому берегу, пока довольно далеко от реки, по возвышенностям, откуда хорошо видно русло. Таким образом они сокращают путь, избегая речных изгибов. Чтобы не вызывать особого любопытства, пригласили двух местных сопровождать наших друзей на первых порах и присматривать за сменными лошадьми. Потом провожатых отпустят и будут справляться сами. Если нам удастся

объединиться, лошадей хватит всем, и даже для Мины есть лошадка с регулируемым седлом.

Да, мы затеяли безумное предприятие. Это стало ясно только теперь, когда сгустился сумрак: поднимающаяся от реки промозглая сырость вызывает дрожь, нас окружают таинственные голоса ночи.

Почти вслепую, на всех парах наш катер уходит все дальше в неведомый мир мрака и ужасов. Годалминг закрывает дверку топки…

31 октября. Путешествие продолжается. Наступило утро. Годалминг спит. Я – на вахте. Утро очень холодное. Впрочем, у нас теплые меховые куртки, да и приятно согревает тепло раскаленной топки. До сих пор обогнали лишь несколько открытых лодок, но ни в одной из них не было видно ящика или груза большого объема. Люди в лодках всякий раз, как мы наводили на них большой электрический фонарь, пугались, падали на колени и молились.

1 ноября, вечер. Никаких новостей; поиски пока безрезультатны. Уже вошли в Бистрицу, и, если наше предположение ошибочно, все пропало. Обогнали и осмотрели много лодок, больших и маленьких. Сегодня рано утром одна команда приняла нас за казенный катер и приветствовала, указав нам этим путь к решению многих проблем. В Фунду, где Бистрица впадает в Сирет, раздобыли румынский флаг, который теперь развевается над нашим катером. Ход оказался очень удачный: теперь на всех лодках, которые мы обгоняем, к нам относятся с необычайным почтением и охотно отвечают на наши вопросы. Уже несколько словаков сказали, что видели очень большую лодку, которая неслась, как на крыльях, с двойной командой на борту. Но все они видели ее до своего прихода в Фунду, поэтому не могли сказать, повернула ли она в Бистрицу или пошла прямо по Сирету. В Фунду об этой таинственной лодке ничего не знали, возможно, она прошла ночью. Просто умираю – так хочется спать, видимо, сказывается холод, да и измученный постоянным бдением организм берет свое… Лорд Годалминг настаивает на том, чтобы первым отстоял вахту он. Да хранит его Господь за всю его доброту к моей бедной Мине и ко мне!

2 ноября, утро. День уже в разгаре. Мой добрый друг не стал будить меня. Говорит, что это было бы просто грешно – так безмятежно я спал, забыв обо всех несчастьях. Конечно, это просто свинство с моей стороны – заставить Артура дежурить всю ночь. Но он прав, сегодня утром я совершенно другой человек. Теперь он спит, а я делаю все необходимое – слежу за двигателем, управляю судном и осматриваю окрестности. Сила и энергия вернулись ко мне.

Где же теперь Мина и Ван Хелсинг? До Верешти они добрались, наверное, в среду к полудню. Некоторое время у них уйдет на покупку экипажа и лошадей. Значит, если они ехали быстро, то теперь должны быть в ущелье Борго. Да поможет им Господь! Страшно подумать, что может случиться… Если бы только мы могли прибавить ходу! Но это уже невозможно, двигатель работает на пределе.

Интересно, как дела у доктора Сьюворда и мистера Морриса. Бесчисленные ручьи стекают с гор в реку, правда, в это время года они невелики и потому для всадников не помеха, зимой же, наверное, ужасны, а при таянии снегов просто непроходимы. Надеюсь, мы увидим наших друзей где-то перед Страсбой; если до этого не догоним графа, надо будет посоветоваться, что делать.

ДНЕВНИК ДОКТОРА СЬЮВОРДА

2 ноября. Три дня в пути. Никаких новостей, впрочем, если бы они и были, нет времени их описывать – дорога каждая минута. Останавливаемся только для того, чтобы дать отдохнуть лошадям, сами чувствуем себя прекрасно. Эти напряженные, полные приключений дни благотворно действуют на нас. Нужно спешить; на душе скребут кошки, не успокоимся, пока не увидим плывущий по реке катер.

3 ноября. В Фунду узнали, что катер пошел вверх по Бистрице. Холодина страшная, как хочется тепла. Только бы не пошел снег! Глубокие сугробы могут помешать нам. Тогда придется продолжать путь по-русски – на санях.

4 ноября. Сегодня узнали, что катер что-то задержало у порогов на Бистрице. Словацкие лодки проходят их благополучно с помощью веревок, при умелом управлении. Кое-кто из словаков только что оттуда. Впрочем, лорд Годалминг – механик-любитель, очевидно, ему удалось наладить катер. Так что с помощью местных жителей они в конце концов благополучно миновали пороги и возобновили погоню. Боюсь только, катер все-таки пострадал: крестьяне говорят, что видели, как он несколько раз останавливался, пока не скрылся из виду. Надо очень спешить, может потребоваться наша помощь.

ДНЕВНИК МИНЫ ХАРКЕР

31 октября. В полдень приехали в Верешти. Профессор говорит, что сегодня на рассвете ему едва-едва удалось меня загипнотизировать. «Темно и тихо» – вот все, что я сказала. Он пошел покупать экипаж и лошадей, которых намерен потом менять на

перегонах. Нам предстоит проехать более семидесяти миль. Местность очень живописная, при иных обстоятельствах мы бы получили большое удовольствие от пребывания здесь. Какое счастье было бы путешествовать здесь вдвоем с Джонатаном, останавливаться, беседовать с людьми, узнавать, как они живут, воспринимать яркие краски этой дикой прекрасной страны и ее странных, но привлекательных жителей! Увы!

Позднее. Вернулся профессор. Он достал лошадей. Мы пообедаем и через час тронемся. Хозяйка готовит нам целую корзину провизии – хватило бы на целый отряд солдат. Ван Хелсинг одобряет ее и нашептывает мне, что, может быть, целую неделю негде будет раздобыть хорошей еды. Еще он закупил меховые пальто, одеяла и другие теплые вещи. Уж, по крайней мере, не замерзнем в дороге.

Скоро выезжаем. Боюсь даже думать, что нам грозит. Поистине мы в руках Божьих. Только Он знает, что нас ждет, и я из глубин своей измученной, но полной смирения души молю Его сохранить моего возлюбленного мужа. И что бы ни случилось, пусть Джонатан знает: я любила его так, что словами этого не выразишь, и моя последняя мысль будет о нем.

Глава XXVII

ДНЕВНИК МИНЫ ХАРКЕР

1 ноября. Весь день ехали в страшной спешке. Лошади, вероятно, чувствуют, когда к ним хорошо относятся, и несутся во весь опор. Мы уже несколько раз меняли упряжки; обстоятельства складываются благоприятно – может быть, и все путешествие пройдет удачно. Профессор Ван Хелсинг немногословен: он объясняет крестьянам, что спешит в Бистрицу, и хорошо платит за смену лошадей. Наспех глотаем горячий суп, кофе или чай и едем дальше.

Местность очень живописна, много прекрасных и разнообразных пейзажей, люди смелые, сильные, простые и очень-очень суеверные. В первом же доме, где мы остановились, женщина, прислуживавшая нам, заметив отметину у меня на лбу, перекрестилась и подняла два пальца, чтобы уберечься от дурного глаза. Кажется, она даже положила двойную порцию чеснока в нашу еду, а я его совершенно не выношу. С тех пор не снимаю шляпу или вуаль, чтобы избежать ненужных подозрений.

Едем без кучера, но очень быстро, а значит, опережаем нелепые слухи о себе, однако боязнь дурного глаза, наверное, будет преследовать нас постоянно. Профессор просто неутомим. Весь день он правил, меня же уговаривал поспать. На закате он провел со мной сеанс гипноза; говорит, что ничего нового я не сказала: «Темно, журчание воды, скрип дерева»; видимо, наш враг все еще на реке. Боюсь думать о Джонатане, хотя уже не испытываю страха ни за него, ни за себя.

Пишу в доме фермера в ожидании лошадей. Профессор Ван Хелсинг спит. Бедняжка, он такой усталый, постаревший, седой, но даже во сне вид у него решительный. Когда тронемся в путь, я заставлю его отдохнуть и буду править сама. Объясню ему, что впереди еще несколько дней пути и он должен беречь силы… Все готово, скоро отправляемся.

2 ноября, утро. Мне удалось его уговорить, и всю ночь мы правили по очереди. Наступает день, ясный, но холодный. В воздухе – странная тяжесть, я пишу «тяжесть», так как не могу подобрать более точное слово. Что-то гнетет нас обоих. Очень холодно; выручает теплая

меховая одежда. На рассвете Ван Хелсинг загипнотизировал меня и получил в ответ: «Темно, скрип дерева, сильный шум воды» – похоже, течение реки меняется. Надеюсь, мой милый избежит опасности – ну, пусть она будет не такой большой; мы все в руках Божьих…

2 ноября, ночь. Целый день быстрой езды. Местность становится все более дикой, необитаемой. Громады Карпатских гор, казавшиеся в Верешти такими далекими, маячившими на горизонте, теперь обступили нас со всех сторон. Профессор Ван Хелсинг говорит, что утром мы будем уже в ущелье Борго. Дома попадаются редко, профессор считает, что больше мы уже не сможем поменять лошадей. Последний раз мы сменили двух лошадей, и ему удалось раздобыть еще двух, так что сейчас в нашей упряжке четыре лошади. Все выносливые, послушные и не причиняют нам никаких беспокойств. Теперь маловероятна встреча с людьми, поэтому я могу свободно править. В ущелье Борго мы будем на рассвете, раньше нам и не нужно, так что едем медленнее, давая друг другу подольше отдыхать. Ох, что-то ждет нас завтра?! Попробуем разыскать место, где мой милый так настрадался. Да поможет нам Бог выехать на правильный путь, да сохранит Он моего мужа и тех, кто нам дорог и подвергается смертельной опасности. Я же не достойна Его. Увы! Для Него я нечистая и останусь таковой, пока Он не осенит меня Своей благодатью.

ЗАПИСИ АБРАХАМА ВАН ХЕЛСИНГА

4 ноября. Эти записи предназначены моему старому и верному другу Джону Сьюворду, доктору медицины, проживающему в Перфлите, Лондон, в случае, если я его не увижу. Надеюсь, они помогут ему кое в чем разобраться.

Утро, пишу при свете догорающего костра; мадам Мина всю ночь помогала мне поддерживать огонь. Холодно, очень холодно, серое тяжелое небо набухло снегом, который валит и валит – и ложится, похоже, уже на всю зиму.

Кажется, погода подействовала и на мадам Мину: она как-то отяжелела, стала вялой, непохожей на себя – спит, спит и спит! Обычно такая энергичная и живая, она сегодня ничего не делала и начисто утратила аппетит. Даже перестала делать записи в своем блокнотике – это она-то, раньше использовавшая для дневника любую паузу. Чувствую, что-то тут не то. Однако к вечеру она оживилась. Сон ее освежил, подбодрил, и теперь она весела и мила, как обычно. На закате я попытался ее загипнотизировать, но – увы! – ничего не

вышло; мое влияние ослабевало с каждым днем, а сегодня и вовсе свелось к нулю. Ну что ж, на все воля Божья, что бы там ни случилось!

Теперь – к фактам. Поскольку мадам Мина больше не ведет стенографические записи, придется это делать мне своим нескладным старомодным почерком, чтобы ни один наш день не был пропущен.

В ущелье Борго мы въехали вчера после восхода солнца. Заметив признаки рассвета, я остановил экипаж, мы сошли на землю и подготовились к сеансу гипноза. Я постелил меховое ложе, мадам Мина легла и с величайшим трудом на очень короткое время впала в транс. Единственное, что я от нее услышал, было все то же: «Темно, журчание воды». Потом она пришла в себя, веселая и радостная. Мы продолжили наш путь и скоро были в ущелье. Тут к мадам Мине словно вернулось ее прежнее ясновидение – она указала на какую-то дорогу и сказала:

– Нам сюда.

– Откуда вы знаете? – спросил я.

– Знаю, разве мой Джонатан здесь не ездил и не описал свое путешествие?

Сначала мне это показалось странным, но, присмотревшись, я увидел, что тут только одна такая заброшенная дорога, столь отличная от широкого, наезженного большака, ведущего из Буковины в Бистрицу.

Мы поехали по этой дороге и теперь, когда нам встречаются другие, такие же заброшенные, засыпанные свежим снегом, предоставляем выбор лошадям: они сами чуют путь. Я отпускаю поводья, и наши смышленые лошадки ведут нас прямо к цели. Начинаем узнавать места, которые описывал Джонатан в своем замечательном дневнике. И все едем и едем, долгие часы. Я попросил мадам Мину отдохнуть – поспать, и она заснула. Теперь все время спит, я уже начинаю беспокоиться и пытаюсь разбудить ее. Но она продолжает спать. Конечно, я не очень ее тормошу, боясь ей повредить: все-таки она слишком много страдала, и сон для нее – это все. Кажется, я и сам задремал, потому что внезапно остро ощутил чувство вины, как будто сделал что-то не то; вдруг осознаю, что сижу с поводьями в руках, а добросовестные лошади не спеша бредут вперед. Мадам Мина все еще спит. Солнце клонится к закату, и поверх снега струятся золотистые потоки солнечного света, а наш экипаж отбрасывает длинную тень на крутую гору, ибо мы по-прежнему поднимаемся вверх, и все вокруг такое дикое и каменистое, словно это край света.

Бужу мадам Мину энергичнее. На этот раз она просыпается довольно легко, и я пытаюсь загипнотизировать ее. Но она не поддается гипнозу. Я не прекращал попыток, пока мы не оказались в полной темноте – солнце зашло. Мадам Мина смеется, я оборачиваюсь и смотрю на нее. Она совсем проснулась и выглядит просто замечательно, последний раз это было в ту ночь, когда мы впервые пошли в дом графа в Карфаксе.

Я удивлен, и мне как-то не по себе, но она так мила, внимательна, предупредительна, что мои страхи отступают. Развожу огонь, ведь у нас с собой запас дров, она готовит ужин, а я распрягаю лошадей, привязываю их, кормлю. Когда я возвращаюсь к костру, ужин уже готов. Хочу положить ей еду, но она с улыбкой говорит, что уже поела – от голода даже не смогла меня дождаться. Мне это не нравится, у меня возникли серьезные сомнения, но пугать ее не хочется, и я молчу. Завернувшись в меха, устраиваемся на ночлег поближе к костру. Уговариваю Мину поспать, пока я буду сторожить ее сон. Однако вскоре забываю об осторожности и впадаю в дремоту, а когда вдруг, спохватившись, вспоминаю, то вижу, что она лежит тихо, не спит и смотрит на меня странно блестящими глазами. Это повторяется несколько раз, и к утру мне все-таки удается выспаться.

Проснувшись, пытаюсь загипнотизировать ее, но увы! Она, хотя и закрывает послушно глаза, гипнозу не поддается. Солнце поднимается все выше и выше, мадам Мина засыпает, да так крепко, что никак не могу ее добудиться. Пришлось перенести ее в экипаж. Поразительно, но во сне она выглядит здоровее и румянее. Ох, не нравится мне это. Я боюсь, боюсь, боюсь! Боюсь всего, даже думать, но я должен продолжать свой путь. На карту поставлены и жизнь, и смерть, и даже нечто большее, мы не должны отступать.

5 ноября, утро. Запишу все точно, по порядку. Хотя нам обоим и довелось повидать много необычного, опасаюсь, как бы вы, друг Джон, не подумали, что все пережитые ужасы и нервное напряжение сказались на моем мозге и я, Ван Хелсинг, сошел с ума.

Вчера мы весь день ехали, углубляясь во все более дикую и пустынную горную местность. Встречаются огромные пропасти, много водопадов. Природа и здесь порой устраивает свои карнавалы. Мадам Мина все спит и спит. Я проголодался и поел, так и не сумев ее разбудить, чтобы накормить. Боюсь, чары этого мрачного места роковым образом действуют на нее, отмеченную вампирским крещением. «Ну что ж, – сказал я себе, – если необходимо, чтобы она спала весь день, придется мне не спать и ночью».

Дорога – плохая, старая, тряская, невольно голова моя поникла, и я заснул. Проснулся, вновь чувствуя себя виноватым, посмотрел на мадам Мину – она все еще спала, а солнце клонилось к закату. Окрестности изменились – хмурые горы, казалось, отдалились, а мы приблизились к крутому холму, вершину которого венчал замок, описанный Джонатаном. Смешанное чувство торжества и страха охватило меня – к добру или к худу, но мы приближаемся к развязке…

Я разбудил мадам Мину и вновь попытался загипнотизировать ее. Но – увы! – бесполезно. И прежде чем стало совсем темно – даже после заката солнечные лучи еще какое-то время отражались на снегу и царил полумрак, – я распряг лошадей, кое-как устроил их и покормил. Потом развел огонь и усадил рядом с ним закутанную в пледы мадам Мину, теперь очень бодрую и очаровательную.

Приготовил ужин, но есть она не стала, сказав просто, что не голодна. Я не настаивал, понимая тщетность уговоров. Сам поел, мне нужно было набраться сил за двоих. Затем, опасаясь, как бы чего не случилось, начертил большой круг вокруг мадам Мины и раскрошил по нему освященную облатку, тем самым оградив ее. Она сидела тихо, неподвижно, как покойница, и только все бледнела и бледнела, не говоря ни слова. Но когда я подошел к ней, бедная женщина прижалась ко мне, и с болью в сердце я почувствовал, что она вся дрожит. Когда она немного успокоилась, я сказал ей, желая кое-что проверить:

– Пойдемте к костру.

Мадам Мина послушно встала, сделала шаг вперед и остановилась как вкопанная.

– Почему вы остановились? – спросил я.

Она покачала головой и села на свое место. Затем, взглянув на меня широко открытыми глазами как бы только что проснувшегося человека, просто сказала:

– Не могу.

Я обрадовался: то, чего не может она, не могут и те, кого мы боимся. Значит, душа ее защищена!

Тут лошади начали фыркать, рваться на привязи – я подошел к ним; почувствовав мою руку, они негромко заржали, норовя лизнуть меня в щеку, и на время успокоились. За ночь я несколько раз подходил к ним, и каждый мой приход успокаивал их. В самый холодный час ночи, когда начал мести снег и опустился студеный туман, огонь стал угасать; я старался поддерживать его. Однако даже в темноте наблюдалось какое-то свечение, будто светился снег; мне

стало казаться, будто круговорот снежинок и клубящийся туман принимают форму женщин в длинных одеяниях. Царила гробовая тишина, лишь временами было слышно негромкое, испуганное ржание лошадей. Страх стал одолевать и меня, но мне удалось взять себя в руки: в пределах своего круга я был в безопасности. И все же не мог избавиться от мысли, что мои видения – следствие ночи, мрака, усталости и тревог. Передо мной словно оживали воспоминания об ужасных приключениях Джонатана: снежинки вдруг закружились в туманной мгле, приняв в конце концов облик тех призрачных женщин, которые хотели его поцеловать. Вот и лошади стали дрожать, жаться друг к другу и постанывать от страха, как человек от боли. Я испугался за мою дорогую мадам Мину, когда эти призрачные фигуры приблизились и окружили нас. Моя спутница сидела спокойно и улыбалась мне; когда же я двинулся к огню, чтобы поворошить дрова, она схватила меня за руку, потянула к себе и прошептала таким тихим голосом, какой мне приходилось слышать лишь во сне:

– Нет, нет! Не выходите! Здесь вы в безопасности!

Я повернулся и, глядя ей в глаза, спросил:

– А вы? Ведь я за вас боюсь!

Тут она тихо и неестественно засмеялась:

– Боитесь за меня! Чего ж за меня бояться? Уж мне-то их бояться нечего.

И пока я размышлял над смыслом ее слов, порыв ветра раздул пламя и осветил красный знак на ее лбу. И тогда – увы! – я понял. А если бы не понял в ту минуту, то понял бы чуть позднее, когда призрачные фигуры приблизились вплотную к кругу, не переступая, однако, его границу. Они стали материализоваться, и наконец, если только Господь не лишил меня рассудка, передо мной стояли три женщины, которых Джонатан видел в той злополучной комнате, где они соблазняли его. Гибкие фигуры, блестящие, холодные глаза, белые зубы, румяные щеки, сладострастные губы. Их смех звенел в ночной тишине, они улыбались бедной мадам Мине и, простирая к ней руки, шептали завораживающими, как хрустальные колокольчики, голосами:

– Приди, сестрица! Иди к нам! Иди, иди сюда!

В страхе я взглянул на мою бедную мадам Мину, и сердце у меня радостно забилось: в ее глазах застыли ужас, отвращение, страх, и это придало мне надежду. Слава богу, она еще не принадлежала им. Я схватил лежавшее рядом со мной полено и, держа перед собой облатку, двинулся на них, одновременно приближаясь к костру. Они стали отступать и ужасно при этом хохотали. Я подбросил дров в

огонь, и страх покинул меня: мы были защищены от этих дьявольских созданий, я – Святыми Дарами, мадам Мина – магическим кругом, из которого она не могла выйти и в который они не смели войти. Лошади перестали стонать и легли на землю, снег мягко ложился на них белым покровом. Им тоже больше нечего было бояться.

Так мы дождались рассвета. Мне было одиноко и очень страшно, но при виде прекрасного, восходящего на горизонте солнца я ожил. С первыми же признаками рассвета жуткие фигуры растворились в темных клубах тумана и снега, двинувшихся в сторону замка.

На рассвете я машинально повернулся к мадам Мине, намереваясь подвергнуть ее гипнозу, но она спала так крепко, что мне не удалось ее разбудить. Попробовал загипнотизировать спящую, но безрезультатно. Наступил день. Все еще боюсь двинуться с места. Развел огонь и подошел к лошадям – все они были мертвы…

У меня сегодня много дел, но, пожалуй, подожду, пока солнце поднимется повыше: мне придется наведаться в такие места, где солнечный свет, несмотря на снег и туман, возможно, послужит мне защитой.

Подкреплюсь завтраком, а потом займусь ужасным делом. Мадам Мина все еще спит. Слава богу! Сон ее спокоен…

ДНЕВНИК ДЖОНАТАНА ХАРКЕРА

4 ноября, вечер. Авария на катере очень подвела нас. Если бы не она, мы бы уже давно догнали лодку, и теперь моя дорогая Мина была бы свободна. Боюсь даже думать о ней, где-то она теперь? Наверное, уже на пустынном нагорье, совсем рядом с ужасным замком. Мы достали лошадей и собираемся продолжить погоню. Пишу, пока лорд Годалминг готовит все к отъезду. Мы вооружены. Цыганам придется плохо, если вздумают с нами схватиться. Эх, если бы нам еще встретиться с Моррисом и Сьювордом! Будем надеяться! Похоже, больше писать не придется, прощай, Мина! Да благословит и сохранит тебя Господь!

ДНЕВНИК ДОКТОРА СЬЮВОРДА

5 ноября. На рассвете мы увидели цыган, отъезжавших от реки. С ними была арба, которую они окружили со всех сторон и так спешили, точно их преследовали. Падает легкий снег, в воздухе ощущается странное волнение. Может быть, мы сами его излучаем. Вдали слышен вой волков, снегопад гонит их с гор. Опасности подстерегают нас на каждом шагу. Лошади почти готовы, скоро двинемся в путь. Мчимся

навстречу смерти. Одному Богу известно, кто, где, когда и как…

ЗАПИСИ ПРОФЕССОРА ВАН ХЕЛСИНГА

5 ноября, полдень. По крайней мере, я еще в здравом уме. Благодарю Бога за эту благодать, хотя доказательство было ужасным. Оставив спящую мадам Мину в священном круге, я направился к замку. Там мне пригодился кузнечный молот, который я захватил в Верешти: хотя все двери были открыты, я сбил их с петель, чтобы по чьей-нибудь злой воле или нелепой случайности они не захлопнулись и я не оказался бы взаперти. Горький опыт Джонатана сослужил мне службу. Хорошо помня его записи, я нашел старую часовню: тут-то мне и предстояла работа. Воздух внутри был тяжелым. Мне почудился запах серы, от которого временами кружилась голова. То ли у меня шумело в ушах, то ли вдали вправду послышался вой волков. Подумал о бедной мадам Мине, и ужасная дилемма встала передо мной.

Я не рискнул взять ее сюда, а оставил в недоступном вампирам круге, но волк-то мог войти в него! И все-таки я решил закончить свое дело здесь, а в остальном положиться на волю Божью. В крайнем случае бедной женщине грозит лишь смерть и последующее искупление. Итак, я сделал за нее выбор. Если бы речь шла обо мне, выбор был бы легким: я бы предпочел утробу волка могиле вампира! И я продолжил работу.

Зная, что здесь должно быть по крайней мере три обитаемых гроба, я начал искать и искал до тех пор, пока наконец не нашел один. В нем спала женщина сном вампира, полная жизни и столь сладострастно-прекрасная, что я невольно содрогнулся: неужели мне придется убить ее? О, я уверен, у многих, намеревавшихся до меня исполнить подобный ритуал, в последнюю минуту сдавали нервы. Они медлили, откладывали, оттягивали, пока наконец красота и прелесть порочной «бессмертной» не сковывали их по рукам и ногам. Но вот солнце скрывалось за горизонтом, и вампир просыпался. Прекрасные глаза восхитительной женщины смотрели с любовью, сладострастные губы раскрывались для поцелуя, и – человек слаб! – в объятиях вампира оказывалась новая жертва, пополнявшая страшные, безжалостные ряды «живых мертвецов»!..

Соблазн, наверное, действительно очень велик, если даже меня взволновало это существо, хотя оно и лежало в гробу, изъеденном временем, в пыли, копившейся веками, окутанное ужасным смрадом, царившим во всех убежищах графа. Да, меня это зрелище взволновало – меня, Ван Хелсинга, – несмотря на мою цель, решимость и

ненависть; возникло желание еще немного помедлить, тут же парализовавшее мою волю. Возможно, сказалось недосыпание и что-то гнетущее в воздухе – сон стал одолевать меня, сон человека с открытыми глазами, постепенно поддающегося сладостному очарованию. Но тут сквозь снежную пелену пробился протяжный, негромкий, горестный крик, пробудивший меня, как звук горна. Это был голос моей дорогой мадам Мины.

Тогда силы вернулись ко мне, и я занялся ужасным делом. Открывая подряд крышки гробов, я нашел еще одну сестру, брюнетку. Я не стал смотреть на нее, чтобы не поддаться ее дьявольскому очарованию, и продолжал поиски, пока наконец в большом высоком гробу, сделанном явно для очень любимой женщины, не обнаружил белокурую сестру, которую я, как и Джонатан, уже видел. Она была просто ослепительна и так утонченно-чувственна, что во мне проснулся мужской инстинкт и голова просто закружилась от невольного волнения. Но, слава богу, вырвавшийся из глубины души крик моей дорогой мадам Мины еще звучал в моих ушах. И прежде чем чары блондинки успели полностью парализовать мою волю, я ревностно принялся за работу. После осмотра всех гробов в часовне стало ясно: кроме этих трех, других «бессмертных» здесь больше нет. Особняком стоял гроб колоссальных размеров, был он величественнее остальных и необычайно изысканной формы. На нем значилось лишь одно-единственное слово:

ДРАКУЛА

Итак, вот оно, логово короля вампиров, которому столь многие хотели вернуть долг. Пустота гроба говорила сама за себя. Прежде чем заниматься женщинами, я положил в гроб Дракулы облатку и тем самым изгнал его, «живого мертвеца», оттуда навсегда.

Затем приступил к выполнению тяжкого долга. О, если бы речь шла хотя бы об одной, это еще куда ни шло. Но три! Трижды проходить через один и тот же кошмар! Если это было так ужасно в случае с милой мисс Люси, чего же можно ожидать от этих незнакомок, переживших века, окрепших с течением времени, если бы они могли бороться за свои осквернённые жизни…

О мой друг Джон, это была работа мясника; если бы не мысль о той, умершей, и этой, живой, над которой нависла такая опасность, я бы не смог довести дело до конца. Дрожь не оставляет меня до сих пор, хотя, слава богу, мои нервы выдержали. Если бы я не увидел выражение покоя и последующей радости на лице первой женщины

перед ее обращением во прах, то есть миг торжества души, то не смог бы продолжить это кровопролитие и в ужасе бежал…

Но вот и все. Теперь мне жаль эти бедные души, я оплакиваю их, думая о том, что им пришлось пережить, и вспоминая промелькнувшее на их лицах выражение блаженного покоя перед превращением в пригоршню праха. Друг Джон, едва я отсекал им головы, как их тела рассыпались, обращаясь в пыль, будто смерть, которая должна была наступить несколько веков назад, лишь теперь настигала их.

Прежде чем покинуть замок, я так заделал все входы, чтобы граф уже никогда не смог войти в него «живым мертвецом».

Когда я вернулся к мадам Мине, она, увидев меня, закричала:

– Скорее! Покинем это ужасное место! Пойдемте навстречу моему мужу, который, я чувствую, уже близко.

Худая, бледная, слабая, но с ясным взглядом, излучавшим энергию.

Я не расстроился из-за ее бледности и болезненного вида, кошмарные воспоминания о безмятежно спящих румяных вампирах были еще слишком свежи.

Итак, с надеждою, хотя и не без страха, мы идем навстречу друзьям и, как уверяет мадам Мина, Ему.

ДНЕВНИК МИНЫ ХАРКЕР

6 ноября. День уже клонился к вечеру, когда мы с профессором отправились на восток навстречу Джонатану. Мы брели медленно, хотя дорога шла круто под гору, сгибаясь под тяжестью одеял и теплых вещей – без них невозможно было обойтись в такой холод и снег. Пришлось также взять и провизию – мы были в полном одиночестве; в окружавшей нас снежной мгле – никаких признаков жилья.

Пройдя около мили, я устала и села отдохнуть. Оглянувшись, увидела на фоне неба четкий силуэт замка Дракулы, венчающего вершину того утеса, у подножия которого мы находились, – отсюда открывался чудесный вид на Карпатские горы, расположенные, как казалось, гораздо ниже. Замок предстал перед нами во всем своем величии, на краю пропасти, отделявшей его со всех сторон от соседней крутой горы. Местность была дикой и таинственной. Вдали слышался вой волков – приглушенный пеленой снегопада, он, несмотря на отдаленность, не мог не вызывать страх. Судя по тому, как профессор Ван Хелсинг осматривал окрестности, я поняла, что он ищет безопасное место, куда мы могли бы укрыться в случае нападения. Каменистая, слегка припорошенная снегом дорога по-прежнему вела

вниз.

Вскоре профессор позвал меня. Он нашел замечательное место, нечто вроде естественной пещеры в скале. Ван Хелсинг взял меня за руку и ввел внутрь.

– Здесь вы будете в безопасности, а если нагрянут волки, я разделаюсь с ними по очереди.

Он принес наши меховые одеяла, приготовил уютное ложе для меня и, достав еду, стал уговаривать меня поесть. Но я не могла проглотить ни кусочка, и, как мне ни хотелось сделать ему приятное, мне не удалось себя пересилить. Профессор расстроился, но ничего не сказал. Вытащив из сумки бинокль, он поднялся на ближайший валун и стал обозревать округу.

– Посмотрите! Мадам Мина, скорее! Взгляните!

Я быстро поднялась к нему; он дал мне бинокль и показал, куда смотреть. Неистово кружился густой снег, дул сильный ветер. Однако временами снегопад стихал, и тогда можно было разглядеть окрестности. С высоты даже сквозь снежную пелену угадывалась извивающаяся черная лента реки, а навстречу нам, уже совсем рядом – я удивилась, как это мы не заметили их раньше, – мчалась группа всадников. Они окружали арбу, которая, виляя, как собачий хвост, неслась по неровной дороге. Фигуры всадников четко вырисовывались на снежном фоне, и, судя по одежде, это были крестьяне или цыгане.

На повозке лежал большой прямоугольный ящик. Сердце у меня ёкнуло – я почувствовала приближение развязки. Наступал вечер, и я прекрасно понимала, что существо, находившееся в ящике, на закате обретет свободу и, приняв один из своих многочисленных обликов, вновь ускользнет от нас.

В тревоге я повернулась к профессору – к моему изумлению, его рядом не оказалось. Он был уже внизу – чертил вокруг скалы защитный круг. Вернувшись ко мне, он сказал:

– По крайней мере, так вы будете защищены от него!

Ван Хелсинг взял у меня бинокль. Тут как раз снегопад на время прекратился, и все стало ясно видно.

– Обратите внимание, как они гонят лошадей, скачут во весь дух. – Помолчав, он глухо добавил: – Хотят успеть до захода солнца. Мы можем опоздать. Да поможет нам Бог!

Снова пошел густой снег и скрыл все из виду. Но скоро прекратился, и Ван Хелсинг опять припал к биноклю.

– Смотрите! Скорее! Скорее! – вдруг закричал он. – С юга скачут два всадника. Это, наверное, Квинси и Джон. Возьмите бинокль!

Взгляните, пока не запорошило снегом.

Я посмотрела в бинокль. Всадниками, вероятно, были доктор Сьюворд и мистер Моррис. Во всяком случае, не Джонатан. Оглядевшись, я увидела к северу от них еще двух всадников, мчавшихся во весь опор, и сразу почувствовала, что один из них – Джонатан, а другой, конечно, лорд Годалминг. Они тоже преследовали повозку. Когда я сказала об этом профессору, он от радости по-мальчишески вскрикнул и, внимательно следя за развитием событий, на всякий случай, пока вновь не повалил снег, приладил винчестер при входе в наше убежище.

– Они приближаются, – пояснил он. – Видимо, скоро придется столкнуться с цыганами, а их много.

Я приготовила свой револьвер – вой волков слышался все громче. Когда метель снова затихла, мы вновь приникли к биноклю. Невероятно: у нас тут шел снег, то и дело налетала метель, а там, дальше, ярко сияло солнце, клонившееся все ниже к вершинам дальних гор. Оглядывая окрестности в бинокль, я заметила на снегу движущиеся темные точки: волки – в одиночку, малыми и большими группками они, словно почуяв добычу, сбегались со всех сторон.

Минуты ожидания казались вечностью. Сильные порывы ветра вьюжными вихрями взметали снег, порой ничего не было видно даже в метре от нас, но иногда завывающий ветер разгонял метель, все прояснялось, и мы могли обозревать округу. Последнее время мы так часто наблюдали восход и заход солнца, что уже точно знали, когда и как это произойдет; вот и сейчас было ясно, что скоро оно зайдет. Трудно было поверить в то, что мы провели в нашем скалистом убежище менее часа.

Меж тем всадники значительно приблизились. Подул северный ветер – сильный и устойчивый, он разогнал мрачные тучи, и снег если и шел, то редкий. Теперь мы могли беспрепятственно обозревать всю панораму. Преследуемые, казалось, не замечали погони или не обращали на нее никакого внимания, однако, когда солнце спустилось еще ниже к вершинам гор, они стали, как бешеные, нахлестывать лошадей.

Расстояние сокращалось. Мы с профессором, держа наготове оружие, затаились за нашим валуном. Я видела, что Ван Хелсинг собран и сосредоточен, полон решимости не пропустить цыган.

Вдруг два голоса прокричали по-немецки:

– Стой!

Один – голос моего Джонатана, крайне взволнованный; другой –

мистера Морриса, прозвучавший спокойно и решительно, как приказ. Цыгане, вполне вероятно, не знали немецкого, но тон, который они не могли не расслышать, исключал всякие сомнения относительно его смысла. Они невольно притормозили, и тут же их нагнали с одной стороны лорд Годалминг и Джонатан, с другой – доктор Сьюворд и мистер Моррис.

Вожак цыган, смуглый красавец, сидевший в седле как влитой – настоящий кентавр! – резким голосом приказал своим товарищам не останавливаться. Они хлестнули лошадей, и те рванулись вперед. Тогда наши мужчины вскинули винчестеры. В то же мгновение профессор Ван Хелсинг и я поднялись из-за камня, направив на бродяг свое оружие. Видя, что они окружены, цыгане натянули поводья и остановились. Вожак сказал им что-то, и они, вынув ножи и пистолеты, приготовились к нападению.

Вперед выехал вожак и, указав сначала на заходящее солнце, потом – на замок, что-то сказал, я не разобрала, что именно. Тогда четверо наших мужчин, быстро спешившись, бросились к повозке. Наверное, мне следовало бы испугаться, ведь Джонатан подвергался такой опасности, но азарт схватки, видимо, подействовал и на меня, так как я испытывала не страх, а лишь неистовое, непреодолимое желание что-то сделать.

Цыганский вожак отдал какое-то приказание, которое его люди с необычайным усердием бросились, толкая друг друга, исполнять, – мгновенно окружили арбу. Я видела, что Джонатан с одной стороны, а Квинси – с другой пытаются прорваться сквозь живое кольцо; они явно стремились закончить дело до захода солнца. Казалось, ничто не могло остановить их – ни наведенные на них пистолеты, ни сверкающие ножи, ни вой волков позади, как будто рассчитанный на то, чтобы отвлечь их внимание. Стремительность и безоглядная решимость Джонатана, похоже, вызвали благоговейный страх у цыган, они невольно пропустили его.

Он тут же вскочил на арбу и с невероятной, неведомо откуда взявшейся силой поднял огромный ящик и швырнул его на землю. Тем временем мистеру Моррису пришлось силой пробиваться сквозь кольцо цыган. Я, затаив дыхание, следила за Джонатаном, не упуская из виду и мистера Морриса, который отчаянно рвался вперед, пока кто-то из цыган не нанес ему ножевой удар. Продолжая ловко отбиваться своим длинным охотничьим ножом – мне даже показалось, что он вышел из схватки целым и невредимым, – мистер Моррис приблизился к Джонатану, который уже соскочил с арбы, и тут только

я увидела, что он прижимает левую руку к боку и кровь струится у него между пальцев. Однако, несмотря на рану, он бросился на помощь Джонатану. Тот отчаянно пытался своим гуркхским кинжалом приподнять крышку ящика с одной стороны, а мистер Моррис охотничьим ножом делал то же самое с другой. Наконец гвозди со скрипом поддались, и крышка была сорвана…

К этому моменту цыгане под прицелом винчестеров лорда Годалминга и доктора Сьюворда прекратили сопротивление. Солнце уже почти касалось горных вершин, тени людей четко вырисовывались на снегу. Я увидела полуприсыпанного землей графа, лежавшего в треснувшем при падении с арбы ящике. На его восковом, мертвенно-бледном лице выделялись зловеще красные глаза, в которых тлело хорошо мне знакомое выражение ненависти; они были прикованы к заходящему солнцу, в них уже сверкнуло торжество…

Но в тот же миг кинжал Джонатана настиг его. Я вскрикнула – кривое лезвие рассекло вампиру горло, и почти одновременно охотничий нож мистера Морриса пронзил ему сердце.

На наших глазах произошло чудо: в одно мгновение тело графа превратилось в прах. Но перед этим на его лице появилось выражение несказанного покоя – в течение всей своей последующей жизни я буду радоваться этому, ибо и представить себе не могла такое благостное выражение на этом страшном лице.

Замок Дракулы четко вырисовывался на фоне багряного неба, и в последних солнечных лучах был ясно виден каждый камень

полуразрушенных зубчатых стен.

Цыгане, посчитавшие нас виновниками необычного исчезновения покойника, не говоря ни слова, развернулись и уехали, явно опасаясь за собственную жизнь. У кого не было лошадей, вскочили на арбу и крикнули всадникам, чтобы те их подождали. Волки, уже ретировавшиеся на порядочное расстояние, последовали за ними. Мы остались одни…

Мистер Моррис прилег на землю, опираясь на левый локоть и все так же держась за бок; кровь струилась у него сквозь пальцы. К нему бросились оба медика и я, более не удерживаемая священным кругом. Джонатан встал на колени подле раненого, тот положил ему голову на плечо и со вздохом взял меня за руку. Видимо заметив на моем лице тревогу, он улыбнулся мне и прошептал:

– Я более чем счастлив оттого, что смог помочь вам! О господи! – вдруг вскрикнул он, стараясь приподняться и указывая на меня. – Ради этого стоило умереть! Взгляните! Взгляните!

Солнце теперь находилось как раз на вершине горы, и его красноватый отблеск падал мне на лицо. Охваченные единым чувством, мужчины опустились на колени, и проникновенное «Амен» вырвалось у них.

– Слава богу, все было не напрасно! – воскликнул умирающий. – Посмотрите! Ее лоб чище снега! Проклятие снято!

И, к великому нашему горю, этот благородный человек тихо скончался с улыбкой на устах…

Эпилог

Семь лет минуло после тех тяжких испытаний, и я думаю, мы выстрадали свое счастье. Наш сын родился в день смерти Квинси Морриса. Мина видит в этом глубокий смысл, считая его духовным наследником нашего храброго друга. Его полное имя включает в себя имена всех наших друзей, но мы называем его Квинси.

Этим летом мы вновь побывали в Трансильвании и проехали по тем местам, которые по-прежнему вызывают в нас живые и ужасные воспоминания. Теперь очень трудно поверить в реальность того, что мы некогда видели своими глазами и слышали своими ушами. Не сохранилось никаких следов происшедшего. Лишь замок, как и прежде, возвышается над пустынной местностью.

Вернувшись домой, мы вспоминали прошлое, испытывая при этом светлую печаль; лорд Годалминг и доктор Сьюворд женились и

счастливы. Я достал дневниковые записи и весь тогдашний архив из сейфа, в котором они хранились с тех пор, как мы вернулись. Поразительно, но среди них едва ли наскребется пара настоящих документов – за исключением дневников Мины, доктора Сьюворда и моего собственного, а также записей профессора Ван Хелсинга, это в основном машинописные странички. Вряд ли кто-нибудь воспримет их – даже если бы у нас возникло такое желание – как неопровержимые доказательства той немыслимой истории, итог которой подвел, посадив нашего сына себе на колени, профессор Ван Хелсинг:

– Не нужно никаких доказательств, мы не требуем, чтобы нам верили! Но когда-нибудь этот мальчик узнает, какая смелая и благородная женщина его мать. Он уже познал ее доброту и любовь, а позднее поймет, за что так любили ее друзья, столь многим рисковавшие ради нее.

Джонатан Харкер

Примечания

1

Перевод романа осуществлен по изданию: *Stoker B.* The annotated Dracula. Introduction, Notes, and Bibliography by L. Wolf. N. Y: Clarkson N. Potter, Inc., 1975. *(прим. переводчика)*

2

В фильме Копполы роль Ван Хелсинга сыграл замечательный английский актер Энтони Хопкинс.

3

Письма Александра Блока к Е. П. Иванову. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936. С.66.

4

Блок А. Собр. соч.: В 6 т. Л., 1982. Т. 4. С.92–93.

5

Лавров А. В. «Другая жизнь» в стихотворении А. Блока «Было то в темных Карпатах»// Сборник статей к 70-летию проф. Ю. М. Лотмана. Тарту, 1992; Прямые параллели в цикле Кузмина и в кинофильме установлены Р. Д. Тименчиком. См.: *Богомолов Н.А*. Русская литература начала XX века и оккультизм. М.: Новое литературное

обозрение, 1999. С. 176, 493.

6

Цымбурский В. «Граф Дракула», философия истории и Зигмунд Фрейд// *Стокер Б.* Вампир граф Дракула. Кишинев: Ада, 1990. С. 353.

7

Аронсон О. Трансцендентальный вампиризм// Синий диван. Философско-теоретический журнал. Вып.15 (Сб. статей по теме вампиризма) / Сост. Елена Петровская. – М.: Три квадрата, 2010. С.40.

8

Хомми-Бег, т. е. Маленький Томми – дружеское прозвище на мэнском диалекте английского романиста Холла Кейна (1853–1931), близкого друга Б. Стокера. – *Здесь и далее примеч. перев.*

9

... самый западный из великолепных мостов... – Мост графа Сечени, связывающий Буду и Пешт, строился почти 20 лет – с 1804 по 1873 г., считался чудом своего времени. *(прим. переводчика)*

10

Клаузенбург – город в Центральной Трансильвании. Ныне румынский город Клуж. *(прим. переводчика)*

11

«Королевская».

12

Здесь: Средняя земля *(нем.)*.

13

Правители Валахии и Молдавии с XV в. до 1866 г.

14

... помощника стряпчего... – В британской юридической практике два вида адвокатов: стряпчий консультирует клиентов, подготавливает дела для барристера (выступающего в высших судах) и имеет право выступать в низших судах. *(прим. переводчика)*

15

Входите смело, по своей воле! – Стокер основывается на традиции, по которой дьявол может творить свои дела только с согласия «клиентов» (см. «Фауста» Гёте, «Кристабель» Колриджа). *(прим. переводчика)*

16

Хэмптон-Корт – дворец (XVI в.) с парком на берегу Темзы близ Лондона, королевская резиденция до 1760 г., ныне музей.

17

«Красная книга» – (название по цвету переплета) официальный

биографический справочник политических деятелей и государственных служащих; *«Синяя книга»* содержит документы значительного объема, изданные парламентом, например доклады комиссий, отчеты министерств. *(прим. переводчика)*

18

Альманах Уитакера – (по имени первого издателя Джозефа Уитакера) ежегодный справочник общей информации, издающийся с 1868 г. *(прим. переводчика)*

19

Ср.: Исх. 2: 22.

20

«Брэдшо» – (по фамилии первого издателя Джорджа Брэдшо) известный справочник расписания движения на всех железных дорогах Великобритании, издавался с 1839 по 1961 г. в Манчестере. *(прим. переводчика)*

21

... воинственный дух Тора и Одина… – Тор – один из главных богов германо-скандинавской мифологии, бог грома, бури, плодородия. *Один* – верховный бог в скандинавской мифологии, мудрец, бог войны. *(прим. переводчика)*

22

Берсерки – Берсерками (вероятно, от древнеисландского «медвежий мех») викинги называли воинов, которые во время боя

впадали в особый экстаз, увеличивающий силы и притупляющий боль. Согласно преданиям, берсерки могли принимать облик медведя и волка. *(прим. переводчика)*

23

Лангобарды – германское племя. Авары – племенной союз, в основном тюркоязычных племен.

24

Арпад – избранный наследник Аттилы, предводитель гуннов, ставший вождем венгерских племен. Первый князь (889–907) из основанной им династии Арпадовичей. *(прим. переводчика)*

25

Хонфоглалаш – дословно «Завоевание отечества» *(венгр.)*. Венгры, отожествлявшие себя с гуннами, считали, что, завоевав с Арпадом территорию позднейшей Венгрии, они лишь вернулись на родину. В 1896 г., когда Стокер работал над «Дракулой», в Венгрии торжественно отмечали тысячелетнюю годовщину Хонфоглалаша. *(прим. переводчика)*

26

...во времена «четырех наций»... – Имеются в виду населявшие Трансильванию народы: мадьяры, секлеры, германцы (в 1437 г. заключившие союз о взаимопомощи) и валахи. *(прим. переводчика)*

27

...позор Косова... – В сражении на Косовом поле (Южная Сербия,

1389) турецкий султан Мурад I разбил объединенное войско христиан; в 1448 г. там же потерпел поражение регент Венгерского королевства, воевода Трансильвании Янош Хуньяди, возглавивший движение сопротивления турецкому владычеству. *(прим. переводчика)*

28

...после крушения доблестного воеводы его недостойный родной брат продал своих людей туркам… – В 1462 г. Влада Цепеша сверг его брат Раду, которого современники обвиняли в предательстве и в противоестественной связи с турецким султаном Мехмедом II. *(прим. переводчика)*

29

...когда после Мохачской битвы было сброшено венгерское иго… – Битва 29 августа 1526 г. у г. Мохач (Венгрия) на правом берегу Дуная между войсками турецкого султана Сулеймана I и венгерского короля Лайоша II, закончившаяся поражением венгров, после которого значительная часть Венгерского королевства попала под власть Османской империи. *(прим. переводчика)*

30

Школа при одной из четырех основных лондонских юридических корпораций.

31

Один из древнейших городов Англии в графстве Девоншир, известен собором XII–XIV вв.

32

В Средние века разновидность мушкета; в XVI–XVII вв. – тяжелая пушка.

33

Шекспир У. Гамлет. Акт I, сц. 5. Перевод М. Загуляева.

34

...посмотрел в мою сторону взглядом василиска… – Василиск – мифологическое животное, ужасный взгляд которого поражал даже летящую птицу. Плиний описывал василиска как змея с короной на голове, позднейшие трактаты – полупетухом-полужабой. В 1587 г. варшавяне безуспешно преследовали существо, убившее двух девушек, которое они сочли василиском. *(прим. переводчика)*

35

...уподобитесь семи евангельским девам со светильниками. – Неточность: в Новом Завете упоминаются десять дев со светильниками: «Из них пять было мудрых и пять неразумных». Все десять, «взяв светильники свои, вышли навстречу жениху», но неразумные «не взяли с собою масла. Мудрые же, вместе со светильниками своими, взяли масла в сосудах своих… в полночь раздался крик: вот, жених идет, выходите навстречу». Неразумные были отвергнуты женихом, тогда как мудрые «вошли… на брачный пир, и двери затворились» (Мф. 25: 1–10). *(прим. переводчика)*

36

...фонографическая запись. – Фонограф – прибор для записи и воспроизведения звуков – был изобретен американцем Томасом А. Эдисоном в 1877 г., использовался в американской и английской медицине для записи историй болезни. *(прим. переводчика)*

37

Все римляне продажны *(лат.)*. Очевидно, доктор перефразирует историка Саллюстия (86 – ок. 35 до н. э.), писавшего в «Югуртинской войне» (гл. 35, абзац 10): «…если бы нашелся покупатель, город (Рим) был бы продан».

38

Умному достаточно слова *(лат.)*.

39

Титул отпрысков английских пэров.

40

Титикака – величайшее в мире высокогорное соленое озеро в Центральных Андах, на границе Перу и Боливии. *(прим. переводчика)*

41

Курортный городок на северо-востоке Англии, на берегу Северного моря; рыболовный порт.

42

...руины аббатства Уитби, некогда разоренного датчанами… – Аббатство Уитби возникло на основе монастыря Стреоншал, основанного в 658 г. королем Нортумбрии – Освы; весь этот край подвергся набегу датчан в 867 г. *(прим. переводчика)*

43

...описано в поэме «Мармион», в той ее части, где девушку замуровывают в стену. – В поэме В. Скотта «Мармион» (1808) Констанс де Беверли, влюбившись в храброго, но вероломного рыцаря Мармиона, нарушила монашеский обет, и бенедиктинцы замуровали ее в стену аббатства Уитби (основано в 658 г.). *(прим. переводчика)*

44

... в одном из окон порой наблюдают женщину в белом одеянии. – Призрак святой Хильды, дочери аббата, основавшего монастырь. Согласно легенде, она показывается с лампой в особо темные, штормовые ночи в северных окнах аббатства, чтобы моряки не сбивались с пути. *(прим. переводчика)*

45

...как бы по дешевке перехватить вещицу из гагата. – Гагат, или черный янтарь, – минерал, разновидность каменного угля, хорошо полируется, используется как украшение. Уитби славился как центр производства изделий из гагата. *(прим. переводчика)*

46

Армия спасения – религиозная филантропическая организация евангелического направления, основанная в 1865 г. в Лондоне Уильямом Бутом. По структуре напоминает армию: имеет офицеров и рядовых, все носят форму. *(прим. переводчика)*

47

Бердон-Сандерсон (1828–1905) – физиолог, который вместе с Дж. Р. Пейджем впервые измерил электрические импульсы, излучаемые сердцем. *(прим. переводчика)*

48

Джеймс Ф. Феррьер (1808–1864) – шотландский философ-метафизик, признававший единство познающего субъекта и познаваемого объекта, ввел в философию термин «теория познания». *(прим. переводчика)*

49

...виднеются фигурки людей, «проходящих, как деревья». – Мина цитирует Евангелие (Мк. 8: 22–24): «Приходит в Вифсаиду; и приводят к Нему слепого и просят, чтобы прикоснулся к нему. Он, взяв слепого за руку, вывел его вон из селения и, плюнув ему на глаза, возложил на него руки и спросил его: видит ли что? Он, взглянув, сказал: вижу проходящих людей, как деревья». *(прим. переводчика)*

50

Строка из «Поэмы о старом моряке» английского поэта-романтика С. Т. Кольриджа (1772–1834). Перевод Н. С. Гумилева.

51

Мортмейн (*лат.* – мертвая рука) – юридический термин, обозначающий неотчуждаемое право собственности какого-либо учреждения (церковного, благотворительного и пр.).

52

...стойкость его сравнима с верностью долгу юного Касабьянки... – Речь идет о тринадцатилетнем герое стихотворения (1827) Фелиции Хеманс, погибшем во время пожара на палубе, на своем посту, который он счел невозможным покинуть без приказа отца, не зная, что тот уже погиб. *(прим. переводчика)*

53

Употребляется для полировки камней и при литографировании.

54

Чаевые, взятка; приношение *(перс.)*.

55

Склянка – у моряков тридцать минут. Восемь склянок – четыре часа.

56

...насладиться прекрасной музыкой Шпора и Маккензи... – Людвиг *Шпор* (1784–1859) – немецкий композитор, скрипач, дирижер. Александр Кэмпбелл *Маккензи* (1847–1935) – британский композитор, скрипач. *(прим. переводчика)*

57

Своеобразный парафраз евангельского стиха: «Имеющий невесту есть жених, а друг жениха, стоящий и внимающий ему, радостью радуется, слыша голос жениха…» (Ин. 3: 29).

58

Джек Шеппард (1702–1724) – английский преступник, приговоренный к смерти. С помощью любовницы бежал, был вновь арестован; на него надели наручники, приковали к полу камеры в Ньюгейтской тюрьме, но он опять бежал, пробравшись через дымоход в камеру этажом выше, сумел пройти через пять запертых тюремных дверей, выйти на крышу и перебраться в соседний дом. Впоследствии был вновь арестован и казнен. *(прим. переводчика)*

59

Как все-таки Дизраэли знал жизнь! – английская поговорка, упоминающая Б. Дизраэли (1804–1881), английского писателя и политического деятеля, премьер-министра Великобритании в 1868 г. и в 1874–1880 гг. *(прим. переводчика)*

60

Дом Вестенра в Лондоне.

61

Шекспир У. Гамлет. Акт V, сц. 2. Перевод М. Лозинского.

62

Строки из стихотворения «У смертного одра» английского поэта Томаса Гуда (1799–1845). *Перевод М. Л. Михайлова*.

63

Следователь, производящий дознание в случаях скоропостижной

или насильственной смерти.

64

Строка из поэмы Дж. Г. Байрона «Гяур».

65

Имеется в виду Роттен-Роу – аллея для верховой езды в лондонском Гайд-парке.

66

Эллен Терри (1847–1928) – одна из самых выдающихся английских актрис XIX в., известная исполнительница ролей в шекспировских пьесах. *(прим. переводчика)*

67

Шарко Жан-Мартен (1825–1893) – французский врач, один из основоположников невропатологии и психотерапии. *(прим. переводчика)*

68

...Мафусаил прожил девятьсот лет, старый Парр – сто шестьдесят девять... – *Мафусаил* – в ветхозаветных преданиях один из праотцев человечества, прославившийся своим долголетием – 969 лет («мафусаилов век»). Томас *Парр* (1483(?)—1635) – легендарный английский долгожитель, известный как «старый Парр» (существует его портрет кисти Рубенса). Согласно британской легенде, вел очень разумный, праведный образ жизни и прожил бы вечно, если бы не злосчастная поездка в тлетворный Лондон. *(прим. переводчика)*

69

Мне довелось от одного американца слышать такое определение веры… – Видимо, имеется в виду Марк Твен, с которым Б. Стокер встретился до публикации «Дракулы» и обсуждал вопросы черной магии и колдовства, а в эпиграфе к XII главе написанной в Лондоне книги Марка Твена «По экватору» (1896) сказано: «Веровать – это верить в то, что не существует». *(прим. переводчика)*

70

Байрон Дж. Г. Дон Жуан. Песнь 5, строфа 139, строка 1112.

71

Неумерший *(рум.)*.

72

Парафраз евангельского текста: «Но Иисус сказал ему: никто, возложивший руку свою на плуг и озирающийся назад, не благонадежен для Царствия Божия» (Лк. 9: 62).

73

Официальное название Лондонского метро, первая линия которого была построена в 1863 г.

74

Латинские термины, обозначающие такие типы логических

ошибок, как «отсутствие причины» и «отсутствие следствия».

75

Хотя продажа некоего патентованного средства… – Имеются в виду так называемые пилюли Хьюза – широко рекламировавшееся в конце XIX в. «универсальное средство оздоровления человека путем очищения и обогащения крови». *(прим. переводчика)*

76

Буквальное значение слова «Трансильвания».

77

Многие тайны узнали они в школе дьявола в горах над Германштадтским озером… – Речь идет об особой школе, в которую, по преданию, единовременно принимали десять учеников. Сам дьявол обучал их тайнам природы, языку животных, магии. По окончании курса девять из них уходили домой, десятый, в порядке платы за обучение, оставался. Озеро, маленькое и очень глубокое, расположено высоко в горах, к югу от Сибиу (Германштадт). Согласно преданию, немцы, жившие около Германштадтского озера, происходили от детей, уведенных из Гаммельна легендарным Крысоловом. *(прим. переводчика)*

78

Аристократический клуб, располагавшийся в бывшем доме Уильяма Уиндема.

79

Знаменитые скачки трехлетних скаковых чистокровных лошадей, названы по имени их организатора лорда Дерби (1778).

80

Его принятие в состав Соединенных Штатов… – Техас вошел в состав США в 1845 г. *(прим. переводчика)*

81

…доктрина Монро отойдет в область политических преданий. – Речь идет о Декларации принципов внешней политики США, составленной госсекретарем Дж. Адамсом и провозглашенной пятым президентом США Джеймсом Монро (1817–1825) 2 декабря 1823 г. в ежегодном послании конгрессу: любая попытка европейских держав вмешаться в дела своих бывших колоний в Западном полушарии расценивалась как нарушение жизненных интересов США. Доктрина доминировала во внешней политике США в течение столетия. Ни одно государство не бросало открытого вызова ее положениям, но споры о ее законности продолжаются. *(прим. переводчика)*

82

…так, наверное, улыбался Мальволио… – Мальволио – персонаж комедии У. Шекспира «Двенадцатая ночь», напыщенный мажордом; он то и дело улыбается, следуя совету, полученному им в письме, как он думает, от якобы влюбленной в него хозяйки – Оливии. *(прим. переводчика)*

83

Psyche – 1) душа; 2) жизнь; 3) дыхание; 4) бабочка *(греч.)*.

84

Моя позиция по отношению к сугубо земным делам, пожалуй, аналогична позиции Еноха! – Ренфилд имеет в виду сказанное о Енохе в Ветхом Завете: «И ходил Енох пред Богом; и не стало его, потому что Бог взял его» (Быт. 5:24), видимо намекая на свой аналогичный альянс с дьяволом. *(прим. переводчика)*

85

Шекспир У. Гамлет. Акт III, сц. 4. *Перевод С. Степанова.*

86

Шекспир У. Король Лир. Акт III, сц. 4. *Перевод М. Лозинского.*

87

...обратились в контору «Ллойд»... – *Ллойды* – лондонская торговая династия; в конце XIX в. хозяева наиболее надежной страховой компании, где, в частности, можно было получить самые свежие новости о движении кораблей. *(прим. переводчика)*

88

... точил свой гуркхский кинжал... – Гуркхи (собств. непальцы) – группа консолидирующихся народов (кхасы, гурунги и др.), которые населяют Непал и Индию. Воины гуркхов пользуются традиционными кривыми ножами кукри. *(прим. переводчика)*

89

Норду и Ломброзо так бы его и определили. – Макс *Норду* (1849–

1923) – австрийский врач, литератор, автор скандального трактата «Вырождение» (1892–1893); Чезаре *Ломброзо* (1835–1909) – итальянский психиатр и криминалист, разработал концепцию физиологически-психического «преступного типа», предполагающую существование особого типа людей, биологически предрасположенных к преступлениям. Внешность Дракулы во многом имеет отличительные признаки «преступного типа» в описании Ломброзо. *(прим. переводчика)*

90

Деревянный или металлический рычаг для подъема или передвижения тяжестей на корабле *(гол.)*.

91

Известный лондонский театр, специализировался на постановках фарсов и мелодрам.

Спасибо за чтение!

Надеемся, что иллюстрации помогли вам глубже погрузиться в мир этого произведения.

—

ПОЛЕЗНЫЕ ССЫЛКИ

taplink.cc/chitai

По ссылке выше вы найдёте ресурсы, где мы выкладываем подобные работы бесплатно и способы поддержать проект если вам понравилось и вы хотите больше подобных книг.

—

Если вам понравилось это издание — поделитесь им с друзьями. Это поможет нам продолжать создавать иллюстрированные книги.